

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

На правах рукописи

Власова Елена Георгиевна
ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УРАЛА В ТРАВЕЛОГАХ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX В.

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор В.В. Абашев

Пермь – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4**Глава 1. Современные теоретико-методологические подходы к изучению литературных образов географического пространства..... 33**

1.1. Концепция локальных текстов культуры33

1.2. Изучение травелогов и понятие дорожного дискурса41

1.3. Литературное картирование в исследованиях локальных текстов.....52

Выводы по первой главе.....60

Глава 2. Литературное открытие Урала в травелогах конца XVIII – первой половины XIX в.63

2.1. У истоков образа Урала: путевые отчеты уральских академических экспедиций конца XVIII в.....63

2.2. Урал как фронтальное пространство в путевых очерках первой половины XIX в.....79

2.3. Эволюция образа евро-азиатской границы в уральских травелогах XIX в.....88

2.4. Урал и Биармия в «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П.И. Мельникова-Печерского104

2.5. Маршрут путешествия и образ Урала в путевых очерках Е.А. Вердеревского.....121

Выводы по второй главе.....128

Глава 3. Урал в геопанораме России 1870–1890-х гг.131

3.1. Формирование образа горнозаводского Урала в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал».....132

3.2. Образы уральских территорий в путевых очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка.....157

3.3. Экфрасис как прием изображения пространства в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка172

3.4. Колористические маркеры природных и городских ландшафтов Урала в травелогах XIX в.....181

Выводы по третьей главе.....195

Глава 4. Образ Урала в травелогах конца XVIII – начала XX в. и способ путешествия198

4.1. Образ Урала в описаниях гужевых путешествий конца XVIII – начала XX в.....198

4.2. Образ Урала в описаниях сплава по уральским рекам конца XVIII – начала XX в.....202

4.3. Образ Урала в пароходных травелогах второй половины XIX – начала XX в.....212

4.4. Образ Урала в железнодорожных травелогах конца XIX – начала XX в.....221

Выводы по четвертой главе.....229

Глава 5. Урал в газетных травелогах конца XIX – начала XX в.....231

5.1. Особенности изображения Урала в газетных травелогах: на материале путевых очерков С.А. Кельцева231

5.2. Средний Урал в травелогах уральских журналистов и писателей конца XIX – начала XX в.....238

5.3. Образ Перми в жанре городских прогулок конца XIX – начала XX в...249

Выводы по пятой главе.....255

Глава 6. Образ Урала в путеводителях и на почтовых открытках конца XIX – начала XX в.....257

6.1. Нарративы в уральских путеводителях конца XIX – начала XX в.....257

6.2. Визуальные доминанты Урала в путеводителях и на почтовых открытках конца XIX – начала XX в.271

6.3. Образы Урала в репортажных фотографиях конца XIX – начала XX в. ...292

Выводы по шестой главе.....301

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 304

Список источников..... 313

Список литературы..... 325

Список публикаций, в которых отражены основные положения диссертации 364

ВВЕДЕНИЕ

Как от места к месту на протяжении полутора столетий шло литературное освоение Урала, как менялись ракурсы взгляда на ландшафт региона и художественная оптика его описаний, как постепенно образ горной страны вписывался в литературную геопанораму России – вот вопросы, ответы на которые мы ищем в настоящем исследовании, обращаясь к обширному и малоизученному массиву очерков путешествий по Уралу от середины XVIII до начала XX в.

Травелоги сыграли особую роль в становлении уральской литературы, оставаясь по крайней мере до выхода книги «Кама и Урал» (1890) В.И. Немировича-Данченко и «Уральских рассказов» (1888-1889) Д.Н. Мамина-Сибиряка основным жанром описания региона. Влияние путевой очеркистики на развитие литературного образа Урала продолжало сказываться на всём протяжении дореволюционной истории уральской литературы. Учитывая первопроходческий характер путевых описаний и продолжительность их влияния на формирование представлений об уральском пространстве, травелоги можно назвать авантекстом¹ в общем процессе формирования литературного образа Урала.

Актуальность работы по изучению уральских травелогов определяется как общими социокультурными факторами, так и современными задачами изучения истории русской литературы. Социокультурная актуальность исследования определяется высокой востребованностью и значимостью гуманитарных, в том числе литературоведческих, исследований образно-символических ресурсов российских регионов в контексте экономических, социальных и культурных проблем их пространственного развития. Представленный в диссертации

¹ В том понимании, которое предложила Т.В. Цивьян, которая, оттолкнувшись от фольклористского понимания авантекста, уточнила его содержание и применила для анализа авторского произведения: «Любой авантекст изначально обладает некоторой структурой, в основе которой лежит ММ (модель мира – прим. Е. В.)». Цивьян Т.В. Модель мира и её роль в создании (аван)текста. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/tcivian2.htm> (дата обращения: 30.04.2024).

анализ путевой словесности, обширные пласты которой оставались вне поля изучения, позволяет более полно проявить и актуализировать образно-символический потенциал уральских территорий. В историко-литературном отношении системное изучение уральских травелогов обогащает понимание регионального литературного процесса. В теоретическом плане исследование путевой очеркистики позволяет выявить роль экстралитературных факторов в развитии литературы.

Гипотезу исследования можно сформулировать в двух тезисах. Во-первых, мы предполагаем, что травелоги послужили тем жанром словесности, в котором началось формирование литературного образа Урала. В путевых очерках и заметках конца XVIII – начала XX в. складывались первые геопозитические значения уральского пространства, закрепившиеся в общекультурных представлениях об Урале. Во-вторых, на формирование образа Урала влияли как жанрово-тематические особенности травелогов, так и те социокультурные факторы, которые определяли производство и бытование путевых текстов. Поскольку травелоги относятся к документальным жанрам и связаны с определенным видом социокультурной практики, т.е. путешествием, среди основных факторов, влияющих на их производство, оказывается способ передвижения, а его, в свою очередь, определяет состояние путей и средств сообщения. Способ передвижения задает физико-географические (направление и маршрут) характеристики пространства, представленного в травелогe, и определяет чувственные (тактильные, звуковые, зрительные, кинестетические) особенности его восприятия. Среди ключевых социокультурных факторов нужно также различать коммуникативную установку, связанную с характером сферы распространения травелогов. Перечисленные факторы обладают текстопорождающими функциями и определяют характер образов уральского пространства, созданных в травелогe.

Цель исследования состоит в характеристике символических значений и образных репрезентаций уральского пространства, сложившихся в травелогах конца XVIII – начала XX в.

В связи с этой целью в диссертационной работе решаются следующие **задачи**:

1. Представить уральские травелоги конца XVIII – начала XX в. в качестве первоначального периода литературного освоения Урала. Показать влияние жанровых особенностей травелогов на формирование уральского текста русской культуры.
2. Выявить основные этапы развития путевого образа Урала в травелогах конца XVIII – начала XX в. Дать характеристику повторяющихся значений и образов уральского пространства, сложившихся на этих этапах, а также показать их эволюцию в перспективе формирования уральской геопоэтики.
3. Обосновать влияние экстралитературных факторов создания и бытования травелогов: способа путешествия и сферы распространения путевых текстов – на литературные репрезентации Урала.
4. Ввести понятие дорожного дискурса и показать формирование разных дорожных дискурсов в истории уральского травелога конца XVIII – начала XX в.
5. Представить значение маршрута путешествия как конструирующего и смыслообразующего элемента травелога.
6. Выявить разновидности уральских травелогов XIX – начала XX в., связанные со сферой их бытования и распространения.

Материалом исследования послужил массив путевых текстов, который открывается отчетами академических экспедиций конца XVIII в., продолжается в писательских и журналистских путевых очерках XIX в. и завершается массовыми газетными травелогами и путеводителями начала

XX в. Всего было изучено более 140 произведений, общий объем которых превышает 12 000 страниц.

Изучение путевой очеркистики как важной части развития русской литературы имеет устойчивую научную традицию [Гуминский 1978, Михайлов 1999, Решетова 2006, Иванова 2010 и др.]. В.А. Михайлов, обращаясь к истории формирования жанра, отмечает, что «еще в прошлом веке очевидность существования “путешествия” как жанра не вызывала у читателей и писателей никаких сомнений: И.М. Борн в “Кратком руководстве к российской словесности” (СПб., 1808) дает первую жанровую дефиницию: “Путешествия суть истинные повествования о случившихся со странствовавшим приключениях в разных частях света, с естественными описаниями виденных стран”» [Михайлов 1999: 4]. Понимание путешествия как особой разновидности литературы, ставшее классическим для современных исследований путевой прозы, было представлено В.М. Гуминским: «Путешествие – литературный жанр, в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о чем-либо, в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров. Помимо собственно познавательных, путешествие может ставить дополнительные – эстетические, политические, публицистические, философские и другие задачи» [Гуминский 1978: 314]. В нашей работе путевые тексты рассматриваются в обозначенной научной парадигме – как жанр документальной литературы, занимающий свое место в общем историко-литературном процессе.

Первоначальное знакомство западной культуры с Уралом и Сибирью, по точному замечанию академика М.П. Алексева, представляло собой «историю борьбы легендарной традиции с наблюдением и опытным исследованием» [Алексеев 1941: XVIII]. Античные и средневековые авторы, чьи свидетельства об Урале носили мифологический характер, передавали услышанные ими рассказы о таинственных северных народах,

обитающих возле Рифейских гор. Необходимость в «наблюдениях и опытных исследованиях» появилась в период горнозаводского освоения Урала. Для этого в конце XVIII в. Российская академия наук направила на Урал несколько экспедиций по изучению природных ресурсов и производственного потенциала региона. В результате в свет вышли подробные путевые дневники И.И. Лепехина, П.-С. Палласа, Н.П. Рычкова и И.-П. Фалька, возглавлявших уральские экспедиции². Их труды и положили начало литературно-документальному знакомству русского читателя с Уралом.

Первые собственно литературные репрезентации Урала состоялись в путевой публицистике писателей и журналистов XIX в.: это очерки, заметки и письма Ф.Ф. Вигеля (1805, 1806), А.И. Герцена (1835), П.И. Мельникова-Печерского (1838–1839), П.И. Небольсина (1846), В.Е. Вердеревского (1853), Ф.М. Достоевского (1850, 1859), П.А. Кропоткина (1862), В.И. Немировича-Данченко (1875), Д.Н. Мамина-Сибиряка (1880-1890-е гг.), И.С. Левитова (1882), К.М. Станюковича (1885), С.А. Кельцева (1887), Е.Ф. Шмурло (1889), Н.Д. Телешова (1894), А.П. Чехова (1890, 1901, 1902), В.А. Поссе (1907) и др.

Среди травелогов XIX в. особое место занимают путевые очерки В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка. В них Урал впервые получает целостное описание в качестве самобытного горнозаводского региона. В этих очерках, построенных на сочетании внимательного

² Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 1–4. СПб.: при Имп. акад. наук, 1771–1805. Ч. 1. 1771; Ч. 2. 1772; Ч. 3. 1780; Ч. 4. 1805; Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи [пер. с нем.]. СПб.: при Имп. акад. наук, 1773–1788. Ч. 1. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. 1773; Ч. 2. Кн. 1. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 г. 1786; Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг. СПб.: при Имп. акад. наук, 1770–1772. Т. 1. 1770. Т. 2. 1772; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академиею наук, по предложению ее президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. СПб.: при Имп. акад. наук, 1818–1825. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. 1824. 546 с.; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академиею наук, по предложению ее президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. СПб.: при Имп. акад. наук, 1818–1825. Т. 7. Заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам путешествия академика Фалька. 1825. 224 с.

наблюдения и яркого художественного обобщения, складываются основные элементы уральской геопоэтики.

Благодаря общему интересу к туристическим поездкам и развитию массовой, в том числе провинциальной, печати на рубеже XIX–XX вв. формируются постоянные путевые отделы региональных газет и журналов. В нашем исследовании были рассмотрены путевые очерки и заметки, которые печатались в газетах «Пермские губернские ведомости», «Пермские епархиальные ведомости» и «Пермская земская неделя» в конце XIX – начале XX в. Среди авторов этих публикаций – журналисты и писатели Н.П. Белдыцкий, Н.М. Чукмалдин, В.Я. Кричевский, Ф.А. Мейер, А.Н. Скугарев, С.С. Геммельман, Н. Прус и др. Кроме того, массив публикаций местных авторов включает цикл очерков пермского писателя А.А. Городкова «Кама» в московском журнале «Светоч и дневник писателя».

В связи с развитием массового туризма на рубеже XIX–XX вв. начинается выход путеводителей по Уралу. Ведущим автором и издателем уральских путеводителей был журналист В.А. Весновский. Нами изучены его путеводители 1899–1910-х гг.³

Визуальным материалом исследования послужили фотографические виды Урала конца XIX – начала XX в., представленные в путеводителях и на почтовых открытках. Нами были проанализированы серии видов Урала екатеринбургского фотографа В.Л. Метенкова (последняя известная открытка отмечена 726 номером), а также серия уральских фотографий

³ Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1904; Весновский В.А. Путеводитель по Уралу. Издание первое. Екатеринбург: Типография ежедневной газеты «Урал», 1899; Весновский В.А. Весь Екатеринбург: справочник-ежегодник: с планом города Екатеринбурга. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1903; Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник. Челябинск: Типография Л.Б. Бреслиной, 1909; Весновский В.А. Исторические памятники в Пермской губернии: извлечено из Адрес-календаря Перм. губ. за 1915 г. Пермь: Тип.-лит. Губ. правл., 1915; Весновский В.А. Кунгурская ледяная пещера. Пермь: Издание Пермского общ-ва краеведения, 1926; Весновский В.А. Путеводитель по Западно-Уральской железной дороге. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1912; Весновский В.А. Спутник туриста по Уралу. Путеводитель по курортам Урала. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1902; Весновский В.А. Спутник туриста по Уралу. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1902 и др.

С.М. Прокудина-Горского (271)⁴. Кроме того, были рассмотрены фотографические иллюстрации в изданиях Русского географического общества – «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (Приуральский край, 1901) и «Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей» (Урал и Приуралье, 1914). Видовые фотографии интересны в качестве репрезентаций тех устойчивых представлений об Урале, которые сформировались под влиянием литературной традиции.

Теоретико-методологическая основа исследования строится на соединении историко-литературного метода, структурно-семиотического исследования пространства, дискурсивного анализа литературного текста и литературного картирования. Кроме того, в своей работе мы опирались на представление о травелоге как метажанре.

Термин «травелог» в отечественной традиции получил широкое распространение благодаря книге А. Эткинда «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах» [Эткиндр 2001]. Не останавливаясь специально на определении самого термина, исследователь использовал его как общее название путевых произведений разных жанров. Травелогами А. Эткиндр называл любые произведения «литературы о путешествиях, подлинных или выдуманных» [Эткиндр 2001: 52]. До этого времени отечественные исследователи чаще всего использовали понятия «путевой очерк» и «литература путешествий», то сужая, то расширяя объект изучения. Современные исследователи признают тот факт, что, несмотря на очевидный интерес к жанру травелога, общепринятого понимания его специфики не сложилось. Так, до сих пор нет единого мнения об объекте путевого описания: может ли им стать вымышленное путешествие или травелогом можно называть тексты, написанные исключительно по следам

⁴ Урал. Отдел III. Пермь [Электронный ресурс] // Открытый исследовательский проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского»: сайт. URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/album.php> (дата обращения: 30.04.2024).

реальной поездки. Один из самых влиятельных теоретиков травелога Е.Р. Пономарев вынужден констатировать, что в современной науке параллельно существуют оба подхода к пониманию содержательной специфики травелога. В нашем исследовании мы будем придерживаться предложенного Е.Р. Пономаревым определения травелога как метажанра, «в котором параллельно разворачиваются *реальное передвижение* (курсив мой – Е.В.) в пространстве и нарратив об этом передвижении» [Пономарев 2020]. Отметим, что метажанр понимается исследователем как «промежуточный термин между жанром и литературным родом»: «Мы предлагаем использовать “метажанр” в тесной связи с термином “метатекст” (в понимании А. Вежбицкой⁵). С одной стороны, метажанр по ряду признаков напоминает традиционный жанр – выделяемый согласно предмету изображения, семантической емкости материала, его организации, определенной (оценочной) позиции по отношению к миру. С другой же, путешествие, в силу своей структурной свободы, перерастает жанровые границы, вбирает в себя те или иные жанры – точнее, пользуется ими по своему усмотрению – и разрастается до небольшой самостоятельной “литературы”, располагающейся на грани художественного и нехудожественного, искусства и неискусства» [Пономарев 2014: 13].

Принимая это определение в качестве основного ориентира, уточним наше понимание жанровых границ травелога в опоре на концепцию полевой структуры жанра, которая сложилась в рамках дискурсивного анализа текстов. Жанровое поле любого жанра, и тем более метажанра, имеет ядро и периферию [Федосюк 1997; Карасик, Бейлинсон 2010]. Важным параметром полевой структуры является неравномерность и аттракция, т. е. возможность включения в уже существующую группу с общим признаком новых элементов с таким же признаком [Савочкина 2021]. Появившиеся под влиянием определенных социокультурных обстоятельств диффузные

⁵ Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 403

образования могут стать маркерами общих изменений в жанровом поле. Так, жанровым ядром российских травелогов в XIX в. становится путевой очерк, в котором активно представлены научные и документальные описания: исторические, географические и этнографические сведения, экономическая статистика, описание производственных процессов. Постепенно внимание авторов и публики смещается от историко-культурной ретроспективы к репортажной детализации и образным оценкам. Этому способствуют развитие массовой газетной периодики и попадание травелогов в сферу ежедневной информационной повестки. В конце XIX – начале XX в. традиции отечественного травелога преломляются в новом жанре массовой печати – путеводителях [Руцинская 2014]. Туристические путеводители активно включают в свой состав очерковые материалы и в целом ориентируются на содержательные и структурные элементы путевого очерка. Рассмотрение путеводителей как одного из синтетических форматов травелога представляется важным для изучения истории российской путевой словесности.

Структурно-семиотический подход к изучению пространства, представленный в работах В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, В.В. Абашева, Н.Е. Меднис [Лотман 1965, 1984, 1993, 2000; Топоров 1983, 1984, 2003; Иванов 1986; Абашев 2000; Меднис 1999, 2003] и др., позволяет рассмотреть уральские травелоги в перспективе формирования локального – уральского – текста культуры. Обращение к феномену локального текста представляется продуктивным методологическим основанием исследования. Наряду с понятием локального текста будет использоваться другое значимое для структурно-семиотических исследований пространства понятие – «геопоэтика» [Абашев 2008, 2012; Беженару 2019; Гаврилина 2015; Гаврилина 2016; Галимова 2012; Кораблев 2015; Люсый 2017; Сид 2015; Уваров 2011; Ширина 2014; Александрова-Осокина 2020]. Использование геопоэтического подхода к изучению травелогов позволит решить основную задачу исследования: характеристика уральских

травелогов как литературных источников, которые подготовили формирование символических значений уральского пространства, а затем способствовали их утверждению и развитию.

Характеристика геопоэтических элементов уральского пространства проводится нами в опоре на понимание травелога как специфического дискурса⁶, что заставляет учитывать не только внутренние, но и экстралитературные условия его бытования. В частности, актуальными становятся классификации травелогов, связанные со статусом путешественника, его целеполаганием, бэкграундом, природно-географическими факторами и т. д.⁷

В намеченном поле подходов нас прежде всего будет интересовать связь травелога со способом путешествия, т. е. спецификой средства и пути передвижения, которые определяют особенности телесного контакта с пространством. Значимость этого аспекта отмечается в отдельных исследованиях травеложной литературы. Так, Сидони Смит в книге «Жизнь в движении» называет средство передвижения «окуляром, поставленным между сознанием путешественника и посещаемыми странами» [Цит. по: Пономарев 2014: 28].

В российских исследованиях травелогов к близкой проблематике обращаются Е.Г. Милюгина и М.В. Строганов [Милюгина, Строганов 2013]. Однако, обозначая наличие разных видов путешествий по отношению к способу передвижения, исследователи не связывают их с особенностями отражения пространства в тексте травелога, что, на наш взгляд, является важнейшей задачей в изучении данной разновидности текстов. В целом ни в западной, ни в отечественной науке проблема влияния способа передвижения на образ создаваемого в травелоге пространства предметом

⁶ Дискурс понимается в «когнитивно-ориентированной традиции» его изучения [Ерофеева, Кудлаева 2003: 33], которая восходит к идеям Ван Дейка [1989], т. е. как речь (в нашем случае – литературные репрезентации), взятая в совокупности с экстралингвистическими факторами.

⁷ Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий / Тверь. гос. ун-т. Тверь, 2013. 176 с.

специального рассмотрения не стала.

Способ путешествия как дискурсивный фактор травелога рассматривается нами в связи с теорией коммуникации М. Маклюэна и пониманием средства коммуникации как медиа [Маклюэн 2003: 9]. В поле филологических изысканий взаимосвязь средства коммуникации и характера его описания впервые отметили исследователи «железнодорожной поэзии» конца XIX – начала XX в. [Флакер 2001; Ковалева 2009]. Взаимодействие способа путешествия и восприятия пространства показано в опоре на понимание телесности и видения как социокультурных феноменов (А. Бергсон, М. Мерло-Понти, П. Бурдьё, М. Ямпольский, Д. Крэри, J. Urry, J. Larsen, А.В. Лебедева).

Обозначенный аспект дискурсивного анализа методологически связан с когнитивным подходом к исследованию дискурса (Т.А. Ван Дейк, У. Чейф, А.Е. Кибрик, А.А. Кибрик)⁸ и прежде всего с той группой исследований, которая касается процесса построения дискурса. В этом отношении основными теоретико-методологическими понятиями нашего исследования становятся дискурсивный фактор [Кибрик 2003: 4–5], который трактуется как элемент социокультурного (обстоятельства, сфера деятельности, роли участников, социальные отношения) и когнитивного (цели, идеология, знания) контекстов автора травелога, оказывающий конструирующее влияние на формирование образа пространства, а также дискурсивные референты [Там же] – элементы художественного целого травелога, которые маркируют особенности восприятия пространства под влиянием дискурсивных факторов. Прежде всего, это средства создания путевого хронотопа: пейзаж, время, система персонажей, сюжет и композиция, детали.

⁸ Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / под ред. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316; Van Dijk Т.А. Some aspects of text grammars. The Hague: Mouton, 1972.; Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / ed. Т.А. Van Dijk. Vol. 1, 2. London: Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1997; Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М.: Изд-во РАН. Институт языкознания, 2003. 90 с.

При анализе дискурсивных референтов выявляются повторяющиеся в тексте травелогов значения и образы пространства. Релевантность такого подхода к анализу литературного произведения обосновала Е.Н. Шапинская⁹ [Шапинская 2017]. Среди выявленных референтов будут определены дискурсивные доминанты в представлении образа пространства, соответствующие конкретным социокультурным и когнитивным контекстам. Дискурсивные доминанты позволят выявить устойчивые значения, формирующиеся в образе пространства в связи с изменением социокультурного и когнитивного контекстов, и, как следствие, динамику образа уральского пространства. Тем самым исследование выстраивает связи между дискурсивными факторами путешествия, художественными приемами травелога, которые представляют образ пространства, и ключевыми значениями пространства.

Помимо способа передвижения дискурсивными факторами травелога являются географические параметры путешествия. Для обоснования этого положения мы обратились к методам литературного картирования, которые разрабатываются сегодня в сфере литературной географии, ставшей одним из проявлений так называемого «пространственного поворота» культуры. Труды Анри Лефевра, И-Фу Туана, Мишеля Фуко, Мишеля де Серто, Дэвида Харви и Эдварда Соджи¹⁰, в которых были представлены основные идеи «пространственного поворота» (spatial turn), предложили новую перспективу гуманитарных исследований, основанную на понимании

⁹ Опираясь на идеи социальной критики Анжено и Дюше, Е.Н. Шапинская отмечает, что литературный текст может быть рассмотрен как «социотекст» – «как языковой факт, имеющий место в рамках социального целого, зависящий от условий своего производства, интердискурсивный по своему положению и историчный по своим прочтениям» [Дюше 1995: 132]. Это утверждение дает основание говорить о том, что «каждое произведение предстает, таким образом, одновременно как ограниченное своей темпоральностью и универсальное с точки зрения наличия в нем итерации, способности к переходу из одного текста в другой, не зависящей ни от условий производства, ни от исторического прочтения» [Шапинская 2017].

⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 402 с.; Tuan Yi-Fu. Topophilia. Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1974. 260 p.; Tuan Yi-Fu. Space and Place: the Perspective of Experience. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977. 235 p.; Lefebvre H. Production of space. Oxford: Blackwell, 1991, 450 p.; Harvey D. Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development. London: Verso, 2006. 154 p.; Soja E.W. Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden; MA; Oxford; Melbourne; Berlin: Blackwell Publishing, 2000. 440 p.; Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Oxford: Basil Blackwell, 1996. 334 p.

ключевой роли социокультурных факторов в конструировании пространства. Литературная география стала одной из сфер применения этих идей в исследованиях литературы.

Опыты географизации литературных произведений и процессов предпринимались еще в начале XX в. Так, первые опыты литературного картирования в европейской науке связывают с именем Уильяма Шарпа (Литературная география, 1904), в отечественной гуманитаристике – С.А. Золотарева (Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы и историко-литературная карта России (1661–1904), 1916). Но нарастающая волна внимания к этой проблематике и вовлечение в ее исследование больших научных коллективов происходит в течение трех последних десятилетий¹¹.

В сфере современной литературной географии сформировались три крупных тематических направления: изучение литературно-географического пространства, литературных мест и литературное картирование [Морозова 2020]. Последнее направление¹² является наиболее перспективным для нашего исследования, поскольку предполагает наложение литературного текста на карту, а значит, соединяет в себе изучение литературно-географического пространства и литературных мест в их привязке к реальной географии. Образы пространства, представленные травелогом, в силу документального характера их появления теснее других литературных образов связаны с географическими особенностями

¹¹ Публикующим центром нового научного направления стал журнал «Literary Geographies», основанный в 2015 г. Используя plural, редакторы журнала намеренно подчеркнули множественность подходов к определению предмета, методов, корпуса понятий и целей этого нового и пока не устоявшегося в своих границах и концептуальных основаниях поля гуманитарных исследований [Editorial 2015: 1]. В 2022 г. вышла первая монография, обобщившая текущий опыт развития новой литературной географии – Hones Sh. *Literary Geography*. NY: Routledge, 2022. 200 p. В ней также отмечается, что междисциплинарность литературной географии приводит к разнообразию «целей и методов» [Hones 2022].

¹² В западных исследованиях используется несколько названий этой области литературной географии: «New Literary Geography», «Literary Mapping» или «Literary Cartography» [Mapping Literature 2016]. Среди крупных литературных проектов последнего времени можно назвать цифровые карты «Mapping the Lakes» Ланкастерского университета (Великобритания), «Literary Atlas of Europe» Института картографии Федерального технического университета в Цюрихе, «Mapping Emotions in Victorian London», «Mapping the Republic of Letters» Литературной лаборатории Стэнфорда, «Живые страницы» по творчеству Л.Н. Толстого Школы лингвистики НИУ ВШЭ.

местности, которая становится предметом наблюдения путешествующего литератора. Сопоставление наблюдений с реальным пространством открывает новые возможности для интерпретации путевого текста и литературных образов пространства, созданных в нем.

Степень разработанности темы. Давая характеристику исследований, связанных с темой нашей работы, нужно выделить два наиболее значимых научных поля: изучение образа Урала в путевых текстах XVIII – начала XX в., а также характеристика локальных образов других территориальных единств, представленных в путевых текстах.

Обращение к путевой очеркистике как важному источнику для изучения уральской литературы имеет давние традиции. Они были заложены в 20–30-х гг. XX в., когда на Урале под влиянием общего интереса к проблемам регионалистики (Н.К. Пиксанов, И.М. Гревс, П.Н. Сакулин, Н.П. Анциферов) начали появляться научные центры по изучению региональной культуры. Ярким представителем нового научного направления стал профессор Пермского университета, заведующий кафедрой русской литературы П.С. Богословский (1890–1966). Деятельность П.С. Богословского и созданного им Кружка по изучению Северного края впервые обозначила самостоятельность краеведческих исследований в контексте местных научных интересов, определила круг проблем и заложила основы систематической собирательной работы. До сих пор эти материалы являются одним из основных источников по дореволюционной истории уральской литературы и журналистики¹³.

К сожалению, региональные исследования в конце 1930-х гг. были свернуты. Изучение уральской темы было продолжено в монографических исследованиях, посвященных крупным региональным писателям, прежде

¹³ Богословский П.С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 16–29; Богословский П.С. Пермский край в историко-литературном отношении // Экономика. 1925. № 3. С. 54–59; Богословский П.С. Сибирские путевые записки Радищева: их историко-культурное и литературное значение // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 1–28.

всего Д.Н. Мамину-Сибиряку. Путевые очерки Мамина-Сибиряка попадали в поле зрения исследователей, поскольку являлись важной частью творческой биографии писателя¹⁴.

Формирование устойчивого интереса к проблемам регионалистики приходится на 90-е гг. прошлого века. Систематическое изучение материалов периодики, в том числе путевых текстов, в литературной истории Урала впервые было реализовано Лабораторией литературного краеведения, созданной под руководством В.В. Абашева в Пермском государственном университете в 1992 г.¹⁵ В своей монографии «Пермь как текст» В.В. Абашев обращается к уральской путевой очеркестике XIX в. как одному из литературных источников, который оказал влияние на формирование образа Перми [Абашев 2000]. Кроме того, В.В. Абашев посвятил несколько статей путевым очеркам В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка¹⁶, обозначив их первоначальную роль в формировании уральской геопэтики.

Другой крупный исследовательский центр по изучению уральской литературы сложился в Институте истории и археологии Уральского отделения Академии наук РФ в Екатеринбурге. Под руководством Е.К. Созиной, которая смогла объединить ведущих исследователей уральской литературы, с 2005 г. реализуется программа по подготовке

¹⁴ Дергачев И.А. Книги и судьбы: Страницы литературной жизни Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 207 с.; Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк: личность, творчество. 2-е изд. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 333 с.; Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 221 с.; Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х годов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. VII, 282 с.

¹⁵ В результате этих исследований, проводившихся в течение 1990–2000-х гг., были защищены несколько диссертаций: Е.Г. Власова «Уральская стихотворная фельетонистика конца 19 – начала 20 в.» (2001), А.А. Сидякина «Литературная жизнь Перми 1970–80-х гг.: История поэтического андеграунда» (2001), Т.Н. Масальцева «Литературная критика газеты “Пермские губернские ведомости”: 1890–1917 годы» (2006), И.М. Печищев «Конструирование имиджа территории в Пермской периодике: 1996–2006 гг.» (2008).

¹⁶ Абашев В.В. К истории геопэтики Урала: очерки Вас. Ив. Немировича-Данченко // Литература Урала: история и современность: сб. ст. V Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 08–09 октября 2009 г. Вып. 5. / Уральский государственный университет. Екатеринбург, 2010. С. 192–200; Абашев В.В. «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках Вас. И. Немировича-Данченко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 67–78; Абашев В.В. Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас. И. Немировича-Данченко и Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2016. № 1(50). С. 25–31.

академического издания «История литературы Урала». В рамках этой программы проведено более 20 научных конференций и семинаров, выпущено несколько тематических монографий¹⁷ и три тома «Истории литературы Урала»¹⁸. Второй том «Истории литературы Урала» включил раздел «Урал в записках путешественников. Литературное освоение региона в путевой прозе XIX века» [История литературы Урала 2020: 515–610], который обобщил результаты исследований дореволюционной путевой прозы Урала, полученные на текущий момент. Редактор раздела К.В. Анисимов, исследователь из Красноярского университета, сосредоточен на характеристике идеологических контекстов уралосибирских тревелогов и влиянии этих контекстов на восприятие пространства. Кроме того, исследователь рассматривает изменения в художественно-повествовательной динамике путевых очерков, связывая их с общими литературными установками эпохи. Заметим, что научные интересы ученого лежат в сфере изучения сибирского текста русской культуры, поэтому в исследованиях уральских тревелогов основное внимание уделено взаимодействию образов уральского и сибирского пространства.

Томская исследовательница И.А. Айзикова, занимающаяся темой переселения в Сибирь в русской литературе XIX в.¹⁹, представила характеристику уральского пространства в путевых очерках сибирских

¹⁷ Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв.: коллективная монография / отв. ред. Е.К. Созина / УрО РАН. Екатеринбург: Издательский дом «Союз писателей», 2006. 334 с.; Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография / под общ. ред. Е.К. Созиной, Т.А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 424 с.; Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / науч. ред. Т.А. Снигирева, Е.К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 556 с.; Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / отв. ред. акад. В.В. Алексеев; УрО РАН. Екатеринбург, 2010. 552 с.; Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка и современный мир: монография. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2024. 406 с.; П.П. Бажов в меняющемся мире: монография / М.А. Литовская, Е.К. Созина, Е.Е. Приказчикова [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 261 с.

¹⁸ История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / гл. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.; История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. Кн. 1. 664 с. Кн. 2. 768 с.

¹⁹ Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 266 с.

переселенцев. Автора этой части раздела о травелогах интересует «эволюция темы переселенчества в урало-сибирской и столичной литературах, развитие их культурного диалога и фронтальной ситуации в данной сфере» [История литературы Урала 2020: 587].

В раздел были включены также материалы данного исследования. В основном они посвящены становлению образа уральского пространства в связи с особенностями цели и маршрута путешествия. В целом авторами раздела были даны характеристики основных имагологических, идеологических и повествовательных особенностей уральских травелогов XIX в. Отметим при этом, что задачи целостного рассмотрения образа уральского пространства в этом коллективном исследовании не ставились.

Близкие нашей работе пространственные аспекты представлены в современных исследованиях путевых очерков Д.Н. Мамина-Сибиряка²⁰. Среди них выделим исследования Ю.В. Клочковой и А.В. Мельниковой, которые обратились к характеристике семиотических особенностей уральского пространства, сложившихся в творчестве писателя.

Обзор исследований, связанных с изучением образа Урала в путевой очеркистике XIX в., показал формирование устойчивого интереса к пространственным аспектам уральского травелога. Однако целостного описания уральских травелогов как источника для изучения образа уральского пространства до сих пор не предпринималось.

В то же время исследования травелогов как важной части местного литературного процесса уже проводились нашими коллегами из других регионов. Одно из первых систематических описаний локальных травелогов было представлено в диссертационном исследовании Т.Д. Савченко

²⁰ Клочкова Ю.В. Образ Екатеринбурга/Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2006. 24 с.; Девятайкина Г.Л. Поэтика пространства и топонимический код в уральской прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка: автореф. дис. ... канд. филол. наук; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2009. 23 с.; Кунгурцева Н.А. Типология пространства в раннем творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка (1875–1882): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.; Мельникова А.В. Уральский ландшафт в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка первой половины 1880-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1–2. С. 190–193.

«Литература путешествий о Кавказе второй половины XX века» [Савченко 2009]. Автор исследования подчеркнула, что научная новизна работы связана с обращением к проблемам «взаимодействия культуры и географического пространства» [Савченко 2009]. Эта проблематика представлена на материале символических образов геокультурного ландшафта Кавказа, в ходе анализа которых отмечено преобладание знакового характера образов пространства и выявлены две разновидности образов: «это объекты географического ландшафта (первозданная природа, горы, реки, камни), с одной стороны, и феномены культурного ландшафта (храм, еда, язык) – с другой» [Савченко 2009].

Близкие нашему исследованию подходы к анализу локальных травелогов были представлены Е.Г. Милюгиной и М.В. Строгановым в монографии «Русская культура в зеркале путешествий». В своем исследовании авторы ставят масштабную теоретическую задачу по разработке «методологии исследования травелогов с разных точек зрения: исторических, ландшафтных, социокультурных, телеологических, текстуальных» [Строганов, Милюгина 2013: 8] – в связи с изучением «образа Твери и Тверского края в исторической ретроспективе и пространственной динамике, в движении системы ценностей» [Там же]. Действительно, исследование содержит множество перспективных наблюдений о влиянии антропологических и природно-географических факторов путешествия на типологические характеристики травелога. Однако связь этих факторов с образом тверского пространства самостоятельным предметом изучения не стала.

Интересные выводы о конструирующей функции травелогов в процессе формирования образов локального пространства были сделаны в исследовании Е.Ю. Ваенской, посвященном соловецкому тексту русской культуры [Ваенская 2017]. Автор отмечает единство мифопоэтического образа Соловецкого монастыря, который постепенно складывается в травелогах XVIII в., послуживших первым литературным описанием

обители [Там же: 316]. Среди повторяющихся черт сквозного образа Соловков Е.Ю. Ваенская называет «сосредоточение внимания на самом путешествии-плавании» и «нередкое присутствие мотива “чудесного” плавания» [Там же: 308], которые обнаруживают связь между жанровой природой травелога и образом пространства.

Еще один подход в рассмотрении образов пространства в региональных травелогах связан с изучением локальных текстов, сложившихся вокруг значимых природно-географических объектов. В исследовании Л.Н. Сарбаш, посвященном волжским травелогам XIX в., предлагается рассмотреть концепт «Волга» как «жанрообразующую константу травелога» [Сарбаш 2018: 284]. Характеристика концепта опирается на тематический анализ образа Волги в отдельных травелогах. Представляется, что реализация этого перспективного исследования и заявленного культурно-концептуального подхода нуждается в уточнении методики анализа.

В контексте постколониальных исследований литературы выделяется еще одна территориальная общность травелогов, которая связана с изучением восточных регионов Российского государства, прежде всего Сибири. Понятие «русские восточные травелоги» по отношению к сибирским травелогам XIX в. было использовано К.В. Анисимовым [Анисимов 2014] в опоре на ориенталистские исследования I. Kalinowska [Kalinowska 2004] и D. van der Oye Schimmelpennick [Schimmelpennick 2010.] Внимание К.В. Анисимова сосредоточено на характеристике повествовательных стратегий, которые определяли развитие сибирского травелога на разных этапах освоения восточных регионов. При этом исследователя интересуют общие социокультурные и историко-литературные факторы, которые обуславливают смену повествовательной парадигмы. В частности, повествовательная стратегия очерков «Путешествие из Петербурга в Барнаул» П.И. Небольсина определяется как результат влияния историко-культурной установки, связанной со

«стремлением интегрировать Сибирь “внутрь” общерусской воображаемой географии» [Анисимов 2014: 11], с одной стороны, и «сентиментальной картины мира», которая определила структурно-стилистический характер произведения, – с другой. В этом отношении исследование К.В. Анисимова задает важную для нашей работы перспективу, которая актуализирует значимость общекультурного и литературного бэкграунда путешественника в процессе восприятия пространства и создания текста травелога.

Обзор литературоведческих исследований локальных травелогов показал, что необходимость анализа образов пространства с учетом природно-географических, социокультурных и коммуникативных обстоятельств путешествия всё чаще становится предметом размышления, однако методология таких исследований находится на стадии разработки. Очевидно, необходимы более решительные шаги по сближению с теми методами, которые используются в смежных гуманитарных науках, прежде всего в культурной географии.

Научной новизной обладают материалы, историко-литературные выводы исследования и теоретические подходы к изучению историко-литературного материала.

Впервые в историю отечественного травелога введены путевые очерки московского журналиста С.А. Кельцева и ведущих уральских литераторов и журналистов: С.С. Геммельмана, А.Н. Скугарева, Ф. Мейера, Н.П. Белдыцкого, А.А. Городкова, Н.М. Чукмалдина, а также путеводители В.А. Весновского. Кроме того, в исследовании впервые предпринят целостный анализ отчетов об уральских академических экспедициях И.И. Лепехина, П.- С. Палласа, Н. П. Рычкова и И.-П. Фалька, а также путевых очерков П.И. Мельникова-Печерского, Е.А. Вердеревского, В.И. Немировича-Данченко, Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Впервые массив уральских травелогов конца XVIII – начала XX в. мы изучили и представили как политекстовое жанровое единство, сыгравшее роль «авантекста» в процессе формирования геопоэтики Урала.

Рассмотрена эволюция основных значений и образов уральского пространства: от первых описаний до геопоэтических обобщений.

Теоретико-методологический новизной отличается идея о влиянии отдельных жанров на формирование устойчивых значений и образов локального текста, обоснование которой лежит в основе исследования. Кроме того, впервые рассматривается влияние экстралитературных факторов на формирование образов локального пространства. Показано, как способ путешествия, географические особенности маршрута, бэкграунд путешественника и коммуникативные установки, связанные со сферой распространения тревелогов, определяют содержание и конфигурацию образов пространства.

В исследовании впервые обосновывается понятие дорожного дискурса тревелога, связанного со способом путешествия. Предлагается выделить в истории уральского тревелога четыре типа дорожных дискурсов: дискурс гужевых путешествий, сплавной, пароходный и железнодорожный дискурсы.

Впервые введены понятия эпистолярного и газетного тревелогов, которые фиксируют сложившиеся в XIX в. коммуникативные типы путевых текстов. Кроме того, мы впервые обосновываем необходимость включения путеводителей в историю уральского и российского тревелогов.

Теоретическое значение исследования определяется основными аспектами его проблематики. Прежде всего, теоретически значимым является предложенный в исследовании подход, который обнаруживает связь между жанровыми особенностями тревелога и образом пространства, созданного в путевых текстах. Жанровые аспекты теории локального текста, намеченные в трудах по семиотическому исследованию пространства, впервые становятся предметом самостоятельного рассмотрения.

Теоретическое значение имеет методика анализа тревелога в связи с такими ключевыми для этого жанра экстралитературными факторами, как маршрут и способ путешествия. При этом впервые ставится вопрос об

использовании в историко-литературных исследованиях методов культурной географии.

Теоретическим значением как для изучения травелогов, так и для литературы в целом обладает предложенное в нашем исследовании понятие дорожного дискурса. Впервые описание дискурсивных особенностей текстов, связанных с разными способами перемещения в пространстве, дается в наглядном сопоставлении на материале целостного литературного явления.

Теоретическим вкладом в развитие жанровой теории травелога является выявление его новых разновидностей: эпистолярного и газетного травелогов, – а также рассмотрение путеводителей конца XIX – начала XX в. в составе путевой словесности.

Практическая значимость исследования определяется его использованием в просветительской, образовательной и туристической сферах.

В ходе исследования была реализована книгоиздательская серия, которая представила широкому читателю ранее труднодоступные тексты уральских травелогов. Это книги очерков П.И. Мельникова-Печерского «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» (2017) и В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» (2021), а также сборник «По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX – начала XX века» (2023)²¹.

Исследование вызвало интерес в краеведческом сообществе. Материалы и выводы диссертации были представлены в цикле популярных лекций в библиотеках Перми и Пермском краеведческом музее. Сотрудничество в этом направлении продолжается.

²¹ Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб., 2017. 232 с.; Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: очерки и впечатления [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб., 2021. 456 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalistiki/nemirovich-danchenko-kama-i-ural.pdf (дата обращения: 30.04.2024); По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2023. 260 с. URL: <https://mk.permkrai.ru/dokumenty/312920/> (дата обращения: 30.04.2024).

Материалы исследования могут быть интегрированы в учебные программы по истории края и литературному краеведению в средней и высшей школах. Кроме того, изучение уральских травелогов обнаруживает важные для общероссийских культурных процессов черты, которые могут стать предметом рассмотрения на занятиях по отечественной истории и литературе.

Картографические материалы исследования представляют собой технологичный ресурс для туристической деятельности. Цифровое картирование, предпринятое в рамках грантовых проектов «Реки и горы Урала: опыт создания образно-географической карты» (РГО, 2014), «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.» (РГНФ, 2015–2016), может быть продолжено в партнерстве с заинтересованными туристическими институтами.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В уральских травелогах конца XVIII – начала XX в. произошло литературное открытие Урала. Первоначальный образ Урала складывался под влиянием жанровых особенностей травелога. Связывая отдельные уральские локусы, травелоги создали семантически и художественно цельный образ уральского пространства.

2. Путевые отчеты академических экспедиций конца XVIII в., благодаря объединению научной и художественной рефлексии, характерному для научного стиля XVIII в., послужили первым опытом литературного описания Урала. Эти травелоги способствовали формированию семантических презумпций – ассоциированных с регионом константных значений, таких как древность (описания палеонтологических находок и чудских древностей), горнозаводской уклад экономики, историко-культурная общность Урала и Сибири, многонациональный состав территории, языческая природа автохтонной культуры региона.

3. В путевых очерках первой половины XIX в. складывается образ уральского фронта, пограничной полосы между Центральной Россией и Сибирью, Европой и Азией. Ландшафтообразующим локусом оказывается Сибирский тракт, который соединяет такие элементы уральского пространства, как перевал через Уральский хребет, пересечение евро-азиатской границы, арестантские обозы, татарские и башкирские поселения, исторически сложившиеся вдоль основной линии русской колонизации. В образе Урала закрепляются значения преддверия Сибири, евро-азиатского рубежа, экзотической окраины. Горнозаводская тема звучит приглушенно, что во многом связано с особенностями транзитного путешествия. В этот период складывается такая разновидность путевых произведений как эпистолярный травелог – частные письма с дороги.

4. На рубеже 1870–1880-х гг. начинается новый этап литературного освоения Урала, когда в путевых очерках и рассказах В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка происходит художественное обобщение сложившихся к тому времени представлений о регионе и формирование основ его теллурической геопоэтики, апеллирующей к богатствам и тайнам земных недр. В.И. Немирович-Данченко создал мифологически емкий образ уральского мира, основанием которого являлась горнозаводская промышленность. Маршрут его путешествия значительно расширил уральское пространство, в предыдущих путевых описаниях сосредоточенное вдоль линии Сибирского тракта. Писатель объединил западную пермскую и восточную екатеринбургскую части Урала, подчеркнув их геокультурное единство. Путевые очерки Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880–1890-х гг. представили уральское пространство как единство уникальных уральских регионов, охватив не только Средний, но и Южный Урал.

5. На формирование образа Урала оказывают влияние экстралитературные факторы, определяющие особенности травелога. Образы пространства в травелоге зависят от способа передвижения, т.е.

пути и средства сообщения. В истории уральских травелогов конца XVIII – начала XX в. сложились четыре устойчивых дорожных дискурса, соответствующие основным видам транспорта: поездка на повозках, сплав по горным рекам, пароход и железная дорога.

6. Среди экстралитературных факторов, оказывающих влияние на содержание и поэтику путевых текстов, важное место занимают коммуникативные установки путешественников. Эти интенции складываются под существенным влиянием особенностей издания, для которых создается травелог. Так, газетные травелогии конца XIX – начала XX в. актуализируют в восприятии уральского пространства значения, связанные с текущей современностью.

7. В уральских газетах рубежа XIX – начала XX в. активно публикуются травелогии местных авторов. Их путевые тексты расширяют и детализируют литературную карту Урала, что показано на примере публикаций, посвященных путешествиям по Пермской губернии конца XIX – начала XX в. Пермские травелогии представляют образы вишерского Урала, Сылвы, Белой горы, северного Зауралья, «пермской» Башкирии. В путевых очерках пермских авторов выражаются черты геокультурной самоидентификации местного сообщества.

8. Массовые путеводители, ставшие популярными в конце XIX – начале XX в., наметили новый этап в развитии литературного образа Урала. Благодаря установке на привлечение внимания туристов путеводители усилили процессы семиотизации пространства. Путеводители фокусировали внимание на достопримечательностях и создавали вовлекающие нарративы, которые закреплялись в представлениях о регионе. Авторы путеводителей активно использовали характерное для путевой очеркистики репортажное описание, а также обращение к личному опыту читателя и драматизацию повествования. В качестве символического центра Урала путеводители представили Екатеринбург и его

горнозаводские окрестности. В целом путеводители стали влиятельными агентами по утверждению образа Урала как особого горнозаводского мира.

9. Заметное влияние на восприятие Урала оказало распространение видовой фотографии, прежде всего ее использование в путеводителях и на почтовых открытках. Видовые и репортажные фотографии запечатлевали аттрактивные объекты ландшафта. Новые визуальные средства завершают утверждение Чусовой в качестве главной реки Урала. Происходит смещение внимания на горные вершины Южного Урала. Репортажная фотография в путеводителях и на почтовых открытках представила динамические сюжеты, связанные с горнозаводской спецификой Урала: восхождение на горные вершины; заводские пейзажи с дымом из труб; движущийся по горной выемке поезд; плавка металла и промывка золота. Видовые и репортажные фотографии, распространявшиеся в сфере массового туризма, поддержали формирование образа горной страны, созданного в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Степень достоверности обеспечивается, во-первых, достаточным объемом источников исследования; во-вторых, комплексом методов, соответствующих задачам исследования; в-третьих, апробацией результатов исследования на научных конференциях и публикациями в рецензируемых научных журналах и монографиях, а также в серии просветительских проектов, в том числе в ходе издания трех книг уральских травелогов.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены в серии докладов на более чем 40 международных и всероссийских конференциях²².

²² Международная научная конференция «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» (Пермь, ПГНИУ, 2009), Международная научная конференция «География искусства» (Москва, РАХ, ИНИОН РАН, 2018, 2021, 2022, 2023), Международная научная конференция «Язык в координатах массмедиа» (Варна, Санкт-Петербург, СПбГУ, 2016–2023), Всероссийская научная конференция «Русский травелог XVIII–XX века» (Новосибирск, НГПУ, 2014), Всероссийская научная конференция «Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа» (Москва, РГГУ, 2012), Всероссийская научная конференция «Литература Урала» (Екатеринбург, УрО РАН, УрФУ, 2005–

Картографическая часть исследования была представлена в виде комментированных интерактивных карт, подготовленных в рамках гранта РГНФ № 15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.» (2014–2015 гг.) и гранта РГО «Реки и горы Урала: опыт создания образно-географической карты» (2014).

Создание коллекции и систематизация уральских тревелогов проходили в рамках исследовательских проектов РГНФ «Формирование уральского дискурса в российской печати XIX – начала XX вв.» (2013–2014, руководитель – Е.Г. Власова), «Отражение процесса формирования региональной идентичности в периодической печати Пермской губернии (1840–1890-е гг.)» (2011, руководитель – Е.Г. Власова) и «Литературная жизнь провинциального города конца XIX – начала XX в.» (2008–2009, руководитель – Е.Г. Власова).

Материалы исследования были включены в учебное пособие «История отечественной журналистики: Проблемы региональной идентичности и периодическая печать XIX – начала XX века»²³.

В ходе исследования были подготовлены к печати сборники научных статей «Река и гора: локальные дискурсы»²⁴ и «Текст и карта: Урал в тревелогах конца XVIII – начала XX в.»²⁵

2015), Всероссийская научная конференция «П.П. Бажов в меняющемся мире» (Екатеринбург, УрО РАН, УрФУ, 2014, 2019), Всероссийская научная конференция «Дергачевские чтения. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, УрО РАН, УрФУ, 2014–2021), Всероссийская научная конференция «Локальный дискурс и конструирование образа территории» (Пермь, ПГНИУ, 2014), Всероссийская научно-практическая конференция «Человек в ландшафте» (Усолье – Всеволодо-Вильва – Чердынь, ПГНИУ, 2015), Всероссийская научно-практическая конференция «Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка и современный мир», посвященная 170-летию со дня рождения писателя (Екатеринбург, УрО РАН, УрФУ, 2022) и др.

²³ История отечественной журналистики: проблемы региональной идентичности и периодическая печать XIX – начала XX века [Электронный ресурс]: учеб. пособие / сост. Е.Г. Власова, З.С. Антипина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Лаб. политики культурного наследия Перм. гос. нац. исслед. ун-та. Пермь, 2013. 340 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalistiki/istoriya_otech_zhurn.pdf (дата обращения: 30.04.2024).

²⁴ Река и гора: локальные дискурсы: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» (Пермь, 29–30 октября 2009 г.) / отв. ред. В.В. Абашев; сост. Е.Г. Власова; Перм. гос. ун-т, Лаб. политики культурного наследия. Пермь, 2009. 176 с.

²⁵ Текст и карта: Урал в тревелогах конца XVIII – начала XX в. [Электронный ресурс]: сб. ст. / сост. Е.Г. Власова, В.В. Абашев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Лаб. политики культурного наследия Перм. гос.

Материалы и выводы диссертации вошли в академическое издание «История литературы Урала. XIX век»²⁶, а также тематические монографии, которые были изданы в ходе его подготовки: «Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов»²⁷, «Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»²⁸, «Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности»²⁹.

В ходе исследования были выпущены в свет первые научно подготовленные издания уральских очерков П.И. Мельникова-Печерского и В.И. Немировича-Данченко, которые не публиковались с дореволюционного периода, а также сборник извлеченных из газет и журналов конца XIX – начала XX в. путевых публикаций уральских авторов³⁰.

Содержание работы отражено в 55 публикациях, в том числе 7 коллективных монографиях, включая монографию РАН, в одном учебном пособии и 17 статьях в журналах из Перечня российских рецензируемых

нац. исслед. ун-та. Пермь, 2016. 185 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalistiki/textandmap2016.pdf (дата обращения: 30.04.2024).

²⁶ История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. Кн. 1. 664 с.

²⁷ Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / отв. ред. акад. В.В. Алексеев; УрО РАН. Екатеринбург, 2010. 552 с.

²⁸ Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: монография / под общ. ред. Е.К. Созиной, Т.А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 424 с.

²⁹ Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллект. монография / науч. ред.: Т.А. Снигирева, Е.К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 556 с.; Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллект. монография / УрО РАН, Ин-т истории и археологии, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ; науч. ред.: Т.А. Снигирева, Е.К. Созина. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 630 с.

³⁰ Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь/ отв.ред. Е.Г.Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб, 2017. 232 с.; Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления / отв. ред. Е. Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т [Электронный ресурс]. СПб, 2021. 456 с. URL:

http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalistiki/nemirovich-danchenko-kama-i-ural.pdf; По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX – начала XX века/ отв. ред. Е. Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т [Электронный ресурс]. СПб.: Маматов, 2023. 260 с. URL: <https://mk.permkrai.ru/dokumenty/312920/>.

научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, библиографического списка. Первая глава посвящена характеристике современных подходов к изучению литературных репрезентаций территории, которое составляет основную цель нашей работы: концепция локального текста культуры, дискурсивный анализ литературного произведения, понятие дорожного дискурса, литературное картирование. Следующие главы исследования представляют этапы формирования образа Урала в тревелогах конца XVIII – начала XX в. Вторая глава посвящена литературному открытию Урала: характеристике первоначальных значений и образов, которые сформировались в период уральских академических экспедиций конца XVIII в., и фронтального образа Урала, сложившегося в писательских тревелогах первой половины XIX в. Третья глава представляет этап формирования целостного образа Урала как горной страны, которое произошло во второй половине XIX в. – в очерках В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал», путевых очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка. Четвертая глава, хронологически охватывающая период с конца XVIII в. до начала XX в., посвящена характеристике дорожных дискурсов уральских тревелогов, которые оказали влияние на образ Урала в ходе его литературного освоения. Пятая глава представляет образ Урала, сложившийся в путевых публикациях массовой периодики конца XIX – начала XX в., которые во многом определили историю развития путевого очерка. Шестая глава посвящена характеристике образа Урала в путеводителях конца XIX – начала XX в., активизация которых была связана с развитием массового туризма. В заключении представлены основные выводы и перспективы исследования. Список материалов исследования включает 142 источника, список литературы – 363.

Глава 1. Современные теоретико-методологические подходы к изучению литературных образов географического пространства

Изучение литературных репрезентаций территорий сегодня представляет собой отдельную сферу литературоведческих исследований, которая тесно связана с общенаучным поворотом к пространственной проблематике. В этой сфере происходит аккумуляция разных подходов к изучению образов пространства, а также апробация новых, чаще всего междисциплинарных методов. Проблематика, связанная с репрезентацией отдельных территорий, в последние десятилетия выходит за рамки внутренних региональных исследований. В этой научной сфере формируются новые методологические подходы к изучению не только региональной литературы, но и национальной литературы в целом. В данной главе будут представлены те конкретные теоретические подходы, взаимодействие которых определяет методологию исследования.

1.1. Концепция локальных текстов культуры³¹

Одна из самых влиятельных научных парадигм по изучению литературных образов географического пространства в отечественном литературоведении связана с изучением локального текста культуры. Это понятие было предложено в трудах московско-тартуской семиотической школы 1970–1980-х гг. о петербургском тексте русской культуры (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Вяч.Вс. Иванов)³². Интерес к

³¹ Содержание данного раздела частично отражено в публикации: Власова Е.Г. Травелогги в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 143–149. В соавторстве с А.П. Ведерниковым, который подготовил карту маршрутов уральских путешествий для публикации.

³² Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам 2. Ученые записки ТГУ. Вып. 181. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1965. С. 210–216; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 30–45; Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. СПб., 1993. С.84–94; Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.; Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–285; Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 4–29; Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб.: Искусство – СПб., 2003. 616 с.; Иванов Вяч.Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. Вып. XIX. Тарту, 1986. С. 7–24.

пространственным аспектам литературы активизируется в 1990-е гг. в связи с процессами регионального самоопределения. Появляются работы, посвященные отдельным городским и региональным текстам русской культуры (В.В. Абашев, В.Н. Тюпа, А.С. Янушкевич, Н.Е. Меднис, И.А. Разумова, Е.В. Милокова, Н.В. Осипова, А.А. Литягин, А.В. Тарабукина, А.П. Люсый, коллектив авторов, объединившихся вокруг изучения московского текста, и мн. др.)³³ В 2000–2010-х гг. изучение локальных текстов образует устойчивую научную область, которая объединяет не только отдельных исследователей, но и целые исследовательские коллективы³⁴. Определение локального текста, которое прочно вошло в научный оборот, было предложено В.В. Абашевым в монографии «Пермь как текст» (Пермь, 2000). Это «более или менее стабильная сетка семантических констант, формирующаяся в стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места» [Абашев 2000: 11]. Семантические константы «становятся доминирующими

³³ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.; 291. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35; Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы Междунар. науч. конф., Иркутск, 24–26 сентября 2004 г. / Иркут. гос. ун-т, Иркутск, 2004. С. 227–235; Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. 392 с.; Разумова И.А. «...Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 324–334; Милокова Е.В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 347–361; Литягин А.А., Тарабукина А.В. К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 334–346; Осипова Н.В. Вятский текст в культурном контексте [Электронный ресурс] // Бинокль. – Вятский культурный журнал. 2002. № 16. URL: <https://binokl-vyatka.narod.ru/V16/osip.htm> (дата обращения: 30.04.2024); Люсый А.П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: автореф. дис. ... канд. культурологи. М., 2003. 20 с.; Москва и «московский текст» русской культуры: сб. ст. / РГГУ. М., 1998. 226 с.

³⁴ Галимова Е.Ш. Специфика северного свертхтекста как локального свертхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129; Камедина Л.В. Забайкальский текст в русской культуре // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2014. № 4. С. 139–145; Богумил Т.А. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий // Филология и человек. 2017. № 4. С. 155–163; Попова Е.А. Динамика провинциального (Липецкого) свертхтекста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 1. С. 68–70; Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 10 выпусков в 2002–2023 гг.; Сибирский текст в русской культуре: К 400-летию Томска и 125-летию первого ун-та Сибири / ред.-сост. А.П. Казаркин. Томск: Сибирика, 2002. 270 с.; Сибирский текст в русской культуре / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Вып. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 274 с.; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллект. монография / отв. ред. К.В. Анисимов; СФУ. Красноярск, 2010. 234 с.; Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. 410 с. и др.

категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций» [Там же]. Подчеркнем, что В.В. Абашев рассматривает локальный текст как общекультурное явление. По мнению ученого, локальный текст формируется на основе самых разных текстов культуры: от топонимов и газетных штампов до произведений художественной литературы, живописи, музыки.

Обращение к понятию локального текста определяет методологическую рамку нашего исследования, поскольку дает необходимый инструментарий для выявления связей между формированием целостного образа Урала и конкретными литературными произведениями. Изучение травелогов в составе уральского локального текста позволяет определить их роль в процессе формирования устойчивых значений уральского пространства.

Для этого необходимо рассмотреть вопрос о взаимодействии категории жанра и локального текста. Мы исходим из того, что одной из базовых характеристик локального текста является кросс-жанровый характер его структуры. При разработке понятия городского текста культуры В.Н. Топоров специально подчеркивал тот факт, что разнообразие жанрового состава служит прямым доказательством сверттекстового единства: «Кросс-жанровость, кросс-темпоральность, даже кросс-персональность (в отношении авторства) не только не мешают признать некий текст единым <...>, но, напротив, помогают этому снятием ограничений как на различие в жанрах, во времени создания текста, в авторах (в этих «разреженных» условиях единство обеспечивается более фундаментальными с точки зрения структуры текста категориями)» [Топоров 2003: 26]. В то же время, размышляя о структурно-содержательной специфике петербургского текста, исследователь отмечает его тяготение к трагедийности, выявляя тем самым устойчивые жанрово-стилистические предпочтения данной сверттекстовой общности.

Развитие теории локального текста, сопоставительный и типологический анализ этого явления культуры, предпринятый на материале разных по масштабу и структуре локальных образований – от города до страны и целых регионов, позволили продвинуться в изучении его жанрово-стилистической специфики. Нельзя сказать, что жанровый состав локального текста стал предметом специального рассмотрения. Чаще всего анализ локальных текстов строится на характеристике содержательных констант: семантических, образных, сюжетных и мифопоэтических. Жанрово-стилистические особенности принято считать характеристиками менее стабильными и в большей степени зависящими от общего литературного контекста. Однако по мере накопления сопоставительных данных обнаруживаются примеры устойчивых жанрово-стилистических признаков локального текста.

Собирая отдельные наблюдения по жанровой специфике того или иного локального текста, можно наметить повторяющиеся историко-литературные ситуации, которые актуализируют данный аспект анализа. Прежде всего обращение к нему связано с изучением ключевых произведений локального текста – первотекстов или произведений переломных периодов. Такого рода наблюдения представлены, например, в исследованиях северного текста русской культуры. Е.Ш. Галимова в работе «Северный текст в системе локальных (городских и региональных) свертков русской литературы» отмечает особую роль былин в формировании образа Русского Севера [Галимова 2012].

Важные наблюдения по поводу жанровых особенностей локальных первотекстов делает Томас Венцлова. Предпринятый им сопоставительный анализ вильнюсского и таллиннского городских текстов позволяет оттенить значимость отдельных произведений в процессе формирования локальной традиции [Венцлова 2014]. В частности, сгущенное воплощение основных характеристик таллиннского текста исследователь видит в сборнике рассказов «Смерть в Ревеле» немецкого писателя Вернера Бергенгрюна:

«...это коллекция гротескных, пугающих и одновременно смешных “случаев”, анекдотических происшествий, окрашенных в таинственные и театральные тона» [Венцлова 2014: 48]. В отличие от Таллинна Вильнюс тяготеет к ностальгической стилистике «поэтического бедкера», восходящей к местной мифологии, с одной стороны, и поэзии Ренессанса и барокко, ставшей первым профессиональным литературным опытом описания города, – с другой.

Помимо направляющей роли ключевого текста, в изучении жанровой характеристики локального единства немаловажную роль играет общий историко-литературный контекст конкретного этапа его формирования. Данный аспект жанрового изучения локального текста представлен в работах К.В. Анисимова, посвященных сибирскому тексту русской культуры. К.В. Анисимов подробно исследует жанрово-стилистические особенности основных периодов формирования сибирского текста. В качестве одной из самых устойчивых характеристик жанрового развития сибирской литературы XIX в., в частности, исследователь называет тесное переплетение художественного и документального нарративов, которое проявилось в активности таких жанров, как тревелог, этнографическая очеркистика, фельетон, литературно-критические статьи, и было сопряжено с газетно-журнальным характером основных литературных площадок в регионах [Анисимов 2005: 19–20, 39].

Еще один аспект заявленной темы связан с базовым для изучения пространственных особенностей литературного текста взаимодействием ландшафта и манеры его описания. Важное замечание в этой связи делают авторы монографии о тверском тревелогге М. Строганов и Е. Милюгина: «Внешне может показаться, что всё различие между тверским и курским или вологодским тревелоггами сводится к их тематике. Однако это не так. Необходимость описать тот или иной объект влечет за собой и поиск соответствующих принципов построения текста. Описание курских степей

провоцирует иную интонацию и иную композицию, чем описание тверских болот» [Строганов, Милюгина 2013: 14].

В целом можно говорить о разных аспектах жанрового анализа локального текста: обстоятельства литературной жизни (ключевой текст, личность писателя, литературная среда, внешние связи и т. д.); историко-культурный контекст; географические и климатические характеристики ландшафта. Очевидно, что актуализация каждого из них связана с особенностями конкретного локального текста или отдельного типа локальных текстов. Однако все вместе они позволяют поставить вопрос о роли отдельных жанров в истории литературного описания пространства. Эта роль складывается исторически – в зависимости от политических, культурных и географических обстоятельств формирования территориальной общности. Особое место травелогов в литературной истории Урала позволяет поднять вопрос о влиянии жанрового характера этих текстов на образ уральского пространства, сложившийся в локальной культурной традиции.

Другое концептуальное основание нашего изучения образа Урала восходит к понятию геопэтики, которое всё чаще используется в сфере изучения локальных текстов культуры [Александрова-Осокина 2020]. Термин «геопэтика», появившийся в работах шотландско-французского поэта Кеннета Уйта как определение целостного поэтического восприятия мира, используется сегодня в литературоведении для обозначения эстетической категории, которая фиксирует «территориальный интеллект» автора, его «поэтическую и образную способность создавать и конструировать мир, его характерную определенность и представление отношений Человек – Земля» [Итальяно 2008]. Антропологические значения этого понятия получили развитие в сфере культурной географии. Так, Д.Н. Замятин определяет геопэтику как «некий аутопойэсис земного пространства, то есть – видение себя внутри пространства. Ощущение себя не просто внутри некоего места, но попытка войти в какое-то пространство,

ощутить свою творческую точку в этом пространстве» [Замятин 2013: 154–155]. В литературоведческих исследованиях этот подход позволяет рассматривать литературное произведение как «геопоэтическое действие», в процессе которого «геопоэтическое личное событие становится поэтическим» [Иванова 2015: 84, 81].

В области региональных исследований одним из первых к этому понятию обратился В.В. Абашев: «Под геопоэтическим образом мы понимаем развитый символический образ территории как единого целого» [Абашев, Абашева 2012: 143]. В.В. Абашев подчеркивает, что «возникновение геопоэтики какой-либо территории предполагает именно высокую степень рефлексии, когда ландшафт концептуализируется (в историческом, геополитическом, антропологическом и философско-эстетическом отношении) и его доминирующие черты получают символическое осмысление» [Абашев, Абашева 2012: 143–144]. Размышляя о взаимоотношениях понятий локального текста и геопоэтики, исследователь отмечает: «... если понятие текста фиксирует прежде всего структуру творчески преобразованного пространства, то геопоэтика обращает нас к его образно-символической фактуре» [Абашев 2012: 14–15].

Автор обзора по современным геопоэтическим исследованиям региональной литературы О.Н. Александрова-Осокина справедливо отмечает, что дальнейшее развитие теории геопоэтики в этой сфере проходит в очерченных В.В. Абашевым границах [Александрова-Осокина 2020: 220]. Оно связано с актуализацией дополнительных ракурсов анализа, что объясняется задачами конкретных исследований. Понятие геопоэтики сближается с понятием этнопоэтики [Лагунова 2016], объединяется с антропологическим подходом к его интерпретации [Абдуллина 2016; Богумил, Куляпин, Худенко 2017], рассматривается в контексте мировоззренческих и идеологических установок автора [Десяткова 2012].

Геопоэтический подход в изучении литературы позволяет поднять вопрос о возможном объединении образов отдельных территорий в

региональные или национальные единства, т.е. созданию целостной геопанорамы. Понятие «геопанорама» было введено в научный оборот благодаря Международной научно-практической конференции «Геопанорама русской культуры: провинциальные локусы и локальные тексты. Пермские чтения» (2000), которая была проведена под эгидой Пермского государственного университета в рамках проекта по изучению культуры русской провинции, организованного Научным советом по изучению мировой культуры Российской академии наук совместно с региональными университетами. В изданном по материалам конференции сборнике статей «Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты» (2004) составители таким образом определили основные аспекты исследований, в нём представленных: «Участников проекта и авторов сборника – лингвистов и литературоведов, фольклористов и культурологов – объединяет филологический (в широком смысле) подход, при котором главным объектом исследования становятся тексты – тексты, в которых описывается образ и выражается история, культура, мифология места – в данном случае, той или иной земли – “провинции”. Исследования *hic et nunc* помогают понять, как идут процессы изменения провинциального локуса в сторону самодостаточности и самоидентификации, какой темп набирает духовная культура, настойчиво охраняющая свой “локальный” облик. От провинциального текста мы пришли к геопанораме российского духовного и культурного пространства» [Геопанорама... От составителя].

Геопанорама, таким образом, понимается как общность семиотически проявленных территорий, находящихся в границах рассматриваемого культурного пространства, в данном случае – национального российского пространства. Однако понятие «геопанорама» применяется по отношению не только к национальным, но и более локальным культурным ландшафтам. В исследованиях В.В. Абашева, например, используется понятие геопанорамы Урала [Абашев 2018: 59–67].

Одной из задач нашего исследования становится описание уральских травелогов как литературных источников, которые подготовили формирование уральской геопоэтики, а затем способствовали включению образа Урала в геопанораму России.

1.2. Изучение травелогов и понятие дорожного дискурса³⁵

Изучение пространственных аспектов травелога строится нами в опоре на понимание этой разновидности текстов как специфического дискурса, что заставляет учитывать не только внутренние, но и экстралитературные условия его бытования. Всё чаще в современных исследованиях травелогов звучит необходимость обращения к таким экстралитературным феноменам, как статус, целеполагание и бэкграунд путешественника. Отмечается также влияние попутчиков, событий, эмоционального состояния на формирование образа пространства.

Известный исследователь путешествий, культуролог Владимир Каганский в одном из интервью так прокомментировал особую связь восприятия и эмоционального состояния путешественника: «Если вы, скажем, не выспались ночью или получили из дома тяжелое известие – ваш взгляд не может не измениться. <...> Или, скажем, у вас возник какой-то походный, дорожный, но очень яркий роман – и ваш взгляд на ландшафт опять-таки не может не измениться» [Балла 2013].

Американский писатель и путешественник Йен Фрейзер, рассказывая о своем путешествии по Сибири, фиксирует еще один важный элемент современного путешествия, а именно наличие средств связи, которые меняют самоощущение путешественника в пространстве, а значит, образ самого пространства: «Однажды ночью я смотрел на небо и увидел, как

³⁵ Содержание данного раздела частично представлено в публикациях: Власова Е.Г. Географические параметры путешествия и образ пространства: на материале уральского травелога XVIII – начала XX века // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи / ПГНИУ. Пермь, 2014. С. 207–214; 62; Власова Е.Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, № 2. С. 64–71.

летит спутник, направил в его сторону телефон, отправил домой сообщение и подумал, что вот этот сигнал сейчас туда – вжик! – и попадет. И тут же перезванивает моя жена и говорит: “Слушай, Йен, нам нужно поправить крыльцо”... Понимаете? Я нахожусь сейчас в месте, которое было для декабристов равносильно океанскому дну, но какой-то частью своего сознания, своей персональной реальности занимаюсь проблемами в Нью-Джерси. И это как раз элементы, которые сейчас нужно включать в текст» [Груздева 2013]. Природные условия путешествия стали предметом рассмотрения в исследовании М.В. Строганова и Е.Г. Милюгиной, посвященном тверским травелогам, которые связаны с речными маршрутами [Милюгина 2015]. Рассматривая пространство как «палимпсест последовательных ощущений места» [Plumwood 1993: 41–69], авторы исследования видят свою цель в том, чтобы проявить «каузальность природных ресурсов, обусловивших цели, задачи, историческую, социально-бытовую специфику путешествия и повлиявших на выбор и аксиологическую позицию путешественника» [Милюгина 2015: 110]. Общее направление возможной классификации экстратекстуальных факторов формирования образа пространства можно обнаружить в формулировке В. Каганского, который утверждает, что «...маршрут путешествия мотивирован внутренними ... особенностями ландшафта и личности» [Балла 2013].

Среди намеченных факторов нас прежде всего интересует связь травелога со способом путешествия, т. е. спецификой транспортного средства и магистрали, которые определяют способ телесного контакта с пространством. Значимость этого аспекта отмечается в отдельных исследованиях путевой литературы. Так, Сидони Смит в книге «Жизнь в движении» называет средство передвижения «окуляром, поставленным между сознанием путешественника и посещаемыми странами» [Цит. по: Пономарев 2014: 28]. К похожей проблематике обращаются Е.Г. Милюгина и М.В. Строганов [Россия в зеркале]. В своей книге авторы ставят

масштабную теоретическую задачу по разработке «методологии исследования травелогов с разных точек зрения: исторических, ландшафтных, социокультурных, телеологических, текстуальных» [Там же: 8] в связи с изучением «образа Твери и Тверского края в исторической ретроспективе и пространственной динамике, в движении системы ценностей» [Там же]. Представляя аспекты своего исследования, авторы намечают целый ряд инновационных для изучения травелога подходов:

- осмысление путешествия как социокультурного и географического феномена;
- описание путешествия как формы репрезентации и интерпретации реального культурно-пространственного материала;
- выявление мотивации и телеологии путешествий в диахроническом аспекте, поскольку очевидно, что мотивы для путешествий в разные периоды жизни общества различны;
- описание статуса путешественника и его спутников разного рода: попутчика, проводника, автохтона;
- мотивировка выбора маршрута, средства передвижения и, как следствие этого, хронотопа дороги;
- создание типологии травелогов как жанра словесного творчества, минуя традиционные литературоведческие категории;
- включение в описание таких культурологических категорий, как свое/чужое, особое/всеобщее, столица/провинция, центр/периферия, мейнстрим/маргинальность [Там же].

Обозначая наличие разных видов путешествий, которые можно выделить на основе представленных факторов, исследователи не связывают их с особенностями отражения пространства в тексте травелога, что, на наш взгляд, является важнейшей задачей в изучении данной разновидности текстов.

В исследованиях травелогов, таким образом, изучение взаимодействия экстралитературных факторов и образов пространства

находится на этапе проблематизации. Остается актуальной задача разработки конкретных методов анализа травелога в данном аспекте.

В этом отношении можно обратиться к опыту литературоведческих исследований других жанров. Впервые взаимосвязь способа путешествия и характера его описания в литературном произведении отметили исследователи «железнодорожной поэзии» конца XIX – начала XX в. Так, А. Флаккер писал о развитии русской поэзии, структуру которой «определяет появление железной дороги» [Флаккер 2001: 220]. Если у А. Фета и Н. Некрасова, первых в русской поэзии откликнувшихся на новое транспортное средство, внешнее пространство – железная дорога – является «служебным» по отношению к внутреннему состоянию лирического героя, то у А. Белого и Б. Пастернака оно становится главным предметом лирического переживания, составляя суть поэтического образа. Анализируя стихотворение А. Белого «Из окна вагона», А. Флаккер называет те художественные элементы, которые непосредственно связаны со способом перемещения героя, а также определяет их роль в тексте: «Динамика внешнего относительного движения нарочито подчеркивается (“пролетают – за селами села”), ритм миметичен по отношению к быстрому движению поезда, но именно как семантика, так и ритмика создают монотонию как основное впечатление от целостной и единой Руси» [там же].

Е.А. Ковалева говорит о формировании «железнодорожного дискурса» в поэзии серебряного века: «Железная дорога, являясь артефактом культуры и определяя смену образа жизни человека, положила начало формированию в культурном пространстве нового типа дискурса – “железнодорожного”» [Ковалева 2009: 3]. По определению автора, «“железнодорожный дискурс” – это совокупность интерпретационно-тематически и культурологически связанных текстов, представляющих в своём “лексиконе” один из “возможных” миров, центральным концептом которого выступает концепт “железная дорога”, его концептуальные слои и концептуальные признаки, и по совокупности признаков он

(“железнодорожный дискурс”) соотносим с поэтическим дискурсом» [Ковалева 2009: 4]. Основываясь на лингвокогнитивном анализе «железнодорожного дискурса» поэзии серебряного века, Е.А. Ковалева отмечает наличие «повторяющихся в поэтическом тексте концептуальных признаков, гештальтов, носящих знаковый характер для национальной культуры в целом...» [Ковалева 2009: 6].

Формирование традиции описания железной дороги наблюдается и в европейской литературе этого времени. М. Ямпольский, в частности, отмечал: «Первые путешествия по железной дороге породили определенный канон их описания в категориях баллистики. Этот же канон предполагал метафорическое превращение пассажира в механизм, вещь, лишенное чувств физическое тело» [Ямпольский 2000: 244]. В этих выводах М. Ямпольский во многом опирался на исследование В. Шевельбуша “The Railway Journey Trains and Travel in the 19th Century”.

Дискурсивная природа описания железнодорожных впечатлений точно схватывает непосредственную связь между способом действия, в нашем случае путешествия, и спецификой его литературного воплощения. Поскольку путевая литература самым непосредственным образом связана с характером передвижения путешественника, формирование подобных «дорожных» дискурсов является одним из основных механизмов ее развития. Образ пространства, создаваемый путешественником, опосредован способом контакта с ним. Каждый из этих способов соотносится с повторяющимися из текста в текст приемами описания, которые фиксируют историческую и культурную общность в их восприятии.

Обозначенный аспект дискурсивного анализа методологически связан с когнитивным подходом к исследованию дискурса (Ван Дейк, У. Чейф, А.Е. Кибрик, А.А. Кибрик) и прежде всего с той группой исследований, которая касается процесса построения дискурса. В этом отношении основными теоретико-методологическими понятиями нашего

исследования становятся дискурсивный фактор [Кибрик 2003], который трактуется как элемент социокультурного (обстоятельства, сфера деятельности, роли участников, социальные отношения) и когнитивного (цели, идеология, знания) контекстов автора травелога, оказывающий конструирующее влияние на формирование образа пространства, а также дискурсивные референты – элементы художественного целого травелога, которые маркируют особенности восприятия пространства под влиянием дискурсивных факторов. Прежде всего это средства создания путевого хронотопа: пейзаж, время, система персонажей, сюжет и композиция, детали.

При анализе дискурсивных референтов выявляются случаи повторяемости значений и образов пространства в тексте травелога в связи с конструирующими дискурсивными факторами. Релевантность такого подхода к анализу литературного произведения обосновала Е.Н. Шапинская. Опираясь на идеи социальной критики Анжено и Дюше, исследовательница отмечает, что литературный текст может быть рассмотрен как «социотекст» – «как языковой факт, имеющий место в рамках социального целого, зависящий от условий своего производства, интердискурсивный по своему положению и историчный по своим прочтениям» [Дюше 1995: 132]. Это утверждение дает основание говорить о том, что «каждое произведение предстает, таким образом, одновременно как ограниченное своей темпоральностью и универсальное с точки зрения наличия в нём итерации, способности к переходу из одного текста в другой, не зависящей ни от условий производства, ни от исторического прочтения» [Шапинская 2017: 91]. Среди выявленных референтов будут определены дискурсивные доминанты в представлении образа пространства, соответствующие конкретным социокультурным и когнитивным контекстам.

Это позволяет выявить устойчивые изменения, происходящие в образе пространства в связи с изменением социокультурного и

когнитивного контекстов и, как следствие, динамику образа уральского пространства. Тем самым исследование выстраивает связи между дискурсивными факторами путешествия, художественными приемами травелога и ключевыми пространственными значениями.

Исходя из самой природы путешествия, связанного с физическим перемещением в реальном пространстве и непосредственным контактом с окружающей действительностью, при характеристике основных семантических и структурных особенностей выделенных «дорожных» дискурсов главными параметрами описания становятся телесные ощущения: тактильные, зрительные, слуховые, кинестетические и т. д.

Влияние телесных ощущений на восприятие пространства рассматривается нами в опоре на теорию телесности А. Бергсона и его основной постулат, связанный с единством тела и сознания: «тело всегда наполняет наше сознание или сознание наполняет тело» [Бергсон 2001: 269]. Как точно заметила А.В. Лебедева, в теории А. Бергсона тело рассматривается «не как объект мира, но как средство нашего с ним сообщения» [Лебедева 2006: 10].

Этот подход проявляется и в представлении о видении как феномене, который обнаруживает социокультурный характер человеческого зрения. Осмысление феномена видения активизировалось во второй половине XIX в. и было связано с быстрым развитием техники. Техническая революция затронула все сферы жизни, в том числе сферу визуальности. Машины и механизмы изменили отношения человека и окружающего мира, заставили видеть по-другому. На смену прямой перспективе и неподвижности наблюдения в пространстве камеры-обскуры, определявшей структуру визуальности прежнего времени, приходят дискретность и множественность ракурсов. Как убедительно показал Джонатан Крэри в своем исследовании «Техники наблюдателя», новое видение формировалось не столько в сфере искусства, сколько в сфере науки и техники: «Занимаясь проблемами видения и современности, в

первую очередь следует обратить внимание именно на первые десятилетия XIX века, а не на модернистскую живопись 1870-х и 1880-х годов. Ведь именно тогда был сформирован новый тип наблюдателя – иной, чем тот, что мы можем увидеть *на* картинах и гравюрах. <...> Речь идет о наблюдателе, который формировался и в других, более нейтральных практиках и дискурсах, наблюдателе, которому наследуют все индустрии образа и спектакля XX века» [Крэри 214: 188]. Основными вехами этого визуального перелома послужили оптические открытия начала XIX в., в том числе открытие диорамы и стереоскопа, потом – революционное появление фотографии и кинематографа и, конечно, механические средства передвижения – пароход и поезд.

В пароходном и особенно железнодорожном путешествии с особой силой проявилась динамическая оптика современной эпохи. Образ «приближающихся к Парижу гор и лесов» фиксирует принципиально важную для определения пространственного модуса человека опцию – особенность видения. Во время движения на поезде зрение человека сталкивается с ускоренной сменой наблюдаемого, что приводит к перцептивному шоку. В. Гюго в попытке описать увиденное из окна поезда обращается к образу сумасшедшего танца: «Цветы по обочинам дороги скорее не цветы, а пятна, или даже полосы, красные и белые; больше нет точек, всё становится полосой; зерновые поля как огромные копны золотистых волос; поля люцерны – длинные зеленые косы; города, колокольни и деревья исполняют сумасшедший, беспорядочный танец» [цит. по: Schivelbusch 1986: 55–56]. Постепенно человек привыкает к новому визуальному потоку, однако новое зрение меняет парадигму восприятия.

Актуальное искусство особенно выразительно отражает эту трансформацию: так появляется динамический пейзаж футуристов. Поезд становится важнейшим объектом футуристических экспериментов. Достаточно вспомнить картины К. Малевича «Станция без остановки. Кунцево» и И. Клюна «Пробегающий пейзаж». И. Клюн называл свои

картины «кинетическим кубизмом», определяя его как «расчленение предмета и развертывание его на плоскости» при сохранении «множественности точек зрения» [Малевич 2004: 76].

Анализируя изменения визуального восприятия пространства в связи с изобретением поезда, автор фундаментального культурологического исследования о железной дороге В. Шивельбуш говорит о том, что пейзаж за окном вагона превращается в панораму [Schivelbusch 1986]. Панорамность видения предполагает активность восприятия: для того чтобы собрать растянутое и разрозненное пространство, необходимо творческое усилие наблюдающего.

Поезд заставил современников увидеть мир по-новому, он сам стал «взглядом». Это качество поезда, по мнению Г. Амелина, выразительно запечатлелось в ранней прозе Б. Пастернака. Исследователь обращается к известному фрагменту, в котором героиня повести «Детство Люверс», припав к вагонному окну, с интересом разглядывает открывшуюся перед ней панораму уральских гор:

«Горная панорама раздалась и всё растет и ширится. Одни стали черны, другие освежены, те помрачены, эти помрачают. Они сходятся и расходятся, спускаются и совершают восхожденья. Всё это производится по какому-то медлительному кругу, как вращенье звезд, с бережной сдержанностью гигантов, на волосок от катастрофы, с заботой о целостности земли. Этими сложными передвижениями заправляет ровный, великий гул, недоступный человеческому уху и всевидящий. Он окидывает их орлиным оком, немой и темный, он делает им смотр. Так строится, строится и перестраивается Урал» [Пастернак 1991: 47].

В этом фрагменте нашли отражение такие черты новой визуальности, как круговое движение взгляда и особые, обоюдонаправленные, отношения между путешественником и ландшафтом. Комментируя фрагмент, Г. Амелин подчеркивает интенсивность переживания пространства, которое освобождается от привычного, подчиненного человеку положения:

«Это не просто взгляд, а само рождение взгляда. <...> Девочка смотрит так, как будто никто никогда Урала еще не видел. <...> Ландшафт – открытие Люверс. Лишняя пара глаз этому ландшафту не нужна, он сам – всевидящий, как говорит автор, – делает смотр» [Амелин 2009: 74]. Таким образом, исчезновение пространства оборачивается его открытием.

Концептуализация видения как социального феномена происходит во многом под влиянием самого революционного визуально-технического открытия нового времени – фотографии. Массовое распространение этого вида визуальной культуры позволило П. Бурдые поставить вопрос о социальном характере видения. Размышляя о реалистичности фотографического изображения, Бурдые писал о социальной обусловленности восприятия реальности: «Но – с более глубокой точки зрения – как раз ссылаясь на наивный реализм, мы можем считать реалистической такую репрезентацию реального, которая должна показаться объективной не по согласованию с самой реальностью вещей (так как эта реальность всегда предстает лишь через социально обусловленные формы восприятия), но по соответствию правилам, которые определяют синтаксис ее социального применения, по социальному определению объективного мировидения; предоставляя фотографии свидетельство о реализме, общество не делает ничего иного, кроме как подтверждает для самого себя в тавтологической достоверности, что образ реального, соответствующего репрезентации объективности, действительно объективен» [Общедоступное искусство 2014: 124–125]. Претендуя на особую достоверность, фотография, наоборот, вскрыла механизмы восприятия реальности, которое зависит от действующих социальных практик и общепринятых конвенций. В этом отношении зрение становится мировидением, системой правил, определяющих «синтаксис социального применения» чего бы то ни было, в том числе зрения.

Философское обобщение представлений о видении как особом способе познания мира было сделано в феноменологической теории Мерло-

Понти. Сближаясь с бергсоновским пониманием телесности, Мерло-Понти дает такую оценку видения как одного из самых важных видов чувствования: «Видение проникается неким смыслом, который определяет его функцию в картине мира и нашем существовании. <...> Чувствование обогащает всякое качество жизненной ценностью, с самого начала его схватывает в его значении для нас, для этой грузной массы, каковой является наше тело, вот почему оно всегда соотносится с телом» [Мерло-Понти 1999: 84]. Взгляд, по мнению философа, является «разновидностью познавательного механизма, который извлекает вещи оттуда, откуда они должны быть извлечены, дабы стать зрелищем» [Мерло-Понти 1999: 339].

В современных визуальных исследованиях феномен видения устойчиво понимается как социокультурный конструкт [Сальникова 2012; Колодий 2011]. Выразительную метафору для определения функции этого конструкта предложили авторы исследования о «туристическом взгляде» Джон Урри и Йонас Ларсен. Они сравнили видение с «культурными линзами», которые позволяют идентифицировать наблюдаемые явления в качестве достопримечательностей [Urry, Larsen 2011: 2]. «Культурными линзами», по мнению авторов исследования, выступают личный опыт и воспоминания, правила и стили, а также прецедентные изображения и тексты. В исследовании подчеркивается, что взгляд, или способ видения, – это продукт социального конструирования и легитимации, которые самым тесным образом связаны с дискурсивными практиками.

По аналогии с видением подобному социальному конструированию подвержены все виды чувственного восприятия: слух, осязание, обоняние, кинестетика. В силу социокультурной обусловленности чувственное восприятие имеет способность к трансформации и развитию. Общее изменение характера восприятия влияет на рецепцию пространства и создание его образа в литературном произведении.

Подводя итоги, вернемся к взаимодействию способов передвижения и образа пространства. Являясь одним из ключевых дискурсивных

факторов, способ передвижения оказывает влияние на формирование образа пространства в литературном произведении. Основными дискурсивными факторами этого влияния становятся географические параметры путешествия и телесные ощущения. Воздействуя на характер восприятия пространства и его отражение в литературном произведении, они способствуют формированию специфических дорожных дискурсов, предполагающих единство содержательных и поэтических подходов к описанию увиденного. Травелоги, понимаемые как тексты, появившиеся по итогам реальных путешествий, представляют собой наиболее органичный для изучения дорожных дискурсов материал. Кроме того, на протяжении достаточно длительного времени, в том числе в XIX в., травелоги оставались основным жанром литературного описания Урала. В целом уральский травелог XVIII – начала XX в. может служить репрезентативным примером того, как последовательная смена транспортных коммуникаций находит свое отражение в изменениях литературного образа пространства.

1.3. Литературное картирование в исследованиях локальных текстов³⁶

Среди дискурсивных факторов травелогов, помимо способа передвижения, важную роль играют географические параметры путешествия. В связи с этим становится продуктивным обращение к методам пространственного изучения литературного произведения, опирающимся на инструментарий географической науки.

Изучение образов пространства – одно из самых динамично развивающихся направлений современной гуманитарной науки. В основном оно сформировалось на стыке двух дисциплин – географии и филологии. В русле географической науки образы пространства стали

³⁶ Содержание данного раздела частично представлено в публикациях: Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 2. С. 159–171; Власова Е.Г. Создание литературной карты Урала в путевой очеркестике Д.Н. Мамина-Сибиряка // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1821–1835.

предметом изучения культурной и гуманитарной географии, которые оперируют понятиями «культурный ландшафт» и «географический образ». Важнейшим источником для изучения образов географического пространства вполне закономерно послужила художественная литература, получившая, в свою очередь, новый опыт прочтения.

В сфере культурной географии формируется обобщающее понятие геокультуры как «процесса и результата развития географических образов в конкретной культуре» [Замятин 2002: 5]. Разрабатывая это понимание геокультуры, Д.Н. Замятин предложил использовать геокультурный подход не только в изучении глобальных геополитических процессов, но и по отношению к формированию культуры отдельных, локальных территорий. В результате уточнилось само определение геокультуры как «комплекса пространственных представлений, связанного с образами, с мифами, с идентичностью места или территории» [Территория как образ 2022]. Несложно заметить связь этого понятия с явлением «локального текста».

Одним из инструментов анализа геокультуры в гуманитарной географии выступает образно-географическая карта. Д.Н. Замятин, давая определение этого понятия, отмечает: «Она может рассматриваться и как графическое отображение структурной модели какого-либо географического образа, а также репрезентировать образно-географическое пространство вербальных текстов (письменных, визуальных, картографических), например художественных произведений или стенограмм политических переговоров. Как когнитивное средство образно-географическая карта направлена на выявление и построение в виде системы взаимосвязанных элементов содержательных для конкретного географического пространства знаков, символов, стереотипов и архетипов» [Замятин 2010: 30].

В поле этих культурно-географических исследований были составлены первые образные карты конкретных территорий. Серию образно-географических карт-схем представил в своих работах по

геокультурному брендингованию Д.Н. Замятин [Замятин 2020]. Эти схемы включают литературный материал, однако останавливаются только на тех именах и литературных сюжетах, которые могут войти в число узнаваемых брендов территории.

Большой шаг к созданию общей литературной карты России был сделан коллективом исследователей под руководством В.Н. Калуцкова. В рамках этой работы был подготовлен первый литературный атлас России [Литературная география России 2022], в котором представлены литературные карты 10 крупных российских регионов. Эти карты включают указание имен поэтов и писателей, связанных с конкретной территорией, а также литературных мест – мемориальных локаций, отсылающих к биографии или литературному произведению.

В то же время в области филологических наук активизируется интерес к пространственным проблемам литературного творчества, который формирует собственное исследовательское направление, обозначаемое терминами «литературное краеведение», «литературная регионалистика». В данном проблемном поле географов и филологов объединяет понимание того, что человек живет не просто в физическом пространстве, а в пространстве семантически структурированном и образно оформленном. Таким способом организованный мир, мир как произведение человека, это предмет и географии, и филологии.

Разработка картографических подходов к изучению литературного текста ведется в сфере литературной географии³⁷ – активно развивающейся междисциплинарной области, которая сформировалась вокруг идеи сопоставления реального и литературного пространств [Editorial 2015]. Здесь сложилось три крупных тематических направления: изучение литературно-географического пространства, литературных мест и

³⁷ Наряду с названием «литературная география» (Literary Geography) в этой сфере используются понятия «литературное картирование» (Literary Mapping) или «литературное картографирование» (Literary Cartography).

литературная картография [Морозова 2020]. Последнее направление является наиболее близким нашему исследованию, поэтому остановимся на нём подробнее.

Среди картографических методов выделяются мемориальный и ассоциативный методы [Морозова 2018]. Ассоциативные карты предполагают маркировку литературных мест произведений или отдельных образов, которые проявляют связь территории с тем или иным произведением или писателем. В любом случае, как отмечают авторы исследования “Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction”, «литературная география должна быть гораздо большим, чем просто картографической иллюстрацией или вспомогательной опорой для научной литературы, в которой всё уже сказано» [Mapping Literature 2016: 184]. Основной миссией литературного картирования становится интерпретация литературного текста, которая позволяет обнаружить в нем неочевидные смыслы. «Карты, – как точно заметил Франко Моретти, – высвечивают внутреннюю логику повествования: семиотическую область, вокруг которой сюжет объединяется и самостоятельно организуется» [Moretti 2006: 6.]. Это положение, связанное прежде всего с картированием художественного нарратива, вполне применимо к публицистическим путешествиям, построенным на основе движения в реальном пространстве: пространство путешествия, визуализированное на карте, позволяет проявить семиотические узлы и пересечения художественного пространства травелога. Например, картирование уральского путешествия В.И. Немировича-Данченко проявило важную особенность воссозданного им пространства: «панорамные описания окрестностей с доминирующих высот являются его основой» [Абашев, Власова 2017: 8–9].

Выбор картографического метода во многом определяется жанрово-стилистическими особенностями литературного текста. Так, авторы исследования “Mapping Literature”, размышляя о возможных направлениях развития литературного картирования, отмечают значимость жанровых

особенностей произведения: «Основным направлением будущей литературной географии являются многообразные взаимодействия между реальной и воображаемой географией в различных литературных жанрах» [Mapping Literature 2016: 180].

При наложении литературного текста на карту исследователи вынуждены опираться на географический инструментарий. В этом отношении кажется продуктивным опыт В.Н. Калуцкова, который на материале сахалинского путешествия А.П. Чехова впервые предложил комплексную географическую методику анализа литературного произведения [Калуцков 2021]. При изучении травелогов исследователь предлагает рассмотреть следующие географические контексты: картографирование и описание маршрута литературного путешествия; соотнесение маршрута с историческими путями и дорогами; пространственно-временная периодизация литературного путешествия [Калуцков 2021: 77]. Пространственно-временная периодизация предполагает характеристику следующих «субъективно-объективных показателей»: транспортные средства путешественника; природные и культурные рубежи, существующие и подмеченные писателем; границы сезонов и погод, включая их восприятие автором; смена соотношения бытовой и художественной оценок мест и сообществ у автора; изменение модальности литературных оценок мест и сообществ по ходу движения; авторская периодизация путешествия на основе осмысления приобретенного опыта [Там же]. Включение в этот список «субъективных показателей», связанных с оценками и модальностью этих оценок, представляется небесспорным, однако общая логика предложенной классификации, сориентированной на географические факторы путешествия, дает необходимый инструментарий для анализа образов пространства в литературном тексте.

Ключевым географическим параметром и инструментом картирования литературного произведения, связанного с путешествием, становится

маршрут. Маршрут, выстроенный в соответствии с целью путешествия, представляет собой направленное движение, основными составляющими которого являются точки остановок и пути между ними. Однако маршрут – это не только география путешествия. Он является конструирующей осью, которая выстраивает полученные в ходе поездки впечатления. Это направляющая роль маршрута была проблематизирована Игорем Сидом. В рамках организованной им конференции «Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа» (РГГУ, РАШ, Москва, 2013) он таким образом представил основную тему обсуждения: «Вне зависимости от того, чем является, а чем не является Путешествие, и от того, в каких именно пространствах оно происходит, у этого феномена имеется как минимум один абсолютно необходимый смыслообразующий атрибут (элемент) – Маршрут: схема-траектория движения в путешествии, наложенная на карту соответствующего пространства. Все хронологические моменты путешествия однозначно связаны с соответствующими пространственными точками его маршрута» [Сид 2013: 27]. Соответственно, маршрут играет особую конструирующую роль в создании травелога и образа пространства, созданного в нём. Более того, благодаря направляющей роли маршрута путевые тексты приобретают способность к семиотическому связыванию пространства. О связующей функции травелога писали Е.Г. Милюгина и М.В. Строганов: «Текст путешествия можно представить в качестве цепочки локальных текстов, но гораздо важнее, что путешествие фиксирует системно-синтаксические связи между этими локальными текстами» [Милюгина, Строганов 2013: 13].

В целом понятие карты – точка встречи филологии и географии. Построение литературной карты может стать одним из важнейших источников формирования целостной образно-географической карты России, а с учетом мощного символического потенциала литературного образа – сыграть роль обобщающей репрезентации российского геокультурного пространства.

Большие произведения создают особые сюжетизированные карты местности, которые переходят в общественное пользование. Так, Петербург Достоевского или Москва Булгакова – это картированные образы, ставшие самостоятельными феноменами мировой культуры. Беллетризируя реальное географическое пространство, литература создает образную карту мира. Создание символических связей национального пространства можно считать одной из важнейших функций литературного творчества. Когда В. Хлебников в 1913 г. заявил, что отечественной литературе нужен не новый Достоевский, а Пржевальский, он сформулировал географическую миссию литературы, миссию образно-символического картирования пространства.

Литературная карта России пока не является целостной. Литературоведческие исследования образов российского пространства последних лет в основном были сосредоточены на изучении «локальных текстов». Назрела необходимость объединения фрагментов в единое полотно. И начать можно с карты упоминания отдельных локусов или их выхода в общелитературный контекст.

Когда на образной карте России появился Урал? Эту веху можно достаточно точно определить – 1880-е гг., публикация уральских очерков В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Василий Иванович Немирович-Данченко побывал на Урале в 1876 г. Творческим итогом путешествия стали очерки, которые публиковались в различных газетах и журналах в конце 1870-х и начале 1880-х гг. Позднее очерки, всего числом 65, были собраны в книгу «Кама и Урал» (1890 и 1904 гг. издания). Книга была читаемой. Впрочем, она до сих пор остается уникальным источником самых разнообразных сведений об Урале. В путевых очерках Немировича-Данченко началось становление системы общих мест в описании Урала, которую можно назвать «уральским кодом» русской литературы.

Одновременно печатаются первые очерки и рассказы Д.Н. Мамина-Сибиряка. Два тома его «Уральских рассказов» (1888–1889), в сущности, окончательно ввели Урал в русскую литературу как целостный и самобытный топос, с которым связаны собственные сюжеты, человеческие типы и символика. В прозе В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка началось формирование геопоэтики Урала.

Следующий этап литературного картирования Урала связан с именем Бориса Пастернака. Марина Цветаева в начале 1930-х гг. писала: «Нет Урала, кроме пастернаковского Урала, как оно и есть: ссылаюсь на всех читавших “Детство Люверс” и “Уральские стихи”» [Цветаева 1994: 380]. В творчестве Пастернака Урал получил метафорически насыщенное и пластически наглядное воплощение, которое до сих пор остается самой яркой его литературной репрезентацией. Кроме того, благодаря зарубежной популярности романа «Доктор Живаго» Урал запечатлелся и на мировой карте больших литературных сюжетов.

Новым геопоэтическим прорывом Урала в общелитературном пространстве можно назвать творчество П.П. Бажова. Бажовские сказы предложили первую целостную мифопоэтическую интерпретацию уральского пространства. Определяя геокультурное значение сказов Бажова, М.А. Литовская назвала писателя первым имиджмейкером Урала: «Можно сказать, что Бажов создал наиболее эффектный и плодотворный имидж региону <...> Он создал своего рода квинтэссенцию уральскости, объединяющую интересы разных обитателей Урала и помогающую сформировать границы обитания “своих”» [Литовская 2006: 195].

В современном литературном пространстве Урал был заново открыт пермским писателем Алексеем Ивановым. В своем романном творчестве Иванов создает увлекательный, геопоэтически точный и одновременно глубоко философский образ уральского пространства. Целостность и убедительность геопоэтики А. Иванова связаны не только с прекрасным знанием и органичным обновлением локальной традиции, но и особым

поэтическим видением пространства. «В согласии с таким, открытым в начале XX в. поэтическим восприятием пространства, Иванов видит (и воссоздает в прозе) пространство как общее “бытийное основание”, живую подвижную колеблющуюся протяженность, и все ландшафтные формы представляет как сгустки единой пространственной субстанции, складки и узлы одной непрерывно ткущейся мировой ткани», – отмечают онтологическую природу образов уральского пространства в творчестве Алексея Иванова Марина и Владимир Абашевы [Абашев, Абашева 2010: 84]. Подобный подход к изображению пространства превращает уральский ландшафт в субъект действия, выводя образ Урала на новый уровень художественного обобщения.

Таковы основные обозначения Урала на литературной карте России. Однако при увеличении масштаба на этой карте проявляются и другие тексты, сыгравшие немаловажную роль в накоплении и структурировании геопоэтических значений уральского ландшафта. Среди них особую роль играют отчеты о путешествиях, которые послужили основным источником литературного освоения Урала до появления больших беллетристических произведений.

Выводы по первой главе

1. В данной главе было показано, что изучение образа Урала в нашей работе опирается на актуальные методы пространственных исследований литературы. Базовым основанием работы становится теория локального текста культуры, в рамках которой мы ставим новую теоретическую проблему – о роли жанров в истории формирования локального текста. Помимо этого, мы связываем изучение травелогов в составе уральского локального текста с понятием геопоэтики, которое дает нам основание для изучения механизмов формирования устойчивых символических значений пространства.

2. Характеристика геопоэтических особенностей уральского пространства строится нами с учетом дискурсивной специфики травелога, который в качестве документального жанра тесно связан с определенным видом деятельности – путешествием. Мы утверждаем, что характер путешествия, в частности способ передвижения как один из ведущих дискурсивных факторов травелога, влияет на восприятие пространства и его образ, созданный в тексте. Посредниками этого влияния оказываются чувственные впечатления путешественника, которые имеют не только физическую, но и социальную природу. Одним из ключевых понятий исследования становится в этом отношении понятие видения как социокультурного конструкта, определяющего характер восприятия.

3. Обоснована необходимость обращения к современным методам литературного картирования. Наложение травелогов на карту позволяет выявить влияние географических параметров путешествия (маршрут, трассы, рельеф, точки остановок, время движения), которые также выполняют роль дискурсивных факторов, на восприятие пространства и характер геопоэтических образов. Ключевым географическим параметром травелога становится маршрут поездки. Маршрут, выстроенный в соответствии с целью путешествия, представляет собой направленное движение, основными составляющими которого являются точки остановок и пути между ними. Благодаря направляющей роли маршрута путевые тексты приобретают способность к семиотическому связыванию пространства.

4. Литературное картирование позволяет проявить новые значения и семиотические узлы литературного произведения. При этом оно обладает выраженным прагматическим эффектом: создавая сюжетизированные карты местности, этот научный метод оказывает влияние на восприятие территории. Литературная карта может стать основой для символического объединения отдельных регионов и российского пространства в целом. Литературная карта Урала начала выстраиваться в путевых очерках

В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка, что становится ярким подтверждением особой роли травелогов в литературном открытии уральского пространства. Далее в ее конфигурации и наполнении основную роль сыграли произведения Б. Пастернака, П. Бажова, А. Иванова. В то же время метод картирования позволяет увидеть, что при изменении масштаба на карте начинают проявляться менее крупные, но значительные для понимания динамики образа Урала произведения. Травелогии конца XVIII – начала XX в. относятся к тому роду литературных текстов, которые выполнили собирательную и направляющую миссии в производстве устойчивых значений уральского пространства.

Глава 2. Литературное открытие Урала в травелогах конца XVIII – первой половины XIX в.

Историю уральских травелогов можно представить в виде нескольких последовательно сменяющих друг друга этапов. Первый из них связан с эскизным характером образных интерпретаций: зарисовками и художественными интуициями, которые содержат первые попытки символического осмысления малоисследованного региона. Открываясь в 70-х гг. XVIII в., он завершается в конце 1870-х – начале 1880-х гг. выходом очерков В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка, благодаря которым Урал входит в геопанораму России на правах региона, обладающего целостным литературным образом. В данной главе мы обратимся к характеристике тех первоначальных значений и образов, которые сформировались в период уральских академических экспедиций и писательских поездок через Урал.

2.1. У истоков образа Урала: путевые отчеты уральских академических экспедиций конца XVIII в.³⁸

В конце XVIII в. Императорская академия наук предпринимает пять физических экспедиций по изучению восточных рубежей Российской империи. Три из них были посвящены Уралу: экспедиция И.И. Лепехина, П.-С. Палласа и И.-П. Фалька. По итогам экспедиций вышло несколько томов путевых отчетов с подробным описанием географии, экономики и культуры Урала. Главная задача экспедиций была связана с изучением горного промысла и поиском ресурсов для его развития. Чтобы решить ее, академики должны были внимательно изучить не только природные богатства Урала, но и человеческий потенциал региона, который до сих пор оставался малоизученной территорией. Гуманитарно емкий подход академиков позволил представить целостное описание Урала, которое

³⁸ Содержание раздела отражено в публикации: Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 2. С. 159–171.

предопределило формирование важных символических значений и образов уральского пространства.

Прежде всего эта миссия отразилась в утверждении имени региона. Принято считать, что топонимы «Уральские горы» и «Урал» были введены в географических исследованиях В.Н. Татищева [Архипова 2003]. До этого времени Уральские горы не имели общепринятого названия. Европейцы чаще всего называли их Рифейскими, русские – Каменным поясом или Камнем. Название Урал впервые было зафиксировано в «Чертежной книге Сибири» С. Ремизова (1701 г.) в сочетании «Камень Урал». Однако утвердилось имя не сразу. На первом общероссийском Атласе, подготовленном Академией наук в 1745 г., Уральский хребет изображен с ошибками и не поименован. Атлас не раз критиковался современниками, но альтернативы ему долгое время не было. Главной причиной этому послужили внутренние проблемы Географического департамента Академии наук, который, несмотря на постоянные попытки, в том числе самого В.Н. Татищева, не мог организовать необходимое переиздание Атласа.

Картографические работы возобновляются в 1770-80-х гг., формируя одно из направлений масштабных географических исследований Академии наук. Общероссийская легитимизация названия «Уральский хребет» произошла на генеральной карте Российской империи, которая была опубликована в новом Атласе Академии наук 1771 г. Бесспорно, уральские экспедиции Палласа, Лепехина и Фалька сыграли в этом процессе решающую роль. Ввиду отсутствия официального названия, закрепленного генеральной картой, вплоть до начала 1770-х гг. продолжала существовать множественность наименований Уральских гор. В частности, сам Лепехин в предисловии к своим дневникам называет их Рифейскими [Лепехин 1772]. Однако в основном тексте дневников Лепехина, а также у других ученых-путешественников используются только уральские «имена»: Уральские горы, отроги Урала, Уральская грива, Урал. В отчетах академических

экспедиций состоялось утверждение постоянного имени, которое уже никто не пытался оспаривать.

Новое имя зафиксировало ключевые значения складывающегося образа территории. Оно отправляло к древнему башкирскому наименованию одного из хребтов Уральских гор – Урал-тау, закрепляя связь уральского пространства с культурой коренных народов, издревле проживающих здесь. Башкирские корни топонима Урал впервые обнаружил П.-С. Паллас. Описывая дорогу от Саткинского завода в Исетскую провинцию, ученый использовал местное название горного массива, который эта дорога пересекала: «Отсель обыкновенная в Исетскую провинцию дорога лежит по ненаселенным местам через кряж, который башкирцы собственно Урал-тау (горный пояс) называют...» [Паллас 1786: 91–92].

Уральскими именуются не только горы, но и реки, леса, заводы. Лепехин использует понятие «уральское положение»: «От реки Ляли места начали уже пахнуть Уральским положением» [Лепехин 1780: 81], имея в виду горный характер местности и особую суровость климата. Под именем «Урал» подразумевается целый регион: отдельная территория, обладающая своей географической и культурной целостностью. Определеннее других об этом написал Н.П. Рычков, возглавивший один из отрядов экспедиции П.-С. Палласа. Размышляя о границе Европы и необходимости ее переноса с горного хребта на линию реки Камы, исследователь по большому счету обосновывает геокультурную целостность Уральских гор как отдельного региона:

«Полагающие границами Европы каменные хребты Уральских гор, не великое различие могут найти между теми местами, которые находятся на полуденной стороне реки Камы. Свойство и самое качество земли сея ни мало не отлично от мест, лежащих по другую сторону сих великих гор. Действия природы также между собою весьма сходны: ибо как та, так и другая страна изобилуют множеством различных металлов, которых очень

мало находят в стране, лежащей на нагорной стороне реки Камы, а тем менее еще во внутренних частях России.

Если сие разделение положили древние писатели, то без сомнения сделали они это не по различию мест и земли, но по различию народов, обитавших в этой стране; и если разделение всех частей света можно полагать по разности народов, то и потому можно лучше положить границею Европы реку Каму: ибо начиная от нее и далее к Уральским горам обитавшие народы не только природою, но и обычаями ни мало не сходны с живущими в Европе» [Рычков 1770: 29].

В путевых отчетах академических экспедиций происходит превращение оронима «Уральские горы» в хороним «Урал», и этот факт наглядно демонстрирует особое значение этих травелогов в процессе формирования общекультурных представлений об уральском регионе.

Сами путешественники отчетливо осознавали особую геокультурную миссию своих экспедиций и составленных по их итогам отчетов. Неслучайно большинство из них, в том числе отчеты И.И. Лепехина, П.-С. Палласа и Н.П. Рычкова, написаны в форме путевого дневника – последовательных записей своих наблюдений и размышлений. Дневники не перегружены терминологией, а справочные материалы вынесены в специальные приложения к основному тексту. Во вступлении ко второй части своих записок Лепехин, обращаясь к «благосклонному читателю», поясняет: «Описание животных так же старался я изобразить природными словами, что в связи записок, а особливо по новости слов, делает прерывистость, и может быть многим наводить скуку. Для избежания сего, новых животных, предводительствуем единственно десятым изданием Системы Натуры г. Линнея, включил я в особое прибавление» [Лепехин 1772]. Отчеты не лишены занимательности: они описывают дорожные приключения путешественников, их встречи и знакомство с обычаями и нравами местного населения, а также активно используют местную топонимику и пересказывают топонимические предания. На глазах

читателей происходит открытие неизвестной страны, экзотической и опасной, что придает дневникам особую привлекательность для чтения. Установка на читабельность, дневниковый характер записей, репортажность повествования позволяет говорить о своеобразной публицистичности ученых путешествий, что, безусловно, оказывало влияние на характер восприятия представленных описаний и способствовало формированию обобщенного образа пространства путешествия.

Другая особенность дневников, которая играла немаловажную роль в этом процессе, связана была с манерой научного описания, принятой в ту пору. Увлечшись чтением «Физического путешествия по разным провинциям Российской империи», составленного академиком Палласом, О. Мандельштам так объяснял обаяние этих «пассивно-созерцательных натуралистических описаний»: «Систематика – гордость и слава линнеевского естествознания – благоприятствовала искусству описаний. Она породила замечательное мастерство детальных и замкнутых в себе созерцательных характеристик. У бездарных кропателей они вырождались в накопление полицейских примет, у художественно одаренных натуралистов расцветали в узор, в миниатюру, кружево. <...> Здесь барская изощренность и чувствительность глаза, выхоленность и виртуозность описи доведены до предела, до крепостной миниатюры» [Мандельштам 1990: 365].

Попадающие в поле зрения ученых-путешественников приметы уральского ландшафта, так же как и упомянутая Мандельштамом «асиятская козявка», костюмированная Палласом «под китайский придворный театр, под крепостной балет» [Мандельштам 1990: 369], нередко становятся предметом пристального, почти живописного описания. Так, например, Рычков рассказал о камнях «серой шиферной и синими блестками испещренной руды»: «Лучшего в них было то, что внутри разбиваемых камней видимы были, как будто бы чернилами напечатанные

ольховые деревья, которых величина и с камнем не более одного вершка, но размер древесных ветвей так порядочно сохранен, что можно с удивлением взирать на сие премудрое искусство природы» [Рычков 1770: 38]. Так, натуралистическое описание уральского камня вводит в образ Урала тему палеонтологической древности.

То же самое происходит и с описанием окрестного пейзажа. Необходимая фиксация открывающегося во время путешествия ландшафта нередко превращается в небольшую поэтическую миниатюру: «Тут изобиловали ключи, журчащие при подошвах гор; там возвышались бесплотные гор хребты; чистота воздуха, пестрота растений и безмолвная везде тишина увеселяла наш взор и разумы» [Лепехин 1772: 56]; «Разновидные гор утесы, оба берега реки Белой составляющие, представляли местами как бы древних городов развалины: иные имели вид башен, другие представляли столбы; а иные совсем походили на порядочно укрепленные места. Ущелья, представляющие ужасные пропасти, густота лесов, тесные проходы и стремнины представляли глазам нашим ту надежду, которую Башкирцы во время бунтов на природное земли своей укрепление полагали» [Лепехин 1772: 596]; «В десяти верстах от деревни Сарманаевой переехал я поперек Уральские горы, выходящих из пределов Ледовитого моря и простирающихся до реки Волги. Сия великая гора достойна тем более удивления, что состоит из множества гор, одной на другой стоящих, и нет ничего столь приятного для глаз, как взошед на высоты оных смотреть на исходящие из них отрасли, кои отделяясь идут особливыми хребтами. Превысокие каменные холмы видимы на поверхности отделившихся гор, а при подошве оных находятся глубокие и весьма приятные долины, где протекают многие источники и реки, и коих берега украшены различными цветами, растущими по всей стране» [Рычков 1770: 16]. Таким образом, записки ученых путешественников можно считать одним из первых литературных опытов создания самобытного уральского пейзажа, в котором закрепляются важнейшие его

характеристики: обилие рек, густые леса, глубина и теснота горного рельефа.

Добросовестная констатация эмпирических фактов, сопровождаемая образным описанием, по мере их накопления приводит к формированию семантических презумпций – геокультурных значений, данность которых вытекает из множественности и повторяемости свидетельств. Ключевые значения при этом группируются вокруг представления о древности уральской земли. Образ древней земли, возникающий при объединении сформированных презумпций, определяет основное геокультурное значение уральского пространства в отчетах ученых-путешественников.

Древность Урала в ученых записках приобретает абсолютный характер, поскольку оказывается связанной с доисторическим прошлым Земли. На территории Урала сохранились многообразные остатки уникальной геологической системы конца палеозойской эры – Пермского геологического периода. Понятие это было сформировано только во второй половине XIX в. в результате специальных исследований группы ученых под руководством знаменитого английского геолога Родерика Мурчисона. Однако рассказы об удивительных окаменелостях, найденных в горных породах Урала, к этому времени уже были широко известны, прежде всего благодаря заинтересованным описаниям ученых-путешественников конца XVIII в.

Одним из первых об уральских окаменелостях, т. е. остатках растений и животных, закаменевших в уральской породе, расскажет П.-С. Паллас в 1773 г. В частности, он отметит масштаб залегания этих находок. Исходя из его записей, практически все рудники вдоль реки Яик «наполнены такими окаменелостями, почернелыми и нередко углю подобными частями дерева» [Паллас 1773: 370]. Сам Паллас переправил из Оренбурга в Санкт-Петербургскую кунсткамеру корневище одного такого дерева, найденного в Твердышевском руднике. Кроме того, ученый подробно опишет окаменелые находки – «слоновьи кости, чертовы пальцы и зубчатые языки»

– по рекам Туре и Исети, назвав их главными достопримечательностями этих мест [Паллас 1786: 338].

Склонный к поэтическим обобщениям Н.П. Рычков в 1770 г. также достаточно подробно опишет «чудные творения природы», «как то кости, дерево и зубы великих зверей» [Рычков 1770: 104]. Расскажет путешественник и об огромном окаменевшем дереве из Осокинского рудника «длиною шести аршин с половиною» и «превеликих кучах» этих окаменевших деревьев, выброшенных из рудника [Рычков 1770: 118].

Академик И.И. Лепехин, в 1771 г. исследовавший уральский северо-запад на границе Вятки и Перми, обнаружил в оврагах наложения «известного камня с весьма мелкими окаменелыми митулитами» [Лепехин 1780: 231], что заставило ученого выдвинуть предположение о подводном происхождении этих пород. Чуть дальше, изучая зырянские соляные варницы по реке Вымь, Лепехин столкнулся с окаменелостями древних морских животных. По мнению ученого, это «ясно гласило: сия страна некогда составляла дно морское и самая соль морю же началом своим долженствует» [Лепехин 1780: 278–279].

Во всех представленных описаниях чувствуется не только ученый педантизм путешественников, но и желание подчеркнуть важность этих находок для истории уральской земли. Ученые называют их «достопримечательностями края», «чудным творением», а при перечислении разновидностей используют образные названия, очевидно услышанные от местных жителей (например, «чертовы пальцы»). Множественность находок и особый – метафорический – характер их описания формируют представление о древней таинственной земле, чьи недра таят в себе не только полезные ископаемые, но и символические богатства.

Другим важнейшим элементом образа уральской древности стал развернутый нарратив о древних жителях Урала – чуди. Как представляется,

именно ученые путешествия устойчиво закрепили в русской книжной традиции связь Урала с преданиями о чуди.

Интерес ученых к народу, который, согласно преданиям, когда-то жил на Урале, был предопределен горноразведочными задачами уральских экспедиций. Рассказы о чуди в основном связаны с обследованием древних копей, или «копаней», которые нередко служили ориентиром для поиска горной породы: «В четырех верстах от сего завода (Каноникольского – прим. Е.В.) на речке Куртлы находится старинная или так называемая Чудская копь. Тут и инде попадающаяся такие копи доказывают, что в сих местах были рудные промыслы еще за много лет до заведения металлопавиленных заводов россиянами...» [Лепехин 1772: 97]. Неслучайно самые крупные рудники, такие как Гумешевский, Кукишинский, Синарский, были окружены старинными чудскими ямами. Гумешевский и Кукишинский рудники обследовали П.-С. Паллас и И.И. Лепехин, Н.П. Рычков писал о многочисленных чудских «копанях» по нагорному берегу Ика и рядом с Нагайбацкой крепостью. Плотность этих упоминаний заставляет согласиться с И.И. Лепехиным, который говорил о том, что чудские копани «наибольший подали повод заводчикам помышлять о заведении рудокопных промыслов...» [Лепехин 1772: 97].

Описания старинных разработок, сделанные учеными-путешественниками, стали одним из первых свидетельств о горном искусстве древних жителей Урала. И.И. Лепехин отметил, что «...древние сих стран обитатели не только медных, но и других высоких металлов плодами пользоваться умели» [Лепехин 1772: 169]. Более того, ученый счел нужным предположить, что до железных руд они не были большими охотниками. Способ добычи был отличен от современного: «...ибо они входили в землю, не делая никаких подстав, а отверстия их подкрепляла та же самая земля, которой верхи выделявали они наподобие свода» [Рычков 1770: 67–68]. Ученые удивлялись чудским усердием и сноровке в опасном горном деле: «Таким образом проходили они в самые глубокие места, и

свод, держащий на себе превеликую тяжесть земли, еще и доныне во многих местах не обрушился» [Рычков 1770: 68]. П.-С. Паллас пишет о том, что старинные штольни «тем примечания достойнее, потому что состоят только в круглых каналах и ходах, которые ни обиты досками, ниже столбами подперты» [Паллас 1773: 370].

П.-С. Паллас, описывая одну из штолен возле Оренбурга, рассказал о способе переплавке меди у древних рудокопов: «При Сайгачем руднике найдена кроме многих ширфов чрезвычайно пространная и во многих местах разработанная штольня еще в хорошем состоянии, при расчищении которой найдены не токмо лепешки сплавленной меди, но и много круглых из белой глины сделанных горшков, в которых медь плавил, да и кости засыпанных землею работников; но не видали ни малейшего следа плавильных печей» [Паллас 1773: 370]. И.И. Лепехин также говорит об отсутствии плавильного производства: «... мне кажется, тщетно прилагают старания те, которые ищут примет бывших в сих местах плавильных заводов» [Лепехин 1772: 98].

Важное наблюдение сделал П.-С. Паллас и по поводу географии расположения чудских ям. Поскольку он обследовал всю горнозаводскую часть Урала от Оренбурга до Красновишерска, картина складывалась достаточно полная. В частности, ученый задолго до специальных археологических исследований, предпринятых только в XIX в., отметил, что на севере древних «копаней», «таких как на Южном Урале и Алтайской горе», не встречается. «Из сего можно заключить, что тот нам неведомый народ, который по всей Сибири горную производил работу, не доходил до северных лесов, но избирал откровеннейшие горы и теплейший климат», – пишет ученый [Паллас 1786: 199]. Таким образом, П.-С. Паллас был склонен связывать наименование чуди с неким единым народом, проживающим на юге Урала и Сибири и занятым рудными промыслами.

И.И. Лепехин фиксирует в своих «дневных записках» еще один сюжет уральских преданий о чуди. Он соотносится с коренными обитателями

уральского севера – коми-пермяками и зырянами, которых называют чудью «по старинному наименованию всех неизвестных нам соседей» [Лепехин 1780: 195]. Свои догадки о происхождении этнонима «пермяки» Лепехин основывает на «пермяцких сказаниях» о богатыре Перя: «Грамота сия дана была одному из Чюди, жившему на Каме верстах в 50 от того места, где ныне стоит село Гойна. Сей Чюденин, по их уверениям, был отменной силы <...> Сказуемая отменная его сила возбудила любопытство Государево, и он призван был в Москву, где в награждение ему дана была грамота за Государевой рукою на известный земли округ <...> Сей богатырь назывался Перя, из чего кажется заключить можно, что по крайней мере, его семейство называлось Перяки <...> а по времени для удобнейшего выговора из Перяков произошли Пермяки» [Лепехин 1780: 195–196]. Таким образом, лингвистические штудии Лепехина рекомендуют его как весьма прозорливого ученого, не склонного закреплять за именованим чуди какую-то конкретную народность. Тем не менее легенда о Пере входит в контекст ученых рассказов об уральской чуди, дополняя образ этого загадочного народа новыми мифологическими сюжетами.

Эрудиция И.И. Лепехина была основана на прекрасном знании летописей и трудов русских историков, касающихся уральского севера. Так, в описании Холмогор он опирается на летописные свидетельства о торговле датчан с «Чюдским народом», который не «только войною, но и купечеством своим» [Лепехин 1780: 321] был славен, а также на российскую историю Емина и труды Стурлезона: «...датчане входили в Двину морскими судами и имели с тамошними Чюдами, или Чудью, торги» [Лепехин 1780: 321]. Упоминает Лепехин имя главного чудского идола: «Чюдской народ кланялся идолу Ямалу» [Лепехин 1780, ч. 3: 321]. Тем самым Лепехин косвенно опровергает версию Палласа о сибирском происхождении чуди.

Предлагая разные версии в решении вопроса о происхождении чуди, ученые выдвигают разные подходы к формированию историко-культурной составляющей образа Урала. В то время как П.-С.Паллас отсылает читателя

к сибирским корням древнего народа, а следовательно, подчеркивает историческое родство Урала и Сибири, И.И. Лепехин связывает историю чуди с финно-угорским населением уральского севера – коми-пермяками и зырянами. Его версия впоследствии и будет разрабатываться уральскими учеными и краеведами, воплотившись в нарративе о могущественном древнем государстве – Биармии³⁹.

В целом, исходя из геологоразведочных целей ученых-путешественников, в их отчетах закрепляются прежде всего предания о чуди-рудокопах. В обстоятельном перечне преданий о чуди, составленном В.П. Кругляшовой [Кругляшова 1974], этот сюжет назван самым ранним среди зафиксированных. Подчеркнем только, что ученые путешествия стали ключевым элементом в историографии этого сюжета. Неслучайно и фольклористы, и геологи, и историки, занимающиеся исследованием горного дела на Урале, в первую очередь обращаются к отчетам ученых-путешественников.

Другим устойчивым сюжетом в рассказах о чуди становится описание древних укреплений – чудских городищ. П.-С. Паллас, склонявшийся, как уже было отмечено, к сибирскому происхождению чуди, описывая одно из укреплений на озере Няляг, так комментирует его название: «На Южном плоском открытом сего озера берегу верст восемь от Киштимского завода виден небольшой взгористой курган тем достопамятный, что около оногo примечательно весьма древнее укрепление, *от жителей по Сибирскому обыкновению Чюдским называемое (выделено Е.В.)*» [Паллас 1786: 166–167]. Путешественник расспрашивает местных башкир о крепости и, не получив каких-либо объяснений, предполагает ее татарское происхождение: «Что за народ созидал сию и прежде упомянутую крепостицу, здешние окрестные башкирцы не ведают; мне кажется, что

³⁹ Подробно о биармийском мифе пермской истории писал В.В. Абашев: Абашев В.В. Биармия и Пермь [Электронный ресурс] // Пермская региональная общественная организация по продвижению культурных и молодежных проектов «КАМБА»: сайт. 22 июля 2012. URL: <http://www.kamwa.ru> (дата обращения: 3.04.2024).

оние весьма с татарскими укреплениями сходствуют» [Паллас 1786: 169]. Паллас вынужден опираться только на свои собственные наблюдения, сопоставляя их с увиденным раньше.

Сюжетную линию, связанную с древними городищами, по-своему отобразил в своих путевых отчетах Н.П. Рычков, подробно описавший Чёртово городище возле Елабуги. Опираясь на местные предания, путешественник рассказывает о древнем языческом храме, первым появившемся на этом месте: «По известиям, которые мне сообщил недалеко от Елабуги живущий заводчик Красильников, в сем месте бывал храм древних язычников, обитавших в сей стране» [Рычков 1770: 45]. В храме жил оракул, и «народ стекался к нему со всех сторон для вопрошения» [Рычков 1770: 45]. До Рычкова также дошло предание о живущем в храме змее, которого «умилостливливали приношением ... в жертву людей иноплеменных, и тем его питали» [Рычков 1770: 46]. Любопытен рассказ Рычкова об «отрощенной и приятной березовой роще» [Рычков 1770: 50], которую, по его мнению, почитали как христиане, так и язычники. Назначение этой березовой рощи он связывает с сохранившимся между черемисами, чувашами и другими народами, «пребывающими в глубине невежества и неверия», обыкновением приносить «жертву посреди отрощенного лесу» [Рычков 1770: 50]. Размышляя о происхождении крепости, Н.П. Рычков предполагает, что ее построили болгары. Впрочем, путешественник не настаивает на своей версии, оставляя решение этого вопроса «искусным и упражняющимся в истории» [Рычков 1770: 51]. Важно, что благодаря подробному и энергичному описанию этого локуса как места проживания загадочного народа Н.П. Рычков закрепляет в представлениях об Урале тему языческой древности.

Примыкают к чудской теме рассказы ученых о древних языческих капищах. Однако нужно отметить, что объединение этих рассказов с чудью – результат более позднего обобщения. В популярном краеведческом очерке «Пермистика» Л.В. Баньковский, пересказывая описание древнего

вогульского капища в пещере под Яйвой, пишет: «И.И. Лепехин на пути из Верхотурья в Соликамск записал рассказы местных жителей о том, что пещера “служила общим капищем всего вогульского народа” и “до днесь в сей пещере можно видеть утхлые деревянные болваны, составляющие вогульское божество”. В честь божества и в дар ему “пермская чудь” предпринимала торжества и совершала ритуальные жертвоприношения» [Баньковский 2009: 128]. Вместе с тем сам И.И. Лепехин вогулов чудью не называл. И под Яйвой, и на горе Белой он посещает «вогульские капища», где по местным легендам обряды «идолослужения» «отправляли вогулы, будучи язычниками» [Лепехин 1780: 85].

Перечисленные сюжеты формируют несколько устойчивых мотивов в описании уральской чуди: искусность в горном промысле и градостроительстве, коренной характер проживания и язычество. Прагматические задачи ученых путешествий не предполагали мифологических трансформаций или эмоциональных обобщений. Используемые учеными предания всегда корректно введены в текст: каждый из путешественников считает необходимым сослаться на услышанный – чаще всего «от местных заводчиков» – рассказ. В русскую культуру со страниц путевых отчетов попал образ народа, существование которого подтверждено фактическими данными – многочисленными горными разработками, остатками городищ и капищ, а также бытующими преданиями.

На наш взгляд, ученый объективизм первых свидетельств о чуди оказал серьезнейшее влияние на формирование отношения русской, в данном случае колонизаторской, культуры к коренному населению Урала. «Чудской текст» ученых путешествий и исследований XVIII в. демонстрировал попытку понимания Другого. Более того, внимательное погружение ученых в историю древнего севера заставило утверждать родство чудского и русского народов: «Все писавшие о древности российского народа утверждают, что большая часть оного происходит от

Чюдского поколения» [Лепехин 1780: 321]. В общей перспективе осмысления русской колонизации Урала факт признания чуди в качестве своих предков принципиально меняет характер этнических взаимоотношений: снимается категоричность колонизаторского превосходства. Закрепившийся в русской культуре интерес к преданиям о чуди отражал и одновременно формировал специфический характер русской колонизации на Урале, связанной с необходимостью взаимодействия в условиях многонационального заселения территории.

Колонизация Урала во второй половине XVIII в. находилась на переломе: мятежи и бунты коренного населения тормозили развитие горнозаводской промышленности, силовая тактика исчерпала себя и мешала экономическому освоению региона. Необходимо было превратить Урал из «зоны контакта» в полноценный субъект Российского государства. Российской общественности предлагались новые основания для идентификации региона: уникальная доисторическая значимость территории и общность происхождения русских и коренных народностей Урала.

Действительно, следуя установке на описание Урала как целостного региона и включая в свои отчеты сведения по истории, этнографии и культуре края, ученые-путешественники конца XVIII в. положили начало формированию важнейших геокультурных характеристик уральского ландшафта. Ключевые из них сгруппировались вокруг представления о древности уральской земли. Впервые была обозначена связь Урала с доисторическим прошлым планеты: ученые единодушно назвали палеонтологические находки одной из главных достопримечательностей уральских недр. Другим ключевым элементом в развитии образа древней земли становится нарратив о чуди – древнем народе, обитавшем на Урале. Ученые травелоги зафиксировали несколько основных топосов этого нарратива: чудские копи, древние городища и вогульские капища. Описание чудских артефактов и первая их интерпретация сформировали также

сопутствующий данному сегменту уральского образа семантический контекст, связанный с историко-культурным содержанием местного ландшафта. В представлении об Урале были актуализированы темы культурно-исторической общности Урала и Сибири, родства чудского и русского народов, а также языческой природы коренной культуры региона. В общесемиотическом плане дневники закрепляют за уральским ландшафтом значения древности уральской истории, глубины и таинственности недр, а также самобытности культуры, связанной с многонациональным заселением и горнозаводским характером экономики.

Намеченные в уральских травелогах XVIII в. семантические презумпции составили первый – эскизный – набросок образа Урала. Одной из устойчивых формул уральского пространства станет сформировавшееся тогда представление о его первобытной древности – геологической, палеонтологической, исторической и культурной. В дальнейшей истории уральской геопоэтики это представление найдет выражение в художественно убедительных образах и сюжетах русской литературы от Д.Н. Мамина-Сибиряка до П.П. Бажова и А.В. Иванова. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила», – это восклицание одного из героев, alter ego автора, Алексея Иванова раскрывает эмоциональный тон и ракурс восприятия Урала, утвердившийся в современной литературе. Характерное его образное воплощение находим, например, в описании лунной ночи в тайге у того же писателя. Луна «катится над старыми горами, которые осели и рассыпались, обнажив утесы, – так истлевают плоть, обнажая кости ... над волшебной тайгой, сквозь которую пробираются темные, холодные реки. В небе одно на другое громоздятся созвездия. Я гляжу на них. У меня есть собственные созвездия, мои. Вот они – Чудские Копи, Югорский Истукан, Посох Стефана, Вогульское Копье, Золотая Баба, Ермаковы Струги, Чердынский Кремль» [Иванов 2003: 124]. В сущности, перед нами лаконичный и емкий портрет уральского космоса, в котором сближаются подземный и космический

миры, а созвездиями становятся ключевые артефакты древней истории от мифологической Золотой бабы и чудских копей до чердынского кремля и ермаковских стругов.

2.2. Урал как фронтальное пространство в путевых очерках первой половины XIX в.

В истории русской литературы первой половины XIX в. путевые очерки сыграли роль контрапункта. Пока большая литература, исчерпав эстетические возможности романтизма и сентиментализма, искала новые творческие формы, малые жанры, популярность которых была связана с массовым развитием журнальной периодики, обратились к описанию текущей жизни. Неслучайно передовым жанром нового реалистического искусства становится очерк. Интерес к путевому очерку также был связан с общим поворотом литературы к социальной проблематике. Кроме того, активность путевой прозы объяснялась текущими общеполитическими и экономическими процессами, в том числе необходимостью укрепления государственной власти на отдаленных рубежах страны и ростом социальной мобильности, которая с этими процессами была связана. Дальневосточное направление в этих процессах имело особое значение – оно определялось основными задачами российского империостроительства: политической, культурной и экономической ассимиляцией мало освоенных и стратегически значимых восточных территорий. Литераторы стали той культурной силой, которая смогла отразить наметившиеся общественные тенденции. Сначала под влиянием внешних обстоятельств, в том числе не по своей воле, потом исходя из внутренних творческих задач, русские писатели оказались вовлечены в процесс культурного освоения огромных российских территорий. Можно смело утверждать, что первые литературные описания большинства отдаленных российских регионов были сделаны в жанре путевого очерка благодаря поездкам и путешествиям русских писателей XIX в. по стране.

На Урале в XIX в. побывали не только отправленные в ссылку А.И. Радищев, А.И. Герцен и Ф.М. Достоевский, но и П.И. Мельников-Печерский, П.И. Небольсин, В.И. Немирович-Данченко, Н.Д. Телешов, К.М. Станюкович, А.П. Чехов, которые целенаправленно ездили вглубь страны для изучения ее жизни. Урал стал одним из российских регионов, проявившихся на литературной карте России благодаря писательским путешествиям.

Преобладающим значением образа Урала, сформированного в «писательском» очерке XIX в., становится фронтальный характер уральского пространства. Ф.Ф. Вигель (1806), А.И. Герцен (1835), П.И. Небольсин (1846), П.А. Кропоткин (1862), К.М. Станюкович (1885), И.С. Левитов (1882), Н.Д. Телешов (1891) и многие другие описывают Урал как один из этапов своего вынужденного или добровольного путешествия в Сибирь. В этой влиятельной группе травелогов закрепляется образ Урала как преддверия Сибири, основной характеристикой которого является его пограничность – между Европой и Азией, центром и периферией, цивилизацией и дикой окраиной, свободой и каторгой, а в целом – между своим и чужим пространством.

Обратимся к характеристике основных значений фронтального образа Урала, который начал свое формирование в первой половине XIX в. Как показывает ретроспективный взгляд на эти тексты, образ уральского пространства во многом зависит от обстоятельств поездки. В деловых и творческих поездках путешественники, как правило, в большей степени обращены вовне – их наблюдения, в отличие от ссыльного путешествия, не ограничены несвободой и часто очень тяжелыми условиями поездки. Места остановок, объекты наблюдения и оценок связаны с основными установками путешествия, задающими систему координат для восприятия. В писательских очерках этого типа восприятие Урала оказалось тесно связанным с политическими, культурными и экономическими задачами по освоению восточных территорий Российской империи: Ф.Ф. Вигель

отправляется в составе посольской делегации в Китай, П.И. Мельников-Печерский исследует горнозаводские районы прикамского севера с позиций начинающего историка, П.И. Небольсин в качестве ученого-исследователя и частного инвестора совершает поездку на золотые прииски Барнаула, П.А. Кропоткин едет к месту службы в казачий Амурский полк. Внутри этой линии урало-сибирских путешествий прослеживаются смысловые и образные связи, которые нередко строятся на очевидном цитировании, что позволяет говорить о единстве созданного в них семиотического пространства.

Одним из первых авторов, зафиксировавших фронтирную семантику Урала, был Ф.Ф. Вигель. Подъезжая к Уралу со стороны Вятки, он назвал Пермскую губернию «передней» Сибири [Вигель 2011: 21]. Однако прямых сопоставлений с Сибирью в заметках Вигеля немного. Скорее с Сибирью Урал роднит то, что он описывается как отличный от Центральной России регион. В заметках Вигеля представлено несколько лейтмотивов, которые показывают Урал как необычное, другое пространство.

Прежде всего отметим, что Вигель вводит тему отдаленности и некоторой административной самостоятельности региона. Это проявляется при достаточно внимательном и подробном описании знакомства с губернатором Пермской губернии К. Модерахом. Вигель характеризует губернатора как чиновника, чья «уединенная и деятельная жизнь в отдаленном месте» не заставила «потерять желание забыть о способах нравиться» [Вигель 2011: 23]. Независимость губернатора автор связывает с его деятельным отношением к своим обязанностям, но в то же время отмечает ее властный характер: «Модерах был честен, добр, умен и сведущ в делах; но как все, великими трудами приобретенное, ценится более, чем даровое, то и генерал-губернаторство свое, кажется ставил он наравне с владетельным герцогством» [Вигель 2011: 23]. Сильный и деятельный губернатор, забывший желание нравиться, – нехарактерный для российского чиновничьего большинства типаж, который, конечно,

формирует общее представление о регионе как деловом и самостоятельном субъекте.

Деловой характер жизни региона становится вторым повторяющимся мотивом записок Вигеля. Он раскрывается при описании хорошо устроенных дорог, управляющего суксунским заводом, которого хочется называть «господином Пермяковым», золотопромышленных и камнерезных мастерских в Екатеринбурге. Благодаря этому образ Урала связывается с представлениями о деловом характере жизни, выраженном чувстве собственного достоинства среди местных жителей, высоком уровне горнозаводского производства и художественного мастерства. Отметим, однако, что позитивные характеристики уральской деловой жизни не стали ведущими в последующих описаниях Урала. Более влиятельными оказались характеристики опасного и чужого пространства, отсылающие к фронтальному положению Урала.

Характерные для переживания фронтального пространства негативные впечатления проявляются у Вигеля в описаниях природных особенностей Урала. Несколько раз упоминается им суровость уральского климата. Но самым напряженным оказывается короткое, но выразительное описание горного ландшафта: «Одно только, называемое Кленовская крепость, мне показалось примечательно и осталось в памяти по ужасу, произведенному во мне местами, его окружающими, мрачным сосновым лесом, оврагами, пропастями, на каждой версте встречаемыми» [Вигель 2011: 27]. Очевидно, непривычное для коренной России горное пространство вызвало у автора обостренное ощущение опасности, что и проявилось в его путевых описаниях как одно из самых ярких впечатлений.

Напряженность уральского фронта усиливается при обращении к теме коренного населения и русской колонизации. Следуя принятой логике, Вигель представляет русскую колонизацию как героическое противостояние бунтовщикам: «Русское население, по большой Сибирской дороге, как будто надвое разрезывает Пермскую губернию, отбросив

пермяков, зырян и вогуличей, коренных, первобытных жителей на Север, а на Юг тептерей и башкирцев. Сии последние не раз бунтовали и принимались за оружие; для обуздания их выстроен был ряд крепостей по восточной отлогости Урала. Когда башкирцы присмирели, укрепления пали, и только имена крепостей Ачитской, Бисерской, Киргишанской, Кленовской сохранились селениям, заступившим им место» [Вигель 2011: 27]. Отзвуки этого противостояния чувствуются в выразительном образе надвое разрезанной Сибирским трактом Пермской губернии, который подчеркивает значения пограничности уральского пространства.

Еще одной темой, связавшей Урал с образами фронта, становится связь уральского пространства со ссылкой. Поначалу эта тема прозвучала не резко – одним упоминанием о том, что самыми частыми проезжающими в Пермской губернии оказываются мелкие чиновники и ссыльные [Вигель 2011: 23]. Однако тема приобретает масштаб обобщения при описании последней ночевки на Урале. Эта ночь запомнилась автору пережитым страхом: «Однако же в этом селении не мог я много отдохнуть: мне отвели особую избу, где первый раз в жизни увидел я человека с рваными ноздрями; это был ее хозяин. Каюсь в своей трусости: я заставил солдата нашего отделения ночевать с собою» [Вигель 2011: 29]. Завершая записки об уральской части путешествия этим рассказом, Вигель вольно или невольно усиливает ощущение опасности, которая от этого пространства исходит.

В записках Вигеля, ставших одним из первых достаточно метких по наблюдениям и емких по оценкам описаний Урала, намечается несколько тематических линий, которые будут повторяться и дополняться в следующих травелогах. Самой устойчивой и выразительной среди них оказывается тема ссылки, которая нашла отражение в путевых письмах А.И. Герцена и Ф.М. Достоевского.

Путевые письма А.И. Герцена, написанные им во время пермской ссылки, интересны как свидетельство сложившегося к тому времени общего

представления об Урале и опыт эпистолярного описания. Путевые письма представляют подчеркнуто субъективный, интимно-лирический взгляд на пространство путешествия. Именно письма стали основной формой складывающейся в XVIII в. литературы путешествий – как на Западе (Шарль Дюпати «Письма об Италии», 1788), так и в России (Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника», 1791–1792; Д.И. Фонвизин «Письма из Франции», 1777–1778). Однако форма письма использовалась этими литераторами прежде всего как композиционно-стилистическая основа художественного произведения, что для литературы XVIII в., сделавшей эпистолярный роман одним из самых популярных жанров, было вполне устоявшейся традицией. Комментируя жанровое своеобразие «Писем русского путешественника», В.М. Гуминский отмечал: «Главную тенденцию литературной науки, занимающейся “Письмами...”, можно определить как движение от интерпретации их как документа с реальным (историческим, биографическим и т. п.) жизненным содержанием к трактовке “путешествия” Карамзина как целиком и полностью художественного произведения» [Гуминский 1979: 38]. Современные исследователи литературы путешествий вслед за Е.А. Краснощековой относят «Письма...» к «роду предромана» [Михайлов 1999: 71], поскольку в них доминируют задачи изображения внутренней жизни странствующего героя. Однако параллельно беллетристической разновидности путевых писем в первой трети XIX в. в русской путевой литературе начинает складываться особый вид травелога – эпистолярный травелог, который в отличие от литературного путешествия Карамзина, составляют реальные письма с дороги, отражающие непосредственные впечатления автора. Эпистолярные травелоги опираются на стилистику частного послания, сориентированного на живую разговорную речь. Как известно, разворот эпистолярного жанра к бытовой речи произошел в первой трети XIX века, и в этом процессе определяющую роль сыграла переписка А.С. Пушкина. Новаторство поэта заключалось в переходе на «естественную, живую речь»

[Степанов 1965: 453]. Благодаря этой речевой свободе письма по праву считаются творческой лабораторией поэта: «В них осуществлена была уже та свобода от приукрашенного, поэтизированного прозаического стиля, которым отличалась проза Карамзина и его последователей, переносивших в прозу принципы и даже структуру поэтической речи» [Там же].

Письма становятся творческой лабораторией путешествующего литератора, в которой происходит поиск нового слова, способного отразить быстро меняющуюся реальность. То, что Герцен, в период ссылки переживал период интенсивного поиска своего слова и своего пути в литературе следует из его автокомментария к новой повести «Там!»: «Основная мысль этой повести - мысль религиозная, та самая, которая начинает просвечивать в статье "Швед"... Но дело вот в чем. Можно ли в форме повести перемешать науку, карикатуру, философию, религию, жизнь реальную, мистицизм?» Соединять низкое и высокое, бытовую зарисовку и философское обобщение Герцен пробовал в письмах. Не случайно многие из его эпистолярных замечаний и наблюдений органично переходили в прозу.

Письма не претендуют на полноту описания и концептуальность оценок. Наоборот, в них доминирует установка на необязательность и сиюминутность впечатления. Эта установка приводит к тесному переплетению бытовых подробностей, дорожных встреч, лирических зарисовок и образных обобщений.

Для Герцена Урал совпал с образами ада из «Божественной комедии», которую писатель читал по пути в ссылку. Пермь в путевых письмах Герцена наделяется характеристиками холодного, мрачного, устрашающего пространства, «преддверия» или «просцениума Сибири»: «город ужасный, просцениум Сибири, холодный, как минералы его рудников» [Герцен 1961: 44]; «Теперь я в Вятке, Пермь меня ужаснула, это преддверие Сибири так мрачно и угрюмо» [Герцен 1961: 42].

Не сопоставляя Пермь и Урал с адом напрямую, Герцен очевидно имел это в виду. Неслучайно в автобиографической повести «Елена», касающейся событий пермско-вятской ссылки, появится образ «просцениума Дантова ада, где бродит толпа душ, не имеющих места ни в раю, ни в преисподней» [Герцен 1954: 142]. Нельзя сказать, что аллюзия Герцена была абсолютно субъективной. Скорее, писатель, в силу своих личных обстоятельств, актуализировал и подчеркнул устойчивые коннотации, которые отсылали к представлению об Урале как окраине мира. Темы ссылки и ссылке, мертвенности провинциальной жизни, дикости нравов слились в образе просцениума Дантова ада. Эти характеристики Урала – за редким исключением – возобладали в писательском очерке первой половины XIX в.

Представления о суровости уральского климата и фронтальном характере региона нашли отражение в путевых заметках Ф.М. Достоевского, который проезжал через Урал по пути на тобольскую каторгу в январе 1850 г. Свои дорожные впечатления Достоевский описал спустя четыре года, когда получил право переписки. В его небольшом отчете уральские впечатления оказались самыми подробными. Перевал через Уральские горы запомнился писателю метелью и холодом, а также острым переживанием рубежа, связанным с пересечением символической границы между Европой и Сибирью: «В Пермской губернии мы выдержали одну ночь в сорок градусов. <...> Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитки завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест вытащат повозки. Кругом снег, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, назади всё прошедшее грустно было, и меня прошибли слезы» [Достоевский 1985: 168].

Эти слезы отзовутся потом в экспрессивной зарисовке В.И. Немировича-Данченко, который во время своего путешествия по Уралу остановился у пограничного столба, чтобы вспомнить обо всех

арестантах, прощавшихся здесь с родиной: «Страшное место! Сколько слез пролито здесь! Несчастные в кандалах в последний раз оглядывались здесь назад, на свою на веки вечные покидаемую родину! Далекий, неприятный, чужой и холодный край начинается отсюда! Новая жизнь, новые люди, новые страдания! Воображаю, какие мысли целым роем носились в голове бедного ссыльного, когда он приваливался на краткий отдых к этой пограничной колонне. Может быть, на каждый камень ее подножия падали горячие слезы... Не оттого ли и лес замолчал и нахмурился, что слишком много слышал он здесь рыданий?» [Немирович-Данченко 2021: 290].

Любопытно, что путевые воспоминания Достоевского с обратного пути, когда он в 1859 г. ехал из Семипалатинска в Тверь, носят вполне жизнеутверждающий характер. Его внимание занимают в Екатеринбурге – дешевые подарки из горных пород, в Перми – «великолепные» леса и обработанные земли. Даже пограничный столб вызывает у путешественника совсем другие эмоции: «В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди лесу, мы набрали наконец на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб, с надписями, и при нём в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел наконец господь увидеть обетованную землю. Затем вынулась Ваша плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой (завода Штритера), и мы выпили с инвалидом на прощание с Азией, выпил и Николаев, и ямщик (и уж как же вез потом). Поговорили и пошли гулять в лесу, собирать землянику» [Достоевский 1985: 361–362]

Перед нами совсем другое переживание рубежа: в нём нет трагизма, лишь легкая грусть, которая быстро проходит благодаря простым радостям приятного путешествия – глотку вина и горсти земляники. Как ни странно, в прозе писателя уральские аллюзии связаны именно с этим просветленным переживанием пространства. В романе «Униженные и оскорбленные» Пермь упоминается в качестве города, где старик Ихменев получает новую должность. Для семейства это назначение связано с надеждами на перемены

к лучшему: «— Больно мне, Ваня; но перемена места нас всех оживит... Перемена места – значит перемена всего! – говорит Ихменев» [Достоевский 1972: 430]. Неслучайно имя далекого уральского города «Пермь» звучит в унисон со словом «перемены», которое так часто повторяется в финале романа. Наблюдения о различном восприятии Урала у Достоевского позволяют подчеркнуть зависимый от направления и цели движения характер путевых впечатлений. Образ Урала как холодного и мрачного пространства формируется под воздействием физических и нравственных лишений едущих в Сибирь арестантов.

Таким образом, в писательских очерках первой половины XIX в. закрепляются значения фронтального пространства. Ведущими среди них становятся отдаленность и необычность, которая связывается с влиянием Сибири и определяется суровым климатом, заводским характером жизни, дорогой в ссылку. Кроме того, путешественники подчеркивают горный рельеф уральского пространства, который для них чаще всего становится дополнительным источником опасности.

2.3. Эволюция образа евро-азиатской границы в уральских травелогах XIX в.⁴⁰

В создании фронтального образа Урала большую роль сыграла уральская локализация евро-азиатской границы. Становление этого географического представления и его отражение в уральских травелогах определяют содержание данного параграфа.

Как известно, проведение евро-азиатской границы по Уральскому хребту было параллельно обосновано двумя учеными: шведским географом Ф.И. Страленбергом в книге «Северная и восточная части Европы и Азии» (1730) и В.Н. Татищевым в работе «Общее географическое описание всея

⁴⁰ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. «Географически в Азии»: десемантизация евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX века // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 4 (21). С. 85–96.

Сибири» (1736). Решающим аргументом в пользу Уральских гор послужил тот факт, что они являются естественным водоразделом между европейскими и азиатскими реками.

Следующий важный шаг в утверждении уральской локализации евро-азиатской границы сделали ученые, возглавившие отряды уральской экспедиции Императорской академии наук в конце XVIII в. Последовательное описание геологии, гидрологии, флоры и фауны уральского массива, представленное в отчетах П.-С. Палласа, И.И. Лепехина, И.-П. Фалька, подтвердило гипотезу В.Н. Татищева.

Как писал Л. Вульф, еще «в восемнадцатом веке существовали различные точки зрения на местонахождение границы между Европой и Азией: иногда ее проводили вдоль Дона, иногда – вдоль Волги, а иногда, как и сегодня, вдоль Урала» [Вульф 2003: 39]. Благодаря открытию Страленберга–Татищева дрейф евро-азиатской границы на восток, наблюдавшийся в ходе формирования геокультурной карты Европы, остановился на Уральских горах. Сегодня уральская локализация евро-азиатской границы считается основной. Резюмируя подробнейший обзор географических концепций по поводу евро-азиатской границы, А.А. Чибилев отмечает: «Анализ многочисленных вариантов евро-азиатской границы между Каспийским морем и Северным Ледовитым океаном свидетельствует о том, что ключевое место в них занимает Уральский хребет. Это связано с тем, что Урал – единственное горное образование Евразии, вытянутое по меридиану, что нарушает общую картину субширотного орографического строения материка» [Чибилев РГО]. Ученому представляется очевидным, «что это видели и видят многие, практически все исследователи границы от Татищева и Страленберга до современных ученых» [Там же].

Однако в XIX в. версия Страленберга–Татищева не получила общего признания. Более того, в 1850 г. авторитетнейший немецкий ученый Александр фон Гумбольдт, подводя итоги своих научных наблюдений,

сделанных в том числе на Урале, высказал мысль, что границы между Европой и Азией не существует, поскольку Европа – часть Азии. Среди скептиков оказывается также Д.И. Менделеев, который в 1906 г., после своей поездки на Урал, напишет, что «отделение Европы от Азии во всех отношениях искусственно и с течением времени сгладится и, вероятно, даже пропадет» [Менделеев 1906: 143].

Дело в том, что вопрос о евро-азиатской границе никогда не был сугубо географическим. Скорее, его нужно отнести к сфере культурной и гуманитарной географии, которая касается ментальных границ мирового устройства. В.Л. Каганский заостряет это положение в парадоксальном противопоставлении ментальной и географической сущности евро-азиатской границы: «Граница Европы культурно вполне реальна, но географически условна, она постоянно смещается» [Каганский 2001: 126].

Вопрос о рубеже Европы и Азии стал важной частью европейской идентичности. В исследованиях, посвященных проблемам формирования ментальной карты Европы, не раз отмечалось, что представление о границе между Европой и Азией, Западом и Востоком постоянно менялось, поскольку в интеллектуальных практиках Европы Восток превратился в «социальный маркер» [Нойманн 2004: 267]. Границы, отделяющие Восток от цивилизационного центра, роль которого была возложена на Западную Европу, становились «культурным инструментом» [Вульф 2004: 267] в процессе выстраивания идентичностей.

Для России XIX в., которая находилась в активной фазе становления государственной идеологии, вопрос о границе между Европой и Азией приобрел важнейшее геополитическое значение. Сформированная в николаевскую эпоху доктрина «официальной народности», которая запечатлелась в знаменитой формуле С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность», держалась на противопоставлении России Западу. Как отмечает С.В. Удалов, «на первый план выдвигалась национальная самобытность русского государства и общества,

определяющая их самостоятельное от выработанных западноевропейской цивилизацией политических и общественных ценностей развитие» [Удалов 2005: 207–208]. Построенная на негативной идентичности, эта идеология не получила должного инструментального наполнения. «В идеологических конструкциях национальных начал России, разработка которых была закончена к концу XIX в., не было характерного для других стран присутствия ценностей важнейших институтов, артикуляции сословных, корпоративных и групповых интересов, признаков культурного наследия аристократии или патрициата, становящихся основой консолидации общества, образцами для подражания и ориентации», – так характеризует особенности русской политической культуры XIX в. Л. Гудков [Гудков 2004: 125].

Оттолкнувшись от Запада и одновременно придерживаясь колониального отношения к Востоку, Россия замерла в пограничном состоянии Европы–Азии. Подобное положение при неопределенности собственного, третьего, пути провоцировало идеологическое и политическое брожение. Общество разделилось на славянофилов и западников. Формируемые интеллектуальной элитой теории резко противоречили другу другу, расшатывая процесс идеологической консолидации. К концу XIX в. идеологическое противостояние разнонаправленных концепций не только не ослабло, но приобрело поистине континентальный размах. Одним из самых острых в этом смысле становится противостояние идей В.С. Соловьева о жертвенности России в процессе объединения Европы и Азии, с одной стороны, и утверждения Н.Я. Данилевского о выходе на мировую арену нового культурно-исторического типа – славянства, которое должно противостоять агрессивному наступлению Европы, – с другой. Обе теории не смогли остановить споры вокруг евро-азиатского статуса России, породив новую волну противостояния и напряженности. Однако было в этих позициях и нечто общее: они приглушали значение евро-азиатской границы как рубежа,

разделяющего континент. Таким образом, крупнейшие философские концепции XIX в. склонялись к нивелировке евро-азиатских рубежей, совпадая с идеями современной географической науки.

В ситуации размытости представлений о геополитических перспективах евро-азиатского статуса Россия, тем не менее, должна была решать вполне конкретные политические задачи, связанные с освоением восточных окраин, хозяйственное и административное состояние которых требовало безотлагательных государственных мер. Известный исследователь Дальнего Востока А.В. Ремнев, давая характеристику колониционных процессов на востоке Российской империи, отмечал: «Со второй половины XIX века движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х годов формулируется как новый национальный курс на создание “единой и неделимой” России» [Ремнев 2004: 226]. Тем самым новые политические установки на империостроительство и необходимость усиления восточных рубежей также способствуют стиранию евро-азиатской границы как этнокультурного барьера. Таким образом, как в географической, так и в гуманитарной и общественно-политической сферах значение границы на протяжении XIX в. все более редуцировалось.

Наше обращение к путевым описаниям уральской границы Европы и Азии позволит конкретизировать те смыслы, которые определяли отношение российской общественности к феномену евро-азиатской границы, с одной стороны, а с другой – повлияли на формирование образа Урала, активное освоение которого как одной из восточных окраин продолжалось на протяжении всего XIX в. Путешествия в силу их особой культурной миссии, связанной с расширением и открытием пространства, активно формировали географические представления. Об этой функции

путешествия, в частности, писал Л. Вульф. Анализируя механизмы формирования ментальной карты Восточной Европы, исследователь заметил, что каждый «путешественник считал себя вправе дополнять, исправлять и пояснять воображаемую карту ... в своем сознании и сознании своих современников» [Вульф 2003: 37]. Действительно, путешествие предполагает открытие и в каком-то отношении «изобретение» открываемого пространства, которое строится на постоянном сопоставлении своего и чужого. Можно сказать, что путешественник находится в состоянии перехода, сопоставления, а значит, переживания границы. Казалось бы, путешественники с особым интересом должны были отнестись к евро-азиатской границе, феноменология которой позволяет активизировать пространственную рефлексию. Однако уральские травелогисты наряду с устойчивым интересом к теме евро-азиатской границы зафиксировали не менее устойчивую установку на нивелирование ее разделяющего значения.

В путевых очерках и заметках топики евро-азиатской границы была связана в первую очередь с главной магистралью, ведущей из Центральной России в Сибирь, – Сибирским трактом. По гипотезе Татищева, граница должна была пересекать Сибирский тракт в самой высокой его точке, т. е. на местном пике евро-азиатского водораздела. Так, например, определил эту точку Ф.Ф. Вигель, автор популярнейших мемуаров, проезжавший через Урал в составе китайского посольства в 1805 г. По его мнению, она размещалась между Билимбаевским заводом и деревней Решеты: «Казенный Билимбаевский завод находится на самой вершине Урала; следующая же за ним станция Решета на противоположном спуске...» [Вигель 2011: 27]. В принципе, Вигель верно назвал часть Сибирского тракта, где находился перевал через Уральский хребет. Позднее немецкие ученые А. Гумбольдт и Г. Розе уточнили координаты самой высокой точки Сибирского тракта между Пермью и Екатеринбургом – они совпали с

координатами южного склона горы Березовой. Эта гора стала главным географическим объектом евро-азиатской границы.

Инициатива по демаркации евро-азиатской границы принадлежала чиновникам Уральского горного управления, которое являлось одной из самых влиятельных структур местной власти. Идея эта возникла накануне визита наследника престола, будущего императора Александра II, который путешествовал в сопровождении поэта В.А. Жуковского по России, Уралу и Сибири. В течение XIX в. знак несколько раз реконструировали: дерево было заменено на мрамор, а в 1873 г. на вершине пирамиды был укреплен золоченый двуглавый орел, одна голова которого смотрела на Запад, в Европу, а другая – на восток, в Азию, символизируя объединяющую и сторожевую миссии Российской империи. Эта реконструкция пограничного знака была приурочена к проезду через перевал возвращавшегося из кругосветного путешествия Великого князя Алексея Александровича. Таким образом, установка евро-азиатского знака должна была продемонстрировать патерналистские и верноподданнические чувства уральского сообщества и была связана с процессом окончательного слияния некогда колонизированной территории с основной частью Российской империи. Второй официальный знак был установлен в 1878 г. во время строительства Уральской горнозаводской железной дороги. Эти две точки на пути из Перми в Екатеринбург определяют локализацию евро-азиатской границы в уральском травелогe XIX в. Транссибирская дорожная магистраль (Златоуст–Челябинск), открывшаяся позднее УГЖД, не получила такого потока путевых описаний, как эти два магистральных пути, и потому не оказала большого влияния на формирование образа евро-азиатской границы.

Путевые очерки сохранили достаточно подробное описание обоих пограничных знаков. П.А. Кропоткин, например, следуя по Сибирскому тракту, специально остановился у обелиска, внимательно осмотрел его и даже сделал карандашный рисунок. Объединение в тексте дневника

словесной зарисовки и графического изображения подчеркивало желание путешественника воспроизвести увиденное как можно нагляднее: «В то время, когда я смиренно лежал в тарантасе и думал, какую бы роль разучить мне хорошенько, Петров говорит: “А вот, ваше сиятельство, памятник какой-то, что ли”. Я закричал: “Стой, это граница”. “Да, Уральский хребет”, – заметил ямщик. Действительно, на высшей точке главной цепи поставлен около дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне “ЕВРОПА”, с другой – “АЗИЯ”. Около столба избушка, где живет сторож» [Кропоткин 1923: 25–26].

Еще более тщательно сделано описание евро-азиатских указателей, установленных возле Уральской железной дороги: «Европейская станция – последняя на западном склоне Урала и в 12 верстах за нею у станции Уральской, составляющей высший пункт железной дороги, граница Европы и Азии. Граница эта в нескольких саженях от станционных зданий обозначена особой звездочкой в середине круга, выложенного из разноцветных камней. Для того чтобы и ночью ясно обозначить границу, поставлены две решетчатые железные колонны, наверху коих зажигаются фонари с ярко блестящими на стеклах левой и правой стороны надписями: Европа и Азия» [Кельцев 1888: 53]. Симптоматично, что установка новых пограничных столбов далее связывается с уже существующей традицией: «Колонны на Уральской станции поставлены в подражание тем каменным столбам с такими же надписями, которые исстари существовали и существуют на утратившем свое значение Большом Сибирском тракте» [Там же]. Автору этих строк журналисту «Московских ведомостей» С.А. Кельцеву, сопровождавшему в поездке на Урал Великого князя Михаила Николаевича Романова, по долгу службы было положено подчеркнуть преемственность верноподданнической традиции.

Еще одна важная маркировка границы была связана с наименованием железнодорожных станций, расположенных рядом с ней. Пограничный знак был установлен в 6 км от станции Европейская, а далее за ней «следует

Уральская, а вслед за тем Азиатская» [Кичеева 1890: 98]. Названия станций намеренно фиксируют близость евро-азиатской границы, простое упоминание их по ходу следования отражает момент перехода из Европы в Азию, и наоборот: «Эти три станции своими названиями напоминают путешественнику, что он переезжает из одной части света в другую...» [Кельцев 1888: 53].

И всё же при всей настоятельности официальных усилий евро-азиатская граница не получила устойчивой геокультурной идентификации. Показательно в этом отношении свидетельство Н.Д. Телешова: «Оба столба ... вызывают в путниках какое-то неопределенное чувство, похожее не то на смущение, не то на радость» [Телешов 1897: 26]. Неопределенность чувств, испытанных путешественником, как представляется, связана с общей смысловой неопределенностью этого рубежа российской географии.

Попробуем разобраться в причинах подобного отношения, выстроив последовательность смыслов, которые сопровождали описание евро-азиатской границы в путешествиях XIX в.

Травелоги первой половины столетия не зафиксировали большого интереса к теме евро-азиатской границы. Дело в том, что многие путешественники не замечали самих Уральских гор: «Мы не заметили, как перевалились чрез эту знаменитую цепь Уральских гор; более ста верст, все на изволок въезжали мы, и немного круче стали спускаться» [Вигель 2011: 27].

Для Вигеля и его попутчиков, ехавших в составе официального посольства в Китай, важнее оказывается рубеж между Пермской губернией, которая в их представлении являлась последним оплотом европейского комфорта, и Сибирью: «Чрезмерно уставши, на общем совете положили мы остановиться и переночевать в селе Сопинине и там проститься с Пермскою губернией и Модерахом, то есть с прекрасными дорогами. Однако же в этом селении не мог я много отдохнуть: мне отвели особую избу, где первый раз в жизни увидел я человека с рваными ноздрями; это был ее хозяин. Каюсь в

своей трусости: я заставил солдата нашего отделения ночевать с собою» [Вигель 2011: 29]. Таким образом, ментальная граница оказывается важнее географической, определяя более актуальные «географические ощущения» [Вульф 2003: 38] путешественников. В данном случае понимание евро-азиатской границы совпадало с представлением о границах цивилизованного мира, который заканчивался при въезде в Сибирь.

После установки пограничных знаков, не смотря на увеличение количества описаний самой границы, неопределенность ее семантики сохраняется. П.И. Небольсин, проезжая по Сибирскому тракту в 1846 г., не заметил ни границы, ни пограничного знака. Как и Вигель, Небольсин едет не из Европы в Азию, а из России «вглубь Сибири», при этом смена пространства маркируется им на основании экономического и социокультурного единства Урала и Сибири: «С Урала и далее вглубь Сибири начинаются расспросы и разговоры о золоте, о новых открытиях в золотопромышленности, о новых подвигах разных громогласных золотых компаний» [Небольсин 2011: 89].

В 1883 г. писатель и журналист И.С. Левитов, пересекая границу по железной дороге, также не ощутил ни особенного подъема, ни торжественности момента: «Дорога по Уралу так незаметно подымается в гору, что все представления наши о высоких Уральских горах пропадают, точно иллюзии» [Левитов 1883: 12].

Привычное неразличение горной гряды и евро-азиатского рубежа соседствует у Левитова с не менее ожидаемым акцентом на сибирской границе: «Мы доехали до сибирской границы или черты, разделяющей Пермскую и Тобольскую губернии, на 69 версте от Тюмени, часам к 9 утра. Скромный памятник из кирпича с гербами двух смежных губерний украшает эту границу» [Левитов 1883: 13–14].

Об искусственности евро-азиатской границы пишет и уже упоминавшийся С.А. Кельцев. Он напрямую говорит о том, что указатель

границы является только символическим обозначением, а настоящая Сибирь начинается через 400 верст за Уралом.

«Перевал через Урал не представляет никаких особо ощутительных подъемов с запада и спусков к востоку: на пути между Европейской и Уральской станциями, также как и далее между Уральской и Азиатской, первой за Уралом, станциями, поезд идет почти равниной, окруженной, как и раньше, унылым захудалым лесом, и только каменная звездочка и фонари с надписями ночью указывают, что Европейская Россия осталась сзади и началась географическая Сибирь. По административному же делению Сибирь, считая границу Тобольской губернии, находится еще далеко от этого места, в 400 верстах за Уралом, и на правой стороне его железная дорога идет по Верхотурскому, Екатеринбургскому и далее за Екатеринбургом по Камышловскому уездам Пермской губернии» [Кельцев 1888: 53–54].

Значение уральского перевала как дороги в Сибирь закрепляется еще в одном сюжете, связанном с сибирской каторгой. Писатель и путешественник В.И. Немирович-Данченко оформил это значение в экспрессивном рассказе о том, как арестанты, идущие этапом в Сибирь, возле столба Европа–Азия останавливаются, чтобы бросить последний взгляд на родину: «Страшное место! Сколько слез пролито здесь! Несчастные в кандалах в последний раз оглядывались здесь назад, на свою на веки вечные покидаемую родину! Далекий, неприятный, чужой и холодный край начинается отсюда!» [Немирович-Данченко 2021: 290]

Таким образом, в травелогe XIX в. пограничность Уральских гор понималась как рубеж между европейской Россией и Сибирью. Топос «Сибирь» в силу своего особого значения для русской истории и культуры и, как следствие, высокой дискурсивной оформленности оказался актуальнее достаточно размытого топоса «Азия».

Несформированность представлений об Азии проявляется и в ее замещении обобщенными образами своего и чужого пространства.

В частности, для многих путешественников гораздо важнее темы перехода из Европы в Азию оказывается архетипический сюжет прощания с домом. Пожалуй, наиболее выразительно он запечатлелся в путевых записках двадцатилетнего Петра Алексеевича Кропоткина, которые были написаны по пути к месту службы в Амурском казачьем полку: «Тут, на высшей точке главной цепи... я оглянулся в последний раз: сзади виднелись крупные холмы, спутники главной цепи, белые колокольни на горизонте; впереди пологие спуски восточного склона, кругом невообразимые леса...» [Кропоткин 2011: 106]. Напряженность момента прощания с домом передается в контрастном противопоставлении родного пейзажа, с белыми колокольнями на горизонте, и «невообразимых» – читай: невиданных и полных неизвестности – лесов, раскинувшихся на востоке.

В то же время обращение к образу Азии снова приводит к смещению границы – только в западном направлении. Например, К.М. Станюкович, приехавший на Урал в период экономического кризиса горнозаводской промышленности, нарисовал мрачную картину упадка экономики и нравов, передвинув границу Азии к западу от Урала: «Из окон вагонов мы видели далекую синеву Уральских гор, перед нами мелькали знаменитые когда-то заводы... и незаметно перевалили хребет, очутившись географически в Азии. Я говорю “географически”, потому что близость Азии и азиатских нравов начала сказываться гораздо раньше географической границы» [Станюкович 1907: 447].

Несовпадение географической и ментальной границ становится постоянным поводом для обсуждения, формируя устойчивый сюжет уральского текста и постепенно превращая евро-азиатскую границу в местную достопримечательность. Выразительной в этой связи кажется реакция пассажиров вагона, запечатленная Н.Д. Телешовым во время его путешествия по Уральской железной дороге в 1894 г.: «Подвигаясь вперед, мы проезжаем, наконец, на полном ходу географическую границу Азии и Европы. Несмотря на свою условность, это место вызывает некоторое

движение среди пассажиров, даже, пожалуй, чуть уловимое волнение. Все выглядывают в окна, выходят на тормоз и так или иначе добиваются случая увидеть пограничные столбы, которыми, в подражание старине, на сибирском тракте отмечен конец Европы и начало Азии» [Телешов 1897: 26]. Судя по этому фрагменту, столбы воспринимались как местная достопримечательность, связанная прежде всего с памятью прошлого. В описанной ситуации их значение сводилось к дорожному приключению, когда на «полном ходу» нужно непременно «выйти на тормоз» или иначе «добиться случая», чтобы разглядеть малоэффектное сооружение в виде «двух *небольших* решетчатых башенок, сложенных из рельсов и *окрашенных в белую краску*» (курсив – Е. В.) [Телешов 1897: 26]. Легкая ирония, с которой описывает Телешов объект всеобщего внимания, подчеркивает «условность» его внутреннего содержания.

Решительное переосмысление темы евро-азиатского рубежа в составе уральского пространства происходит в творчестве Д.Н.Мамина-Сибиряка, в том числе в путевых очерках. Упоминания о евро-азиатском перевале встречаются и в прозе, и в публицистике писателя. Однако для Мамина-Сибиряка важнее становится не пограничность Урала, а его самобытность, которая позволяет продуктивно соединять в себе разные культурные традиции. Урал в представлении писателя – это целая историческая полоса, сформировавшая особый социум: «Но этот случайный и зависимый характер нового города к концу XVIII столетия изменился, – невидимыми путями создавалась крепкая и сплоченная организация, проникавшая весь строй жизни. Выдвинулась на первый план целая историческая полоса, связывавшая Екатеринбург со всей Россией и Сибирью кровными узами; крепость могли упразднить, заводы и фабрики закрыть, мушкетерский полк увести в другой город. Но Екатеринбург все-таки остался бы и продолжал бы свое дело: эту новую роль придал ему раскол...» [Мамин-Сибиряк 1951: 259].

Самобытность Урала для Мамина-Сибиряка связана с особым (отличным от великорусского, с одной стороны, и связанного с сибирским – с другой) укладом жизни, который определяется горным характером экономики, культуры и социума. Более того, Мамин-Сибиряк называет Урал периода николаевского правления «государством в государстве»: «тут были свои законы, свой суд, свое войско» [Мамин-Сибиряк 1951: 259].

В изображении Мамина-Сибиряка Урал становится центром мира, а не окраиной двух миров. Конечно, внешние путешественники в таком качестве Урал не воспринимали, но большинство из них вполне определенно говорили о целостности уральского пространства. Вот и в описаниях евро-азиатской границы устойчивым мотивом становится указание на то, что характер местности и уклад жизни при ее пересечении не меняется. «Что касается природы и людей, то они как на западном, так и на восточном склоне совершенно одинаковы, что и следовало ожидать ввиду незначительной высоты Урала и искусственности условной межматериковой границы», – рассказывал о своих уральских впечатлениях автор популярного журнала «Записки Крымского горного клуба» [Сидоренко 1902: 43].

Закрепление в уральском травелоге разночтений в географической локализации евро-азиатской границы, а также ее неустойчивая семантика становятся одним из симптомов преодоления транзитного образа Урала. Несмотря на многочисленные упоминания об Урале как преддверии Сибири, постепенно складывается образ самобытного и целостного пространства. Постоянные перестановки границы служит косвенным подтверждением мысли Мамина-Сибиряка о том, что Урал представляет собой целостную историческую полосу.

Евро-азиатская граница из разделяющего рубежа постепенно превращается в важный элемент уральского пространства, который сегодня используется как выразительный имиджевый ресурс. Пермские имиджмейкеры уже не раз представляли проекты, основанные на евро-

азиатском сюжете уральской истории. Самыми крупными из них стали программы «Европа начинается в Перми» и «Пермь – культурная столица Европы». Однако они не смогли стать эффективными территориальными брендами. Более жизнеспособными оказались инициативы Екатеринбурга. Так, предприимчивые екатеринбуржцы, осознавая туристическую привлекательность межконтинентального рубежа, установили еще один обелиск Европа–Азия в непосредственной близости от города, так, чтобы знаковое место оказалось в зоне досягаемости туристов. Теперь здесь построен целый мемориальный комплекс, который считается одним из самых посещаемых туристических объектов Екатеринбурга. Масштабность проекта можно оценить по размаху запланированной инфраструктуры: «Новая туристическая площадка, состоящая из географического знака, парковки на 50 мест, кафе и сувенирного павильона, где можно получить сертификат “нарушителя границы”, это только первая очередь крупного инвестиционного проекта “Граница частей света” – культурно-развлекательного и историко-ландшафтного комплекса на границе Европы и Азии, многопрофильной инфраструктуры сферы торговли и услуг, индустрии развлечений, гостиничного бизнеса и музейного дела» [Путеводитель по Свердловской области]. Очевидно, что местная власть и предприниматели возлагают большие надежды на туристический эффект предприятия.

Важно и то, что Екатеринбург не боится позиционировать себя азиатским городом. Здесь также срабатывает екатеринбургская деловая хватка: нужно использовать ресурс, а не пренебрегать им. В результате Екатеринбург формирует образ евро-азиатского города, который соединяет в себе европейские и азиатские черты. Эхом Мамина-Сибиряка, писавшего об особой связующей миссии Екатеринбурга, воспринимаются слова современного писателя Алексея Иванова, посвятившего городу отдельную книгу: «Город сумел вернуться к себе. “Ёбург” был только промежуточной стадией превращения “закрытого” советского Свердловска в евро-азиатский

буржуазный Екатеринбург эпохи глобализма и хайтека» [Иванов 2014: 6]. Современным екатеринбуржцам удалось вдохнуть в образ границы актуальное содержание, сделав правильные акценты в ее геокультурной символизации и практическом использовании. Представляется, что главной причиной успеха в реабилитации евро-азиатского рубежа послужил пересмотр отношения к Азии. Конечно, этого не могло случиться в ситуации XIX в., когда отношение к Востоку определялось в категориях ориенталистского дискурса.

Сравнивая Петербург и Оренбург как европейскую и азиатскую границы Российской империи, В.Л. Каганский называет их «имперскими кристаллами». Их роднит переливающаяся имперским блеском смысловая неопределенность: «Но вот какой границы? Границы России – очевидно, но с чем? А что же находится между двумя границами, между границей Азии и Европы, что же это – не-Азия и не-Европа одновременно? Не-Европа и есть не-Азия? Эта негативная двойственность страны восхищает старых и новых евразийцев; двойное отрицание они переводят в двойное утверждение: сверхЕвропа и сверхАзия» [Каганский 2001: 127]. По мнению В.Л. Каганского, основная причина подобной неопределенности лежит в сфере имперских амбиций: «Всякая граница имеет две стороны, симметрична, а ее стороны равноправны; но граница Империи, центрированного и анизотропного пространства с качественными различиями направлений, – односторонняя и асимметрична» [Каганский 2001: 127]. Ментальность евро-азиатской границы, как и всех остальных имперских границ, носила колониальный характер. Она была односторонней и предполагала изначальную неполноценность внешнего по отношению к ней пространства.

Представления о евро-азиатской границе, отразившиеся в уральском травелогe XIX в., проявили возобладавшее в российском обществе ориенталистское отношение к Азии. Стремление власти путем обозначения границы зафиксировать процесс объединения центральной и восточной

России сталкивалось с глубоко укоренившимся в культурном сознании недоверием к Востоку. Несимметричность границы порождает ее семиотическую неустойчивость и разрушение.

В общей перспективе становления образа Урала многослойность интерпретаций евро-азиатской границы становится одним из факторов постепенного преодоления фронтального характера уральского пространства. На смену неопределенности рубежа приходит осознание самобытности уральского пространства, что позволяет увидеть его без обязательной привязки к Сибири.

2.4. Урал и Биармия в «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П.И. Мельникова-Печерского⁴¹

Среди писательских очерков первой половины XIX в. «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» (1840–1842) П.И. Мельникова-Печерского занимают особое место. Во-первых, они послужили одним из самых первых литературных описаний Пермской губернии, ставших широко известным и многократно цитируемым во всех последующих уральских травелогах XIX в. Во-вторых, в них представлено описание региона, выходящее за привычный маршрут вдоль Сибирского тракта. Внимание путешественника сосредоточено на горнозаводских поселениях Северного Прикамья, куда писатель отправился, чтобы познакомиться с «народом» и изучить историю освоения Урала.

П.И. Мельников очутился в Перми в 1838 г. при печальных обстоятельствах – практически это была ссылка из Казанского университета, где он блестяще окончил словесный факультет. Молодого выпускника, а на момент окончания университета ему исполнилось 19 лет, ждала карьера ученого: он готовился к поездке в один из европейских

⁴¹ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. «Представлялись глазам нашим чудные картины...»: открытие Урала в путевых очерках П.И. Мельникова-Печерского // Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь; отв.ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2017. С. 4–13.

университетов, после которой должен был вернуться в Казань и занять место на кафедре славянских наречий. До сих пор остается неясным, что же послужило причиной ссылки, но о карьере ученого Мельникову пришлось забыть. Как и все остальные казеннокоштные студенты, он получает распределение на место учителя в одну из провинциальных гимназий. Поначалу ею должна была стать гимназия в уральском Шадринске – купеческом городке, не самом маленьком и не самом бедном, но всё же расположенном достаточно далеко от родных мест и университета: он находился в 140 км от Кургана, за Уральским хребтом.

В последний момент место распределения меняют на Пермь, где Мельников получает должность учителя истории и географии в мужской гимназии. Выбор истории в качестве предмета преподавания был не случаен. В автобиографии Мельников подчеркнул свой интерес к истории, который проявился еще на гимназической скамье: «Будучи в гимназии, а потом и в университете, он посвятил себя изучению истории» [Мельников-Печерский 1963: 319]. Любовь молодого преподавателя к научным занятиям заставляет его пуститься в экспедицию по Пермской губернии для изучения истории, экономики и этнографии края. «Один год, в продолжение которого собирал сведения о том крае, объехал некоторые заводы, обозревал Усольские солеварни. Это было первое знакомство П.И. Мельникова с русским народом... А изучал он народ так, как должно изучать его – “лежа у мужика на полатах, а не сидя в бархатных креслах в кабинете...”» [Там же], – так описан пермский период жизни в автобиографии писателя. В результате этой экспедиции появляется цикл путевых очерков, которые были отправлены Мельниковым в редакцию «Отечественных записок» А.А. Краевского. И уже в ноябрьском номере 1839 г. началась их публикация. В 1841 г. «Москвитянин» публикует фрагмент из «Дорожных записок» – очерк «Поездка в Кунгур». Л. Аннинский точно подмечает особую легкость первых литературных опытов писателя, который печатается «гладко с первых же попыток» [Анненский 1988: 148]. Залогом

такого успеха стало плодотворное сочетание актуальной для современной литературы, причем обеих ее направлений – и западнического и славянофильского, темы народной жизни с особой легкостью письма, основанной на исключительном даре рассказчика. Так молодой учитель истории становится автором ведущих столичных журналов.

Маршрут путешествия начинающего писателя не ограничивался Пермской губернией: исходной точкой послужила Саровская пустынь, потом путь прошел через Арзамас и родной для Мельникова Нижний Новгород, затем через Вятку, не ставшую предметом пристального внимания, в Пермскую губернию, где основными пунктами маршрута становятся соляные промыслы и заводы. Однако тема Урала появляется уже в самом начале дорожных заметок Мельникова. Описывая грязь и лужи на улицах уездного города Ардатова, в который путешественники въехали по пути из Саровского монастыря в Арзамас, Мельников с грустью восклицает: «Словом сказать Ардатов город, каких на матушке святой Руси довольно количество, особливо там в Украине, да там, около Урала и Камы» [Мельников-Печерский 2017: 21]⁴². Так обнаруживается цель путешествия и его основной замысел: рассказать о жизни российской окраины.

В переписке с А.А. Краевским Мельников определяет основную тему своих записок как изучение восточной части европейской России. Очевидно, маршрут путешествия, проложенный писателем вдоль Волги и Камы, был связан с осмыслением роли этих мест как границы или места встречи европейской и азиатской России. В связи с этим становится понятным достаточно неожиданное сопоставление Перми с Китаем в финальной части «Записок»: «Пермь настоящий русский Китай... И какое китаецство в ней – удивительно! Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения? Давай Господи поскорее. Что ни говорите, а

⁴² Здесь и далее «Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь» будут цитироваться по этому изданию с указанием страницы цитаты в круглых скобках.

ведь Пермь на матушке Святой Руси; ведь не последняя же она спица в колеснице» (205).

В этом добродушном выговоре Перми соединились два принципиальных для идейного содержания «Записок» ментальных топонима: русский Китай и Святая Русь. Оценка Урала как восточного рубежа европейской России строится Мельниковым на странном переплетении этих историко-культурных пространств. С одной стороны, Урал для Мельникова-Печерского – это заповедное место, где сохранился «русский дух в его неподдельной простоте» (50), с другой – непонятное, отличное от всего, что приходилось видеть раньше, пространство, живущие в котором люди «довольно странны» (205).

Внутренний конфликт ожиданий и реальности, ускользающей от идентификации, составляет основной сюжетобразующий ход «Записок». Мельников хотел увидеть на Урале оплот старинного русского духа, а увидел нечто странное, непонятное, не совпадающее с привычными бытовыми и культурными представлениями. Знакомство Мельникова с Уралом было построено на узнавании Другого, это была поездка в чужеземный край.

С одной стороны, подобный подход к описанию восточных окраин, присоединенных в ходе российской колонизации, был характерен для большинства дорожных отчетов того времени. Сопоставляя путевые записки начала XIX в. по принципу географического размещения маршрутов, Н.В. Иванова приходит к следующим выводам: «Позиция путешественника, основанная на генетически сложившейся жанровой парадигме “свой – чужой” мир, существенно не изменяется независимо от того, находится ли он в европейской стране, палестинских землях, на Кавказе или в Сибири. Как это ни парадоксально, но “свой мир” – неизведанная Сибирь, первозданная природа Кавказа, оказывался столь же чуждым культурному уровню русского путешественника первой трети XIX века, что и Европа» [Иванова 2010: 203]. Впрочем, если учесть

трудности процесса экономического и культурного освоения названных территорий, который продолжался на протяжении всего XIX в., особой парадоксальности в этом подходе к описанию российских окраин нет. Это относится, в частности, и к Уралу.

Ситуация внутренней колонизации, сложившаяся на Урале, а также географическая обособленность региона предопределили особую напряженность процесса его идентификации. Перед путешественниками XIX в. стояла непростая геокультурная задача: описать Урал как русское пространство при очевидной его непохожести на внутренние губернии России. Современные исследования национальной идентичности жителей Среднего Урала XIX в. подтверждают существование уральского изоляционизма: «Уральцы, безусловно, осознавали, что они живут в России, однако так же называли территорию европейской части страны. Свою же землю они величали Уралом, несколько противопоставляя себя в данном случае русским центральных губерний. Таким образом, следует констатировать присутствие наряду с этнонимом “русские” территориального имени населения края – “уральцы”» [Теленков 2003: 222–223]⁴³. Очевидно, что приезжающие на Урал путешественники сталкивались с подобным самоощущением местного населения. Мельников специально остановился на особенностях территориальной самоидентификации уральцев: «...здесь, на распутии Европейской России с Сибирью, наши губернии зовутся не иначе, как “Россия”; я буду писать в Россию – подобные фразы вы услышите беспрестанно от жителей Пермской губернии» (50). Определяющее основание уральской автономии заключалось в особом укладе экономики, которая была подчинена работе горных заводов. Заводы являлись главной достопримечательностью Урала, они задавали цель и маршрут путешествия. Всё остальное, в том числе история коренного

⁴³ Теленков А.В. Национальное самосознание русских во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Среднего Урала): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. С. 222–223.

населения Урала, описывалось попутно, в качестве приправы к главному блюду.

Однако понимание уникальности горнозаводской культуры пришло далеко не сразу. Чаще всего «приправа» чувствовалась намного ярче, поскольку соответствовала привычному для путешествия «экзотическому» дискурсу. Процесс формирования образа «русского» Урала в литературе путешествий XIX в. зафиксировал постепенный переход от сопоставительного, часто негативного, восприятия к пониманию уральской специфики. «Записки» Мельникова-Печерского, несмотря на заинтересованность автора и общую его благожелательность к предмету изучения, открыли этап сопоставительного описания Урала, когда идентичность путешественника активно противопоставлялась идентичности пространства. Ситуация существенно изменилась только к началу 1880-х гг. благодаря публикации путевых очерков Д.Н. Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы» («Русские ведомости», 1881–1882), которые знаменовали новый этап в истории уральского травелога – этап самоидентификации и самопрезентации, и стали, в свою очередь, определяющим текстом для последующих путешественников. Если Мельников-Печерский явился основателем сопоставительного, или негативного, взгляда на уральское пространство, то Мамин-Сибиряк предложил принципиально иной подход к формированию образа Урала: позитивный по изначальной установке.

Интерпретация ландшафта в травелоге происходит на основе мировоззренческих, социокультурных и личностных установок путешественника. «Путешественник – не сканер, не место проекции и коллекции образов. Путешественник активно интерпретирует среду на основе взаимодействия с ней», – утверждает исследователь феномена путешествия В.Л. Каганский [Каганский 2001: 10]. Д.Н. Замятин, разворачивая характеристику образа пространства в путешествии, отмечает: «Путевой образ территории может быть насыщен социокультурными

реалиями эпохи; в то же время он может включать память об образах территорий, где родился, жил путешественник, зачастую далеких от района путешествия» [Замятин 2002: 15]. Следовательно, формирование образа территории в травелогах связано с отталкиванием от знакомого, общекультурного и личного опыта путешественника, т. е. представляет собой соположение идентичностей – своей и Другого⁴⁴. В этом отношении «Заметки» Мельникова-Печерского дают наглядный пример восприятия пространства путешествия в сопоставлении с привычным опытом – в данном случае с волжским укладом жизни, который идентифицируется писателем с общерусским. Горный пейзаж Урала описывается Мельниковым-Печерским в сравнении с более привычным равнинным пейзажем, горнозаводской уклад жизни – с крестьянским, уровень экономики и культуры исчисляется мерками приволжской деловой активности.

Так, самый эмоциональный отклик Мельникова-Печерского на уральский пейзаж связан с долиной реки Обвы, напоминающей путешественнику родные места: «Низменными, зеленым ковром зелени покрытыми берегами Обвы ехали мы в это прелестное июльское утро. Как живописны берега этой Обвы! Какие пленительные ландшафты представлялись со всех сторон глазам нашим! Смотри на них, любуйся ими, я не видал более пред собой суровой Пермии; мне казалось, что я там, далеко – на юге. <...> Леса нет, горизонт широко раскинулся. Обва тихо, неприметно катит струи свои. Это не уральская река: она не шумит тулунами, не мутится серым песком, не перекатывает на дне своем цветных галек; тихо, безмятежно извивается она по зеленым полям и медленно несет свои светлые струи в широкую, быструю, угрюмую Каму» (152). С другой стороны, типично уральский пейзаж рисуется Мельниковым в напряженных тонах, вызванных внутренним дискомфортом путешественника и чувством

⁴⁴ См. об этом: Castillo S.P. Colonial Encounters in New World Writing, 1500–1786: Performing America. London, 2006.

опасности: «Мы иногда любовались живописными окрестностями; говорю “иногда”, потому что дорога большею частью шла лесом и беспрестанно то поднималась в гору, то опять опускалась с нее. Но где только перемежался лес, там представлялись глазам нашим чудные картины. Совсем отличные от тех, которые мы видели в России» (50); «Направо Кама серебрится вдали; возвышенный правый берег ее зеленою полосой отделяет воду от небосклона; ближе – белая, высокая Лунезская гора; огромные камни ее висят под ложбиною и, кажется, *ежесекундно угрожают падением*; между этими камнями лепятся березки и елки, вершина горы опушена кудрявыми соснами. Прямо пред вами *пустынный лес*, состоящий из сосны, ели, пихты, лиственницы и других хвойных деревьев; *редко-редко встретится молоденькая береза или трепещущая осина, одиноко, как сирота, растущая между чуждыми ей деревьями*. Мы ехали этим лесом, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь с них; наконец лес начал перемежаться, и мы поехали местами *низкими, сырыми, грязными*» (68) (курсив – Е. В.).

Радостное настроение возвращается к путешественнику при встрече с привычным укладом жизни: «По берегам Обвы жители занимаются и хлебопашеством довольно успешно, и потому здесь редко покупается сарапульский хлеб, которым снабжается северная часть Пермской губернии...» (154) При этом писатель подчеркивает отличие местной жизни от специфически уральской: «Горных работ здесь нет, и потому-то здешние страны имеют свою особенную физиономию; здесь народ богаче, здоровее, воздух чище, самая природа смотрит как-то веселее. Так и должно быть...» (154)

Таким образом, «домашний» опыт писателя определяет направленность взгляда. Обвинские пейзажи подобны поволжским, и потому жизнь уральских крестьян описывается Мельниковым с заметным эмоциональным подъемом. «Горные работы», хотя и занимают большую часть рассказа, характеризуются в стилистике сухого статистического отчета. Вот, например, описание Пожевского завода – одного из самых

успешных уральских заводов, родины множества уральских изобретений: «В этом заводе находится одна доменная печь и семь кричных горнов. Руда привозится из Кизеловских дач весною, в то время как Яйва разливается, а известь с Лунежских гор, находящихся, как я уже говорил, около Полазнинского завода. Расстояние до Кизеловских дач 140 верст, а до Лунежской горы 120. Известь возят летом Камою. Выпуск чугуна бывает два раза в сутки, каждый раз выпускается до 300 пудов. Для каждого выпуска потребно сорок коробов или сто шестьдесят маленок угля. На Пожвенском заводе ежегодно добывается чугуна более 100 000 пудов, а железа 85 000. Для производства железоделательных работ устроена паровая машина в 36 сил, и в то время, как мы были на этом заводе, устраивали еще другую в 12 сил. К заводу этому принадлежит 114 000 десятин земли и 2 000 душ крестьян» (113). Подробное описание, включающее характеристику технологий, продукции, инфраструктуры, нередко сопровождающееся таблицами и статистическими сведениями, выглядит достаточно тяжеловесно по сравнению с живыми и эмоциональными описаниями дорожных впечатлений путешественника. Думается, подобная отстраненность автора от предмета изображения усиливалась отсутствием литературной традиции описания горных заводов. Основными источниками сведений об Урале на тот момент служили отчеты о научных экспедициях, о которых мы писали выше, и справочные обзоры (например, «Хозяйственное описание Пермской губернии» Н.С. Попова⁴⁵)

Обращаясь к теме горных заводов, Мельников попадал в дискурсивное пространство научного текста. Сформировать собственную манеру описания Мельникову не удалось: для этого у него не было ни достаточных внутренних мотиваций, ни литературного опыта.

⁴⁵ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санктпетербургскаго Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми: в 2 ч. Пермь: Типография Пермского Губернского Правления, 1804. Ч. 1. 399 с., Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санктпетербургскаго Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми: в 2 ч. Пермь: Типография Пермского Губернского Правления, 1804. Ч. 2. 400 с.

В целом при описании уральской промышленности в «Записках» преобладает официальный сдержанный тон, невольно оттеняющий значимость отдельных критических замечаний и нивелирующий эффект от упоминания настоящих достижений. Эту тенденцию наблюдаем, в частности, в продолжении рассказа о Пожевском заводе. «Кроме разных поделок и машин, здесь делаются прекрасные ножи, ножницы, *которые, однако, далеко уступают завьяловским...* Но главное производство состоит в приготовлении полосового, листового и сортового железа, которое частью продается в Пермской и Вятской губерниях, частью отправляется водою на Нижегородскую ярмарку. Устраивают также разные машины. Сказывали, что в прошедшем (1841) году *устроен был здесь и отправлен в Петербург паровоз “Пермяк”*» (113) (курсив – Е. В.).

В результате объективное представление об уральских заводах может сложиться только у самого внимательного читателя «Записок» – того, кто тщательно изучит все включенные в текст «Записок» статистические выкладки и таблицы, а потом самостоятельно сопоставит их с данными по другим промышленным центрам России.

Если в отношении горных заводов эмоциональный эскапизм Мельникова мог быть связан с отсутствием литературной традиции их описания, то в изображении Камы со всей очевидностью проявляется конфликт идентичностей. Образ главной уральской реки строится на сравнении с любимой Волгой – и не в пользу Камы: «Кроме этих лодочек, ничего нет на Каме: река совершенно пуста; это не то, что на Волге, где круглое лето одно судно перегоняет другое и дощаники беспрестанно ходят то вверх, то вниз. Судходство по Каме бывает по временам. <...> В другое время вы не увидите жизни на Каме, она вам представляется совершенно пустынною рекою» (52–53). Идущее за этим динамичным описанием велеречивое рассуждение о «грустном и вместе с тем высоком чувстве», которое «пробивается в грудь человека при взгляде на пустынную большую реку» (53), кажется общелитературным штампом, попыткой поэтизировать

достаточно абстрактное чувство. Впрочем, последующие камские пейзажи, которые в основном появляются в главе, посвященной Перми, соответствуют образу пустого и неподвижного пространства, не вызывающего у путешественника какого-либо сочувствия. Описывая пермскую набережную, писатель замечает, что разгрузка чая и соли лишь на время оживляет ее, «в другое время безжизненную и совершенно пустую» (57). Также совершенно пусты пристань и Кама, на которую можно смотреть «хоть целый день» и не увидеть ничего, «кроме рыбацких лодок» (57).

Уже не раз отмечалось, что именно в «Записках» Мельникова началось формирование образа Перми как пустого и выморочного города. Этот образ закрепился в русской литературе XIX в. во многом благодаря хлестким характеристикам начинающего литератора. При описании Перми становится очевидным, что слова «пустота» и «пустыньность», которые в изобилии используются Мельниковым при характеристике уральского пейзажа, носят негативный характер и связаны со значениями безжизненности, мертвенности. «С первого взгляда Пермь представляется городом обширным; но как скоро вы въедете во внутренность ее, увидите какую-то мертвенную пустоту. Только на одной улице вы найдете еще кое-какое движение, кое-какую жизнь – именно на той, по которой расположены постоянные дворы. На всех других круглый год тишина патриархальная, нарушаемая только несносным треском бумажных змейков, которые стаями парят над городом» (188). Так, не скрывая своего раздражения, характеризует автор пермскую жизнь. В негативных тонах Мельников подает читателю и тему кержачества, которая всегда была важной частью уральской идентичности. Рассказ об уральских старообрядцах содержит интонации резкой религиозной нетерпимости: «Но когда некоторые закоренелые изуверы не только что не слушали увещаний Питирима, но еще старались увеличить как можно более число своих единомышленников, тогда Петр Великий принужден был сослать некоторых керженских

раскольников в Сибирь и Пермскую губернию. Но в числе этих сосланных был лжеучитель их Власов. Он и клеветы его рассеяли гибельные семена раскола по Сибири и по Пермской губернии. Петр Великий в бытность свою в Астрахани отменил приказание это, узнав о следствиях, и повелел раскольников керженских впредь ссылатъ в Рогервик. Но зло, занесенное в Сибирь, развилось и только в нынешнее время почти кончилось» (173). Очевидно, что молодой историк с энтузиазмом последовательного государственника занимает резко охранительную позицию. Понимание раскола как одного из значительных явлений русской истории и культуры станет для Мельникова результатом сложного процесса превращения из чиновника в писателя.

В результате сопоставительной идентификации образ Другого в «Записках» Мельникова-Печерского строится на описании не столько местных инородцев, которые, кстати, не лишены романтического ореола («дикий сын дикой пустыни»), сколько специфического русского населения, оказавшегося на Урале в особых природных и экономических условиях. С осторожностью Мельников подбирает определения для оценки этого образа, среди них наиболее частотные – «странные» люди, «чудна Пермия»... Симпатию вызывают только местные крестьяне и старинные предания, обращенные к героическому прошлому: «Надобно тому пожить в Сибири или в Пермской губернии, кто хочет узнать русский дух в неподдельной простоте. Здесь все – и образ жизни, и предания, и обряды – носит на себе отпечаток глубокой старины» (50).

Не понимая и не принимая современную жизнь горнозаводского Прикамья, Мельников-Печерский с увлечением пишет о пермских древностях, кодифицируя в образе уральского пространства диссонанс между богатой историей и неопределенным настоящим. Главное достояние Урала – его древность и верность старинному укладу жизни. Исторический вектор уральского ландшафта выстраивается Мельниковым с огромной

заинтересованностью и становится одним из самых ярких сюжетов «Записок».

Как профессиональный историк, ссылаясь на многочисленные источники, в том числе свидетельства европейских и арабских путешественников, а также внимательно исследуя археологические находки, Мельников подробно и обстоятельно рассказывает об истории древней Биармии – просвещенного государства, которое якобы существовало на территории Северного Урала и вело активную торговлю со своими соседями – булгарами, скандинавами и новгородцами. Не вступая в открытый спор с Берхом, который уже подверг критике биармийский сюжет уральской истории, Мельников старается построить свою аргументацию на сохранившихся свидетельствах: «Вместо того, чтобы говорить положительно о неведомой истории народа загадочного, мы лучше покажем здесь, во-первых, пути торговли Биармийцев, во-вторых, определим их образование и, наконец, скажем о памятниках их, оставшихся до сих пор в Пермской губернии» (157).

Интерес к биармийскому сюжету уральской истории во многом связан с пониманием его значимости для утверждения особой миссии Российского государства, объединившего культуры, издревле существовавшие на колонизованных им землях. Чем древнее и развитее культура, тем выше символический статус обладателя этого наследия. Неслучайно Мельников с особым нажимом подчеркивает высокий уровень экономического и культурного развития Биармийского государства: «Биармийцы находились на такой степени гражданственности, что оставшиеся после них памятники ввели в заблуждение некоторых ученых (Бальи), полагавших, что на севере в глубочайшей древности было *первое* (курсив – *Е. В.*) по происхождению образованное государство» (157).

Главными свидетельствами существования Биармии Мельников считает многочисленные чудские городища, подробное перечисление которых заканчивает одну из частей «Записок». Тем самым Мельников

примыкает к тем исследователям, которые говорили о единстве Биармии и уральской чуди, чьими потомками являются, по его мнению, проживающие на территории современного Урала финно-угорские народы – коми-пермяки, зыряне, вогулы и остяки. Из всех перечисленных народов в «Записках» Мельникова представлены только коми-пермяки. Автор, однако, остается далек от задач развернутого этнографического очерка. Главный интерес исследователя скорее фольклористский и лингвистический: он приводит тексты песен и сказок, собранных во время путешествия, а также обширный словарь бытовой и топонимической лексики. Собственно, и общую характеристику народа он дает с опорой на лингвистическое наблюдение: «Умственное развитие у этого народа невысокое: они даже не умеют читать. Есть у них своя поэзия, которой образчики видели читатели – поэзия безыскусственная, грубая, или лучше сказать такая же незамысловатая, как и самая жизнь пермяков. В ней не выражается высоких чувств, да они не знают их; посмотрите, у них даже нет слова “любить”...» (123).

Понимая историческую важность темы Биармии для Урала и Российского государства в целом, Мельников эмоционально взывает к пермякам: «Непременно надобно исследовать пермские городища и замечательные урочища. Это разлило бы большой свет на загадочную Биармию!» (155)

Другим ведущим сюжетом уральской истории в «Записках» Мельникова становится рассказ о «ермаковом оружии». Уже в первом очерке, посвященном Пермской губернии, Мельников останавливается на повсеместной популярности Ермака: «Надобно заметить, что Ермак живет в памяти жителей Пермской губернии; много преданий и песен о нем сохранилось до сих пор. В селах и деревнях у всякого зажиточного крестьянина, у всякого священника вы встретите портрет Ермака, рисованный большею частью на железе. Ермак изображается на этих портретах в кольчуге, иногда в шишаке, с золотой медалью на груди» (62).

Используя для представления этой темы образ оружия, Мельников связывает в один смысловой узел несколько ключевых для уральской истории тем: «Приписывая своему герою чудесные деяния, сибиряки хотят освятить его именем всякую старинную вещь, и потому каждый из них, имеющий у себя старинную пищаль или какое-нибудь другое оружие, называет его ермаковым и готов пожертвовать всем, чем вам угодно, чтобы только уверить вас, что ружье, валяющееся у него в пыли, было прежде в руках Ермака или, по крайней мере, у кого-нибудь из его сподвижников. Таким образом, 3 пищали, которые я видел в Кунгуре у купцов Пиликиных, выдаются тоже за ермаковы. Я не думаю даже, чтобы это оружие можно было отнести и к началу XVII века, – разве к концу его. Вероятно, оно было прежде в острожках и крепостях, во множестве находившихся в Пермской губернии для защиты от набегов Башкирцев» (62). «Ермаково оружие» становится символом русской колонизации, актуализируя память о военном противостоянии русских и коренного населения Урала. Образ ермакова оружия будет подхвачен в травелогах середины XIX в., в частности П.И. Небольсиным, что лишний раз доказывает его высокую суггестивность.

Постепенно тема русского оружия в рассказах о Ермаке уходит на второй план, чаще путешественники фиксируют предания о ермаковой казне и разбойничьем прошлом завоевателя Сибири. Известный исследователь уральского фольклора В.П. Кругляшова, выстраивая этапы развития народных представлений о Ермаке, отмечала: «Одновременно с аспектом “Ермак – завоеватель Сибири” в уральском горнозаводском фольклоре развилось социальное содержание образа. Предания о Ермаке – атамане волжской вольницы оказались созвучными свободолюбивому, активному в социальных устремлениях горнозаводскому фольклору» [Кругляшова 1974: 153]. Так, одно из первых упоминаний Ермака в уральских очерках В.И. Немировича-Данченко связано с пересказом истории о том, как, спасаясь от «царских приставов», «выплыл он с лодкой

своей посередь реки» Ик, «побросал в реку всю казну свою», «взял меч свой булатный, напоследок царевну Алмаз поцеловал в уста сахарны, да как полоснет» и начал молить реку, чтобы «вызволила его из лихой беды» [Немирович-Данченко 2021: 57].

В развитии ермакова сюжета как составляющей уральского дискурса «Записки» Мельникова играют роль констатирующего документа: они отражали характерный для этого времени образ Ермака как завоевателя Сибири, который соответствовал официальной трактовке.

Создавая галерею уральских «героев», Мельников-Печерский обращается и к образу Емельяна Пугачева, еще живому в местной памяти: «До сих пор сохраняется много преданий о страшном Пугачеве и его помощнике Белобородове, до сих пор старики со вздохом вспоминают ужасное время злодейств. Год возмущения сделался какой-то эрой в здешнем крае: старики обыкновенно говорят “я родился за столько-то лет до Пугачева года, это было в самый Пугачев год”» (212). По свидетельству путешественника, во время ежегодного молебна и крестного хода «в воспоминание избавления Кунгура от мятежников» «носят и то знамя, с которым ратовали кунгуряки и жители Юговского завода против мятежников...» (214). Обращаясь к этому эпизоду пугачевского бунта, Мельников отмечает: «Здесь я изложил подробно действия против мятежников около Кунгура более потому, что А.С. Пушкин совершенно почти не говорит о них» (214). Ссылка на Пушкина свидетельствует о многом: о том, что Мельников занимался изучением истории пугачевского бунта и пытался продолжить работу Пушкина, но не был с ним полностью солидарен. В отличие от Пушкина, который при написании «Истории пугачевского бунта» «старался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении» [Пушкин 1972: 442], Мельников усиливает негативные оценки бунтовщиков, опираясь на «страшную» память жителей Кунгура. Действительно, уральские заводы не поддержали бунт Пугачева, для них он совпал с угрозой башкирских

набегов, от которых приходилось обороняться на протяжении всей истории освоения Урала. Однако отразив эти настроения, Мельников не отрефлектировал их уральской специфики. Его описание выполнено в духе официальной риторики, очевидно заимствованной из «Прибавлений к Санкт-Петербургским ведомостям», которые послужили Мельникову одним из основных источников исследования.

Таким образом, обращение Мельникова к недавней истории Урала лежало в сфере официального дискурса и закономерно не стало таким вдохновенным, как воображение Биармии. Тема Биармии была свободна от официозных установок и давала простор для дискурсивного разнообразия. Отчасти интерес к биармийской теме послужил результатом общелитературного влияния романтической традиции, опиравшейся на поэтизацию прошлого и концептуальный интерес к мифу.

«Записки» Мельникова-Печерского скорее тяготеют к разновидности экзотических путешествий: наиболее яркими оказываются страницы, посвященные историческому прошлому и национальной экзотике. В сочетании с фельетонными характеристиками провинциальных нравов пермского общества и рождается образ «русского Китая», которым путешественник заканчивает свои «Записки».

В последующих путевых описаниях Урала сохраняются заданные Мельниковым-Печерским темы, а также основные особенности их интерпретации. Большинство путешественников XIX в. изобразили Урал глубокой провинцией, единственным отличием которой являлась угасающая горнозаводская экономика. Главными оставались сюжеты, связанные с древней историей Урала и героями его русской колонизации. Построенный Мельниковым-Печерским образ уральского пространства во многом способствовал его негативной идентификации, которая закрепилась в транзитных травелогах.

2.5. Маршрут путешествия и образ Урала в путевых очерках Е.А. Вердеревского⁴⁶

Одним из немногих путешественников, кто решился бросить вызов складывающейся литературной традиции изображения Урала как далекой окраины, со всеми сопутствующими этому ярлыку негативными характеристиками, был Е.А. Вердеревский. Писатель выбирает принципиально отличный от большинства современников маршрут путешествия по Уралу, разворачивая повествование не только географически, но и содержательно.

Евграф Алексеевич Вердеревский (1825, Саратов – 1867, Нижний Новгород), писатель и журналист, оказался в Перми в 1847 г. благодаря покровительству своего дяди В.Е. Вердеревского, который занимал пост председателя Пермской казенной палаты. К этому времени Вердеревский окончил Царскосельский лицей и около года проработал в Министерстве иностранных дел. В Перми он становится чиновником особых поручений при пермском губернаторе, а с 1850 г. – после отъезда дяди в Нижний Новгород – служит в Пермском совестном суде. Чиновничья карьера не слишком увлекала молодого человека, склонного к занятиям более артистическим: Вердеревский писал стихи, пробовал публиковаться. Первые журнальные подборки и сборник стихов, вышедшие в год его приезда в Пермь, не принесли ему литературной славы, что, впрочем, не помешало начинающему автору продолжить свои литературные занятия. В 1853 г. Вердеревский переезжает на Кавказ, где служит его отец, и получает должность при канцелярии кавказского наместника графа М.С. Воронцова. Здесь он активно включается в местную литературную жизнь, становится редактором русскоязычной газеты «Кавказ», участвует в

⁴⁶ Содержание раздела отражено в публикации: Власова Е.Г. Е.А. Вердеревский (гл. 6.2.5) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. Кн. 1. С. 552–555.

издании альманаха «Зурна», пишет статьи о грузинской поэзии, театре, народных традициях.

Однако ключевую роль в творческом самоопределении Вердеревского сыграла книга путевых очерков, созданных во время путешествия с Урала к новому месту службы. Очерки, написанные в жанре писем, первоначально публиковались в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» (1853–1854) и «Кавказ» (апрель–август 1855), а в 1857 г. вышли отдельной книгой, получившей название «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» [Вердеревский 1857]⁴⁷. С этого момента проза становится основным жанром в творчестве Вердеревского⁴⁸.

Ориентированные на стилистику легкого газетного фельетона и не претендующие на художественное обобщение, путевые письма Вердеревского, тем не менее, по-своему интересны в контексте истории литературных путешествий по Уралу. Подвергнув критике идею издания отдельной книгой писем, которые «едва ли возбуждают интерес в читателях», Н.А. Добролюбов точно подметил, что их «настоящее место» там, где они впервые были напечатаны, т. е. в газетах [Добролюбов 1962: 92]. В сиюминутности и злободневности наблюдений, оформленных живым языком газеты, и состоит главное достоинство «юмористических, сентиментальных и практических писем» Вердеревского. Путевые отчеты начинающего литератора необходимо рассматривать в контексте газетного дискурса с присущими ему установками на злободневность и прагматизм.

⁴⁷ Письма Е.А. Вердеревского будут цитироваться далее по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁴⁸ Тем не менее Вердеревский не прекращает писать стихи. Как и в путевые очерки, образы Урала входят в поэтические произведения писателя. В частности, в период активной работы над книгой «От Зауралья до Закавказья» он пишет стихотворение «Дума Урала. Путник» (Оренбургские губернские ведомости. 1854. № 47), а в текст путевых писем вводит несколько поэтических стихотворных фрагментов, отражающих его дорожные впечатления. «Дума Урала», как и включенные в книгу стихотворные фрагменты, в сопоставлении с прозаическим целым путевых писем выявляют ту трансформацию, которая произошла с Вердеревским при переходе от поэтического творчества к прозаическому, сориентированному на – подчеркнем – документалистский язык газетного текста. Эта трансформация заключалась в естественным образом случившемся освобождении автора от штампов уходящего с литературной сцены романтизма, к которому Вердеревский-поэт тяготел.

Следует отметить, что газетную «прописку» путевых очерков Вердеревского отягощало одно немаловажное обстоятельство, подтолкнувшее автора впоследствии к переизданию своего травеложного произведения отдельной книгой. В 1840–1850-е гг. российские журналы и газеты, служившие в это время основной литературной площадкой, оказались под влиянием моды на заграничные травелоги. Письма, представляющие маршрут путешествия по Российской империи, выпадали из общей картины. В предисловии к изданию 1857 г. автор объясняет, что одной из причин, побудившей его собрать все письма в книгу, послужило то обстоятельство, что современники излишне увлеклись заграничными путешествиями и рассказами о «заграничных сенсациях», в то время как «настоящие, домашние путевые впечатления не для всех будут неприятным контрастом: побывавшему в гостях хорошо бы заглянуть и домой» (II). Более того, письма Вердеревского предлагали читателям не просто проехаться по России, но изменить привычное направление путешествия от центра к окраинам. Молодой путешественник заставил взглянуть на пространство Российского государства с другой стороны: «Если могут быть интересны рассказы о путешествии из какой-нибудь центральной, более или менее известной точки России, в страну менее известную, – если так живо, так вполне овладевали в недавнее время нашим вниманием “Рассказы проезжего”, “Письма о поездке на Кумыс” и прочие заметки наших туристов, – то рассказ о путешествии из одной terra incognita в другую, как, например, из Приуралья в Закавказье, – такой рассказ, по моему мнению, должен представлять собой двойной интерес для русского читателя» (1–2).

Для Вердеревского новый маршрут путешествия был интересен прежде всего с точки зрения «оригинальности места». Эта точка зрения и обеспечивала пищу для наблюдения, и не позволяла охладиться «литературной производительности» автора, как то бывало, когда

путешественник пытался описать «избитый тракт» и «тождество русского пейзажа и русских городов» (1–2).

Обозначенный ракурс менял отношение к пространству путешествия. Новое направление маршрута само по себе задавало корректировку центростремительной ориентации уральского ландшафта, утвердившейся в предшествующих описаниях Урала: в путевых отчетах Ф.Ф. Вигеля (1805), А.И. Герцена (1835), П.И. Мельникова-Печерского (1839), П.И. Небольсина (1846), совершавших поездку из столицы или центральной России на Урал и в Сибирь. Травелог Вердеревского можно считать попыткой снятия традиционного противопоставления центра и окраины, столицы и провинции, запада и востока. Пожалуй, самым очевидным результатом в перемене отношения к пространству можно считать отказ от критической установки, которая обычно сопровождала путевые отчеты столичных путешественников, на контрастном сопоставлении со столицей особенно остро реагирующих на тяготы провинциальной жизни. Вердеревский предлагает взглянуть на уральскую действительность иначе: без сопоставления со столицей и вне складывающегося стереотипа об отсталости и серости русской провинции. Эта позиция особенно проявляется в описаниях Перми, где автору выпало прожить около пяти лет. Защищая Пермь от резких упреков писателей-путешественников, Вердеревский справедливо отмечает имевшее место преувеличение в негативных характеристиках города: «Правда, есть в Перми несколько тяжелых условий жизни, несколько смешных или невыносимых типов; есть там суровая (но и здоровая!) шестимесячная зима; есть там болезненная любовь к картам, есть невыносимо брюзгливые старики, есть приводящий душу в уныние оркестр...

По свидетельству некоторых почтенных путешественников, есть кое-что и хуже в Перми; так, например, г. Мельников нашел здесь едва ли не египетскую тьму невежества; г. Горелов – неимоверное, исключительно большое, сравнительно с прочими городами России, потребление

игральных карт; г. Небольсин – чересчур изуродованный русский язык, как, например, выражение “прошки ширкнуть” вместо: табаку понюхать; но, не в обиду почтенным литераторам, все это небольшие с их стороны преувеличения!» (48–49)

Противопоставляя подобным описаниям свой позитивный взгляд на город, Вердеревский подкрепляет его списком явлений, «примиряющих с жизнью в провинции»: тишина, в которой «так привольно, так свободно созревать всякому умственному труду»; «драгоценные кружки», где «хозяин так проникнут чистой любовью ко всему правдивому и возвышенному»; здоровый климат, который заставляет даже докторов забыть «половину своих рецептов» (49–50). Расхожая пасторальность этой похвалы затерла бы пермский ландшафт, если бы Вердеревский не предложил помимо традиционных черт провинциальной жизни топографически конкретный перечень местных достопримечательностей. Создав неповторимый пермский пейзаж, они закрепились в локальном тексте города. Так, на литературной карте Перми появился высокий правый берег с видом на Закамье, хвойные леса вдоль Сибирского тракта, старое Егошихинское кладбище в тенистом бору, Петропавловский собор с уникальной росписью художника-самородка Орлова, паромные пристани, где можно попробовать замечательные пермские «пельняни».

Самым важным геокультурным открытием этого списка, безусловно, следует признать описание поэтических прогулок по берегу Камы. Данный фрагмент созданного Вердеревским травелога заслуживает особого внимания, поскольку закладывает основание целой литературной традиции. С этого момента высокий камский берег около Петропавловского собора становится той точкой обзора, которая формирует представление о пермском ландшафте. «Не буду много распространяться обо всем этом; если же судьба занесет кого-нибудь из вас в Пермь, хотя на короткое время, то послушайте моего совета и обратите особенное ваше внимание на следующие достопримечательности Перми: прогуляйтесь по берегу Камы

или влево от городского собора, или по горам старой мотовилихинской дороги и полюбуйте, с романом Фенимора Купера в руках, этой огромной, плавной, величавой рекою и противоположным берегом ее, покрытым лесами и лесами на необозримое пространство. Я уверен, что эта пустынная река, этот безграничный лесной мир покажутся вам братьями тем американским рекам и тем девственным саваннам, которые так живописны на страницах Купера» (51). Выразительность этого описания достигается за счет проведенной литературной аналогии. Сравнение уральского пейзажа с американскими дикими лесами из книг модного писателя фиксирует сразу несколько тем, закрепившихся в литературной традиции уральского тревелогога: это темы дикости, таинственности, недоступности и пустынности пространства, связанные с сюжетом освоения чужих территорий.

Дальнейшая литературная легитимация главной точки городского пермского ландшафта произошла в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко, побывавшего в Перми в 1875 г. Словно по совету Вердеревского, повествователь поднимается на высокий камский берег и вдохновляется раскинувшейся перед его взором панорамой закамских лесов: «Город, в сущности, очень миниатюрен, потому что, куда ни зайдешь, отовсюду виден конец его. Любимое место прогулок носит прозаическое название “Козьего Загона”.<...> Вид отсюда дивный! Внизу струится красивая Кама, по ней тянутся беляны, пароходы бегут, скользят лодки. Противоположный берег низмен и, насколько хватит взгляда, верст на пятьдесят вперед покрыт сплошным, величавым, северным лесом. Отсюда, сверху, видны только вершины этого леса, уходящего в бесконечность, мерещащиеся и там, где уже ничего нельзя разобрать...

Матовые, мягкие, бархатистые, зеленые облака... Не оторвешься от них, как не оторвешься от картины Заволжья с нижегородского откоса, от саволакских далей с горы Пойю в Финляндии, от вида Подола и Заднепровья в Киеве. Ужасно напоминает эта лесная даль одну из лучших

картин барона Клодта, где также все полотно залито могучей ширью северного лесного царства» [Немирович-Данченко 2021: 80].

Художественная убедительность нарисованной Немировичем-Данченко панорамы достигается с помощью яркой, образной, только на сей раз живописной аллюзии и завершает превращение топографически конкретной реалии, высокого камского берега, в репрезентативный литературный топос.

В путевом повествовании Вердеревского берут исток и несколько других закрепившихся в литературе примет уральской жизни. Так, одно из самых динамичных писем книги посвящено описанию Ирбитской ярмарки. Утверждая ключевое значение Ирбита в торговых отношениях уралосибирского региона, записки Вердеревского в большей степени сосредоточены всё же на изображении нравов ярмарочного общества и прежде всего – безудержных кутежей уральских толстосумов. Эти фрагменты писем Вердеревского заставляют воспринимать их в качестве одного из литературных источников, или предтекстов, уральской прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка, в частности, той формулы «дикого счастья», которую он предложил для описания уральской золотой лихорадки. Приведем один из очевидных примеров совпадения художественной логики писателей: «Жизнь, веселье, вино и золото – кипят и льются через край... <...> нигде не увидите вы столько наличных денег, подвергаемых ударам *слепого счастья* (курсив – *Е. В.*), нигде не встретите вы такого равнодушия к радужным цветам сторублевых билетов, как на некоторых вечерах у частных людей, где собираются кружки охотников до сильных ощущений...» (29)

Для рассказа о путешествии Вердеревский намеренно выбирает легкий тон газетного хроникера. Добролюбову он показался несколько скучным: «...ничего резкого, ничего слишком глупого или слишком умного, нет курьезностей, какие попадаются в путевых заметках гг. Погодина, Греча, Пауловича и т. п. Все чинно, ровно, все как следует. Автор и об

Ирбитской ярмарке говорит и даже представляет таблицу ее оборотов за десять лет, и о пермском обществе, и о плавании по Каме, и о памятнике Державину в Казани, и о клубе в Симбирске, и об одежде и физиономии донских казаков, и о видах на Кавказе, и о водах в Пятигорске. И все это приличным слогом, с некоторым порывом к остроумию...» [Добролюбов 1962: 92]. В связи с этим замечанием снова напомним предисловие Вердеревского, в котором он упрекает российских писателей в излишнем увлечении «сенсациями». Очевидно, отказавшись от погони за сенсациями и обратившись к непосредственному наблюдению, писатель надеялся найти иную манеру изложения дорожных впечатлений; констатирующий тон газетного репортажа вполне подходил для решения этих задач.

Конечно, подобная нейтральная, «ровная» манера повествования в путевых очерках Вердеревского проигрывала экспрессивному оценочному стилю Мельникова-Печерского, Герцена или Небольсина. Несмотря на то что письма Вердеревского получили обширную аудиторию в лице читателей «Санкт-Петербургских ведомостей», созданный в них позитивный образ уральского пространства отступил перед более яркими – и негативными – свидетельствами писателей-предшественников. Значение путевых писем Вердеревского в истории путевой литературы Урала раскрывается при внимательном прочтении и в сопоставлении с более поздними литературными описаниями уральского региона, которые позволяют выявить ряд немаловажных схождений.

Выводы по второй главе

1. Первый этап в истории уральских травелогов приходится на конец XVIII – первую половину XIX в. Он характеризуется формированием первых значений уральского пространства. У истоков образа уральского пространства стояли путевые отчеты российских ученых: путевые дневники академиков И.И. Лепехина, П.-С. Палласа, Н. Рычкова и И.-П. Фалька, возглавивших уральские экспедиции Российской академии наук конца

XVIII в. В истории формирования образа уральского пространства основным итогом этих путешествий становится появление семантических презумпций, возникающих благодаря накоплению и детальному описанию эмпирических фактов. Важнейшие из этих презумпций группируются вокруг горных промыслов Урала и уральских древностей – палеонтологических находок, чудских копей, древних городищ и капищ. В общесемиотическом плане научные дневники закрепляют за уральским ландшафтом значения древности местной истории, глубины и таинственности недр, а также самобытности культуры, связанной с многонациональным заселением и горнозаводским характером экономического уклада.

2. В начале XIX в. начинается новый этап литературного освоения Урала, который связан с писательскими поездками в восточные регионы России. На Урале в этот период побывали не только отправленные в ссылку А.И. Радищев, А.И. Герцен и Ф.М. Достоевский, но и Ф.Ф. Вигель, П.И. Мельников-Печерский, П.И. Небольсин, П.А. Кропоткин, которые целенаправленно ездили вглубь страны для изучения ее жизни. Урал стал одним из российских регионов, проявившихся на литературной карте России благодаря писательским путешествиям. По сравнению с отчетами академических экспедиций очерки начала XIX в. существенно поменяли акценты в представлениях об Урале. Это было связано с характером целей и маршрутов поездки: в основном писательские путешествия были устремлены в Сибирь. Закономерно в очерках этого периода формируется образ Урала как фронтальной территории, расположенной между центральными российскими регионами и восточными окраинами – Сибирью и Дальним Востоком. Центральным маршрутом травелогов этого периода оказывается Сибирский тракт, который соединяет такие элементы уральского пространства, как перевал через Уральский хребет, пересечение евро-азиатской границы, арестантские обозы, татарские и башкирские поселения, исторически сложившиеся вдоль линии основного

соприкосновения с русской колонизацией. Благодаря этим элементам в образе Урала закрепляются значения экзотического и сурового пространства, преддверия Сибири, евро-азиатского рубежа. На примере писем А.И. Герцена показано формирование такой разновидности путевой словесности как эпистолярный тревелог, для которого характерны непосредственность эмоционального переживания, установка на самоценность индивидуального опыта и стилистическая свобода.

3. Первое развернутое литературное описание Урала было представлено в путевых очерках П.И. Мельникова-Печерского. Писатель попытался рассмотреть Урал как особое, горнозаводское пространство, но сделать это до конца ему не удалось. Внимание Мельникова-Печерского сосредоточилось на древней истории Урала и ее биармийском сюжете. Современная жизнь Урала была представлена Мельниковым-Печерским в негативном ключе, в противопоставлении с привычным для него, и более близким общероссийскому, волжским пространством. Урал предстает в очерках писателя далекой российской окраиной, «русским Китаем» – чужим и непонятным пространством, главным достоинством которого являются редкие приметы настоящего русского духа, сохранившиеся в силу отдаленности края.

4. Значения пограничного, фронтального характера Урала, сложившиеся в писательских очерках этого периода, выразительно проявились в сюжете евро-азиатской границы. Его характеристика позволила показать общее движение в осмыслении Урала в качестве пограничного пространства. Под воздействием политических и социокультурных факторов представления о евро-азиатской границе постепенно меняются. На смену резкому противопоставлению европейской части России и Сибири, преддверием которой долгое время считался Урал, приходит понимание самобытности уральского пространства.

Глава 3. Урал в геопанораме России 1870–1890-х гг.

Следующий этап литературного освоения Урала связан с появлением обобщающих литературных репрезентаций региона, которые включили его в национальную геопанораму. Процессы формирования общероссийской геопанорамы как целостного описания российских регионов в составе единого геокультурного пространства актуализировались в 1870-е гг. Самым выразительным проявлением этих процессов становится масштабный книгоиздательский проект «Живописная Россия», который был задуман его издателем М.О. Вольфом как «полнейшее ...сочинение по отчизноведению», нацеленное на то, чтобы «доставить каждому русскому, искренно любящему свое отечество, полную возможность ознакомиться с Россией во всем разнообразии проявлений ее внутренней и внешней жизни» [Живописная Россия 1881: VII]. Всего в рамках этой серии было выпущено 19 томов. Подготовка проекта началась в середине 1870-х гг., первые книги вышли в начале 1880-х, а последний том – в 1901 г. Уральский том появился тоже в 1901 г. Однако включение уральского пространства в геопанораму России нужно датировать не этим временем. Оно происходит параллельно с началом выхода серии, в начале 1880-х гг., благодаря путевым очеркам В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка. Эти очерки объединили сложившиеся к этому времени представления об Урале, предложив, в отличие от писательских очерков начала XIX в., образ целостного и самобытного пространства.

К концу XIX в. можно говорить о становлении традиции литературного описания Урала. В этом процессе ключевую роль, конечно, сыграли художественные произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка. Однако травелоги продолжали оставаться одним из основных источников формирования семиотики и поэтики уральского пространства, развивая темы, сложившиеся в уральской путевой очеркистике, и вступая во взаимодействие с сюжетами большой прозы.

Опираясь на понимание геопанорамы как целостной совокупности разных, но связанных друг с другом символически осмысленных ландшафтов, перейдем к характеристике уральских травелогов, которые сыграли решающую роль в процессе формирования геопоэтического образа Урала.

3.1. Формирование образа горнозаводского Урала в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал»

Характеристику нового этапа литературного освоения Урала необходимо начать с очерков В.И. Немировича-Данченко. Его отчеты об уральском путешествии, состоявшемся в 1876 г., заново открыли Урал российскому читателю. Д.Н. Мамин-Сибиряк выступил с уральской темой чуть позже, хотя эта разница составила всего 2–3 года.

Исключительная роль В.И. Немировича-Данченко в истории литературного открытия Урала объясняется его основной литературной специализацией – писателя-туриста (Отечественные записки. 1877. № 3) [Новые книги 1877: 96]. Она предполагала разглядывание и разгадывание пространства путешествия. Емкая характеристика уральских очерков В.И. Немировича-Данченко была дана В.В. Абашевым⁴⁹, который обосновал идею создания писателем уральского кода: «На наш взгляд, книга “Кама и Урал” не только осталась ценным и читательски увлекательным источником разнообразных сведений о Прикамье и горнозаводском Урале. Она сыграла важную роль в становлении той системы общих мест в описании Урала, которую можно назвать уральским кодом, и стала важным звеном в становлении геопоэтики Урала» [Абашев 2010: 192]. По мнению исследователя, Немирович-Данченко открывает антропологию и онтологию

⁴⁹ Абашев В.В. К истории геопоэтики Урала: очерки Вас.Ив. Немировича-Данченко // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 192–200; Абашев В.В. Увидеть Урал: ландшафтные описания В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2016. № 1(50). С. 25–31.

Урала, связанные с горнозаводским характером местной жизни: рудники, золотые прииски и заводы представлены писателем в качестве символических локусов уральского пространства.

Целью нашего исследования очерков Немировича-Данченко становится характеристика маршрута путешествия как геопоэтического приема – конструктивного элемента, который сыграл важную роль в создании самодостаточного образа уральского пространства.

В.И. Немирович-Данченко едет на Урал специально для создания серии путевых очерков и последующей их публикации в литературных журналах⁵⁰. К этому моменту он уже известен в литературных кругах как автор путевых очерков о российском Севере, Волге и Кавказе, которые публиковались в ведущих российских журналах: «Вестник Европы», «Дело», «Русская речь»⁵¹. Путевые публикации Немировича-Данченко были замечены и поддержаны мэтрами. «Кто автор заметок о Соловецком монастыре в “Вестнике Европы”? – спрашивал И.С. Тургенев издателя журнала М.М. Стасюлевича. – Отличная вещь» [Тургенев 1965: 311].

Урал становится новой литературной целью Немировича-Данченко, которая подтверждает общий вектор его интереса к регионам, обладающим характеристиками необычного, экзотического, опасного пространства. Установка на необычное, поражающее воображение, очевидно, и послужила Немировичу руководством для маршрутизации уральского путешествия. Глубокие рудники, старательские артели в глуши дремучих

⁵⁰ Немирович-Данченко В.И. Река былых лесов (летняя поездка по Кама) // Дело. 1877. № 2, февраль. С. 107–138; Немирович-Данченко В.И. Урал (очерки и впечатления летней поездки) // Русская речь. 1881. № 9. С. 1–48; № 10. С. 1–50; № 11. С. 1–49; № 12. С. 1–58; Немирович-Данченко В.И. Река лесных пустынь (из поездки по Уралу) // Исторический вестник. 1882. Т. X, ноябрь. С. 241–274; Т. XI, декабрь. С. 501–541 (гл. с 33 по 42); Немирович-Данченко В.И. Колыбель миллионов // Исторический вестник. 1884. Т. XVI, июнь. С. 465–486; Исторический вестник. 1884. Т. XVII, июль. С. 98–111. Позднее очерки были изданы в виде книги «Урал и Кама» (СПб., 1890).

⁵¹ За северным полярным кругом (Очерки мурманского берега) (1876. № 8–10); С океана. Очерки Севера (Дело. 1874. № 8–10); Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами (Вестник Европы. 1874. № 8, 9). В 1875 г. отдельным изданием вышла книга «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (СПб., 1875), в 1877 – «По Волге» (СПб., 1877) и «В море» (М., 1897). В 1873 г. автор путешествовал по Кольскому полуострову. Свою поездку он описал в очерках «У океана. Жизнь на Крайнем Севере» (1875), «На просторе. Очерки» (1876), «Страна холода. Виденное и слышанное» (1877), «Лапландия и лапландцы» (1877).

лесов подстегивали воображение писателя: «Меня давно манило в самую глубь Урала, туда, где в вечном мраке рудника гном-человек, ценой невероятных усилий, отнимает у земли ее глубоко схороненные сокровища; где одинокие старательские артели в глуши дремучих лесов по целым месяцам выживают у золотоносных рек, еще не намеченных даже на карте; где высокие горы стали на самый рубеж студеного сибирского царства, точно заслоняя Россию от его ледящего дыхания», – так писатель определяет основные цели своей поездки [Немирович-Данченко 2021: 317]. Действительно, одним из самых ярких событий путешествия Немировича-Данченко становится его спуск в Луньевскую угольную копь. Кроме того, финальной точкой пермской части поездки намечается труднодоступный Троицкий рудник. Очевидно, горнодобывающее производство было предметом особого интереса писателя, что он сам проговаривает при описании встречи с местным управляющим:

«– Ну, – предложил он, помолчав, – хотите посмотреть наш рудник?

– Да, еще бы. *За этим мы к вам и заглянули*» (курсив – Е. В.)

[Немирович-Данченко 2021: 221].

Экстремальный характер этого способа знакомства с Уралом выразительно демонстрирует свойственную творческой манере Немировича установку «во что бы то ни стало произвести эффект» [Отечественные записки 1877: 98]. Необычный творческий темперамент Немировича нашел на Урале благодатную почву – пространство само подсказывало «эффектные» сюжеты для рассказа. Однако экстремальное путешествие превращается в путешествие, открывающее онтологию Урала – его глубинные смыслы. Немирович-Данченко стал тем писателем, творческий темперамент которого оказался созвучен характеру уральского пространства.

Подробное картирование маршрута писателя позволяет сделать ряд наблюдений, которые проявляют взаимосвязь направления и характера

движения с восприятием пространства и, в конечном итоге, созданным в очерках образом Урала.

Сложная конфигурация путешествия Немировича-Данченко по Уралу говорит о желании писателя выйти за границы привычных маршрутов, побывать в местах, которые раньше не попадали в поле зрения путешествующих литераторов. Маршрут Немировича-Данченко по уральской части маршрута соединяет два основных города Среднего Урала: Пермь и Екатеринбург, но эти пункты становятся точками отправления для знакомства с ближними и дальними заводскими поселениями. Таким образом, условно можно разделить путешествие писателя после окончания его пароходного путешествия по Каме на три части: пермская, охватившая Пермь, усольские солеварни и содовый завод в Березниках, шахты и заводы Кизела, Александровска, Губахи, Троицкий рудник, крестьянские поселения по берегам Косьвы, Чёрмозский завод; затем путешествие в Екатеринбург по Сибирскому тракту – через Кунгур и Суксунский завод; и екатеринбургская, включившая помимо знакомства с фабриками и мастерскими Екатеринбурга поездку на заводы и медные шахты Тагила, золотые прииски, металлургические заводы Верхней и Нижней Салды. Примечательно, что по отношению к своему уральскому путешествию писатель выбрал слово «пошататься»: «Потом, пошатавшись по Пермской губернии, я ничему не удивлялся» [Немирович-Данченко 2021: 83]⁵². Несмотря на ироничность этой характеристики, она оказывается точной для определения динамики поездки: отсутствие центральной линии, многочисленные отклонения и возвращения на маршрут, смена видов транспорта и способов передвижения.

Первая, прикамская, часть путешествия оказалась самой продолжительной и сложной по маршрутизации. Писатель знакомится с разными видами местного производства: солеварением, добычей угля,

⁵² Далее очерки В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» будут цитироваться по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

металлургией, поэтому ему приходится часто переезжать и преодолевать достаточно большие расстояния, в том числе по нехоженным местам. Тема самобытного пространства, жизнь которого связана с горнозаводскими производствами, отчетливо зазвучала уже в пермской части уральского путешествия. Если в транзитных писательских травелогах западная часть Урала ассоциировалась с образом вымороченного, мертвого города Перми, то сейчас горнозаводские образы начинают доминировать в описании пермской части уральского региона. Способствует этому двойное пространственное обозначение Перми в качестве города и целого региона. Имя Перми в описаниях Немировича-Данченко связывается не только с городом, но и заводами, которые находятся в пермской части Урала: «Мне теперь немного придется говорить о Перми. *О ее заводах, значении для края* (курсив – *Е. В.*) я скажу в описании Урала. Здесь же будет уместно набросать только несколько характерных очерков ее общественной жизни» (79).

Смещение фокуса описания с городского на заводское пространство выразительно проявляется в сюжете сопоставления города Перми и Мотовилихинского завода, расположенного в непосредственной близости от нее: «Подъезжая к Астрахани, не знаешь, куда деваться от ароматов воблы и бешенки, около Перми вас обдаёт дымом и масляной гарью, объясняемыми близостью мотовилихинских заводов. Губернский город сравнительно с Мотовилихою кажется очень незначительным» (79). Неожиданно Пермь предстает городом, поглощенным заводским пространством и подчиненным ему. Раньше тема заводов, заводского производства не звучала в образе Перми так явно.

Кроме того, длинное и трудное пермское путешествие, построенное в виде своеобразной петли, захватывающей большое пространство на северо-западе от губернской столицы, сломало привычный транзитный вектор предыдущих литературных путешествий. Уральское пространство преодолело притяжение Сибирского тракта, раздвинулось, получив масштаб обширного и целостного региона. При этом писатель впервые

объединил в своем путевом повествовании пермскую и екатеринбургскую части Урала, показав их экономическую и культурную общность.

Помимо символического объединения западного и восточного склонов, Немировичу-Данченко удалось показать Урал с необычного ракурса – включенного наблюдения. И дело здесь не только в его интересе к повседневной жизни простых людей, но и в смене точки наблюдения. Писатель использует любую возможность, чтобы включиться в аутентичные занятия уральцев. Так, возникает идея спуска в рудную и угольные шахты, потом предпринимаются путешествие на лодке-душегубке с шестами вверх по Косье и многодневный сплав в рыбацкой лодке вниз по Косье до Камы. Немирович-Данченко хотел не только понять, но и почувствовать окружающее пространство: «Очень уже меня манила к себе тишина и одиночество... Хотелось изведать ощущение рабочего, в первый раз попадающего в такую ячейку...» (316).

Судя по маршруту, основной целью пермской части путешествия являлось знакомство с шахтами: в Кизеле, который был запланирован в качестве конечного пункта этой ветки маршрута, писатель в первую очередь посещает шахту по добыче железной руды. Из Кизела он выезжает для знакомства с Коршуновской угольной копью и спускается в один из рудников. Затем едет в Луньевку, где недавно было развернуто новое производство – добыча угля и производство кокса. Здесь он тоже спускается в шахту.

«Царство гномов», которое воображал писатель, планируя поездку вглубь Урала, оказалось еще более мрачным местом, чем он мог предположить. В описаниях рудника сказочные образы гномов обретают вполне натуралистическую фактуру: «Точно в могилу спускаешься, так и кажется, завалят тебя сверху камнями и останешься ты тут гнить на веки вечные. Внизу тьма, тяжелая, пропитанная испарениями глубоко раненной здесь земли, запахом железа, влажным паром ручьев, струящихся где-то далеко-далеко под этими глыбами. Свечи начали тухнуть, точно им стало

страшно этого мрака, соперничать с которым у них не хватило бы сил. Тут уже нельзя было идти, ползти пришлось. Ползли-ползли, как черви в орехе, и, наконец, выползли» (128), «Точно черви проточили ее; точно в невидимых склепах бьются там тысячи на веки заключенных живых существ» (181). Концентрация тяжелых ощущений закономерно приводит к аллюзии с адом: «Черный, адский грот» (128); «В глубокой тишине подземного царства, наступавшей тогда, когда усталые рабочие опускали свои кирки, беспокойной совести чудились укоряющие крики, стоны, вопли о пощаде, раз засевшие в ухе и с тех пор не забывавшиеся. Вода, сочащаяся сквозь руду, богатая содержанием железистых частиц и потому красная, кровью брызгала им на руки, и в слепом страхе несчастные бежали оттуда прочь, наверх, на свет Божий, боясь, что вот-вот неведомая сила сдвинет с гранитных стержней эти тяжелые массы и они погребут под собою нераскаявшегося, непрощенного грешника» (130).

Образы ада и раньше встречались в описаниях уральского пространства, но в очерках Немировича-Данченко они приобрели особое значение. Прежде всего, они напрямую были связаны писателем с темой подземных глубин и добычей горных пород. Впервые эта часть уральского пространства была представлена так ярко, зримо и символически емко. Отталкивающие, царапающие, но невероятно выразительные по своей фактуре и эмоциональному накалу образы уральских рудников становятся яркими референтами хтонического характера уральского пространства. При этом Немирович-Данченко подчеркивает их особую значимость в устройстве уральской жизни. Так, предваряя главу, посвященную кизеловским шахтам, писатель приводит свой разговор с извозчиком, бывшим шахтером, который, рассказывая об отличиях заводской жизни от жизни крестьян, говорит: «Ну а тут, известно, другой свычай. Тут хлеб жестокий, в земле рудой лежит, за ним-то покопаешься!» (121). Сравнение хлеба с рудой заставляет воспринимать рудники и работу в них как главное основание местной жизни.

Сопоставление рудников с адом – не единственный мифологический контекст, который использует писатель для создания образа уральских глубин. Помимо общих символических ассоциаций образ уральского подземного пространства связывается писателем с местными легендами об ушедших под землю волшебных людях – чуди, легендарных коренных жителях древнего Урала:

«Дорвался Ермак до волшебных людей и давай их бить. Били-били – до самой до ночи. А ночью волшебные люди все своим колдовством в гору и попрятались. Они это так сделали, чтобы на время, а Ермак видел, сквозь кое место они в камень ушли, да и на этом месте крест и высек. Так волшебные люди за этим крестом и сидят... Крепко!.. Ино слышно: плачут, жалеются; ино – так себе, свою молвь дёржут...» (200).

«Тут допреж разная неверная чудь жила. Шел Ермак – и давай воевать ее. Бились они, бились – а там две горы стояли; промеж них-то и загнал Ермак неверного царя. А царь этот волшебный был: видит он – нет ему пути. Ни вперед, ни назад, конец неверной душе приходит, и заклил он эти горы. Лучше же, говорит, мне от горы пропасть, чем от меча христианского. Горы и навалились одна на другую. Там так и доселе чудской царь со своим воинством сидит» (277).

Благодаря этим легендам происходит семиотизация уральского подземного мира: он символически связывается с древней историей края, культурой и мифологией коренных жителей. Образы работающих во мраке рудников рабочих перекиваются с образами запертой в Уральских горах чуди. Наслоение мифологических и образных ассоциаций позволяет Немировичу-Данченко создать представление об Урале как символически насыщенном пространстве, в основании жизни которого находится «жесткий» подземный хлеб.

В.В. Абашев писал, что Немирович-Данченко впервые среди путешествующих литераторов попытался показать художественное целое Урала, увидев его в особой поэтике горнозаводского труда [Абашев 2020].

Символически насыщенные образы горных глубин, являясь одной из самых значимых частей этого целого, ввели в уральский текст теллурические и хтонические мотивы, закрепившиеся в литературной традиции.

В пермской части путешествия впервые появилось сравнение уральских заводов с грандиозным храмом, или языческим капищем, образ которого завершает уральские очерки Немировича-Данченко, являясь своего рода символическим обобщением уральских впечатлений автора. В Кизеле писатель побывал на плавке чугуна в доменной печи, процесс которой произвел на него огромное впечатление:

«Воскресали предания о древних таинствах языческого культа и казалось, что перед глазами громадный алтарь, на котором в огне и дыму неведомое чудовищное божество пожирает сотни и тысячи жертв, ему приносимых. Всклобоченные и полунагие жрецы благоговейно служат ему, и непонятный оглушительный шум наполняет этот первобытный храм своими подавляющими звуками. Когда вдумаешься во всё, что происходит здесь, то сарай и доменные печи в действительности представляются храмом, в котором совершается чудесное таинство претворения никуда не годной горной породы в металл» (136).

Та же древняя, первородная стихия, которую почувствовал Немирович-Данченко во время своего спуска в шахту, охватила его во время наблюдения за работой домны. Неслучайно описание доменной печи активно включает мотивы ада – нестерпимого жара, мрака, вездесущей сажи, которой покрыто всё пространство цеха, черные силуэты то ли людей, то ли чертей:

«Что-то адское было в этих взрывах красного пламени, в этом громадном круглом зеве домны, жадно раскрытом в ожидании своей обычной добычи. Наверху черные, окуренные дымом и покрытые сажею балки кровли, редкие просветы в ней, сквозь которые день не решался заглядывать в таинственную тишину, окутанную мраком и озаряющуюся только красным пламенем домны, почти голые рабочие, сновавшие на

ярком фоне этого пламени черными силуэтами и опять исчезающие во тьме, – всё это настраивало известным образом, заставляло забывать, что перед тобою известное механическое производство» (136).

Общность подземного и заводского пространства ощущается еще в одной повторяющейся ассоциации. Немирович-Данченко не раз сравнивает заводской цех с пещерой, что заставляет воспринимать его как продолжение или одно из воплощений уральских глубин:

«Точно попал в одно из отделений ада – громадную, полную тяжелого мрака пещеру, и чудится, что в печах этих черные демоны варят суп из жалких грешников» (114).

«Вот, наконец, и главный храм Бессемера. Громадная железная пещера. Потолок и пол из железных плит, по бокам толстая крепостная каменная кладка... Размеры так велики, что, вступая сюда, кажешься сам себе каким-то муравьем...» (379).

Горнозаводские работы: рудники, заводы, солеварни – были представлены Немировичем-Данченко как части целостного горнозаводского пространства. При этом они получили в очерках писателя яркое символическое обобщение, воплотившись в образах общемировой и уральской мифологии. Детализированное описание горнозаводских реалий, выполненное подчас в акцентированной, натуралистической манере, сделало эти образы зримыми и предельно эмоциональными.

Размышляя о связи маршрута путешествия и образа пространства, представленного в очерках Немировича-Данченко, нужно отметить также, что для писателя дорога к цели поездки была не менее значима, чем сама цель. Путешествие к Троицкому руднику, например, не было спланировано писателем изначально. Эта идея возникла благодаря возможности подняться вверх по течению Косьвы на лодке-душегубке и увидеть труднодоступные берега этой горной реки. Рассказывая о своем решении отправиться на Троицкий рудник, Немирович-Данченко пишет: «Сверх того, для любителя природы Косьва дает ряд таких картин, которые, увидев

раз, не забудешь никогда. Понятно, с каким удовольствием принял я предложение подняться вверх по этой реке, сделанное мне на Кизеловском заводе» (199). Побывать в глубине Урала для писателя – это значит увидеть пространство в его первозданной красоте, удалившись от проторенных дорог в «совсем мало исследованную глушь». Эта установка была исполнена им буквально: при описании сплава по Косьве писатель упоминает о том, что он пешком поднялся по одному из притоков до его устья – ему хотелось увидеть красоту самых потаенных мест:

«И действительно, только до одной Ослянки и Няра по тому пространству, по которому мы только что проехали, Косьва приняла в себя более двадцати речек. ... Подняться по любой из них вверх до истока – обязательно для художника. Я это сделал на реке Кедровке – и не раскаивался, несмотря на трудность передвижения» (226–227).

Упоминания о трудности и опасности пути дополняют образ напряженного, динамичного пространства Урала, который предстает в путевых очерках писателя. Немирович-Данченко как будто поставил своей целью испытать самые трудные и аутентичные способы передвижения, что позволило ему сначала ярко прочувствовать, а потом выразительно передать красоту и мощь уральского ландшафта.

Второй по протяженности маршрута частью уральского путешествия писателя становится поездка по Сибирскому тракту. С ней связан переезд Немировича-Данченко через Уральские горы – с пермского на екатеринбургский склон горнозаводского Урала.

Поездка по Сибирскому тракту стала для Немировича-Данченко не просто транзитным движением из одного пункта в другой, но и возможностью наблюдения за жизнью самой известной в России дороги. В очерках Немировича-Данченко Сибирский тракт, как и другие пространства Урала, превращается в геопозитический ландшафт, насыщенный символическими значениями и яркими образами.

Среди географических образов любого национального ландшафта дороги занимают особое место⁵³. Являясь средством коммуникации, они оказывают определяющее влияние на взаимодействие его элементов, а следовательно, на образ целого. Считается, например, что «Путешествие из Петербурга в Москву» открывает период осознанного «пространствоведения» русской литературы [Голованов 2014]. Нередко дороги становятся устойчивым символом национальной культуры, отражая ключевые географические, экономические и культурные черты общего пространства, как это было, например, с Трассой 66, вокруг которой сложилась самобытная литературная традиция, сделавшая хайвеи символом присущей американской культуре мобильности.

Сибирский тракт, построенный для освоения Сибири и Дальнего Востока, долгое время являлся одной из главных артерий российского пространства. Неслучайно дорогу называли Великим Сибирским трактом и Государевой дорогой. Семиотизация этого топоса в качестве значимого элемента российского ландшафта проходила не только под влиянием процессов имперского строительства и колонизации Сибири, но и в связи с общекультурными процессами формирования русского национального пейзажа в литературе и живописи. Благодаря А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Н.В. Гоголю, Н.А. Некрасову, а позднее в изобразительном искусстве – в творчестве П.К. Клодта, Л.Л. Каменева, Ф.А. Васильева, А.К. Саврасова, И.И. Левитана дорога становится обязательной приметой русского национального пейзажа. В 1867 г. на Всемирной выставке в Париже критики русского художественного отдела отметили появление картин, в которых начинают конкретизироваться черты специфического русского пейзажа. М.А. Чернышова, отмечает, что наиболее выразительно сказал об этом Шарль Клеман, автор развернутого и

⁵³ Характеристика образа Сибирского тракта была представлена в публикации: Власова Е.Г. Сибирский тракт на литературной карте Урала: по материалам уральских травелогов XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 2/2. С. 147–151.

компетентного обзора русской экспозиции художественного отдела: «Я заметил несколько хороших пейзажей... Среди них выделяется “Дорога дождливой осенью” барона Клодта. Сложно представить себе что-либо более душераздирающее. Эта дорога должна вести в Сибирь» [Чернышова 2017: 146]. Образ дороги, ведущей в Сибирь, достаточно точно фиксирует основные особенности складывающейся как внешней, так и внутренней идентификации типичного русского пейзажа. Размышляя о пространственных кодах «русскости» в живописи XIX в., Екатерина Деготь замечает: «Тогдашний зритель иначе на русский пейзаж и не глядел, только как на дорогу – трудную, размытую, заледенелую, заснеженную, заболоченную» [Деготь 2002]. Уникальная протяженность, плохое состояние транспортной инфраструктуры, суровый климат, а также репутации каторжной дороги послужили объективными основаниями складывающегося в этих литературных и живописных произведениях пространственного кода. «Сибирский тракт – самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всём свете», – писал А.П. Чехов в записках «Из Сибири» [Чехов 1978: 28].

Наряду с общенациональным образом Сибирского тракта, символически отражающим основные приметы российского пространства, возникают локальные традиции его описания, позволяющие обнаружить неоднородность образных интерпретаций главной российской дороги, а также, что представляется особенно важным, механизмы формирования этих интерпретаций в контексте конкретного ландшафта. Очерки Немировича-Данченко, с одной стороны, выразительно проявили сложившиеся представления о Сибирском тракте, с другой – изменили его восприятие, поскольку в очерках писателя Сибирский тракт перестал быть единственной линией маршрута, превратившись в один из ландшафтов уральского пространства.

До открытия в 1878 г. Уральской железной горнозаводской дороги Сибирский тракт оставался основной транспортной магистралью,

соединяющей центральные регионы России с ее восточными рубежами. Его значение в экономической и культурной жизни страны и Урала было огромным. Сибирский тракт не только связывал Урал с Центральной Россией и Сибирью, но и выполнял роль главной магистрали внутреннего пространства, соединяя западный прикамский и восточный екатеринбургский склоны. Географическое расположение тракта, безусловно, оказывало влияние на формирование путевого образа Урала. Как мы уже отмечали, благодаря тому, что маршруты большинства уральских путешествий проходили по Сибирскому тракту, визитной карточкой Урала, т. е. его репрезентативным пространством, становится прикамско-екатеринбургский регион. При этом огромные территории Северного и Южного Урала на долгое время остаются в тени. Сибирский тракт как будто стягивает вокруг себя уральское пространство, оставляя непроявленными его остальные части. Подчеркивает сибирскую ориентацию главной уральской магистрали сопоставление с принятым в Сибири названием тракта: там его называли Московским. В своем обстоятельном исследовании «Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XX вв.» О.Н. Катионов отмечает: «В официальных документах, исходящих из столицы, тракт назывался чаще всего Сибирским. В Сибири же, в губернских городах, его называли Московским, особенно в направлении на запад от Иркутска, Красноярска, Томска, Омска, Тюмени» [Котионов 2008: 40].

Маршрут путешествия Немировича-Данченко принципиально меняет ситуацию: поездка по Уралу началась со сложно устроенного маршрута по Северному Прикамью, а закончилась поездкой из Екатеринбурга в Нижний Тагил и Салду. Линия транзитных путешествий через Урал была сломана Немировичем-Данченко в самом начале пути. Кроме того, не транзитный характер путешествия писателя снимает устойчивое сравнение Урала с преддверием Сибири. Сибирский тракт для Немировича-Данченко

начинается в Перми и заканчивается в Екатеринбурге, фиксируя границы путешествия и уральского пространства, а также акцентируя внимание на уральских приметах самого тракта.

Анализируя образ Сибирского тракта, созданный в уральских травелогах, нельзя не сказать о влиянии на него особенностей локального рельефа. В уральских травелогах Сибирский тракт приобретает характер горной дороги, а открывающийся пейзаж заставляет забыть «возгласы о величественной красоте швейцарской природы» [Небольсин 1850: 32].

В очерках В.И. Немирович-Данченко горный характер главной уральской дороги подчеркивает с особым нажимом:

«Дорога отсюда идет горами; на двадцати пяти верстах ее – двадцать четыре горы. Телега то спускается в долины, то взъезжает на верхушки, где печет солнце, и острые камни одни стоят по сторонам, сменив давно вырубленные леса... Оставили позади красивую реченку Еманчу, что шумит в своих порогах и переборах, белыми каскадами падая с уступов скал. Красота видов по этому пути невольно мирит с дорогой. Вон, впереди, бесконечная цепь холмов и долин с Клоковой горы так и просится в картину... Жалеешь, что тут нет художника, который бы сумел воспроизвести эти крутые обрывы гор, под которыми змеится река Ута, эти гордые вершины, стремящиеся точно перерастить одна другую, эти резкие кряжи, точно окаменевшие морские валы, извивающиеся параллельно один другому, эти синие ущелья и пади, откуда только выются дымки невидимых сельбищ» (279).

Учитывая тот факт, что перепад высот в этой части Уральского хребта с географической точки зрения не так уж велик, можно предположить, что акцентированное описание горного характера Сибирского тракта создавалось во многом на противопоставлении с более привычным для центральных губерний равнинным ландшафтом, а также благодаря географическому воображению, связанному с ожиданием перевала через Уральские горы. Неслучайной представляется, например,

предположительная модальность в описаниях уральского перевала у А.Н. Радищева: «...От Бисертской гористо, и дороги лесом. До Кленовской 25 верст, дорога по холмам. Не доезжая верст за пять, спускаются с высокой и крутой горы и неприметно покато доезжают до селения. От сей горы, которая в сем месте, кажется, составляет хребет Урала, горы становятся ниже» [Радищев 1954: 258].

Горный колорит Сибирского тракта в очерках Немировича-Данченко во многом объясняется желанием писателя показать его внутри «художественного целого» Урала – горного и заводского края. Неслучайно характерной приметой пейзажных описаний, сделанных Немировичем-Данченко на Сибирском тракте, оказываются заводские постройки. Один из самых выразительных пейзажей этой части путешествия нарисован писателем при подъезде к Суксуну:

«Еще издали рисовались нам загадочные дали. Как будто бесчисленные облака, приникли там и сям синие рощи... С вершины налево – лощины за лощинами, целое море холмов, гор и хребтов, словно нежданно-негаданно раскинулся перед нами какой-то сказочно красивый край. Вон в узком ущелье сбилась большое село Советное; там разрабатывают чугунную руду. Вон из-за горных скал следующей гряды вьется дымок – там прислонилось к кручам и осыпям другое село... Направо – лощины за лощинами. В одной из них грациозный извив голубого пруда и масса серых строений завода. Белая церковь точно стремится вырваться из них, вырваться прочь из тесных объятий этих гор и, словно жалуясь, высоко в самое небо возносит свой ярко сверкающий крест... Вся жизнь по лощинам и по норам... Здесь на вершинах – пустыня... Меланхолично шелестит под ветром редкая трава; корявая, вся сморщенная береза жметя, точно испуганная, по самой земле, громадные камни поседели от старости: тысячи лет они думают всю одну и ту же думу над этими долинами и холмами» (272).

И снова обратим внимание на то, что даже в описаниях видов с вершины горных перевалов Немирович-Данченко пишет об уральских «норах», в которых сосредоточена местная жизнь.

Не миновал Немирович-Данченко темы арестантских обозов, которые стали важной частью литературной традиции описания Сибирского тракта. Уже после открытия железной дороги, когда пассажирское значение Сибирского тракта закономерно снижается, арестантские обозы исчезли из его пространства. Но во время поездки писателя кандалный звон остается одним из главных уральских впечатлений путешественника:

«Та же история: дорога хороша там, где ее не исправляли, и скверна там, где ее ремонтировали, – те же громадные гальки, глубокие ямы и колеи. Тут нам пришлось перегнать целый поезд арестантов. Бритые головы, бряцание цепей, взгляды исподлобья и те же полные страдальческой покорности судьбе лица женщин и простодушные, даже в этой обстановке улыбающиеся лица детей... Особенно один ребенок остался у меня в памяти. Он сидел на руках у отца и играл цепями, которыми были скованы эти мускулистые, сильные руки...» (276).

Как уже было отмечено, устойчивым элементом образа Сибирского тракта являлось описание евро-азиатского рубежа, высшей точки перевала через Уральские горы. Писателю эта граница представлялась символическим рубежом, который обозначал для путешественников в Сибирь точку прощания с домом. Но по большому счету, этот рубеж не делил уральское пространство – оно оставалось целостным горнозаводским ландшафтом, уклад жизни в котором связан общими культурными и экономическими основаниями.

В заметках о путешествии по Сибирскому тракту Немировичем-Данченко ярко была заявлена тема многонационального состава уральского пространства. В описаниях придорожных поселений и городов писатель постоянно упоминает о присутствии татарского или башкирского колорита. Особенно выразительно он представлен в описаниях Кунгура, который

назван писателем «самым красивым городом нашего востока» (269). В образе этого восточного города переплелись мотивы больших галдящих базаров, не засыпающих даже ночью, Константинополя, именем которого названа гостиница Кунгура, где останавливался писатель, а также необычных внешности и поведения местных башкир:

«С одного базара на другой мы переезжаем чистенькими, хорошо обстроенными улицами. Толпа косцов-башкир в белых балахонах ждет на какой-то площади... Тут тишина... Башкиры не болтают между собой...» (266).

«Вон белые пятна на площади – это толпы башкиров...» (269).

Если говорить о характерной для художественного метода писателя мифологизации пространства, нужно сказать о том, что путешествие по Сибирскому тракту завершает формирование ермаковского сюжета уральских очерков писателя. Судя по тому, что предания о Ермаке открывают поездку по Сибирскому тракту, а потом регулярно повторяются по ходу движения, писатель хотел подчеркнуть значение этого имени в местной памяти.

Ермак занимает особое место в культурном ландшафте Урала, являясь одним из центральных героев местной идентичности⁵⁴. Уральская мифология соединила в его образе два архетипических статуса – героя-завоевателя, покорителя новых земель, и трикстера: разбойника, алчность и жестокость которого были соразмерны его воинской доблести. Учитывая отсутствие документальных свидетельств о личности Ермака и крайнюю мифологизированность обстоятельств его сибирского похода, «самостоятельная» жизнь мифа становится единственной реальностью, замещающей собой некогда произошедшие факты. Испытывая подобные трансформации, реальная личность превращается в мифологического

⁵⁴ Содержание фрагмента исследования, посвященного Ермаку, представлено в публикации: Власова Е.Г. Ермак как произведение уральского ландшафта (на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о Ермаке) // География и туризм. 2018. № 1. С. 113–117.

персонажа, вписанного в локальное пространство и систему складывающихся в нём смыслов.

Фольклористы оценивают текст Немировича-Данченко как один из самых точных и полных источников для изучения уральского фольклора того времени: «Добросовестный пересказ уральских преданий, многочисленные замечания о характере их бытования выдвигают очерки В.И. Немировича-Данченко в число основных источников, содержащих фольклорный материал о Ермаке», – пишет В.В. Блажес [Блажес 2002: 11]. В очерках, посвященных поездке по Сибирскому тракту, Немирович-Данченко пересказывает четыре ермаковских предания. Все они описывают битвы Ермака с коренным населением, которое именуется то немотой, то пермяками, то татарами, то чудью. Конечно, тема борьбы Ермака с автохтонами имеет вполне реальное основание – и Строгановы, и Москва действительно возлагали на Ермака задачи усмирения непокорных уральских народностей. Важно другое: в сылвенских преданиях о Ермаке особенно отчетливо происходит соединение истории Ермака и преданий о древней уральской чудии, скрывшейся от первых русских колонизаторов внутри горы или ушедшей под землю.

Вот один из разговоров путешественника со своим возницей по дороге из Кунгура:

«Где же Ермакова гора?

– Да вон! Ишь, точно две срослись... Их две и было. Тут допреж разная неверная чудь жила. Шел Ермак и давай воевать ее. Бились они бились, – а там две горы стояли; промеж их и загнал Ермак неверного царя. А царь этот волшебный был: видит он – нет ему пути. Ни вперед, ни назад, конец неверной души приходит, и заклил он эти горы. Лучше же, говорит, мне от горы пропасть, чем от меча христианского. Горы и навалились одна на другую. Там так и доселе чудской царь со своим воинством сидит» (277).

Своеобразная инициация Ермака в качестве культурного героя Урала происходит, на наш взгляд, в предании, которое рассказывает о смерти

атамана на Ермаковой горе:

«– Вон, на этой самой горе Ермаку снесла голову мурза татарская.

– Ого... Как же он потом Сибирь воевал?

– А у пермяков тогда волшебник оказался. Он и предложил, коли вы наших не тронете, в мире с нами жить будете, вам Ермака оживлю... И оживил.

– Как же это он ухитрился сделать?

– А так: забил его с головой в камень; через три дня и три ночи расколол камень и вышел оттуда Тимофеевич живым!

– Что же, пермяков не тронули? И посель живут?

– Где жить... И духу ихнего не осталось... Строгановы их разметали» (290).

Здесь важно и то, что Ермак в прямом смысле входит в землю, и то, что он становится преемником опыта, повторяя волшебное исчезновение чуди в горе, и то, что, приняв этот опыт, Ермак больше не воевал с пермяками, очевидно, превратившись в одного из них.

Народная беллетризация сылвенской истории Ермака выявила механизмы присвоения личности ландшафтом и наделения ее ключевыми смыслами местной истории. Так, Ермак становится покорителем древней чуди, приобретая статус не только сибирского, но и уральского первопроходца. При этом сфера его влияния на Урале оказывается расширяющейся – места, расположенные по соседству с маршрутом Ермака, стремятся войти в поле его действия, повышая за счет связи с героем свой геокультурный статус. Во время подобного присвоения со всей очевидностью вскрываются глубинные мифологические связи местного ландшафта: отсутствие подтвержденных фактами мотиваций появления героя в данном пространстве компенсируется актуализацией базовых смыслов. В данном случае основой для присвоения образа Ермака послужила мифологема ушедшей под землю чуди, которая воплощает историю заселения Урала, а значит, его рождения в пространстве русской

культуры.

Отметим еще один важный для нашего исследования поворот в уральских преданиях о Ермаке, которые представил Немирович-Данченко. Один из последних записанных на Сибирском тракте рассказов о Ермаке зафиксировал связь уральской чуди и подземных богатств Урала:

«Название горы “Гробовская” – от чего и село пошло – явилось потому, что близ ее вершины нашли громадные гроба в виде колоды. Над гробами был насыпан курган.

– Чьи же это гроба?

– Да видишь, цари были такие неверные, которых Ермак побил, ну так и гроба их.

В другом месте мне объясняли иначе. – Это волшебные люди в гору хоронились. Как русь пришла – они и давай в гроба прятаться... Им в гробах просторно было. Они с собой туда золото и серебро прятали... Ну а по ночам выходили и убивали наших. Покуль мы по горам этим крестов не поставили – всё так и шло. А как кресты поставили – сейчас они, волшебные люди, в гробах своих истлели, а всё богатство их в гору ушло – жилами просочилось в горах-то, в камению самом...» (286).

Если учесть свидетельства археологов о существовании на территории Урала древних чудских рудников, многие из которых послужили ориентирами для горнодобывающих производств во время русской колонизации, то выстраивается целостная мифологическая концепция о сотворении уральской земли и жизни на ней. Существование подобной родовой мифологии говорит о наличии целостной локальной идентичности. Немирович-Данченко разглядел важность этих преданий и представил их в виде целостной мифологии, которая опирается на действительную историю региона и особый экономический уклад его жизни.

Таким образом, Немирович-Данченко показал Сибирский тракт как важную часть внутреннего пространства Урала, который не делил его на

пермский и екатеринбургский склоны, а связывал и дополнял, проявляя важные аспекты уральской жизни.

По этому же принципу повторения и дополнения наблюдений за горнозаводской жизнью Урала разворачивается описание екатеринбургской части путешествия. Повторения подчеркивают единство уральского пространства и касаются описания как заводского производства, так и природных пейзажей и мифологии:

«Я не описываю подробно всего производства. Этому отведено достаточно места в очерках Урала, в главе о Кизеловском заводе» (256).

«За Рудянкой мы вновь увидели Урал. Величавая панорама грандиозных и бесчисленных горных вершин, обступивших горизонт, невольно приковывала взгляд. Что-то торжественное, молчаливое чувствовалось в этом. Синие силуэты этих гор поражали разностью своих очертаний» (334).

«— Это всё равно. Народ со всё́м, что здесь выдается из ряду, соединяет имя Ермака... Ермакова гора, Ермакова падь, Ермаков лес. Тут, в Салдереке, он оставил свои лады и отдыхал под нашими кедрами. Говорят, остатки ладей до сих пор отыскиваются. Очень возможно. В другом пункте Урала повторилось то же самое» (372).

При описании плавки металла в домне Нижнесалдинского завода Немирович-Данченко повторяет и разворачивает в грандиозную картину сравнение заводского цеха с языческим храмом:

«В самом деле, современный мир перерос древность в грандиозности представлений. Что греческие кузницы бога Вулкана рядом с этими сравнительно небольшими капищами литейного дела!..

Вот, наконец, и главный храм Бессемера. Громадная железная пещера. Потолок и пол из железных плит, по бокам толстая крепостная каменная кладка... Размеры так велики, что, вступая сюда, кажешься сам себе каким-то муравьем...» (379).

В екатеринбургских описаниях образы, которые были намечены в пермской части путешествия, получают свое завершение и окончательную формулировку. Так, главка о Нижней Салде начинается с яркого комментария, который звучит символическим обобщением самобытной красоты и мощи горнозаводского Урала:

«В Нижнюю Салду мы приехали с целью посмотреть храм Бессемера. Иначе я не знаю, как и назвать это грандиозное производство, действующее одинаково и на ум, и на воображение непривычного человека. Тут именно техническое дело принимает сказочные размеры, а внешняя обстановка его такова, что можно вообразить себя скорее в каком-нибудь таинственном древнем капище, чем в современном заводе. Из моего описания читатель усмотрит, до чего здесь всё громадно и эффектно. Я в первый раз был потрясен именно внешнею обстановкой заводского дела, его картиной, его художественным целым» (378).

Если на кизеловском Урале главной целью Немировича-Данченко были рудники и шахты, то путешествие по екатеринбургскому Уралу в основном было посвящено золотым приискам. Хотя нужно сказать о том, что в планы писателя входило знакомство со всеми специфическими для этой части Урала производствами: гранильные мастерские, стеариновая и мыловаренная фабрика в Екатеринбурге, строительство железной дороги к северу от Екатеринбурга, производство уникального листового железа в Верх-Нейвинске и полосового железа в Невьянске, медные шахты около Нижнего Тагила, плавка меди на Выйском заводе, выплавка чугуна в Нижней Салде.

Знакомство с жизнью на золотых приисках заставило Немировича-Данченко утвердиться в своих наблюдениях по поводу значительной разницы между рабочими, занятыми добычей золота, и заводскими рабочими:

«Железное дело здесь гораздо значительнее, чем золотое. И население по своим нравственным качествам резко разделяется здесь по двум этим

главным отраслям производства. То, что я наблюдал на остальном Урале, оказалось и тут. Те, кто стоит на золотом деле, давно спились и обратились в ничего не имеющих нищих, причем даже старательский труд, в удачных случаях дающий исключительный заработок, не поправляет их положение. Золото, вызывающее столько пороков, преступлений, являющееся причиной таких глубоких падений, такой порчи, и здесь роковым образом влияет на людей, добывающих его из недр земли. Кажется, что это именно тот бесовский клад, который, по зароку схоронивших его убийц, нельзя получить, не оставив на его месте своей совести, чести, своей души. С первых минут своего появления на свет он уже разлагающим образом действует на рабочего и, прежде чем в виде золотой монеты успеет попасть в цепкие руки, уже развратит достаточно много людей, отделяющих его от песка, льющих его, заведующих его отправкою в Петербург... Железо – иное дело. Это – как выражаются на Урале – металл строгий: и дает он целые поколения сумрачных и строгих людей, которым чужды сангвиническое легкомыслие старателей и их покладистая совесть. Крот-рабочий, роющийся в железном руднике, обжаривающийся у устья доменных печей и сталеварен, совсем иной тип, так же не похожий на лихорадочного, беспокойного золотоискателя, как, например, мексиканец не похож на неразговорчивого, спокойного американца-скваттера. На железном деле люди много думают, имеют зачастую дело с машинами: сверх того, если верить местным психологам, своим внутренним организмом складываются в твердые, стойкие формы, как будто чугун и железо передают им свои основные качества» (326–327).

Символические формулы «железные люди», «железные деревни», «железный край» появились в екатеринбургской части уральских очерков не случайно. По наблюдениям писателя, в этой части Урала воплотились лучшие качества уральских рабочих: внутреннее достоинство, образованность, крепкие нравственные устои и большая физическая сила:

«В Тагиле до сорока тысяч населения; из них четвертая часть живет исключительно заводским делом. Я не ошибусь, если скажу, что до такой степени развитый в умственном отношении народ мне попадался только на мальцовских заводах, да на далеком севере, в Поморье. Это на тагильца даже положило особый внешний отпечаток. Он старается быть чисто одетым, хорошо держится и вообще мало похож на рядом живущего уральского мужика, даже на тут же бок о бок потеющего под огнем выйского мученика. Ругань здесь не в обычае, и нецензурные слова не слышатся на каждом шагу, как в других местах нашего в этом единственном отношении весьма либерального отечества. Тагильцы очень вежливы друг с другом, о драках у них не слыхать. Люди тут себя “соблюдают в аккурате”, и с первого взгляда вы замечаете уже в них некоторую выдержку» (361).

«И потом сколько мне ни приходилось сталкиваться с тагильскими крестьянами, я всегда убеждался, что они хотя и мрут на работе, создавая миллионы владельцу и тысячи его агентам, а совести все-таки не продали и при каждом случае отстаивают свое человеческое достоинство» (352).

«Совсем оригинальный тип пошел отсюда. Рослый, сильный, очень похожий по складу своему на поморов архангельских» (374).

Так складывается символическая антропология Урала, которая органично вписывается в образ самобытного «железного края», населенного сильными и твердыми, «как чугун и железо», людьми.

Три части уральского путешествия Немировича-Данченко представили, с одной стороны, разнообразие, с другой – общность уральского пространства. Внушительный пространственный охват путешествия позволил убедительно показать единые основания местной жизни – горнозаводской характер производства, самобытный тип людей, общность истории и представлений о себе, которые проявились в повторяющихся устных преданиях. Выразительность нарисованного писателем мира была достигнута не только за счет ярких описаний, но и активной работы воображения, которое воплотилось в емких

художественных формулах железного края, музыки труда, руды – уральского хлеба, храма Бессемера. Эти формулы легли в основание уральской геопэтики, определив основные сюжеты ее развития.

3.2. Образы уральских регионов в путевых очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка⁵⁵

Д.Н. Мамин-Сибиряк принадлежит к числу тех писателей, художественное мышление которых органично реализуется в пространстве реальной географии. Образы пространства в творчестве писателя обладают определенностью конкретного ландшафта: это качество художественного видения Мамина-Сибиряка не раз отмечалось исследователями в связи с утверждением уральского характера его творчества [Дергачев 1989; Абашев 2009; Кунгурцева 2009; Мельникова 2013]. Однако важно подчеркнуть, что географически точный взгляд на пространство был характерен для маминского творчества в целом, о чем писала, в частности, Н.А. Кунгурцева: «В период первых литературных проб Мамина формируется основополагающая особенность его литературной манеры – обязательная соотнесенность событий и действий произведения с географическим пространством Урала, а в более позднем творчестве – с пространством всей России» [Кунгурцева 2009: 4]. Особый интерес писателя к путевому жанру, безусловно, связан с этим внимательным, географически выверенным отношением к пространству.

Путевые публикации, открывшие широкому читателю имя начинающего уральского автора⁵⁶, послужили для Мамина-Сибиряка своеобразной творческой лабораторией, в которой началась разработка ведущих тем и художественных приемов, определивших звучание его

⁵⁵ Содержание этого раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. Создание литературной карты Урала в путевой очеркистике Д.Н. Мамина-Сибиряка // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1821–1835.

⁵⁶ Первой заметной публикацией Мамина-Сибиряка стали очерки «От Урала до Москвы», опубликованные в газете «Русские ведомости» в 1881–1882 гг. В число первых значимых публикаций писателя обязательно входят очерки «В камнях» («Дело», 1882) и «Бойцы» («Отечественные записки», 1883) – о сплаве по реке Чусовой.

большой прозы. С этим утверждением, повторяющимся в исследованиях раннего этапа творчества Мамина-Сибиряка, сложно не согласиться. Но всё же значение маминских путешествий не ограничивается пробой пера. До отъезда в Петербург писатель много ездит по Уралу, в том числе по делам Уральского общества любителей естествознания, членом которого он состоял с 1884 г. По итогам этих поездок регулярно появляются объемные публикации⁵⁷, которые отражают творческие установки писателя на создание целостного образа Урала.

В исследованиях, связанных с пространственными особенностями литературного творчества, выделяется тип писателя, который получил название регионального романиста (*regional novelist*). Он обозначает не столько региональную привязку писателя, сколько «уникальную роль автора в процессе конструирования регионов и региональности» [Ridanpää 2017: 188]. Раскрывая содержание этого понятия, автор исследования “Imaginative Regions” Юха Риданпаа называет три критерия, по которым можно идентифицировать регионального писателя: это способность к воображению пространства, которая выражается в ярких обобщающих образах; детализация пейзажных описаний, которые являются полноправными элементами художественного повествования; признание представленного пейзажа типичным для данного региона. В целом основной особенностью писателей-регионалистов оказывается воображение ландшафта, который предполагает не только выразительное пейзажное описание, но и воссоздание пространства жизни. Воображение ландшафта у Мамина-Сибиряка наряду со всеми перечисленными особенностями имеет еще одну важную черту: воссозданное им пространство обладает качеством картографической связности,

⁵⁷ Помимо уже названных: «От Зауралья до Волги. Путевые картинки» («Волжский вестник», 1885), «Горой. Из летних скитаний по Уралу» («Сибирский сборник», «Волжский вестник», «Екатеринбургская неделя», 1886), «По Зауралью» («Новости и Биржевая газета», 1887), «На Кумысе»: Из летних экскурсий («Русская мысль», 1889), «Поездка на г. Ирмель» («Новости и биржевая газета», 1889), «Старая Пермь» («Вестник Европы», 1889), «Самоцветы» (Русская мысль, 1890), «Орел-городок. Из путешествий по Уралу» (Сб. «Путь-дорога», СПб., 1893), «Археологическая поездка по Уралу» («Труды Имп. Московского археологического общества», 1894), «Русская заграница» (1903) и др.

предполагающей четкое понимание протяженности, структуры и границ. Так, например, со ссылкой на карту рисует Мамин-Сибиряк любимое им Зауралье:

«В широком смысле слова Зауральем можно назвать весь восточный склон Уральских гор с его отрогами и контрфорсами, но у нас под этим именем известна только та часть склона, которая идет к югу от Екатеринбурга, захватывая Екатеринбургский, Камышловский и Шадринский уезды Пермской губернии и часть Оренбургской. *Стоит взглянуть по карте* на бассейны таких рек, как Исеть, Мияс и Уй с их бесчисленными притоками, и на целую полосу горных и степных озер, разлегшихся на громадном пространстве, чтобы сразу оценить все преимущества этого так богато орошенного края. Вообще Урал считается золотым дном, но Зауралье – это само золото. Представьте себе такую картину: с одной стороны проходит могучий горный кряж с своими неистощимыми рудными богатствами, лесами и целой сетью бойких горных речек, сейчас за ним открывается богатейшая черноземная полоса, усеянная сотнями красивейших и кишачих рыбой озер, а дальше уже стелется волнистой линией настоящая степь с ее ковылем, солончаками и киргизскими стойбищами» (По Зауралью)⁵⁸ [Мамин-Сибиряк 1952: 21].

Подобное картографическое восприятие пространства складывалось и укреплялось во время многочисленных поездок писателя. Путевые впечатления направлялись и собирались целостным представлением о географии движения: это подтверждается тем фактом, что во время поездок писатель активно пользовался картами. В очерках «По Зауралью» карте уделено особое внимание, поскольку она оказывается маркером «анжинерного» отношения к пространству:

«– Ну-ко, поглядите, барин, на плант, кака теперь речка следствует... – говорил «учитель», припоминая свои поездки по этой дороге.

⁵⁸ После цитаты в круглых скобках указаны названия путевых очерков Д.Н. Мамина-Сибиряка

Со мной была карта Кыштымской дачи, и мы постоянно справлялись с ней, что очень забавляло нашего возницу, сильно не доверявшего “плантам”. Пока выходило всё верно, и учитель каждый раз повторял: “Ишь ведь... по бумаге едем, как анжинеры”» (По Зауралью) [Мамин-Сибиряк 1952: 46].

Кроме того, в связи с большой исследовательской работой, которую писатель проводил во время написания очерков, он постоянно сталкивался с картографическими материалами. В очерке «Самоцветы», посвященном поездке на мурзинские копи, упоминание о карте становится важным свидетельством тщательности изучения темы, с одной стороны, и значимости географического представления о ней – с другой: «Между прочим, я приобрел у г. Калугина очень полезную брошюру, составленную им о мурзинских копиях для Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. в Екатеринбурге. К брошюре приложена карта с обозначением всех существующих копей» (Самоцветы) [Мамин-Сибиряк 1947: 262]. Интерес к картам подтверждает особый конструирующий взгляд на пространство и способность к его прочтению в перспективе целостного образа.

Карты, очевидно, были для Мамина-Сибиряка важным инструментом воображения пространства. Писатель признавался, что заранее представлял себе место путешествия: «В путешествиях такого рода всего интереснее лично для меня проверить составленную воображением картину с действительностью, и я нарочно старался нарисовать себе вперед всё то, что скоро предстояло увидеть» (Поездка на гору Ирмель) [Мамин-Сибиряк 1978: 174].

Чувство места в сочетании с картографическим видением и живым воображением пространства позволили Мамину-Сибиряку увидеть пространство Урала в его географической полноте. На наш взгляд, в путевой очеркистике Мамина-Сибиряка происходит первое систематическое литературное картирование уральского пространства. В отличие от уральского путешествия Немировича-Данченко, Мамин-Сибиряк не

ограничился поездками по Среднему Уралу. В результате созданный им образ уральского пространства оказался более полным и насыщенным, что позволило ему не только обнаружить единство горнозаводского пространства, но и наметить социокультурную и символическую специфику регионов, его составляющих.

При определении подхода к картографическому анализу путевых очерков Мамина-Сибиряка кажется продуктивным объединение геопоэтического анализа литературного текста [Абашев, 2012] и подходов, которые в последнее время используются в сфере культурной географии. Среди последних можно опереться на комплексную географическую методику исследования литературных путешествий, которая была предложена В.Н. Калуцковым на материале сахалинского путешествия А.П. Чехова [Калуцков, 2021]. Поскольку в нашем случае речь идет о цикле путешествий, предпринятых в разных направлениях и в разное время, основными критериями анализа станут такие, как маршрут путешествия, соотнесение его с историческими путями, транспортные средства путешественника, а также «природные и культурные рубежи, существующие и подмеченные писателем» [Калуцков 2021: 77]. Критерий времени будет учитываться при характеристике последовательности выбранных маршрутов, поскольку она проявляет репрезентативность отдельных территорий в структуре общего пространства. Интерпретация всех параметров будет нацелена на выявление символических мотивов и образов уральского пространства, которые были представлены в путевых произведениях Мамина-Сибиряка. Таким образом, предпринятое писателем картирование уральского пространства рассматривается нами в перспективе геопоэтического конструирования.

Маршруты путешествий Мамина-Сибиряка говорят о продуманной стратегии описания уральского пространства, связанной с представлением о наиболее значимых его территориях. Ретроспективный взгляд на маминские путевые очерки позволяет обнаружить в них последовательное

описание и соединение основных историко-культурных территорий Урала как неоднородного, но экономически и культурно обусловленного единства: Чусовая как коренная магистраль горнозаводского Урала; «трижды благословенное» Зауралье, богатое черноземными почвами, драгоценными камнями и золотом, неслучайно писатель называет его «золотом Урала»; Старая Пермь – хранительница чудских древностей и новгородской старины; пустынная дикая Кама, не имеющая ниже Перми никакой истории; Южный Урал, привлекающий своими горными вершинами и национальной экзотикой коренного населения. Все эти области в географическом воображении Мамина-Сибиряка расходятся от Екатеринбурга, который является фактической столицей Урала. Екатеринбург в силу своей значимости составляет самодостаточное урочище, которое вместе с обширными заводскими пригородами получает наименования «горного гнезда» (От Зауралья до Волги) [Мамин-Сибиряк 2007: 373]. Его характер определяется «промышленным классом» и независимостью, которую пермские губернаторы называют «непочтением» [Там же]. Мамин-Сибиряк представляет Екатеринбург европейским городом, сдвигая культурные границы Европы за Урал: «Всего курьезнее то приятное изумление, когда эти предусмотрительные путешественники встречают сейчас же за Уралом совсем европейский город и даже, может быть, европейский с некоторым излишеством: дамы в костюмах от Борта немного режут глаз, потому что и в столице таких немного найдется» [Там же: 372].

Конечно, в силу путевого характера описания плотность карты оказывается неравномерной: подробнее описаны территории, находящиеся на линии маршрута. Однако в силу особого картографического видения пространства и благодаря множеству вставных очерков, связанных с предыдущими путешествиями писателя, путевые описания выходят за рамки маршрута и широко охватывают пространство.

Писатель выстраивает ландшафтное⁵⁹ деление уральского пространства, которое учитывает не только географические особенности территории или род занятий населения, но и то, что определяет дух места и выражается в складе характера, отношении к жизни, местной речи. Иногда Мамину-Сибиряку хватает одного выразительного штриха, чтобы дать емкую характеристику целого региона. Так, например, специфику Старой Перми Мамин-Сибиряк определяет в опоре на специальную промысловую лексику: «Да, здесь так и пахло еще новгородской стариной, начиная с промысловой терминологии: матица, цырен, обсадные трубки, лоты рассола, – всё это – коренные новгородские слова, за которыми стоит почтенная, пятисотлетняя старина» (Старая Пермь) [Мамин-Сибиряк 1951: 310]. Важно подчеркнуть, что установка на обобщение и выделение устойчивых значений пространства становится важной чертой маминских травелогов.

Неслучайный характер маршрутов подтверждается тем обстоятельством, что дороги, которые выбирал Мамин-Сибиряк для своих путешествий, принципиально не совпадали с основными транспортными магистралями. Действительно, путешествия Мамина-Сибиряка, посвященные сплаву железных караванов по Чусовой, полностью изменили устойчивое представление о том, что Урал располагается вдоль Сибирского тракта. Писатель настойчиво и целенаправленно открывал Урал, меняя благодаря своим нестандартным маршрутам общие представления о географии Урала. Даже поездка по уральской железной дороге, которой после открытия в 1878 г. перешло звание главной транзитной магистрали Урала, представлена у Мамина-Сибиряка в необычном ракурсе. Всё дело в направлении движения: вместо привычного для прежних литературных

⁵⁹ При использовании понятия «ландшафт» мы опираемся на убедительное обоснование его содержательной и методологической продуктивности в историко-литературных исследованиях, представленное Е.К. Созиной. Культурный ландшафт является «исторически сложившимся, комплексным, многослойным образованием, включающим “пейзажные (материальные, физические) и нематериальные (информационные, духовные) компоненты”» [Созина 2011: 9].

путешествий движения с запада на восток⁶⁰ Мамин-Сибиряк выбирает западное направление и движется от Екатеринбурга к Перми. Перемена направления заставляет поменять ценностные координаты восприятия. Оказывается, что Екатеринбург может стать центром, который задает и направляет путевые впечатления. Названия «железнодорожных» очерков – «От Зауралья до Волги» и «От Урала до Москвы» – кажутся намеренно заостренными в сравнении с предыдущими путевыми описаниями Урала⁶¹.

Поскольку движение текста подчинено маршруту путешествия, хронотоп травелога выстраивается на взаимодействии дорожных наблюдений и остановок, выполняющих роль фокусных точек. Пункты остановок, как правило, определяются целью путешествия и собирают пространство. В этом отношении качество остановок на каждом из маршрутов становится выразительной характеристикой создаваемого ландшафта. На Чусовой – это пристани и хватки; по железной дороге от Екатеринбурга до Перми – станции крупных городов-заводов; в Зауралье – усадьбы, заводы и фабрики по обработке металла, золотые прииски и копи самоцветов; на Южном Урале – башкирские деревни, киргизские коши, казацкие станицы; Старая Пермь представлена солеварнями, историческими городами, которые по сравнению с подлинными уральскими городами-заводами получают негативную характеристику: «село не село, город не город, завод не завод» (Старая Пермь) [Мамин-Сибиряк 1951: 307].

Главными элементами дорожного наблюдения считаются пейзажные впечатления и описания путевых событий и встреч. Несмотря на большое количество пейзажных описаний, о которых речь пойдет дальше, самыми выразительными образами уральского ландшафта у Мамина-Сибиряка оказываются люди. Их внешность, характер, манера говорить – всё это становится тем содержательным наполнением, которое определяет

⁶⁰ Ранее путевой образ уральского пространства чаще всего был связан с движением путешествующих литераторов на восток: П.И. Мельников-Печерский. Поездка в Кунгур. Из «Дорожных записок». 1841; П.И. Небольсин. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. 1849; Ф.Ф. Вигель. Воспоминания. 1864 и др.

⁶¹ Слышна переключка с «Заметками на пути из Петербурга в Барнаул» П.И. Небольсина.

самобытность места. На ассоциативной карте уральских путешествий Мамина-Сибиряка каждый из воображаемых регионов может быть маркирован характерным для данной местности типом местного жителя. Екатеринбургская часть Зауралья будет представлена образом уральского мастерового, «заводской косточкой», Старая Пермь – изможденным служащим березниковского содового завода и невозмутимым «чердаком», который на любой вопрос сможет ответить двумя словами «це ину»; в Перми обосновались многочисленные чиновники, а также краеведы, пишущие древнюю историю Пермской земли; собирательным образом зауральских жителей вполне может служить попутчик автора-путешественника из очерков «По Зауралью», в жизни которого преломились многие уральские профессии:

«Приземистый, плотный, с красным спокойным лицом и узкими киргизскими глазами, он являлся очень типичным представителем своей извозчичьей семьи. По своему происхождению “заводская косточка” – “учитель” был из мастеровых закрытого медеплавильного Бымовского завода – он отличался чисто заводской смышленостью, тем более, что на своем веку исколесил не мало места: служил поваренком у одного доктора, потом учился при какой-то аптеке “мальчиком”, потом работал “в горе”, добывая железную руду, “бегал на пароходе” в качестве подручного у пароходного повара, затем крестьянствовал на родине, где у него есть земельный надел, затем работал на пушечном заводе в Перми, лет семь “жил в кучерах” у одного учителя гимназии (отсюда и биржевая кличка) и кончил извозчичьим промыслом» (По Зауралью) [Мамин-Сибиряк 1952: 19–20].

Пейзаж строится на взаимодействии ключевых элементов уральского пейзажа – гор, лесов и рек. Описание этих элементов достаточно подробно представлено в исследованиях образов уральского пространства в творчестве Мамина-Сибиряка. Остановимся здесь лишь на одном важном для нашего разговора наблюдении. В зависимости от конкретного ландшафта эти уральские локусы претерпевают существенные изменения.

На Чусовой лес борется за выживание в столкновении с бурным речным потоком и бойцами, стоящими на речных берегах. Так писатель рисует падающую с вершины одного из бойцов, как будто раненую, молоденькую ель: «Можно различить даже узловатые корни, которыми молодое деревцо ухватилось за острые камни, и кажется, что это судорожно сжатые руки вросли в тощую, почву» (В камнях) [Мамин-Сибиряк 1958: 144–145]. По направлению от Екатеринбурга к Перми лес становится «траурным», темным: «Близость Урала чувствовалась во всём; но особенно резко проявлялась она в характере лесных пород; сосна быстро исчезала, уступая место траурным еловым лесам, пихте и рябине» (От Урала до Москвы) [Мамин-Сибиряк 1955: 252]. На перевале, где «начинает чувствоваться холод уральских вершин», «мелкий осинник точно забрызган кровью» (От Зауралья до Волги) [Мамин-Сибиряк 2007: 393]. При описании Южного Урала появляются образы деревьев-мертвецов и голых, как ладонь, горных склонов (Поездка на гору Ирмель) [Мамин-Сибиряк 1955]. Зауральский лес – это «веселые сосновые боры» (От Урала до Москвы) [Мамин-Сибиряк 1955: 253], наполненные пением птиц и богатые дичью.

Отметим также общее звучание лесных пейзажей в путевой очеркистике писателя. Постоянно обращаясь к пейзажу, пробуя разные краски и образы, Мамин-Сибиряк, согласимся с В.В. Абашевым, чаще всего остается в конвенциях общелитературной традиции [Абашев, 2009]. В этих описаниях немного собственно уральского. Самыми выразительными оказываются образы «траурного елового леса» и осинника, «забрызганного кровью», которые совпадают с другими символическими значениями уральского пространства, связанными с опасным горным трудом, огневой работой уральских заводов, а в целом отсылают к теллурическим значениям уральского ландшафта. Образ траурной зелени повторится в

художественной прозе писателя⁶², что подтверждает его значимость для пространственного мира Мамина-Сибиряка.

По-новому выстраивается Маминим-Сибиряком география горного ландшафта Урала. Если раньше Уральские горы благодаря путевым отчетам путешественников ассоциировались с перевалом на Сибирском тракте, то Мамин-Сибиряк показал совершенно другой горный Урал. Внимание писателя сосредоточилось на чусовских бойцах и высоких вершинах Южного Урала: Таганае, Александровской сопке, Иремели и др. По большому счету, Мамин-Сибиряк проявил эти области на литературной карте России, предложив их характеристику в качестве самобытных ландшафтов.

В горных пейзажах также происходит наложение общелитературных сравнений, чаще отсылающих к романтической традиции. Но плотность этих образных рядов, сталкивающихся в пределах одного фрагмента, говорит о напряженном поиске выразительного определения:

«Можно было пожалеть, что поезд приходит в Кушву ночью и картина окрестных гор проносится, как во сне. При трепетном сиянии месячных лучей видны только массивные силуэты гор, громадными валами тянущиеся к северу; между ними чернеют глубокие лога. Иногда кажется, что поезд мчится по какому-то застывшему исполинскому морю, где волшебной силой всё замерло в момент самого сильного волнения: поднявшиеся волны, готовые обрушиться в бездну, так и замерли, и невольно кажется, – вот-вот они опять сольются, и всё заклокочет кругом; можно даже, при некоторой живости воображения, различить громадный девятый вал, который то там, то сям поднимает свой седой вспененный гребень. Иногда кажется, что впереди выступают крепостные валы и бастионы гигантской крепости, окопанной широчайшими рвами... Но вот прорвется через молочную игру

⁶² В частности, в романе «Золото»: «Действительно, трудно представить себе что-нибудь лучше такого ельника зимой, когда он стоит по колена в снегу, точно очарованный. Траурная зелень приятно контрастировала с девственной белизной снега» [Мамин-Сибиряк 1981: 177].

светлой осенней ночи лунный луч и обольет серебряным светом верхи елей и пихт. В воздухе точно протянутся серебряные нити и рассыплются блестящей сверкающей пылью в бархатной зелени сибирского леса. Что может быть красивее такой северной ночи... Вон там спряталась на самом дне глубокого лога покрытая туманом горная речка, а к ней, точно рать великанов, спускаются ели и пихты» (От Урала до Москвы) [Мамин-Сибиряк 1955: 353].

Пожалуй, самой емкой характеристикой уральских гор можно назвать образ горного узла, который повторяется в описаниях больших горных массивов:

«Мы въезжали в настоящий горный узел, где отроги и разветвления Урала перекрещивались в разных направлениях» (По Зауралью) [Мамин-Сибиряк 1952: 48]

«Дорога от Невьянска заметно начинает забирать в гору – это уже подъем на главный массив уральского кряжа. Около самого Невьянска лес давно истреблен, и во все стороны стелется настоящая пустыня: лес начинает подходить к железной дороге гораздо дальше. Влево от дороги синееет какая-то коническая горка, точно большая шапка, а там, на западе – громоздятся тяжелыми массами уже настоящие горы: это начинается дача Тагильских заводов, где красуется целый горный узел, – так называемые Белые горы» (От Зауралья до Волги) [Мамин-Сибиряк 2007: 389].

Горный узел – это суггестивный образ, который заставляет воспринимать горы как средоточие, символический центр уральского пространства.

Реки также отличаются по своему характеру в зависимости от ландшафта. Чусовая, в качестве главной уральской реки, концентрирует в себе его самые значимые черты: природную мощь, тяжесть горного труда, противоборство человека и природы, единство главных стихий уральского пространства – гор, леса и воды. Неслучайно Чусовая получает одну из самых ярких символических характеристик, становясь в воображении

писателя «железной струей», которая одновременно отсылает к железным богатствам уральских недр и выплавке металла на горных заводах: «Что ни шаг вперед, то новая картина: здесь скала нависла над рекой, и вода в почтительном молчании катится железной струей под каменной громадой» (От Урала до Москвы) [Мамин-Сибиряк 1955: 368–369].

Пустынная и медленная Кама в пространственном воображении Мамина-Сибиряка предстает полной противоположностью рабочей Чусовой, что в принципе инспирировано общим негативным отношением Мамина-Сибиряка к пермской части уральского пространства:

«Собственно говоря, Кама совсем пустынная, дикая река. Селения встречаются редко. Признаков цивилизации никаких, за исключением кой-где вырубленных лесов да двух-трех встречных пароходов. Изредка проползет утлая лодчонка с рыбаками, и опять кругом пустыня: вода, небо, траурный лес по берегам... (От Урала до Москвы) [Мамин-Сибиряк 1955: 392].

Зауралье отличается ото всех других уральских регионов чистыми озерами. Писатель называет их «окнами», что подчеркивает теллурическую направленность маминской геопоэтики: «Озеро разлилось сейчас под горой и глядело из зеленой каймы берегов светлым окном» («Поездка на гору Ирмель») [Мамин-Сибиряк 1955: 177].

Как опытный путешественник, Мамин-Сибиряк внимательно относился к способу путешествия. Более того, он понимал, что выбор транспортного средства влияет на восприятие пространства. В очерках «По Зауралью» читатель сталкивается с выразительной типологией путешествий, основанной на способе передвижения:

«Путешествие по железным дорогам и на пароходах, с их чиновничьими порядками, бестолковой сутолокой и угнетающим однообразием, давно надоело всем и каждому. При одной мысли о вокзалах и пароходных пристанях русского путешественника уже охватывает какая-то судорожная, бестолковая торопливость, и он успокаивается только тогда,

когда почувствует себя вещью, сданной в багаж за таким-то номером. Железнодорожные звонки, свистки на пароходах, антрекоты и шней-клэпсы, обжиганье горячим чаем в буфете, и вообще потеря всякой самостоятельности отравляют путешествие по самым лучшим местам, а тут «на долгих» пред вами разворачивается бесконечная поэзия странствования на полной своей воле с долгими кормежками на постоянных дворах, встречами и знакомствами и с неизбежными приключениями» (По Зауралью) [Мамин-Сибиряк 1952: 18].

Поэтому для Мамина-Сибиряка принципиально важно спуститься по Чусовой на железных караванах, проехать деловой екатеринбургский Урал по железной дороге, увидеть Северное Прикамье с палубы небольшого парохода, а идиллическое Зауралье почувствовать в неторопливом путешествии «на долгих».

Разделив Урал на неповторимые по своему характеру районы, Мамин-Сибиряк связал их крепкими узами. Во всех путевых описаниях главной темой, направляющей восприятие и оценки, заявляется тема горнозаводского труда. Маминский Урал во всем его многообразии – это прежде всего горные заводы, горные богатства и промышленный класс. Исходя из этой ценностной установки, выстраивается иерархия уральских урочищ, и остается признать, что административная Пермь и пустынная Кама в этой иерархии оказываются на положении антиместа, гетеротопии. Выпадает из маминской карты западная часть башкирского Урала и Оренбуржье, хотя отчасти оно отражено в южно-уральских путешествиях Мамина-Сибиряка. Неполнота карты только подчеркивает, что в воображении Мамина-Сибиряка главные уральские регионы находятся в Зауралье и на Чусовой, которые и являются подлинным воплощением уральского пространства.

Нарисованная писателем карта Урала отличается основательной проработкой социальных и экономических особенностей территории. В то же время эта карта создает плотный слой образных наблюдений и

обобщений, в том числе символического характера. Предвосхищая формирование общеуральской геопоэтики, Мамин-Сибиряк конструирует связный литературный нарратив уральского пространства, в основу которого заложено картирование его основных территорий. А.В. Мельникова назвала этот вариант отображения пространства «первичным геопоэтическим портретом Уральской земли» [Мельникова 2013: 192]. Уточняя характер творческого метода писателя, можно сказать, что в своей путевой очеркистике Мамин-Сибиряк создал первичную геопоэтическую карту Урала, выполнив миссию собирателя пространства.

Уральские очерки В.И.Немировича-Данченко и Д.Н.Мамина-Сибиряка, ставшие широко известными, определили восприятие региона в общероссийском пространстве. Предложенные ими образы достаточно быстро превратились в устойчивые формулы. Уже в 1890 году А.П. Чехов в уральских письмах с дороги на Сахалин иронично обыгрывает представления о суровом, «чугунном» характере местных жителей, природу которого открыли В.И. Немировича-Данченко и Д.Н.Мамин-Сибиряк:

«Белизну восемнадцатирублевых сорочек заменяет мне здесь снег, покрывающий мостовые; тепло заменяется жестоким холодом; вместо таких милых человек, как Вы, я вижу вокруг себя лобастых и скуластых азиатов, происшедших от совокупления уральского чугуна с белугой...» (Н. Н. Оболенскому, 30 апреля 1890 г.) (т. 4, с. 70). «Здесьние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик» (Чеховым, 29 апреля 1890 г.) (т. 4, с. 72).

Возможность пародийного цитирования отчасти подтверждается общим знакомством Чехова с творчеством Д.Н. Мамина-Сибиряка. Собираясь в путешествие, Чехов сознательно отказался от описаний первого этапа своего пути, в том числе Урала, о чём накануне отъезда

сообщил А.С. Суворину: «Писания мои для газеты могут начаться не раньше Томска, ибо до Томска всё уже заезжено, исписано и неинтересно» (А.С. Суворину, 18 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 64]⁶³. Мамин-Сибиряк очевидно был в числе тех авторов, которые «исписали» Урал до Чехова: «Больше всех нравится в здешних краях Сибиряк-Мамин, описывающий Урал. О нем говорят больше, чем о Толстом» (Чеховым, 29 апреля 1890 г.) (т. 4, с. 71). Однако в перспективе формирования общелитературных представлений об Урале важнее оказывается не сам факт цитирования, а существование устойчивых формул описания региона, которые Чехов в силу особой чувствительности к шаблонам и склонности к стилизации⁶⁴ иронично обыграл.

3.3. Экфрасис как прием изображения пространства в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка⁶⁵

Несмотря на различия в художественной манере и конфигурации авторской позиции, в уральских произведениях В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка – двух главных творцов образа Урала в литературе XIX в. – можно найти немало тематических и образных перекличек. Публиковались уральские очерки обоих писателей практически одновременно, поэтому говорить о заимствованиях как в ту, так и в другую сторону очень сложно. Отдельные образные повторы, скорее всего, были инспирированы общелитературными конвенциями, а в целом писателей сближало сходство общественно-политических, социокультурных и литературных установок. Оба они считали основой уральской жизни работу горных заводов и главной движущей силой – простых мастеровых и рабочих. Литературные установки обоих писателей складывались в

⁶³ Письма А.П.Чехова цит. по изданию: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4. М., 1976, с указанием тома и страницы в скобках.

⁶⁴ Об этом качестве художественного мышления А.П.Чехова писал А.В.Кубасов: Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. С. 69.

⁶⁵ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. Экфрасис как прием создания образа пространства (на материале уральских травелогов XIX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 8. С.133–137.

перспективе реалистического искусства, однако традиции романтизма, долгое время определявшие развитие путевой литературы, также оказали влияние на характер путевых описаний обоих авторов. Одним из литературных приемов, активно использовавшихся в этой литературной традиции и воспринятых обоими писателями, был экфрасис. Характеристика экфрасиса в уральских очерках писателей позволяет поднять вопрос об особенностях стилистического оформления образа Урала, а также проявить важные эстетические функции экфрасиса в процессах воображения пространства.

Научное поле, связанное с изучением экфрасиса, объединяет множество исследовательских аспектов и методологических подходов к его изучению, что выражается в некоторой терминологической неустойчивости понятия. В своем предисловии к коллективной монографии «Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения» Т. Автухович подчеркивает, что современные исследователи всё чаще сталкиваются с проблемами расширения значения этого явления: «Очевидными стали дискуссионные вопросы, начиная с дефиниции экфрасиса и его категориального определения (жанр, дискурс, риторическая фигура, прием, троп, тип текста) и заканчивая (?) методологическими подходами к его изучению» [Автухович 2018: 8]. Остановимся на определении, которое было предложено Н.А. Абиевой в опоре на формулировку Н.В. Брагинской: «Экфрасис – это “словесное описание предметов изобразительного искусства”, которое существует в европейских культурах уже на протяжении тысячелетий в виде топосов (риторической фигуры “общего места”), поэтических произведений, обращенных к артефактам пластических искусств, лирических отступлений в прозе, искусствоведческих текстов, описывающих конкретные произведения и пр.» [Абиева 2018: 194] Данное определение фиксирует жанровое и предметно-тематическое разнообразие произведений, в которых

встречается экфрасис, что позволяет поставить вопрос о специфичности его функций в пространстве отдельного типа текстов.

Основным содержательным признаком экфрасиса является вторичное представление действительности. Его сформулировала О. Фрейденберг, которая одной из первых начала изучение этого явления: «В экфразе, таким образом, мы имеем не описание непосредственной природы, но описание вторичное, описание уже изображенной одним из видов ремесла вещи – чего-то сотканного, нарисованного, выкованного, слепленного. Экфраза – это описание описания» [Фрейденберг 2018: 43].

Сегодня ученые акцентируют внимание на активной интерпретирующей позиции автора литературного описания. «Экфрасис, – подчеркивает Л. Геллер, – переводит в слово не объект <...>, а восприятие объекта и толкование кода» [Геллер 2002: 10]. В результате появляются новые формулировки вторичной природы экфрасиса: «Интерпретируя художественное сообщение, литератор моделирует свое представление об артефакте, опираясь в значительной степени на собственные знания. Так из первичного знания вырастает новое знание, происходит переосмысление художественного сообщения и создается репрезентация репрезентации» [Абиева 2018: 208].

Кодирующая природа экфрасиса позволяет рассматривать его как один из приемов построения художественного мира произведения и способов представления авторской оценки, которые зависят от особенностей эпохи, стиля, жанра. Видоизменяясь и проникая в разные сферы словесного творчества, экфрасис обнаруживает всё новые возможности своего использования. По мнению Норы Троицки, изменчивость экфрасиса, «появляющегося в любой форме, в любом жанре и в любой эпохе, открывает новые каналы для коммуникации, новые горизонты в литературе и новые платформы для обсуждения в литературоведении» [Троицки 2020: 152].

Данное исследование заостряет внимание на пространственных аспектах изучения экфрасиса, а точнее, его роли в формировании образа пространства в документальных текстах, к которым относится путевой очерк. Исследователи, которые обращались к этой теме на материале путевых очерков, в основном были сосредоточены на анализе описаний живописных достопримечательностей, которые становились «окном в другой мир» и одновременно служили «занимательным фактом» [Морозова 2006: 11], а также «экраном», отражающим субъективные впечатления автора о природе, истории и устройстве жизни в данном пространстве [Заусаев 2016: 6]. Опираясь на эти подходы, представляется важным рассмотреть функции экфрасиса в формировании локального текста, т. е. определить его роль в процессе геопоэтического осмысления пространства и формирования устойчивых символических значений. Отметим, что геопоэтический образ отличается от традиционных пространственных описаний высокой степенью рефлексии, целостностью и символическое осмысление доминирующих черт ландшафта [Абашев, Абашева 2012: 143–144].

Очерки В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка, сыгравших определяющую роль в литературном открытии Урала, позволяют, с одной стороны, выразительно проявить кодирующие функции экфрасиса, с другой – показать общность геопоэтических интуиций этих писателей.

Сразу оговоримся, что в качестве литературного описания конкретного живописного произведения экфрасис встречается в уральских травелогах нечасто. Собственно, этому есть вполне объективное объяснение: поездки по российским провинциям не дают такого обилия материала, связанного с произведениями изобразительного искусства, как поездки в Европу, например. Однако если трактовать экфрасис как описание разного рода художественных репрезентаций: конкретных произведений, творчества автора в целом, художественной эпохи, то можно обнаружить

интересные примеры его использования в качестве самостоятельного приема художественного осмысления пространства.

При создании уральских пейзажей В.И. Немирович-Данченко и Д.Н. Мамин-Сибиряк постоянно обращаются к ассоциациям с живописью. Прежде всего эта установка проявляется в обращении к современным художникам, которые, по мнению обоих авторов, обязательно должны запечатлеть уральский пейзаж на своих полотнах:

«Вон, впереди, бесконечная цепь холмов и долин с Клоковой горы так и просится в картину... Жалеешь, что тут нет художника, который бы сумел воспроизвести эти крутые обрывы гор, под которыми змеится река Ута, эти гордые вершины, стремящиеся точно перерастить одна другую, эти резкие кряжи, точно окаменевшие морские валы, извивающиеся параллельно один другому» (В.И. Немирович-Данченко) [Немирович-Данченко 2021: 289].

«Урал еще ждет своего художника, который воспроизведет на полотне его оригинальные, полные своеобразной прелести и суровой поэзии красоты...» (Д.Н. Мамин-Сибиряк, От Урала до Москвы) [Мамин-Сибиряк 1955: 268]

Настойчивое обращение к художникам подводит к осознанию эстетической самобытности уральского пейзажа. В этих проекциях происходит своего рода эстетизация уральского пространства, т. е. превращение в объект ярких эстетических переживаний. Уральский ландшафт начинает восприниматься как живописное полотно, обладающее своей художественной ценностью и представляющее целостный образ.

Более сложный вариант использования экфрасиса для создания образа пространства представлен в путевом очерке Д.Н. Мамина-Сибиряка «Мертвое озеро» о поездке на озеро Увельды в компании с екатеринбургским художником-пейзажистом В.Г. Казанцевым. Цель путешествия на озеро Увельды прямо связана с поиском живописных пейзажей:

«Я особенно волновался, потому что по слухам наказывал своему спутнику про озеро Увельды всяческих чудес, а так как сам не видал его, то рассказы и слухи могли и не оправдаться, что случается нередко. Мой спутник, известный художник Владимир Гаврилович Казанцев, ехал со специальной целью рисовать этюды для своих пейзажей, и мне было бы неприятно, если бы моя рекомендация не оправдалась» (Д.Н. Мамин-Сибиряк, Мертвое озеро) [Мамин-Сибиряк 1978: 86–87].

Мотив рисования становится в этом очерке сквозным: рисование этюдов, которое продолжается на протяжении всей поездки, служит своего рода параллельным сюжетом для путевых приключений автора, который занимается на озере рыбалкой и охотой. Благодаря этому удвоению все путевые впечатления оказываются элементами одного целостного произведения – северного пейзажа:

«Северный пейзаж хорош своей красотой: готические линии елей и пихт, бледное шелковое небо, задумчивые сумерки, эта быстро распускающаяся и еще быстрее увядающая зелень короткого лета. Уловить поэзию этой сравнительно бедной красками и цветами природы и сравнительно слабого освещения, передать красками то, что дорого каждому из нас и для выражения чего бессильно даже слово – задача во всяком случае очень и очень нелегкая. Владимиру Гавриловичу лучше всего удавались рассветы и сумерки, составляющие главную красоту этого северного пейзажа, а также туманные серенькие дни и полинявшая краска осени...» (Д.Н. Мамин-Сибиряк, Мертвое озеро) [Там же: 100].

В этом пейзажном описании экфрасис выполняет роль геопозитического обобщения: он представляет типичный уральский пейзаж, прорисовывая и тем самым как будто легитимизируя наблюдения писателя. Отметим, что в данном случае мы сталкиваемся с вариантом обобщенного экфрасиса, т. е. описания некоего совокупного сюжета живописных картин художника.

Другой вариант экфрасиса для создания пространственного описания использует в своих очерках В.И. Немирович-Данченко. Писатель прибегает к экфрасису-сравнению:

«Матовые, мягкие, бархатистые, зеленые облака... Не оторвешься от них, как не оторвешься от картины Заволжья с нижегородского откоса, от саволакских далей с горы Пойю в Финляндии, от вида Подола и Заднепровья в Киеве. Ужасно напоминает эта лесная даль одну из лучших картин барона Клодта, где так же всё полотно залито могучей ширью северного лесного царства» (В.И. Немирович-Данченко, Кама и Урал) [Немирович-Данченко 2021: 80].

На наш взгляд, воспоминание о картине М.К. Клодта (скорее всего, речь идет о картине «Лесная даль в полдень» 1876 г.) носит не только иллюстративный характер. Можно предположить, что имя художника упоминается неслучайно. В.И. Немировичу-Данченко важно оценить увиденное пространство в контексте того реалистического пейзажа, который начал свое формирование в творчестве передвижников. В пользу этой версии говорит хорошая осведомленность Немировича-Данченко в сфере современного изобразительного искусства. Известно, что он был знаком со многими художниками, являлся поклонником И.И. Шишкина, писал рецензии на выставки передвижников. Учитывая репутацию Клодта как одного из создателей национального русского пейзажа, можно сказать, что ассоциация Немировича-Данченко заставляет воспринимать Урал частью общероссийского пространства, которое получает в творчестве передвижников собственную художественную идентичность. Передвижники противопоставили обобщенному романтическому пейзажу европейской школы, на который ориентировалось большинство русских пейзажистов начала XIX в., новые, реалистические принципы воплощения национального пространства. Сравнивая уральский пейзаж с картиной Клодта, Немирович-Данченко маркирует его в парадигме современной русской культуры и реалистической эстетики, тем самым уральская миссия Немировича-Данченко

вполне сопоставима с открытием российского пространства, которое происходило в творчестве Клодта и передвижников в целом.

Подобная художественная идентификация пространства представлена и в очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка – в его комментарии по поводу уральских картин П.П. Верещагина:

«Можно удивляться, что наши русские художники так упорно обходят Урал, предпочитая ему южное море, уголки благословенного юга, Кавказ и Финляндию. Правда, несколько лет тому назад на Урал приезжал профессор Верещагин (не В.В. Верещагин, автор туркестанских видов и картин из последней восточной войны). Мне случилось видеть в Петербурге на выставке его виды Урала, но что это было: были рамы, было намалеванное полотно, на полотне красовалось имя профессора Верещагина, и только Урала не было» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. От Урала до Москвы) [Мамин-Сибиряк 1955: 267–268].

Картины П.П. Верещагина считаются одним из первых заметных живописных воплощений уральского пейзажа. В связи с этим резко негативная оценка Д.Н. Мамина-Сибиряка кажется излишне категоричной, но достаточно объяснимой. Романтизация пейзажа, характерная для живописной манеры П.П. Верещагина, противоречила установке на поиск самобытного языка описания Урала, поскольку делала уральские виды похожими на многие другие его картины. Суровая красота Урала ждала своего художника. По мнению Д.Н. Мамина-Сибиряка, таким художником стал А.К. Денисов-Уральский, который посвятил свое творчество поиску органичной для изображения Урала образности.

И наконец, нужно сказать о прямом экфрасисе, т. е. описании художественных достопримечательностей. Чаще всего этими достопримечательностями становились предметы художественных промыслов, связанные с горными и заводскими работами: изделия из самоцветов и художественное литье. Нередко описание этих предметов включает рассказ о процессе их производства, поэтому экфрасис становится одним из способов знакомства читателей с укладом жизни и культурой Урала:

«Отливка и здесь уже была кончена, и при нас вынули из форм уже готовые фигуры – лошади, собаки, чугунные люди и т. д. Работа до того хороша, что лишний чугун остается только на спаях и на местах, где входят трубочки. Тот же прекрасный серый цвет да запекшийся песок в углублениях и выемках. Нужно очень искусно выдолбить эту окаменевшую массу, чтобы не испортить фигуры» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. По Зауралью) [Мамин-Сибиряк 1952: 39–40].

В.И. Немирович-Данченко часто обращает внимание на повседневное народное творчество. Писатель отмечает роспись на бытовых предметах, мебель из дерева и резьбу, самодеятельные иконы. Для него эти предметы оказываются выразительными проявлениями местных традиций и представлений. Так, одно из самых развернутых экфрастических описаний посвящено часовне около Рыбной слободы:

«Видим, опять кондовая, коренная Русь пошла. Новгородский сказ, северорусский тип. Ничего инородческого, говорят на распеве, растягивают гласные. Голоса громкие, смех задорный. И тут же у кладбища часовенка на татарский лад строена... В одном прикамском чисто русском селе у часовни, точно у мечети здешней, выступ на переднем фасаде фонариком, а в другой минарет. Только руками разведешь. Внутри иконопись. Геенна огненная пишет из разверзстой пасти змия погибельного, а в этой геенне, между прочими, сидит себе солдатик с ружьем и, несмотря на пламя, окружающее его, преспокойно курит трубку. Земной рай тоже носит на себе заметные следы оригинального творчества. Под кущами райских садов сидят за столом старцы. На столе – посудины с вином и жареные поросята. Ангелы в воздухе трубят в длинные рожки, а в траве ползет змея, у которой во рту вместо жала какой-то необыкновенный цветок. – Кто это у вас рисовал? – спрашиваю я рыбника, только что сбывшего мне за целковый аршинную стерлядь. – Это у нас свой!.. Солдат... Из нашего села родом, по всей округе пишет. – И образа? – И на образа лучшего мастера не найдешь» (В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал) [Немирович-Данченко 2021: 43].

Описание внешнего вида часовни и самодеятельных икон дополняет образ уральского фронта, в котором тесно соседствуют разные национальные традиции, где вера еще не полностью превращена в институт, а является живой частью повседневной жизни, где люди чувствуют себя свободными по отношению ко многим внешним канонам. Легкая ирония, которую использует В.И. Немирович-Данченко при описании местного творчества, лишь подчеркивает органичность уральской идентичности.

В процессе литературного открытия уральского пространства экфрасис выполнил эстетизирующую функцию: он способствовал превращению уральского пространства в полноценный и самобытный предмет художественного описания. Кроме того, благодаря сопоставительному экфрасису произошло стилистическое кодирование уральского пространства – его образ отстраивался от романтической традиции и сближался с художественными принципами передвижников. Образы суровой уральской красоты требовали новых приемов выразительности. Экфрасис, связанный с описанием местных художественных достопримечательностей, служил репрезентативным приемом знакомства с уральским укладом жизни и представлениями уральцев. В уральских очерках обоих писателей были найдены органичные приемы для описания уральских художественных промыслов и самодеятельного творчества, проявившие их глубинную связь с местными традициями и представлениями.

3.4. Колористические маркеры природных и городских ландшафтов Урала в травелогах XIX в.⁶⁶

Как уже отмечалось, путевая очеркистика XIX в. сыграла определяющую роль в литературном открытии российских регионов. Это положение подтверждается во многих исследованиях локальных текстов

⁶⁶ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. Колористические маркеры природных и городских ландшафтов Урала в травелогах XIX века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. № 2(41). С. 7–18

русской культуры (В.В. Абашев, М.В. Строганов, Е.Г. Милюгина, Т.И. Печерская, Е.К. Созина, К.В. Анисимов и др.). Нужно также признать, что одновременно травелоги послужили площадкой для формирования устойчивого представления о русской провинции как средоточии «серого, скучного, нелепого» [Стасов 1952: 39]. Отрицательные коннотации образа русской провинции чаще всего оказываются связанными с характеристикой провинциальных городов, что особенно заметно при сопоставлении путевых описаний города и окрестностей. В уральских травелогах XIX в. это противостояние города и края приобретает особую напряженность в связи со специфическими геокультурными условиями. Горный ландшафт и горнозаводский характер уральского пространства, непривычные для путешественников из центральной России, обостряли процесс геокультурной идентификации. В этом процессе формируется образ уральской земли как самобытной территории, которая отличается суровой красотой горного ландшафта и особым укладом жизни, связанным с работой заводов и горной добычей. В то же время описание большинства уральских городов попадает в другую культурную парадигму, предопределившую формирование негативного образа провинциального города.

Целью этого параграфа является характеристика колористических маркеров уральского пространства как элементов складывающегося в путевых описаниях XIX в. образа Урала. Повторяясь в разных травелогах, цветовые обозначения, на наш взгляд, не только становятся визуальной характеристикой, но и включаются в общий процесс формирования устойчивых значений уральского пространства. Характеристика колористических маркеров, тем самым, связана с выявлением и анализом этих символических значений. В ходе анализа будет показано влияние бэкграунда путешественников или тех культурных кодов, которые оказали заметное влияние на колористический образ уральского пространства.

При характеристике цветообозначений пространства продуктивной представляется опора на понятие культурного кода, которое фиксирует

общие значения, или «общие места» пространства, составляющие основу символического, в отличие от феноменологического, представления о нём. При этом отметим сложный характер взаимодействия культурного кода и литературного образа: воздействуя на авторскую интерпретацию пространства, культурный код испытывает обратное влияние литературных текстов. В опоре на постструктуралистский подход к пониманию культурного кода, связанный с коммуникативными процессами «декодирования смыслов, означивания и кодификации реальности», складывается представление о конструирующей роли произведений искусства и литературы в перспективе формирования культурного кода места: «Например, город живет на холстах художников и фотографиях, в кинолентах и литературе, а их совокупность и представляет собой культурный код каждого конкретного города» [Федотова 2022: 15].

Семиотика цвета, сложившаяся в той или иной культуре, также может рассматриваться как элемент пространственного кода, который обнаруживает в тексте скрытое присутствие и работу ассоциативных полей. Давая характеристику петербургского текста культуры, В.Н. Топоров обращает внимание на цветовую гамму образа Петербурга и определяет цвет в качестве одной из «примет» текстового единства. В частности, он пишет об активности желтого цвета, который был «замечен как петербургская особенность Гоголем» [Топоров 2003: 40] и в процессе развития петербургского текста становится одной из его самых «сильных знаков-примет» [Топоров 2003: 498]. Цветовые впечатления, наряду с другими внешними характеристиками места, по мнению Н.Е. Меднис выполняют роль «доминантных точек» «как носителей одновременно и частного и общего, т. е. как конкретные воплощения образа города (или пространства – *Е. В.*) в целом» [Меднис 2003: 15]. Л.В. Павлова и И.В. Романова при изучении колористических особенностей образа Армении в русской поэзии XIX–XXI вв. также называют повторяющиеся

цветообозначения «цветовыми доминантами целого “армянского текста”» [Павлова, Романова 2022].

Цветовые маркеры послужили специальным предметом изучения в исследованиях венецианского текста Е.Н. Меднис [Меднис 1999]. Подчеркнем важное для нашего исследования наблюдение по поводу влияния на колористику литературного образа Венеции ранее сформировавшихся культурных полей, в частности живописной традиции изображения Венеции: «Поэтический язык этого сегмента венецианского текста вполне сложился уже в XIX веке, открыто обнаруживая свою двойную генеалогию: с одной стороны, многие световые и цветовые образы подсказаны самим городом в его эмпирической ипостаси, с другой стороны, на формирование венецианского цветового спектра и световых вариаций сильнейшее влияние оказала венецианская живопись» [Там же: 99].

Подобное влияние внешних дискурсов на колористику литературного произведения отмечает в своем исследовании викторианских новелл J.M. Durgan: «Эти художественные тексты служат точкой доступа к культурным значениям цвета в девятнадцатом веке и расположены на пересечении викторианского изобразительного искусства и дискурса о расе» [Durgan 2012]. Таким образом, цветообозначения, как и другие элементы художественного образа, могут находиться под влиянием культурных кодов, относящихся к самым разным сферам жизни.

Среди последних исследований, в которых рассматривается колористика локального текста, можно отметить работу О.Н. Александровой-Осокиной, посвященную поэтике дальневосточного пейзажа в книге Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» [Александрова-Осокина 2019]. Автор статьи показывает механизмы эстетизации образов дальневосточной природы в научно-популярном тексте, который по своим творческим интенциям не связан с художественным обобщением. Тем не менее авторская «обработка» материала, которая заключается в «фокусировке изображения, монтаже,

соединении панорамных и крупных планов, обозначении цветовых и световых акцентов», позволяют ученому создать целостный нарратив, заложивший «основы для формирования “локального образа” природного мира Дальнего Востока, который продолжит свое формирование в литературе XX в.» [Там же: 75, 79]. Это наблюдение проявляет общую особенность формирования образа пространства в тревелогe, в основе которого лежит документальное описание.

Другая научная парадигма исследования связана с изучением провинциального текста русской культуры, который понимается как сложное сверткостное единство, имеющее, по словам Е.А. Поповой, множество «локальных ответвлений» и в то же время представляющее «обобщенный образ провинциального города» [Попова 2020: 68]. Для того чтобы показать многообразие сложившихся внутри этой парадигмы аспектов исследования, сошлемся на емкий комментарий Е.Н. Эртнер: «Как свидетельствует наука, “форм” присутствия провинции в русской литературе предостаточно: это и мифология провинции с положительной и с негативной коннотацией, и ее символика, структура образа, включающая губернский, уездный город, деревню, дворянскую усадьбу и русскую природу, и локальные “тексты”, реализующие становление культурного пространства, “репутацию” места и др.» [Эртнер 2005: 5]. В перспективе нашего исследования продуктивным представляется концептуальное наблюдение Л.О. Зайонц об антиномичном характере провинциального мифа русской культуры, который к началу XX в. объединил «два взаимоисключающих, но, тем не менее, неразрывно связанных друг с другом смысла – убогого никчемного захолустья и потерянного рая» [Зайонц 2003: 323]. Оказывает ли влияние провинциальный миф на формирование конкретных локальных текстов – вот одна из теоретических задач, которая определилась в ходе исследования уральской колористики.

Ретроспективный взгляд на писательские тревелогии XIX в. позволяет обнаружить формирование устойчивых значений и образов, которые могут

быть названы первыми геопоэтическими константами литературного образа Урала. Цветовые обозначения уральского пространства становятся репрезентативными характеристиками складывающегося образа, совмещая в себе непосредственные впечатления и творческую интерпретацию, которая нередко находится под влиянием общекультурных конвенций.

Природный ландшафт Урала в путевых описаниях XIX в. характеризуется активностью черного, темно-зеленого, красно-коричневого, синего и серого цветов. Отметим, что путешествия по Уралу чаще всего связаны с летним периодом, поэтому путевой образ Урала представлен летней колористикой. Тем заметнее оказываются темные цвета природного ландшафта. Затемненная, несолнечная палитра уральского пространства объясняется не только суровой уральской погодой. Напряженность восприятия, проявившаяся в темных цветообозначениях, усиливалась непривычным для путешественников из Центральной России горным характером ландшафта с его скалистым рельефом, непроходимыми лесами, полноводными и быстрыми реками.

Одним из самых активных цветов уральского пейзажа оказывается темно-зеленый цвет хвойных лесов. Сгущение темных оттенков приводит к появлению образов черных лесных стен (П.И. Мельников-Печерский) и чернолесья (В.И. Немирович-Данченко). Предельной концентрации темные оттенки уральского леса достигают в путевых описаниях Д.Н. Мамина-Сибиряка: «Строгая красота готических линий здесь сливается с темной траурной зеленью, точно вся природа превращается в громадный храм, сводом которому служит северное голубое небо» [Мамин-Сибиряк 1953: 527–528].

Отчасти затемнение зеленого в образах хвойных лесов можно связать с влиянием общелитературной традиции. Давая характеристику образов хвойных деревьев, сложившихся в русской поэзии XIX в., М.Н. Эпштейн отмечает: «Хвойные деревья передают иное настроение и смысл, чем лиственные: не радость и грусть, не различные эмоциональные порывы, но

скорее таинственное молчание, оцепенение, погруженность в себя» [Эпштейн 1990: 75]. М.Н. Эпштейн приводит обширный список стихотворных примеров, мрачную колористику которого задают поэтические образы В.А. Жуковского («Из темной бора глубины // Выходит привиденье...»; «Как трупы сосны под травой // Обрушенные тлеют...») и А.С. Пушкина («Одна в глуши лесов сосновых // Давно, давно ты ждешь меня»; «Пред ними лес, недвижны сосны // В своей нахмуренной красе...» и т. п.). Можно предположить, что путешествующие по Уралу литераторы могли использовать в своих пейзажных описаниях известные им литературные образы.

Однако в уральских травелогах представлены и вполне оригинальные ассоциации, раскрывающие темную природу зеленого цвета. Эти образы связаны с темой уральских недр: «В воздухе тихо. Кама ровна, гладка, как стекло. Противоположный берег, покрытый пирамидальными соснами, отражаясь в воде, придавал поверхности реки вид огромного полированного малахита. В сумраке нельзя было различить границу между лесом настоящим и отражавшимся в воде: всё сливалось в одну темно-зеленую массу» (П.И. Мельников-Печерский) [Мельников-Печерский 2017: 63–64]. Сравнение камской воды с зеленым малахитом подчеркивает общую особенность уральской геопэтики, ориентированной на теллурическую семантику, семантику горных недр⁶⁷.

Камень – один из центральных топосов уральского ландшафта. Описание камней объединяет в себе основные значения геокультурного образа Урала: суровость, опасность, которые воплощаются в темных оттенках цветовых обозначений (черная гора Благодать у С.А. Кельцева, сказочные черные горы В.И. Немировича-Данченко). На этом фоне

⁶⁷ О теллуризме в уральской геопэтике см.: Абашев В.В. В.И. Немирович-Данченко // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / В.В. Абашев, И.А. Айзикова, К.В. Анисимов [и др.]; гл. ред. Е.К. Созина; Российская академия наук, Уральское отделение, Институт истории и археологии. М.: ЯСК, 2020. Кн. 1: 561–572; Абашев В.В. Д.Н. Мамин-Сибиряк: У истоков геопэтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1(22). С. 51–59.

активность зеленого цвета в описаниях камней выглядит неслучайной. Зеленый камень, объединяя темы живой и неживой природы, становится символическим обозначением уральских недр, от которых зависит жизнь уральского края.

Ощутимое влияние теллуризма чувствуется в восприятии традиционного для описания речного пейзажа серебристого цвета. Включаясь в образный ряд уральских подземных богатств, серебристый цвет камской воды попадает в целостный семиотический контекст, преодолевая инерцию поэтического штампа. Особенно выразительно семиотическая трансформация расхожего речного образа проявилась в яркой метафоре «серебряного горла» реки у В.И. Немировича-Данченко:

«Вон лесная гора перегородила речонку; но из-за горы, смотришь, набегают она еще шаловливее, еще свободнее и громче. Вон далеко-далеко рудничные деревушки точно со всех сторон сбежались к ней, и, весело скользя мимо, полуденный Кизел как будто кричит им во всё свое *серебряное горло*: «Ну-ка, кто за мной вперегонку!» На юг Старый Кизел виден, весь перерытый террасами и шахтами, давно брошенный» [Немирович-Данченко 2021: 124].

В образе серебряного горла Немирович-Данченко соединяет серебристый цвет быстрой уральской реки с глубиной уральских недр (упоминания гор, террас и шахт), вызывая ассоциации с добываемым на Урале серебром.

Теллурический характер цветowych описаний уральских рек поддерживается золотистым цветом, который также возникает в тесном соседстве с описанием горных пород:

«Направо ландшафт восхитительный: долина покрыта рощами, деревнями, между которых извиваются речки; в некоторых местах видны озера. Полуденное солнце рассыпает золотые блески на их поверхности; на последнем плане белою грядою тянутся известковые горы» [Мельников-Печерский 2017: 210].

Темные оттенки характерны для красных цветов уральского пейзажа. Как правило, красный связан с описанием глинистой уральской почвы. При этом, как и остальные цвета уральского ландшафта, он значительно затемняется. Так, первые впечатления от Камы, при входе в ее устье, устойчиво связываются путешественниками с изменением цвета воды, которая приобретает по сравнению с зеленой волжской водой красновато-коричневые оттенки: «...отсутствие встречных и попутных судов, во множестве видневшихся на Волге, безлюдье берегов и красновато-глинистая, отдававшая холодом вода еще более усиливали невеселое впечатление, которому как бы подчинился и пароход, сменивший свой 25-верстный в час ход на 17-верстный: не так легко уже было идти ему против течения быстрой Камы, как в подгонявшей его Волге» [Кельцев 1888: 16].

Затемнение оттенков красного в уральском пейзаже поддерживается активностью зловещих значений этого цвета – опасности и смерти. Тревожная семантика красного выразительно проявилась в сравнении ключей с алой кровью, которая «сочится из раненого утеса ... и стекает по нему вниз в песок» [Немирович-Данченко 2021: 145]. Травелогии закрепляют в уральском пейзаже темные и тревожные оттенки красного цвета, что подтверждает общий напряженный характер восприятия уральского пространства.

Светлые тона уральского пейзажа в воображении путешественников чаще всего опосредованы темой севера. Отсюда активность светло-синего цвета, который представлен в образе неяркого северного неба. Полупрозрачная синева этого оттенка рождает образы занавеса, марева, миража, и усиливает ощущения таинственности и загадочности пространства:

«Эта синеватая полоса отдаленного леса, сливающаяся в одно с синевой неба, кажется завесой, заграждающею смелому человеку путь в отдаленный север, еще девственный, еще не измятый его суетною стопою, еще не зараженный его дыханием» [Мельников-Печерский 2017: 98].

«Впереди леса за лесами. Ближайшие окутывают реку своими зелеными, подальше подернуты синью, а совсем на севере, на заднем плане – сероватые, смутные, едва мерещащиеся рассеянному взгляду» [Немирович-Данченко 2021: 69].

Прозрачность синего цвета поддерживается активностью серых тонов уральского пейзажа, также отсылающих к образности неяркой северной природы. Они сквозят в камском тумане, дымке на горизонте, картинах белой ночи. В.И. Немирович-Данченко так описывает белую ночь над Камой: «Ты, задумчивая и молчаливая подруга яркого и веселого дня; ты, грустно опустившая свои *серые* очи, порою *повитая туманом*, порою девственная и чистая, сердобольная сиделка глубоко, целые века спящего *полярного* края...» [Немирович-Данченко 2021: 77]. Непрозрачность светлых оттенков, которые используются авторами в путевых описаниях, усиливают значения неизвестности и непредсказуемости пространства.

Судя по представленным цветообозначениям, формирование уральской колористики было связано с общелитературной традицией описания северного пейзажа. Образы темных лесов и гор, туманов, светлого неба отсылают к «оссиановской» поэтике северного пейзажа, оказавшей большое влияние на русскую литературу первой трети XIX в. «Песни Оссиана произвели такое потрясающее и повсеместное впечатление как на европейцев, так и на русских, что в первые десятилетия XIX века изображение Севера в литературе было решено, как правило, в оссиановских тонах», – пишет М.Ю. Елепова [Елепова 2017: 130]. В развитие своего размышления автор приводит фрагмент из статьи К. Батюшкова «Нечто о поэте и поэзии», в котором он говорит о северных поэтах: «Мы видим в песнях северных скальдов и эрских бардов нечто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо севера, и туманы морские, и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и в ужасах» [Батюшков 1989: 44]. Влияние этих образов на русскую литературу, как показывает анализ

уральских травелогов, не ограничивается началом века. В поисках красок и образов для описания суровых ландшафтов Урала путевая очеркистика обращается к выразительной образности «оссиановского» стиля.

В целом представленные цветообозначения природного ландшафта отражают общие особенности формирования геокультурного облика Урала как сурового, таинственного, нередко опасного, но самобытного и по-своему выразительного пространства.

В сравнении с колористикой природного пейзажа цветообозначения городов находятся под влиянием сложившегося представления о сером и душном пространстве российской провинции. Емкой характеристикой этого качества уральских городов служит известная цитата из путевого письма А.П. Чехова: «Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие» [Чехов 1976: 70].

Некоторым уральским городам, особенно тем, которые связаны с темой горных заводов, всё же удастся избежать репутации серого провинциального захолустья. Среди них выделяется горная столица Урала – Екатеринбург, в образе которого доминируют значения горнозаводского ландшафта. Хотя исследователи образа Екатеринбурга в русской литературе XIX в. отмечают наличие вполне характерных для других провинциальных городов негативных коннотаций. Так, Ю.В. Клочкова отмечает: «Закрепление образа Екатеринбурга в литературе происходит в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка, отразивших разнообразный спектр представлений о городе, сложившихся к середине XIX в.: горнозаводской и золотопромышленный центр, крупный культурный и торговый город, глухая провинция» [Клочкова 2006: 9–10].

Городом, отчетливо воплотившим в своем образе негативные черты провинциального города, является Пермь. Описания Перми в путевой публицистике XIX в. могут стать выразительной иллюстрацией формирования образа «никчемного захолустья».

Образ Перми в травелогах XIX в. строится как многократное варьирование хлесткой характеристики П.И. Мельникова-Печерского, чьи «Дорожные заметки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», написанные в 1839 г., послужили своего рода прецедентным текстом для последующих путешественников. Пермь Мельникова-Печерского – это «мертвенная пустота», искусственно созданный город, в котором нет ни промышленности, ни торговли. Цветообозначения, на которые так щедр Мельников-Печерский при создании природных пейзажей Урала, в описаниях Перми не встречаются. На этом бесцветном фоне обращает на себя внимание световой маркер «тусклости», который выразительно представляет образ умирающего пространства: «Видишь какую-то тягостную пустоту в городе, из которого уехал высокий посетитель, чувствуешь какую-то особенную грусть в душе, и самую природу видишь в каком-то тусклом свете...», – пишет П.И. Мельников-Печерский об отъезде из города Цесаревича Александра Николаевича [Мельников-Печерский 2017: 204]. Определение «тусклый» еще раз появится в «Дорожных записках» при описании другого уральского города – Соликамска: «Теперь обвалившиеся, с заржавевшими и в некоторых местах поросшими травой крышами, с *тусклыми* стеклами или слюдой в массивных рамах, с пустыми подвалами, в которых некогда хранились богатые запасы промышленности, они так грустно смотрят на город, постепенно лишаящийся своего богатства и красоты» [Там же: 104]. Это повторение закрепляет в городском пространстве значения умирания и пустоты.

В последующих путевых описаниях Перми темы пустынности, разрухи, грязи и скуки остаются ведущими, сохраняется и заметная бесцветность города. Цвет появляется только как контраст для общего грязного фона. «Впереди зеленая чаща Любимовской заимки, налево – городские дома. С первого же раза пришлось окунуться в грязь. Улицы не мощены, колеса тонут по ступицу, в дождливую погоду городские франты кричат караул посередине площади», – описывает свое впечатление от города Немирович-Данченко [Немирович-Данченко 2021: 79].

Тусклость и невыразительность внутреннего пространства Перми совпадает с семантикой серого цвета, который устойчиво ассоциируется с провинциальным городом. В русской литературе серый цвет, как примета типичного города, закрепился во многом благодаря «Мертвым душам»: «Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен; сначала все серо и однообразно: тянутся бесконечные заводы да фабрики, закопченные дымом...» [Гоголь 1951: 241]. Пермь оказывается онтологически серой, как и многие другие города русской провинции.

Помимо грязи и пыли, которые определяют восприятие Перми, в путевых описаниях появляется еще один семантически связанный с темой нечистоты образ – желтой камской воды. «Другой важный недостаток города... – отсутствие хорошей воды: камская вода дает сильный желтоватый глинисто-органический отстой и ее пьют за неимением другой, лучшей воды», – замечает московский журналист С.А. Кельцев [Кельцев 1888: 28]. Вспомним, что при описании пароходного путешествия по Каме вода в реке воспринимается в красно-коричневых тонах, заданных цветом глинистых берегов. Красно-коричневый цвет, связывающий уральское пространство с семантикой его недр, резко меняется на желтый цвет, который совпадает с цветовым обозначением городского пространства, складывающимся в русской культуре под влиянием колористики Петербурга, прежде всего Петербурга Гоголя и Достоевского.

Другой семантический пласт цветообозначений Перми связан с темой завода. В этом отношении доминируют черный цвет – цвет заводского дыма и гари, а также железисто-красный – цвет заводских труб и рудной пыли, которой покрываются заводские постройки и окрестности:

«Направо, в верстах четырех от Перми, клубится черный дым, торчат красные заводские трубы, нелепо кучатся постройки Мотовилихи» [Немирович-Данченко 2021: 80].

«На всём лежит красный, железистый колорит, словно и самая лощина, и постройки на ней окутаны рудничною пылью» [Немирович-Данченко 2021: 85].

Общий тон этих описаний очевидно отличается от приподнятой эмоциональности прикамских пейзажей. Черный и красный цвета, которые раньше символизировали мощь и силу уральской земли, здесь приобретают однозначно негативную семантику, которая восходит к актуальной для уральских травелогов экологической проблематике. Маслянисто-черный и железисто-красный цвета заводского ландшафта усугубляют общее негативное восприятие города как искусственного, мертвенного пространства.

Так, в образе Перми происходит своего рода замещение семантики основных цветов уральского ландшафта. Самобытная семантика уступает место стереотипным, устойчивым представлениям о городе. Красно-коричневый цвет камской воды в городском пространстве трансформируется в желтенькую, мутную воду. Красный цвет речных берегов – в железисто-красную гарь заводов, чернолесье – в черный маслянистый дым. На фоне общей бесцветности города эти цветовые маркеры подчеркивают негативное впечатление, оформляя значения искусственности городского пространства. Путевые описания уральских городов оказались под влиянием негативного образа провинциального города, сложившегося в русской литературе XIX в.

В цветообозначениях природного ландшафта Урала доминируют темные оттенки: черного, темно-зеленого, красно-коричневого и синего цветов. Затемнение уральской палитры объясняется особым характером геокультурной идентификации непривычного для путешественников из центральной России горного ландшафта Урала. Темные уральские цвета оказываются устойчиво связанными с теллурическими значениями уральского пространства.

Помимо темных тонов, активно проявляются колористические маркеры, связанные с образом «северного дыхания»: светло-синие и синеватые оттенки холодного неба, серые цвета речного тумана и «белых» ночей. Во многом

колористика природного пейзажа опосредована сложившимися в русской литературе образами северной природы, прежде всего «оссиановского» типа. Холодная и полупрозрачная палитра уральских северных туманов усиливает ощущение загадочности и тревожности пространства.

В отличие от природного пространства колористика уральских городов оказывается под влиянием негативных представлений о типичном провинциальном городе. В образе Перми, ставшей выразительным примером «камских городов», ведущими оказываются черный и железисто-красный цвета заводской гари, желтый цвет воды, тусклое и грязное пространство жилых кварталов. Появление этих маркеров во многом объясняется влиянием устойчивого образа провинциального города, созданного в произведениях «большой» литературы – прежде всего Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

Сопоставительная характеристика цветообозначений Перми и окрестного ландшафта показывает, что негативный образ провинции во многом формировался под влиянием общего негативного отношения к городу как явлению, противостоящему привычному для русской культуры сельскому, предполагающему тесное взаимодействие с природой, укладу жизни. В уральском ландшафте эта оппозиция реализовалась в противостоянии мертвого города и окружающего пространства, описания которого встраиваются в перспективу «горнозаводского текста» [Созина 2019] русской литературы.

Выводы по третьей главе

1. Уральские очерки В.И. Немировича-Данченко и проза, в том числе многочисленные путевые очерки, Д.Н. Мамина-Сибиряка ввели в русскую литературу образ Урала как самобытного и целостного пространства. Предложенные ими образы и смыслы смогли объединить разрозненные черты уральского пространства, преодолеть традицию его представления в качестве преддверия Сибири, наметив развитие собственных геопоэтических сюжетов. В.И. Немирович-Данченко создал мифологически емкий образ

уральского мира, центром которого являлся горнозаводской труд. Путевые очерки Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-1890-х гг. представили уральское пространство как единство уникальных уральских регионов. Созданная писателем символическая карта Урала – это первое геопоэтическое обобщение уральского пространства. Утверждение представленных В.И.Немировичем-Данченко и Д.Н. Маминым-Сибиряком образов уральского пространства в качестве устойчивых представлений о регионе выразительно проявились в путевых письмах А.П. Чехова. Писатель иронично обыграл сложившиеся в их описаниях представления о суровом уральском характере.

3. Геопоэтическое осмысление уральского пространства в творчестве В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка включает поиск языка художественного описания региона. Эта установка отчетливо проявилась в экфрасических фрагментах их путевых произведений. Рассматривая экфрасис в качестве одного из приемов создания образа пространства, мы показали, что выбор объекта экфрасического описания и характер его оценок позволяет обнаружить принципиально важные для авторской интерпретации уральского пространства подходы. Сопоставление уральского пейзажа с картиной М.К. Клодта в очерках В.И. Немирович-Данченко и резкая критическая оценка Д.Н. Маминым-Сибиряком уральских картин П.П. Верещагина, выполненных в привычном для художника романтическом стиле, способствуют стилистическому кодированию уральского пространства в опоре на язык реалистического искусства.

3. На этом этапе литературного освоения Урала начинается формирование локального культурного кода, который направляет восприятие региона. Работу этого культурного кода можно обнаружить на разных уровнях путевых текстов. Так, к концу XIX в. завершается формирование колористических маркеров уральского пространства, характеристика которых позволила показать взаимодействие уральского и

общелитературного контекстов. Оригинальные уральские значения закрепляются в описаниях природного пейзажа. Темная гамма уральского пейзажа объясняется активностью теллурических значений пространства. Другая устойчивая колористическая линия пейзажных описаний связана с «оссиановской» традицией изображения русского севера. Холодная и полупрозрачная палитра местных пейзажей усиливает ощущение загадочности и тревожности уральского пространства. При этом колористика уральских городов оказывается под влиянием общелитературного представления о типичном провинциальном городе. В образе Перми, ставшей выразительным примером «камских городов», ведущими оказываются черный и железисто-красный цвета заводской гари, желтый цвет воды, тусклое и грязное пространство жилых кварталов. Эта колористика отчетливо перекликается с серыми и желтыми цветообозначениями провинциального города, закрепившимися в русской литературе под влиянием Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

Глава 4. Образ Урала в травелогах конца XVIII – начала XX в. и способ путешествия

Следующая часть нашего исследования посвящена обсуждению тех значений и образов уральского пространства, которые сложились в уральских травелогах под воздействием разных способов передвижения.

Продолжительная история уральских травелогов позволяет проследить те изменения, которые происходили в литературной традиции описания Урала в связи с появлением новых видов транспорта. Прежде всего, не сложно заметить, что пики активности литературы путешествий связаны с развитием транспортного сообщения с Уралом и Сибирью. Развитие почтовых дорог открыло путь на Урал первым путешественникам. Пароходное сообщение по Волге и Каме сделало путешествие на Урал еще более быстрым и комфортным. Железные дороги отменили необходимость сложного гужевого переезда через Уральские горы, поддержав формирование массового пассажирского потока.

Однако развитие транспортных магистралей определило не только количественное увеличение литературных путешествий. Изменение способа путешествия сказывалось на характере восприятия пространства и в конечном итоге на процессе формирования образа Урала. Как представляется, характер передвижения путешественника оказывает существенное влияние на восприятие пространства, а значит, и на формирование литературной традиции его описания.

4.1. Образ Урала в описаниях гужевых путешествий конца XVIII – начала XX в.⁶⁸

В соответствии с последовательным развитием путей и средств сообщения литература путешествий каждый раз разрабатывала новые подходы к описанию пространства. В истории уральского травелога XVIII

⁶⁸ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. «Дорожные дискурсы» уральского травелога XVIII – начала XX вв. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 115–121.

– начала XX в. сформировалось четыре «дорожных» дискурса – гужевой, включающий верховой и повозочный способы путешествия; сплавной, пароходный и железнодорожный. Характеристика выделенных «дорожных» дискурсов проводилась с учетом географических параметров поездки [Калуцков 2021] и телесных ощущений: тактильных, зрительных, слуховых, кинестетических. Под воздействием этих дискурсивных факторов в травелогах выстраивались смысловые и образные доминанты уральского пространства.

Первый период уральского травелога связан с верховыми поездками по труднопроходимым горным местностям⁶⁹ и путешествиями, предпринятыми на повозках по проложенным трактам⁷⁰. Складывающийся в путевых отчетах этого времени дискурс описания пространства определялся самым тесным взаимодействием путешественника с окружающим ландшафтом. Путешествия этого типа наполнены тактильными контактами. В них преобладают ощущения тесноты пространства, его плотности и труднодоступности. Лес вдоль дорог стоит стеной. В нескольких текстах повторяется мотив хлещущих по лицу путешественников веток: «Пушистые ветви рвали с нас платье, а с лица кожу» [Паллас 1786: 281]. Нередко путешественники идут пешком, спотыкаясь о корни деревьев или пробираясь через валежник. Стеной стоят и скалы, нависая над головами путешественников.

Среди физических ощущений зрительное восприятие уступает место остальным: «Не доезжая верст семь Вогульской деревни Палкиной, настигла нас мрачная туча с сильным ливнем; и мы, узрев над Турою сажени на полторы выдававшийся мыс, под оным переждали сию грозу: но сия

⁶⁹ Немалая часть поездок ученых путешественников – И.И.Лепехина, Н.П.Рычкова, П.-С.Палласа, И.-П.Фалька – была возможна только верхом.

⁷⁰ Белл Дж. Белёвы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776; В.Дмитриев. И мое путешествие в дикие страны отечества. Ореады. 1809; Ф.Ф.Вигель. Записки. М., 1864; А.Е. Мартынов. Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы. СПб., 1819; П.И.Мельников-Печерский. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. Отечественные записки. 1839-1841; В.Н.Латкин. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 гг. СПб., 1853; П.И.Небольсин. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850; Е.А.Вердеревский. От Закавказья до Зауралья. М., 1857; Кропоткин П.А. Дневник П.А. Кропоткина. Документы по истории литературы и общественности. Вып. 4. М.-Петроград: Гос. изд-во, 1923 и др.

предосторожность пользовала нам мало, потому что переезжая следовавшую за сим густую рощу, обмокли мы не меньше от каплющей с дерев дождевой воды, и темнотою ночи ослеплены, потеряли тропинку, так что едва по лаянию деревенских собак нашли мы под деревнею брод речки Исса» [Паллас 1786: 399]. Путешественники вынуждены переживать погодные катаклизмы: туман, дождь, ветер, снег, которые не способствуют ясности зрения. Даже название главной меры расстояния – волок – усиливает ощущение особой цепкости пространства. При этом расстояния на Урале кажутся больше, чем они есть на самом деле. В. Латкин, например, писал: «Здесь версты что-то очень длинны» [Латкин 1853: 17].

Доминирование физического контакта особенно выразительно проявляется в образе пещеры, которая становится одним из ключевых локусов уральского пространства. В описаниях пещеры заметно преобладание контактных ощущений, связанных с прикосновениями: «С начала до пяти сажен по сему проходу можно идти прямо... Большой же проход влажен, каменист и суживается на два и полтора аршина. Мы ползли по нему сорок пять аршин, опускаясь все несколько ниже...» [Паллас 1786: 54]. Действительно, возможности освещения у путешественников были минимальные, что заставляло их включать осязательные органы чувств: «От сего прохода через двадцать шесть шагов шли в гору по камням до обширного, весьма мокрого и опасного грота, посреди которого представлялася нам ужасная пропасть, наполненная водою; что мы из звука брошенного камня заключать могли: ибо слабый свет, который мы от свечи имели, не мог осветить дна сей пропасти» [Лепехин 1772: 82].

Теснота пространства способствовала развитию и закреплению семантики таинственности, символически воплотившейся в рассказах о древней чуди. Неслучайно и более поздние гужевые путешествия, предпринимавшиеся уже в эпоху пароходов и железных дорог, к этой мифологии так или иначе возвращались. Оказавшись на земле, в непосредственной близости от леса, гор и быстрых рек, путешественник

начинает с особой силой ощущать наслоения не только ландшафта, но и времени.

Плотность контакта с окружающим пространством проявляется также в спонтанном этнографизме путевых записей: путешественник останавливается у местных жителей, включается в их быт, становится свидетелем их обрядов. Тесный контакт с культурой коренных народов приводит и к знакомству с национальной кухней. В образ пространства начинают проникать вкусовые впечатления путешественников. П.-С. Паллас, оставшись без своего обоза с провизией, вынужден попробовать вогульское копченое мясо, а И. Лепехин на устроенном башкирцами пире размышляет о «кислости» местного меда, который «неприобыкшим» вяжет рот [Лепехин 1772: 82].

Среди слуховых впечатлений одним из самых сильных становится звучание чужого языка. Путешественники пользуются башкирскими, вогульскими и пермяцкими названиями гор, рек, деревень, предметов национального быта. Лепехин, следуя установке на точность описания маршрута, вынужден последовательно перечислять местные топонимы: хребты Уранги (Кленовый), Жюряк Таш (Сердце-гора), Шмиа Ткан (застреленный олень), реки Балакартан (ребячья смерть), Карай Тюль Ган (каря умерла лошадь) и т. д. Чужой язык входит в ткань текста шаманским заклинанием, подчеркивая загадочность и опасность пространства.

В триединстве горы, леса и реки, определяющем специфику уральского пространства, гужевые путешествия сделали акцент на горном мире. Маршруты путешествия, как правило, были связаны с преодолением Урала (в основном это три перевала: в районе Уфы, старой бабиновской дороги от Соликамска до Верхотурья и Сибирский тракт от Перми до Екатеринбурга). Поиск путей через Урал – основной сюжетный ход большинства путешествий этого времени. Один из главных локусов – горный завод. Чаще всего с посещением горных заводов была связана цель путешествия, в других случаях они служили опорными пунктами маршрута. В это время складывается горнозаводская семантика Урала.

Однако не менее репрезентативными элементами горного пространства становятся локусы подземного мира: реки, уходящие под землю, рудные копи, пещеры, Кама и та – сравнивалась с малахитом [Мельников-Печерский 2017: 63–64]. Активность теллуризма подчеркивается преобладающим в путешествиях этого типа ракурсом описания пространства: как правило, это вид с высокой горы вниз. Причем взгляд путешественника, оглядывающего открывшийся горный пейзаж, может проникать и в подземные глубины: «При воспоминании о сокровищах, таящихся в ее недрах, вы невольно сознаете непреложность общего закона, по которому скромная и холодная внешность повсюду, в вещах и людях, облекает собою всё истинно сильное, истинно великое и дорогое...» [Вердеревский 1857: 103].

Благодаря особому физическому напряжению в восприятии пространства Урал приобретает характер гипертрофированной и таинственной реальности: названия гор и рек непонятны; расстояния огромны и опасны; рельеф гористый и непредсказуемый; здесь живут потомки древних болгар и загадочной чуди, а главное богатство находится под землей. Можно утверждать, что путешествия этого типа закрепляют в образе Урала семантику горной и древней страны.

4.2. Образ Урала в описаниях сплава по уральским рекам в травелогах конца XVIII – начала XX в.⁷¹

Сплав по рекам был одним из самых древних способов сообщения на Урале. Реки, сбегаящие с обоих склонов Уральского хребта, выполняли роль естественных дорог. Первые торговые пути на Урал прокладывались по рекам, при этом северное направление в основном было связано со сплавом. Сплаваясь по северным рекам, попадали на Урал скандинавские

⁷¹ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. Сплав по реке в структуре дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII – XIX веков // Труды Русской антропологической школы. Вып. 13. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 101–111.

купцы. Эти же реки послужили воротами для новгородской колонизации Урала, когда началось его присоединение к русской государственности⁷².

Наконец, работа уральских горных заводов держалась на воде – реки давали энергию и служили главным транспортным сообщением горного государства. Сплав железных караванов был ключевым событием экономической жизни горнозаводского Урала.

Описания сплава, представленные в путевых отчетах путешественников по Уралу ученых, литераторов, художников, журналистов и т. д., сформировали своего рода сверхтекстовое единство. Так же как и другие способы путешествия, сплав заставил путешественников особым образом выстраивать в своих очерках географические доминанты, историко-культурные и социально-экономические приоритеты. Повторим, подобная трансформация была вызвана особенностями чувственного восприятия пространства, характерными для разных видов передвижения.

Сплав, в силу своей локализации и экстремальности, не мог стать массовым способом путешествия. Тем не менее уральский травелог сформировал свой «сплавной» дискурс, сыгравший немаловажную роль в идентификации уральского пространства. Описания сплава по уральским рекам появились еще в самых первых торговых путешествиях по Уралу. Сплав железных караванов подробно описывали ученые путешественники конца XVIII в. – академики И.И. Лепехин и П.-С. Паллас. И.И. Лепехин и сам путешествовал сплавом – на плоту по реке Лобве. В XIX в. один из самых динамичных рассказов о сплаве был написан известным путешественником и журналистом В.И. Немировичем-Данченко, который проехал по Уралу на всех доступных транспортных средствах: и на пароходе, и по железной дороге, и в экипаже, и на лодке по быстрой горной реке Косьве – сначала на шестах вверх по течению, а потом сплавом вниз. Уже в этих описаниях начали складываться основные значения и

⁷² Подробная карта первых дорог через Урал опубликована в статье: Ястребов Е. Древние дороги Урала // Уральский Следопыт. 1990. № 12. С.76-77.

структурные единицы уральского сплавного дискурса. Однако наиболее полно значение данного вида путешествия/перемещения по уральскому пространству раскрылось в путевой очеркистике уральца Д.Н. Мамина-Сибиряка, где сплав стал самостоятельным предметом описания («В камнях», «Бойцы»). Мамин-Сибиряк свел воедино основные значения складывающегося дискурса и дописал их в соответствии со своим художественным видением Урала.

«Образ реки Чусовой в ранних очерках Мамина играет важную роль: это и место действия, и объект авторского восхищения, и способ самовыражения и самораскрытия персонажей из народа», – размышляя об этнокультурном значении образа знаменитой уральской реки, пишет Н.А. Кунгурцева [Кунгурцева 2009: 143]. Действительно, в уральской геопозитике Мамина-Сибиряка сплав по Чусовой предстает не просто способом сообщения, но способом жизни, аутентичным уральскому пространству и сложившемуся здесь миропорядку. Неслучайно первые заметные публикации Мамина-Сибиряка посвящены сплаву – в 1882 г. публикуется очерк «В камнях: Из путешествия по реке Чусовой» («Дело», кн. 3), в конце 1883 г. – «Бойцы: Очерки весеннего сплава по реке Чусовой» («Отечественные записки», №№ 7–8), представившие более полный и тщательно продуманный образ. Как представляется, эти очерки заложили основу для той программы реинтерпретации сформировавшегося в русской культуре образа Урала, которую последовательно реализовал писатель сначала в своем публицистическом, а потом и художественном творчестве.

Сплав по Чусовой, описанный Маминым-Сибиряком и следом за ним местными литераторами и журналистами⁷³, вошел в историю Урала как составная часть внутренней идентификации, предложив отличную от приезжих литераторов оптику описания уральского ландшафта. Прежде

⁷³ Сплав по уральским рекам не раз становился предметом описания уральских журналистов рубежа XIX – начала XX в. Большинство из них последовательно, а иногда дословно, повторили основные значения маминских очерков о сплаве. Среди самых заметных местных публикаций о сплаве можно назвать путевые очерки Ф. Мейера «По Вишеру» (1898), Н. Пруса «В предгорьях Урала» (1906), В.М. «По Чусовой» (1909).

всего, путешествие по Чусовой разворачивало привычный восточный вектор литературных путешествий – оно было направлено наоборот: с востока на северо-запад Среднего Урала. Как и в железнодорожном путешествии «От Урала до Москвы», эта траектория движения меняла пространственные и смысловые акценты в описании региона: отправным пунктом путешествия, т. е. домом, оказывалось внутреннее пространство Урала, а не центральная Россия, как это было в большинстве предыдущих литературных описаний. Мамин-Сибиряк подчеркнул аутентичный характер этого способа передвижения по Уралу, что позволило ему соединить в своем описании сплава самые важные приметы уральского ландшафта.

Поскольку сплав по горным рекам сопряжен с высокой скоростью движения и постоянным лавированием между камнями, путешественники сталкиваются с большим физическим и психоэмоциональным напряжением. Свои ощущения путешественники чаще всего представляют в опоре на образы борьбы. При этом внутреннее состояние борьбы переносится на ландшафт: в противостояние вступают главные стихии уральского пространства – Вода и Гора.

«Берега, мимо которых плыла наша барка, представляли великолепнейшую панораму гор и высоких скал; река прорыла между ними глубокое русло, обнажив каменные стены» («В камнях») [Мамин-Сибиряк 2002: 453].

Борьба Воды и Горы разворачивается в контексте важнейшей для Урала теллурической мифологии. Движение по быстрой реке, зажатой с обеих сторон высокими скалистыми берегами, обостряет зрительное ощущение вертикали, направленной вниз – к подземным глубинам. Активность семантики, связанной с уральскими недрами и горами, намечалась уже в первых описаниях уральского сплава. И.И. Лепехин, например, так рисует чусовской пейзаж: «Река Чусовая, как и прочие уральские реки, чрезмерно быстрое имеет течение, камениста и великими

окружена горами, которые местами над самую рекою нависли» [Лепехин 1772: 216]. Немирович-Данченко в свойственной ему метафорической манере отмечает обрывистость уральских берегов: «Особенно грозно висят над речкой скалы Гуся. Тут бухточки похожи на колодцы. Узкие щели ведут в них, причем площадь дна больше поверхности воды. Точно их выдолбили для каких-то страшных подземных тюрем, да залило водой <...> Совсем дивное царство потемочное. Спасенья нет – вниз оно тянет, как ни плавай» [Немирович-Данченко 2021: 216].

Визуальное и световое пространства резко ограничены, это взгляд из каменного колодца. Поэтому преобладает световой контраст между темным низом и светлым верхом.

«На всю Косьву бросила она (Кусвинская гора – прим. Е. В.) свою тень, точно в какое-то мрачное царство вступили мы» [Немирович-Данченко 2021: 216].

В этом царстве тени даже лес, который венчает прибрежные скалы, воспринимается как элемент хтонического пространства. Мамин-Сибиряк настойчиво сравнивает его с траурным нарядом.

«Горы были покрыты диким дремучим лесом. Вглядываясь в эту траурную зелень, глаз отыскивал и здесь оригинальную могучую красоту: свет и тени, резкие контуры и темные цвета складывались здесь в удивительную картину» («В камнях») [Мамин-Сибиряк 2002: 453–454].

«Строгая красота готических линий здесь сливается с темной траурной зеленью, точно вся природа превращается в громадный храм, сводом которому служит северное голубое небо» («Бойцы») [Мамин-Сибиряк 1953: 527–528].

Надо сказать, что Мамин-Сибиряк не был произволен в своих метафорах. Немирович-Данченко также отмечал неестественную, каменную неподвижность леса: «Недвижные ели важно стоят на мрачных камнях, точно и они тоже каменные...» [Немирович-Данченко 2021: 213].

Образ мертвого царства, возникший в очерках Мамина-Сибиряка, дописывает напряженная тишина, нависающая над угрюмой рекой.

«Сама вода как-то стихала в таких местах и катилась темной молчаливой струей. Малейший звук, капли воды, которые падали с поносных, топот бурлацких ног – всё это глухо отдавалось здесь, как в склепе» («В камнях») [Мамин-Сибиряк 2002: 453].

«Малейший звук здесь отдается чутким эхом. Слышно, как каплет вода с поднятых поносных, а когда они начинают работать, разгребая воду, – по реке катится оглушающая волна звуков. Команда сплавщика повторяется эхом, несколько раз перекатываясь с берега на берег. Даже неистовая река стихает под этими скалами и проходит мимо них в почтительном молчании» («Бойцы») [Мамин-Сибиряк 1953: 526].

Тишина на сплаве – это знак уважения к смертельной опасности. Немирович-Данченко тоже отмечал молчаливость своих проводников вблизи косьвинских скал: «Даже жутко становится плыть между ними – вот-вот сдвинутся и раздавят ... и лодочники, на что уж народ привычный, смолкают – так влияют на душу эти каменные громады» [Немирович-Данченко 2021: 215–216].

Среди тактильных впечатлений преобладают ощущения сырости и холода. У Мамина-Сибиряка, как и у Немировича-Данченко, активность подземной семантики усиливается многочисленными хтоническими аллюзиями.

«В некоторых местах над рекой нависали массивные скалы сажен в сорок вышины; даже холодело на сердце, когда барка приближалась к этим каменным стенам, обдававшим холодом и сыростью» («В камнях») [Мамин-Сибиряк 2002: 453].

«Сыростью и холодом веет от этих каменных стен, на душе становится жутко, и хочется еще раз взглянуть на яркий солнечный свет, на широкое приволье горной панорамы, на синее небо, под которым дышится так легко и свободно» («Бойцы») [Мамин-Сибиряк 1953: 526].

Хтоническая напряженность уральского пространства инспирирована опасностью столкновения с «бойцами» (береговыми скалами) и «ташами» (подводными камнями), которые рожают у путешественников видения фантастических чудовищ.

«Большинство настоящих “бойцов” стоит совершенно отдельными утесами, точно зубы гигантской челюсти. Опасность создается направлением водяной струи, которая бьет прямо в скалу, что обыкновенно происходит на самых крутых поворотах реки. Обыкновенно боец стоит в углу такого поворота и точно ждет добычи, которую ему бросит река» («Бойцы») [Мамин-Сибиряк 1953: 526–527].

Сравнение утесов с гигантской челюстью также совпадает с восприятием Немировича-Данченко, который годом раньше писал о быстрой Косье: «Лоцмана зорко смотрят – из воды, словно зубы какой-то чудовищной челюсти, торчат черные утесы...» [Немирович-Данченко 2021: 211]. Даже в случае невольного повтора эта переключка служит наглядным подтверждением дискурсивной общности сплавных травелогов.

Впрочем, Немирович-Данченко в свою очередь тоже – вольно или невольно – повторил Мамин-Сибиряка в своем очерке о Косье. Так, например, в очерке «В камнях», опубликованном раньше «Реки лесных пустынь», лес сравнивается Маминим-Сибиряком с «войском могучих зеленых великанов», «сказочных богатырей», а река – с воином, прорубающим скалы «ударом сабли». Немирович-Данченко также использует в описаниях горной Косьвы милитаристские метафоры, взятые из былинного эпоса: он сравнивает ее с «серебряным щитом, брошенным на дно котловины» Так или иначе, метафорика смертельного сражения объединяет образы уральских рек, созданные Маминим-Сибиряком и Немировичем-Данченко, усиливая хтоническую составляющую сплавного дискурса.

Помимо физических ощущений, свойственных тому или иному способу путешествия, на образ пространства оказывают влияние

особенности маршрута следования, который тоже тесно связан с характером движения. Значит, протяженность маршрута, остановки и события во время движения, которые определяют его структуру, работают на формирование образа пространства в единстве с чувственными факторами движения. Маршрут, как правило, представляет образы социального и культурного пространства. Представим те смыслы и образы, которые инспирированы маршрутом сплавного путешествия по Уралу.

В очерках Мамина-Сибиряка, завершающих формирование сплавного дискурса уральских травелогов, главными персонажами становятся местные сплавщики и бурлаки. В онтологии Чусовой, выстроенной Маминым-Сибиряком, хтоническим силам горного ландшафта противостоят воля и энергия человека. Чусовские сплавщики Мамина-Сибиряка – это не просто проводники или представители местной экзотики, как для большинства прежних путешественников, это главные персонажи и главная организующая сила уральского пространства.

«Не желая утрировать аналогию, мы всё-таки сравним бурлаков с отдельными музыкальными нотами, из которых здесь слагается живая мелодия бесконечной борьбы человека с слепыми силами мертвой природы» («Бойцы»). [Мамин-Сибиряк 1953: 527].

В то же время писатель подчеркивает органическое единство сурового уральского ландшафта и работающих на сплаве людей. Основанием этого единства становится горнозаводской образ жизни уральцев. Горы и реки, покоряясь человеку, работают вместе с ним: все они части одного большого трудового процесса.

«Бурлаки прониклись одним общим чувством самого напряженного внимания. Барка не была уже мертвой посудинной, теперь она скорее походила на громадное живое существо, которое было преисполнено напряжения всех своих живых сил; даже эти неуклюжие поносные можно было принять за две громадные руки, которые судорожно взрывали

воду...Это называется “работать одним сердцем”» («В камнях») [Мамин-Сибиряк 2002: 471–472].

На сплаве нет места созерцательности больших пароходных путешествий, он требует напряжения внимания и физических сил. И уже после схватки со стихией наступает время молитвы.

«Такая молитва еще увеличивает торжественность критического момента, но она является самым естественным проявлением того напряженного состояния духа, который переживает невольно каждый. Хорошо делается на душе, когда смотришь на эту картину молящегося народа; и молитва, и труд, и недавняя опасность – всё сливается в один стройный аккорд» («Бойцы») [Мамин-Сибиряк 1953: 527].

Несмотря на то что сплав железных караванов связан с деятельностью горных заводов, главными ориентирами на маршруте сплава становятся не заводы, а пристани и пологие лесные берега, где обычно устраивался отдых – «хватка». В сплавных травелогах доминирует природная составляющая уральского пространства, и – в продолжение теллурической символики сплавного дискурса – прежде всего скалы, горные породы, бывшие когда-то дном древнего Пермского моря. Описания причудливо уложенных временем и смятых геологическими процессами горных пластов – обязательный элемент сплавного пейзажа.

«Горы состояли по большей части из твердого плитняка... слои в них лежали местами горизонтально, местами вертикально, а местами параллельно» [Лепехин 1780: 89].

«Крутые утесы близко подходили к воде, и волны с пеной разбивались об изорванный берег. Из горных пород преобладал известняк. Аткинсон видел горизонтальные пласты, которые, из первоначального своего положения, поднявшись в виде крутых арок, потом надломились» [Путешествие Т. У. Аткинсона 1865: 178].

«Налево – отвесная голая скала, по ней щели и трещины, точно неведомые гвоздеобразные письма давно исчезнувшего и иного следа по себе не оставившего народа» [Немирович-Данченко 2021: 211].

Так, в сплавной дискурс входит тема доисторической древности уральской земли, которая получает свое концептуальное оформление у Мамина-Сибиряка: «Глядя на эти толщи настланных друг на друга известняков, сланцев и песчаников, исчерченных белыми прожилками доломита, так и кажется, что пред вашими глазами разворачивается лист за листом история тех тысячелетий и миллионов лет, которые бесконечной грядой пронесли над Уралом» («Бойцы») [Мамин-Сибиряк 1953: 534].

Вообще, по мысли Мамина-Сибиряка, сплав по Чусовой – это путешествие по главным вехам уральской истории. Жизнь на Чусовой сплавила вместе вогульские предания, староверческие законы, легенды о Ермаке, мечты о пугачевском кладе и веру в уральского Робин Гуда, разбойника Рассказова, и создала особый уральский характер, характер человека, живущего «в камнях».

Образ Чусовой, созданный Маминым-Сибиряком в очерках о сплаве, – это исток уральского кода писателя, который затем проявился в его романной прозе и оказал определяющее влияние на последующую уральскую литературу (см. об этом подробнее у В.В. Абашева) [Абашев 2009]. Конечно, с появлением на Урале системы железных дорог сплав перестал быть необходимым звеном производственной деятельности горных заводов. Зафиксированный Маминым-Сибиряком образ чусовского сплава, потеряв социально-экономическую актуальность, сохранил, тем не менее, ключевое геопозитическое значение. Неслучайно современный мифотворец Урала пермский писатель Алексей Иванов связывает действие своих первых романов – «Географ глобус пропил» и «Золото бунта» – со сплавом по уральским рекам Чусовой и Поньшу.

В целом сплавной дискурс уральских травелогов подчеркнул горный характер рельефа, древность уральской истории, горнозаводской характер

местной жизни, а также усилил звучание теллурических мотивов уральского пространства.

4.3. Образ Урала в пароходных травелогах второй половины XIX – начала XX в.⁷⁴

Пароходные путешествия, отсчет которых можно вести с начала 1850-х гг., когда открылось пассажирское пароходное сообщение по Волге и Каме, сформировал свою манеру описания уральского ландшафта. Пароходный маршрут был главным транспортным сообщением с Уралом во второй половине XIX в. – вплоть до постройки Пермь-Котласской железной дороги (1899), соединившей европейскую часть России с Уралом и Сибирью. Путешественники садились на пароход в Нижнем Новгороде, спускались по Волге через Казань к устью Камы, поднимались до Перми, а отсюда уже по Сибирскому тракту (а с 1878 г. по Уральской горнозаводской железной дороге) следовали дальше через Урал.

В отличие от предшествующих сухопутных поездок в пароходных травелогах Кама становится объектом не только наблюдения, но и действия, превращаясь в главный элемент уральского ландшафта, при помощи которого путешественник вступает с ним в контакт. До открытия пароходного сообщения литературную карту Камы можно было представить только в виде отдельных речных переправ в местах пересечения тракта и реки. Наиболее частотными точками описания Камы становились переправа возле Оханска и высокий пермский берег:

«...На двенадцативесельном его катере, оглашенные песнями его гребцов, мы стрелой полетели через широкую Каму. ... Всем она взяла, сия величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу

⁷⁴ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. Кама на литературной карте Урала (по материалам уральских травелогов XIX – начала XX века) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2023. Т. 33, № 4. С. 858–866.

понять, почему полагают, что она в Волгу, а не Волга в нее впадает» [Вигель 2011: 22].

«Холодный, ледяной ветер дул из-за Камы – так дышит Уральский хребет вечным льдом своих вершин, так дышит холодная грудь Сибири на Европу. Кама, широкая и быстрая, мчала с невероятной скоростью множество тяжело нагруженных судов; кое-где двигались запоздалые льдины, поворачиваясь и как бы нехотя следуя течению реки. Порывами ветер наносил *membra disjesta* песен бурлаков и их громкие возгласы. Было грустно – я сидел, закутавшись в плащ, на высоком берегу; с противоположной стороны садилось солнце, красное, но холодное» [Герцен 1954: 123–124].

Доминирующим значением Камы в пространстве Урала оставался ее преграждающий и разъединяющий характер. Подчеркиваются ширина и скорость течения, которые становились основными источниками переживаний на переправе. Можно сказать, что Кама скорее выполняла роль границы, нежели внутреннего компонента ландшафта.

Пароходное описание Камы изменило восприятие реки и уральского пространства в целом. С открытием пароходного сообщения знакомство путешественников с Уралом начиналось с Камы и было тесно связано с речными реалиями маршрута. На карте Урала появилось множество до сих пор не упоминавшихся мест и поселений, которые объединял речной характер жизни – рыболовство, грузоперевозки, торговля, сплав леса. Горные заводы, являвшиеся доминантами уральского ландшафта во всех предыдущих описаниях Урала, выпадают из зоны наблюдения, оказываясь «по сторонам Камы» [Кельцев 1888: 27].

Получается, что сам факт путешествия по Каме задает отличный от горнозаводского вектор историко-культурного образа Урала. На первый план выходит история прикамских поселений, в которых преобладает речной уклад жизни. Рыболовные становья по берегам, нескончаемые

вереницы плотов, пароходы и лодки, а также пристани городов и заводов – вот основные приметы местной жизни.

Камское путешествие связывает Урал с центральной Россией и Поволжьем, подчеркивая их глубинную культурно-историческую связь. Это единство основано не только на общем укладе экономики, но и на общих исторических событиях. Одним из самых ярких культурных героев, объединивших два региона, стал Ермак, в образе которого соединились темы речной вольницы, первопроходчества, фронта. Камские тревелогеры зафиксировали большое количество преданий о Ермаке, что говорит о значимости его образа для локальной памяти. В.И. Немирович-Данченко, пересказывая легенду об очередном кургане с сокровищами, заметил, что на Каме все подобные курганы приписываются Ермаку Тимофеевичу [Немирович-Данченко 2021: 98].

Одной из основных характеристик культурного пространства камского региона становится многонациональный состав его населения. Важное замечание о национальных взаимоотношениях русских и коренных жителей Урала сделал В.И. Немирович-Данченко, описывая утреннюю молитву татар на палубе парохода:

«Наверху татары спокойно совершали свои утренние молитвы. Всё это время матросы старались и не ходить близко, чтобы не мешать им. Совсем не то, что мне приходилось видеть на пароходах русского общества по Черному морю, где целая ватага пассажиров и служащих бесцеремонно остроголово над молящимися горцами. Население здесь чрезвычайно терпимо. Религия не вызывает розни. Народ гораздо развитее, чем где-либо в ином месте. Вообще, так по всему горнозаводскому Уралу и по Каме» [Немирович-Данченко 2021: 48].

Рассказы об охотничьем мастерстве вотяков, уме и распорядительности татар, сочувственный комментарий о новой повинности башкир, услышанные и пересказанные Немировичем-Данченко, тоже можно расценивать как свидетельство уважительного

отношения русских к коренным народам Прикамья. Камские очерки Немировича-Данченко отразили один из самых сложных сюжетов уральской истории, связанный с особым характером колонизации Урала, в ходе которой удалось отказаться от военного противостояния и перейти к экономической дипломатии.

Речные травелоги обнаружили целый ландшафт, который, с одной стороны, изменил представления об уральском пространстве, с другой – попал под влияние уже сложившихся пространственных представлений. Во взаимодействие этих двух процессов складывается, например, один из важнейших сюжетов уральского текста, связанный с сопоставлением Камы и Волги. Многоводная, лесная, северная – так чаще всего именовали Каму те, кто поднимался с Волги:

«Первое впечатление, которое делает Кама, когда въезжаешь в нее из Волги – это ее ширь и многоводие, низкий нагорный берег выделяет еще более ее ширину, а быстрое течение, почти полное отсутствие мелей делает реку особенно плавною. Горизонт здесь шире, тем более что и сама река нередко разливается направо и налево. Чем дальше вверх, тем нагорный берег выступает всё яснее, становится выше, круче и ... диче» [Шмурло 2011: 211].

Резкая смена восприятия пейзажа во многом объясняется теми ожиданиями, которые связаны с маршрутом путешествия. Маршрут задает координаты оценки. Так, направление камского путешествия на север акцентирует в образе Урала значения северного пространства.

«Север, север, так и пахнет им; правый берег еще круче, всё выше, и, кроме ели, ничего на нем не видно» [Кропоткин 2011: 99].

«Севером пахнуло! Дышится легко. ... И действительно, отсюда уже тянутся широкие пути в тьму и холод – на полночь. Опять Север – и приветствуешь его в лице этой великой реки, этой становой жилы, разносящей жизнь в глухие бездорожья его величавых пустынь» [Немирович-Данченко 2021: 26].

Таким образом, камский маршрут по-своему представляет границы Урала на карте России: сейчас это не только отдаленный фронтир, восточный рубеж государства, но и северный сосед Поволжья, связанный с ним общими историко-культурными и экономическими связями, но в то же время обладающий специфическими уральскими чертами.

В речных травелогах по-новому складывается взаимодействие основных локусов природного ландшафта Урала – гор, лесов и рек. Река закономерно оказывается доминантой окрестного ландшафта, влияя на восприятие гор и лесов.

Активное присутствие гор задается близостью Уральского хребта, которая формирует у путешественников соответствующие ожидания. Путешественники в большинстве своем отмечают горный характер камских берегов. Нередко Кама предстает в пароходных описаниях настоящей горной рекой – с извилистым течением и крутыми берегами:

«Вообще в Каме нет, как в Волге, нагорного и низменного берега, Кама непощадно вьется, часто ворочается более нежели на 180° от первоначального направления, и горы переходят с одного берега на другой» [Кропоткин 2011: 98].

Отметим, что горный пейзаж в камских описаниях часто сопровождается образами дымки, синевы, тумана:

«Чем дальше по Каме, тем прохладнее; легче дышится. Солнечный блеск не так ослепителен, дали – прозрачнее. Глаз замечает и линию каких-то гор за каймою синих облаков и чуть мерцающее в серой дымке озеро направо» [Немирович-Данченко 2021: 31].

«Пароход всё бежит к северу. Берег становится круче и грандиознее. Вдали уже рисуются настоящие горы, точно синие тучи, поднявшиеся к ночи на горизонте. ...Но скоро прохладный вечер сливается в одно мглистое марево и силуэты далеких гор, и очерки лесов, заслонивших от нас луговой простор Закамья» [Немирович-Данченко 2021: 77].

«В этом разнообразии, надо думать, сказывается влияние Уральского хребта. Уже перед Осой его отроги начинают местами набегать к левому берегу, а выше этого города так и к правому. Ломаные, бледно-синеватые, покрытые красным лесом и кой-где вспаханные, уральские холмы и ветви появляются то тут, то там» [Шмурло 2011: 217–218].

В этих описаниях чувствуется дыхание северной реки, окутывающей своими туманами окрестное пространство. Река отодвигает горы или скрывает их от взгляда. Однако несмотря на некоторую отдаленность горного пейзажа, постоянное упоминание гор формирует устойчивое представление о Каме как горной реке, подчеркивая значения опасности, суровой красоты и мощи окружающего пространства.

Подобно горам, описания лесов, оставаясь постоянной частью камского пейзажа, опосредованы рекой: лесные пейзажи связаны с ней то дымками и туманами, то мотивом отражения, который подчеркивает неразрывную связь водной и лесной стихий:

«Наконец около Сарапула к самой реке начинают подступать холмы, кончающиеся крутыми размытыми водою обрывами, ярами и сплошь поросшими густым ельником... По всей окрестности стелется сизый туман, неизменный спутник хвойных лесов, с берега тянет крепким смоляным запахом» [Кропоткин 2011: 103].

«Пароход отходит вправо, ближе к середине реки, и весь этот лес-стена до мельчайших подробностей отражается на стальной поверхности воды. И ведь целыми нескончаемыми верстами плывешь вдоль таких берегов!» [Шмурло 2011: 211–212]

Речное путешествие не отменило горный и лесной характер уральского пространства, но подчеркнуло значимость водной стихии в сложившемся ранее взаимодействии его ведущих природных ландшафтов. Благодаря пароходным путешествиям Кама становится одним из самых значимых локусов Урала. Неслучайно первый уральский путеводитель,

вышедший в Екатеринбург в 1899 г., начинался с представления Камы в качестве открывающей достопримечательности:

«Река Кама – естественный и самый старинный путь на Урал. Кроме того, Кама играла и продолжает играть весьма важную роль в жизни горнозаводского Урала. Поэтому, приступая к указанию пути по Уралу, прежде всего мы дадим подробное описание Камы, ее главных притоков, лежащих на ней городов, сёл, заводов и деревень» [Путеводитель по Уралу 1899: 1].

Таким образом, знакомство с Уралом посредством пароходного камского путешествия вносит существенные изменения в конфигурацию историко-культурных и природных доминант уральского пространства. На первый план выходят образы воды и темы, связанные с речным укладом жизни. Можно говорить об усилении мотивов и сюжетов, связанных с природным ландшафтом Урала. Большие и быстрые реки, горные берега, покрытые густым темным лесом, определяют основные впечатления пароходного путешествия.

Изменилась не только конфигурация уральского пространства. Механический транспорт существенно изменил характер его восприятия. Принципиально меняется физическое состояние и позиция наблюдения. Движение на пароходе не предполагает физического контакта с окружающим. Путешественник находится в состоянии созерцателя, который не испытывает физической нагрузки, не преодолевает пространство, а плавно движется мимо него. Основным чувственным средством восприятия пароходного путешественника становится зрение.

Расположенный ниже линии горизонта взгляд пароходного пассажира сконцентрирован на деталях прибрежной линии. При этом наблюдаемое путешественником пространство как будто вытягивается вдоль реки, превращаясь в линию:

«Охваченная зелеными понизьями, утром Елабуга так и вырезалась на голубом фоне безоблачного неба белыми силуэтами своих церквей! Точно вся она вытянулась в одну линию» [Немирович-Данченко 2021: 47].

С учетом высокой скорости движения наблюдаемая картина быстро меняется. Появляется ощущение покадрового движения визуального потока: «Пароход идет параллельно набережной. Слово в синематографе плывет мимо панорама города: дом Мешкова, “Набережный сад”, собор, семинария, мечеть, Слудская церковь, казенный винный склад, Заимка, кожевенный завод Агафуровых» [Макк 1913: 6].

Образ реальности чаще всего складывается на основе перечисления видимых объектов. Подобная фотографическая точность, тем не менее, не лишена оценочности. Особое мастерство такого тревелога заключается в умении построить выразительный ряд реалий, фигуративность которых проявляет основные значения окружающего ландшафта.

Пароходное наблюдение задает новую связность ландшафта, построенную на постоянной смене кадров-фотографий. Пароходные путешествия способствовали становлению динамического пейзажа, в котором преобладают характеристики движения.

«Местами Кама делает крутые завороты; один из таких загибов – при впадении Вятки, устье которой, запруженное плотами разной величины, так прямо и смотрит на нас. Издали, совсем в стороне, белеется деревенская церковь, а час спустя пароход идет уже мимо нее» [Шмурло 2011: 212]

«Невдалеке от устья реки Ик Кама стала совсем красавицей. Гряды береговых гор одна за другою вступают в реку крутыми откосами, то серые и песчаные, то зеленые от покрывшего их леса. Позади за ними смутно рисуются другие, еще далее мерещутся едва-едва, словно туман, лежащий на воде, – третьи» [Немирович-Данченко 2021: 55].

На смену прямой перспективе и неподвижности наблюдения в пространстве камеры-обскуры, определявшей структуру визуальности прежнего времени, приходит дискретность и множественность ракурсов.

Изобретение диорамы и стереоскопа, потом – фотографии и кинематографа и, конечно, массовое внедрение механического транспорта сделали визуальную революции неизбежной.

Динамический характер описания в пароходном травелоге усиливает значения скорости и мощи многоводной Камы, а также подчеркивает напряженный рельеф прикамского ландшафта, связанный с горными берегами и постоянными изгибами реки.

Кроме того, разделение области наблюдения на кадры, которое происходит в пароходном путешествии, приводит к эстетизации восприятия. Неслучайно в пароходных описаниях появляется образ рамы, в которую вставлен прибрежный пейзаж:

«Вы записываете свои впечатления и поднимаете голову, чтобы лучше овладеть той или иной мыслью, но уже не можете оторвать глаз от медленно плывущих мимо желтых полей зреющего хлеба, вставленных в раму зеленых лугов с туманной синевой отдаленных холмов» [Поссе 2011: 241]

Особое видение путешествующих на пароходе, связанное с разглядыванием окрестностей, превращает наблюдение в самодостаточное постоянное действие. С этим связана повышенная активность пейзажных описаний. В камских зарисовках природы заметным оказывается влияние романтического пейзажа, который способствовал формированию образа Камы как дикой и пустынной реки:

«Пароход идет сажень в пяти от берега, перед кручей, которая, подобно гигантской стене, выпрямилась, вся темная и мрачная, грозная и неприветная. Господствует сосна, до парохода доносится тонкий аромат смолы; низ горы оторочен дубняком. Там густо и темно; солнце на закате и сейчас ушло за верхушки деревьев. В лесу темнеет совсем. Здесь так уместно отсутствие человека...» [Шмурло 2011: 211]

Таким образом, пароходные путешествия благодаря особенностям речного маршрута, фотографической оптике и специфической замкнутости

наблюдения изменили образно-смысловые акценты уральского пространства.

В камских путешествиях Урал был представлен как регион, тесно связанный с Поволжьем. В сухопутных травелогах предыдущего периода эти связи не были проявлены. Движение по Каме акцентирует северный вектор уральского пространства: Кама предстает северной рекой, что подчеркивается ее сопоставлением с Волгой. Во взаимодействии природных локусов Урала доминирующей становится водная стихия. Крутые горные берега и темный еловый лес служат продолжением речного пейзажа, усиливая значения суровой красоты и северного дыхания. Наблюдение с парохода, связанное с особенностями механического движения, способствует появлению динамического пейзажа, который, закрепляясь в путевых описаниях Камы, влияет на формирование образа быстрой и мощной реки. Кроме того, оптика покадрового видения, свойственная быстрому и достаточно плавному движению парохода вдоль берега, располагает к эстетизации восприятия. Обилие пейзажных описаний подтверждает это наблюдение. При этом камские пейзажи оказываются под заметным влиянием романтической традиции, усиливая коннотации дикости, суровости и пустынности прикамского пространства. В целом пароходные путешествия предлагают увидеть Урал со стороны Прикамья, обнаруживая и утверждая в его образе значимость природных и историко-культурных реалий этой части уральского региона.

4.4. Образ Урала в железнодорожных травелогах конца XIX – начала XX в.⁷⁵

Значение железной дороги как важнейшего явления культуры становится предметом интенсивной рефлексии с момента ее появления.

⁷⁵ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, № 2. С. 64–71.

Железная дорога меняла ощущение пространства, которое поглощалось скоростью. Общее изменение визуального впечатления не могло не сказаться на рецепции конкретных ландшафтов и, как следствие, на традиции их литературного описания.

Уральская горнозаводская железная дорога (УГЖД) была открыта в 1878 г. Это была островная железнодорожная система, главной целью которой послужило транспортное обеспечение горнозаводской экономики Урала, пребывающей в состоянии затяжного кризиса, в том числе из-за отсутствия удобного сообщения. Кроме того, новая дорога должна была решить проблему возрастающих грузового и пассажирского потоков между центральной Россией и Сибирью.

Среди авторов железнодорожных тревелогов были ученые (Э.П. Янышевский «Уральская горнозаводская железная дорога и Верхотурский край: путевые впечатления». Пермь, 1887), писатели (Д.Н. Мамин-Сибиряк «От Урала до Москвы». Русские ведомости. 1881–1882; Н.Д. Телешов «За Урал». М., 1897), журналисты (С.А. Кельцев «Из поездки на Урал». М., 1888; Н.Н. Рейхельт «По северу и югу». Исторический вестник. 1909), краеведы (А.А. Колычев «От Томска до Яренска. Дорожник по Сибири и Азиатской России». 1901) и др. Все эти тревелогии были написаны в жанре популярного в периодике того времени путевого очерка, представлявшего собой соединение научного (экономического, географического, этнографического) и очеркового повествований. Благодаря своим документальным установкам тревелогии подробно фиксировали последовательность маршрута, выстраивая пространство в соответствии с реальным развитием поездки. Однако очерковый характер описания не исключал эмоционально-образную оценку увиденного, что позволяет рассматривать эти тексты в общем литературном контексте. В силу своей двойственной природы тревелог представляется репрезентативным материалом для обнаружения внутренних связей между

экстралитературными обстоятельствами путешествия и образом пространства.

В отличие от гужевого и паровозного способов восприятия переживание пространства у путешествующих по железной дороге опосредовано ощущением скорости. Интенсивность кинестетических впечатлений, связанных с повышенной скоростью перемещения, усиливается благодаря горному характеру уральского рельефа – постоянные повороты подчеркивают динамичность движения: «Но вот поезд от горного отрога круто завернул по покатости к мосту, “на закрытых парах” не более чем в полминуты пролетел сквозь решетчатые предохранительные стены казавшегося далеко моста и, повернув еще круче вправо, остановился у самой большой на Уральской дороге станции Чусовой...» [Кельцев 1888: 44]; «Находясь в вагоне, чувствуешь, как вагон сильно наклоняется то на один, то на другой бок, а выглянув в окно, видишь, что поезд постоянно изогнут в крутую дугу...» [Там же: 48].

В железнодорожном путешествии зрение подчинено скорости, ощущению быстрого и неровного движения. Пейзаж за окном дробится, панорама превращается в круговорот мелькающих «знаков»: «Смотришь в окно и видишь, как мелькают телеграфные столбы, знаки, лес, избышки, сторожа с флажками; картины меняются поминутно, и – то поезд мчится с подошвы гордо поднимающейся горы, то пересекает гору и входит словно в коридор, и в вагоне становится сумрачно и потом снова светло ... а внизу, как пропасть, зияет болотное, заросшее травой и мохом, озерцо» [Колычев. Кн. 3: 7].

Ракурс постоянно меняется: то это взгляд вниз – в пропасть, то вверх – к вершине подступившей горы, то вдаль – к открывшемуся горизонту. Свет сменяет темнота тоннеля, а огни приближающейся станции оказываются то с одной стороны поезда, то с другой.

Пожалуй, одним из самых точных определений этого типа зрительного впечатления может стать сопоставление его с калейдоскопом.

Разрозненные фрагменты, вращаясь, собираются в картинку, конфигурация которой зависит от творческой воли наблюдателя. Как показал М. Ямпольский, собирание визуального потока во время железнодорожной поездки опирается на «связывание видимого с образами памяти»: «Зрение блуждает в пространстве, покуда не испытывает “неистового эффекта знака”, покуда не сталкивается со “знакомым незнакомым”» [Ямпольский 2000: 92]. Получается, что характер движения располагает к подключению ассоциативной памяти, в результате которого происходит семиотизация пространства. Неслучайно железная дорога сформировала богатейшую литературную традицию, у истоков которой стоят Н. Некрасов, Л. Толстой, А. Белый, А. Блок, Б. Пастернак, С. Есенин, И. Бунин.

Не претендуя на оригинальность ассоциаций, тревелог, тем не менее, наглядно проявляет процесс семиотизации впечатлений. Чаще всего путешественники пользуются при этом устойчивыми образами популярного литературного контекста, нередко повторяя друг друга. В железнодорожных тревелогах устойчивым становится сравнение уральского пейзажа с гигантским каменным городом. Поезд проходит через каменные ворота и движется вдоль гигантских стен, образующих тесные коридоры:

«То видишь почти под собою страшные овраги, за которыми далеко-далеко вырастают гигантские холмы, покрытые лесом, то внезапно встречаешь у самой дороги дикие стены разрубленной надвое скалы, в которую поезд проскальзывает, как в ворота, и мчится среди зловещих изуродованных камней, сажени в три или четыре ростом» [Телешов 1897: 308]; «Отойдя от станции Чусовой версты две, поезд круто поворачивает влево от скалистых уже здесь берегов Чусовой и входит в глубокий горный овраг; справа и слева от рельс возвышаются холмистые горные стены, и поезд идет как бы в коридоре» [Кельцев 1888: 48]; «Первый на восточном склоне прорыв скалы, через который проходит железная дорога, находится тотчас за станцией Азиатскою и тянется более чем на четверть версты:

обломанные стены из глинистого сланца и других каменистых пород возвышаются по бокам вагонов на 8–9 аршин» [Там же: 54].

Безусловно, эти сравнения инспирированы общепозэтической традицией описания гор как крепостных стен, каменного города. Однако попадая в сферу локального текста, эти общепозэтические метафоры по своему конкретизируются. Заметно, что в представленных описаниях доминирует ощущение глубины, которое рождается благодаря повторяющимся образам коридора, тоннеля, высоких стен. При этом устремленность увиденного из окна вагона пространства вглубь усиливается рассказами о горных богатствах Урала: «Близ станции Кушва, верстах в двух, находится магнитная гора Благодать, знаменитая по богатству своей руды...» [Телешов 1897: 25]; «Вот он, первобытный уральский пейзаж, с непроездными целинами, с неисследованными рудными богатствами, залегающими, может быть, тут же, в нескольких шагах от полотна железной дороги» [Рейхельт 1909: 742].

Семиотизация визуальных наблюдений железнодорожного путешествия по Уралу оказывается тесно связанной с горнозаводским укладом местной культуры. Общепозэтические ассоциации, восходящие к топосу каменного города, соединяются с горнозаводской семантикой уральского пространства, создавая образ не просто рукотворного, а техногенного ландшафта.

Не менее важным экстралитературным фактором, связанным со способом передвижения, является маршрут поездки. Маршрут, выстроенный в соответствии с целью путешествия, представляет собой направленное движение, основными пространственными составляющими которого являются точки остановок и пути между ними. Образ пространства, созданного в травелоге, зависит от направления движения и фокусных точек маршрута.

В соответствии со стратегическими задачами развития уральского региона УГЖД была построена как магистраль, связующая крупнейшие

горнозаводские центры Среднего Урала. Закономерно для путешествующих по ней пассажиров определяющими структурными элементами уральского пространства становятся заводы. Доминирующее положение завода в уральском ландшафте выразительно представлено именно в железнодорожном травелогге: «Но вот лес начинает редеть, всё больше и больше вырубленных пространств, и наконец открывается огромная ровная площадь, на которой не осталось ни одного дерева, а только торчат из земли голые пни и вдали виднеется громадный Надеждинский завод и широко раскинувшийся поселок. Большинство домиков чистенькие, похожие друг на друга, как родные братья. Громадные трубы с клубами черного дыма, высокие домны, выбрасывающие снопы пламени, – всё это господствует над окружающей местностью» [Г-н С. 1902: 3].

Таким образом, железнодорожное пространство строится на взаимодействии уральских горных обрывов, которые доминируют в восприятии местной природы, и городов-заводов, составляющих основу антропогенного ландшафта.

В травеложных описаниях уральской железной дороги полностью отсутствует рефлексия по поводу разрушительного воздействия технического прогресса, как и по поводу повышенного чувства опасности, несмотря на то что путешественники зачастую ехали ночью. Преобладает восхищение силой человека, покорившего суровое пространство: «...Повсюду леса, леса и камни, и нигде незаметно признаков руки человеческой, кроме железнодорожного полотна, и с восторгом глядишь на эту девственную картину природы и с изумлением любишь человеческими трудами, этими пробитыми скалами, образующими целые коридоры» [Телешов 1897: 23]. А.П. Чехов, ругавший уральские города за их серость, скуку и грязь, местную железную дорогу хвалит: «...Уральская дорога везет хорошо. Баромлей и Мерчиков⁷⁶ нет, хотя и приходится

⁷⁶ Боромля и Мерчик – небольшие станции Харьковско-Николаевской железной дороги.

переваливать через Уральские горы. Это объясняется избытком здесь деловых людей, заводов, приисков и проч., для которых время дорого» [Чехов 1975: 70].

Очевидно, путевые описания железной дороги совпали с уже существующей в образе Урала горнозаводской семантикой. Железнодорожные травелоги зафиксировали процесс собирания горнозаводского пространства Урала, которое оказалось основным в отраженном ландшафте. Железная дорога становится своего рода силовой линией уральского региона, соединившей его ключевые точки, как некогда связывал их сплав железных караванов.

В железнодорожном пространстве Урала определяются свои семиотические центры. С открытием УГЖД екатеринбургский Урал существенно потеснил Пермь в объеме и масштабе путевых записей. Намечается противостояние речной Перми и делового, железного Екатеринбурга. В отличие от Перми, где железнодорожное путешествие только начиналось (ветка была островной и развивалась прежде всего в восточном направлении), Екатеринбург быстро становится железнодорожным узлом: вскоре после открытия ветки Пермь – Екатеринбург начинается строительство дороги до Тюмени, а потом к Екатеринбургу выводят ответвление от Самаро-Златоустовской железной дороги. В этой ситуации Пермь превращается в транзитный пункт, соединивший крайнюю точку речного и железнодорожного путешествий. Зимой по причине окончания навигации транзитное значение города на Каме заметно тускнеет, город – особенно для путешествующих на запад – становится конечным пунктом, где цивилизованные пути прерываются.

Так, геокультурная вымороченность Перми была с нажимом проговорена в железнодорожном путешествии Мамина-Сибиряка. В известном вагонном споре о том, «что Перме не бывать супротив Екатеринбурга», один из основных аргументов отсылал к соперничеству реки и железной дороги: «Што, ежели будем говорить на счет реки, так

опять зиму то она мертвая, а чугушка все пыхтит и пыхтит» [Мамин-Сибиряк 1998: 285]. Это кажется парадоксальным, но открытие Уральской железной дороги усугубило негативные коннотации образа Перми, восходящие к резкой характеристике П.И. Мельникова-Печерского, который писал о «мертвенной пустоте» [Мельников-Печерский 1842: 2] города на Каме.

В целом благодаря ощущению высокой скорости движения железнодорожные путешествия нашли органичный для горного Урала стиль описания, передающий особую кривизну ландшафта. Никогда раньше, ни в гужевом, ни в пароходном путешествии, образ уральского пространства не был таким извилистым. Кроме того, железнодорожные тревелогисты по-новому структурировали уральский ландшафт. Взгляд из окна вагона, движущегося в теснине уральских гор, акцентировал внимание на глубине пространства, а конфигурация маршрута, проложенного от одного города-завода к другому, вернула Уралу заметно потускневшие к середине XIX в. черты горнозаводской державы.

Органичность железной дороги уральскому пространству выразительно запечатлел Б. Пастернак. Неслучайно среди важнейших железнодорожных текстов русской литературы называют уральские произведения поэта – повесть «Детство Люверс», стихотворение «Урал впервые» и юрятинскую часть романа «Доктор Живаго». По словам А. Флакера, в железнодорожных произведениях Б. Пастернака происходит «освоение нового пространства видением девочки и рассказчика через окно вагона» [Флакер 2001: 221]. Железнодорожный тревелог, оставаясь в рамках своей сферы бытования, проделал эту дискурсивную работу намного раньше. В составе локального текста уральский тревелог стал своего рода литературным разведчиком железнодорожного пространства Урала.

Выводы по четвертой главе

1. В истории уральских травелогов сформировалось несколько устойчивых дорожных дискурсов, каждый из которых акцентировал те значения уральского пространства, которые соответствовали особенностям чувственных впечатлений и географических параметров передвижения. Эти значения наслаивались, наиболее выразительные из них закреплялись в литературной традиции. Важно отметить, что последовательная смена ракурсов описания не только меняла пространство, но и обеспечивала формирование устойчивых символических сюжетов.

2. Сотношение чувств выстраивается в каждом виде путешествия по-разному, заставляя путешественника особым образом воспринимать окружающее. Поездка в повозке, например, позволяет сохранить основные ощущения человека, непосредственно включенного в пространство: объемное видение, слуховые и тактильные ощущения, связанные с переменной погоды, дорожного покрытия, звукового фона. Невысокая скорость перемещения существенно не влияет на доминирующие в этом виде путешествия зрительные и тактильные ощущения. Если говорить о другом важнейшем для Урала виде путешествия – поездке на пароходе, нужно отметить плавность движения, при котором тактильные ощущения редуцируются, а роль наблюдения, наоборот, усиливается. Характер этого наблюдения определяется достаточно распространенным сравнением пароходных видов с картиной в раме или сеансом синематографа. Пароходное путешествие было сфокусировано на покадровом отражении уральского пространства и привнесло в общее развитие уральского пейзажа поэтические речные виды. Железнодорожный образ Урала связан с ощущением скорости и кривизны движения, что подчеркивало горный характер уральского пространства.

3. Дорожные дискурсы по-разному представляли географию Урала. Гузовое путешествие акцентировало внимание на той части уральского пространства, где были проложены тракты, связывающие основные

населенные пункты. Пространством наблюдения становились крупные города и заводские поселения. Особую роль играли перевалы через Уральские горы. В этот период формируется образ Сибирского тракта. Сплав перенес внимание на внутренние реки Среднего Урала – Чусовую и Косьву, представив их в качестве ключевых ландшафтов горнозаводского Урала. Пароходное путешествие проявило связи Урала с Поволжьем и речным укладом жизни. Река Кама становится одним из ландшафтообразующих локусов Урала, главной дорогой на Урал. Железнодорожное путешествие возвращает внимание к горнозаводским пространственным элементам Урала: заводам, горным массивам и перевалам.

4. Трансформируясь в зависимости от конкретного способа передвижения, уральский ландшафт превращался в наложение дискурсивных подходов к его описанию. Благодаря этому в образе Урала отдельные элементы проявлялись и доминировали, другие – уходили на периферию. Визуальность и динамика железнодорожного путешествия смогли наиболее полно запечатлеть складывающиеся в литературной традиции описания Урала геопоэтические значения. Однако и в других дискурсивных единствах, связанных с особенностями способа передвижения, были определены важные для формирования целостного образа Урала значения и образы.

Глава 5. Урал в газетных травелогах конца XIX – начала XX в.

Значительным явлением в истории отечественного травелога конца XIX – начала XX в. становится появление специальных путевых разделов в массовой газетной периодике, в том числе региональной. Газетные травелоги представили новый взгляд на уральское пространство, связанный с теми содержательными и коммуникативными установками, которые складывались в сфере ежедневной печати. В данной главе представлена характеристика образа Урала, сформировавшегося в газетных травелогах конца XIX – начала XX в.

5.1. Особенности изображения Урала в газетных травелогах: на материале путевых очерков С.А.Кельцева⁷⁷

Анализируя состояние русской периодики конца XIX – начала XX в., Б.И. Есин приводит мнение современников, которые «уже в 1897 году отмечали как закономерность падение типа большого журнала и поворот внимания публики в сторону газеты, преимущественно ежедневной» [Есин 1971: 57]. Газета становится не только активным транслятором литературной информации, но и влиятельным издателем литературных произведений. Обилие литературных материалов на страницах газет позволяет говорить о формировании нового литературного поля – газетной литературы [Власова 2008] и нового типа авторства – газетного литератора [Власова 2016; Подлубнова 2016]. Главные тематические и стилевые черты этого типа литературного творчества связаны с прикладным характером публикующей площадки. Отсюда – установка на злободневность и фактографичность, опора на здравый смысл и общепринятые нормы, а также свойственная массовой культуре облегченность формы, которая, несмотря на преобладающий консерватизм литературных ориентиров, была, тем не менее, по-своему актуальна, поскольку предполагала активное

⁷⁷ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. Урал в газетном травелоге С.А. Кельцева // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 32–39.

использование живой речи городского большинства.

Путевые очерки активно включались в литературные подвалы газетной периодики. Это был жанр, который давал большие возможности для объединения оперативных журналистских задач издания с творческими и прагматическими установками газетных литераторов. Одним из таких литераторов, сориентированных на злободневную газетную повестку, стал С.А. Кельцев, побывавший на Урале в 1887 г. во время Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки.

Сергей Андреевич Кельцев (1858(?) – после 1917) был одним из представителей нарождающегося сословия профессиональных газетчиков, формирование которого проходило во второй половине XIX в. Бывший чиновник, бойкий репортер, имевший нужные связи во властных кругах, С.А. Кельцев попадает в «Московские ведомости» М.Н. Каткова, сближается с окружением московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова и, наконец, становится его пресс-секретарем. «Мое золотое перо, подаренное Катковым»⁷⁸, – так Долгоруков называл журналиста. Неудивительно поэтому, что именно Кельцев оказался в свите великих князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича во время их поездки на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку⁷⁹, состоявшуюся в Екатеринбурге в 1887 г. По итогам этой поездки Кельцев опубликовал в газетах «Московские ведомости» и «Правительственный вестник» цикл материалов, которые уже в следующем году были собраны в отдельном издании, получившем название «Из поездки на Урал»⁸⁰.

⁷⁸ См.: Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 гг. М., 2008. С. 247.

⁷⁹ Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка стала одним из самых значительных региональных смотров науки, промышленности и художественного творчества последней трети XIX в. В ней приняли участие около 4 000 экспонентов из 32 губерний Российской империи. Почетным президентом выставки с разрешения императора Александра III стал великий князь Михаил Николаевич, который принял участие в открытии выставки 14 июня 1887 г. (см.: Корепанова С. А. У истоков традиции. К 120-летию Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН. 2007. № 3 (21). С. 3–9). В поездке на Урал его сопровождал восьмилетний сын Сергей. Выставка носила статус важного государственного события и была призвана подчеркнуть особую роль Урала в процессе укрепления российской государственности на востоке страны.

⁸⁰ Кельцев С.А. Из поездки на Урал. М., 1888. Далее эта работа цит. по данному изданию с указанием страницы в скобках.

Практика книжной републикации газетных и журнальных материалов была достаточно распространенной. Однако не все издания отличались подобной оперативностью. Например, книга В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» вышла через 13 лет после первых журнальных публикаций⁸¹. В случае с книгой Кельцева оперативность отдельной републикации становится необходимой реализацией журналистской установки самого путешественника, которая определялась конкретной информационной задачей – осветить поездку царственных особ на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку.

Главное отличие газетных очерков Кельцева от предыдущих путевых материалов об Урале заключалось в их непосредственной привязке к информационному поводу. В этом смысле путевые отчеты журналиста послужили ярким примером формирования нового типа отечественного травелога, который определялся тесной связью с оперативной журналистской практикой.

Путевые отчеты Кельцева, написанные для «Московских ведомостей» и «Правительственного вестника», ориентировались на актуальные газетные форматы. Книга, собравшая их, состоит из трех разделов, каждый из которых имеет собственную содержательную и жанровую специфику. Первый раздел включает официальный репортаж о путешествии великих князей на Сибирско-Уральскую выставку, второй – очерковые заметки о той же поездке на Урал, третий – подробное описание всех отделов выставки, тяготеющее к жанру информационно-аналитического отчета. Собранные под одной обложкой, эти публикации позволяют увидеть общность жанрово-стилистических установок, определивших актуальные тенденции в развитии отечественного травелога. Становится очевидным, что репортажная фиксация путешествия великих князей из первого цикла

⁸¹ Напомним, публикация уральских очерков Вас.Ив. Немировича-Данченко, побывавшего на Урале в 1876 г., продолжалась с 1877 по 1884 г. в журналах «Дело», «Русская речь», «Исторический вестник». Книга «Кама и Урал», собравшая эти публикации под одной обложкой, была издана в 1890 г.

материалов имеет много общего с «очерковой» частью книги: сказывается одно и то же стремление соблюсти правила нового газетного формата. Представленные в очерковом разделе путевые заметки «От Москвы до Екатеринбурга» служат выразительным примером трансформации традиционного путевого очерка в сфере газеты.

Основное изменение, произошедшее в газетном травелоге, определяется новым отношением к пространству путешествия. Теперь оно формируется не только пейзажными зарисовками, историческими и этнографическими сведениями и обобщенным портретом местного общества, как чаще всего было в путевой очеркистике прежних лет, но и актуальными событиями текущей жизни. Заметно, что бэкграунд автора путевых заметок «От Москвы до Екатеринбурга» определяется актуальным журналистским контекстом. На первый план выходит текущая проблематика, связанная с повседневной жизнью. Так, описание хозяйственного положения Перми Кельцев начинает с проблемы местного водоснабжения. «Другой важный недостаток города, имеющего со слободами 24 000 жителей и около 1 700 домов и владений казенных и частных, – отсутствие хорошей воды: камская вода дает сильно желтоватый глинисто-органический отстой и ее пьют лишь за неимением другой, лучшей воды. О водопроводе в Перми возбуждалась речь несколько лет назад, но дело это в исполнение почему-то не приводится. В этом отношении значительно меньший уездный прикамский городок Елабуга перещеголял Пермь: в Елабуге, благодаря гг. Стахеевым, водоснабжение горожан, тоже пользовавшихся прежде, по необходимости, желтою камскою водой, теперь в примерном состоянии: водопровод дает отличную по качеству воду, в семи пунктах города устроены громадные резервуары – бассейны для разбора воды и по пути водопроводных труб сделаны отводы – краны на случай пожара» (с. 28). По содержанию и форме этот фрагмент является типичной журналистской аналитикой, которая строится на точности фактов, убедительности анализа и прогнозе развития ситуации.

Газета меняет оптику наблюдения – от обзорно-обобщающего «журнального» взгляда к быстрой фиксации фактической информации, представляющей актуальную повседневность. Безусловно, подобная репортажность снижает обобщающий потенциал травелога, однако она играет важную роль в поиске специфического языка путевого описания, документального по своей природе⁸². Это изменение можно сравнить с отличием фотографии от живописи: оно создает эффект объективного отражения.

Важнейшей стилистической чертой газетного травелога становится репортажность повествования, своеобразие которого определяется номинативностью и перечислительностью. Образ реальности складывается не за счет яркого сравнения или авторской метафоры, а путем называния и перечисления. Подобная фотографическая точность, тем не менее, не лишена оценочности. Мастерство авторов газетных травелогов заключается в умении построить выразительный ряд реалий, которые сами по себе проявляют основные смыслы окружающего ландшафта. Так, например, описывая береговую линию Перми со стороны Камы, Кельцев дает емкую характеристику геокультурного образа города в целом: «Под Пермью Кама ... верст 10–15 идет прямым широким руслом, и так как вечер был очень светлый, то на таком расстоянии стала видна Пермь, расположенная на высоком левом берегу. Пароходостроительные заводы Любимова и Каменских “на заимке” под самым городом, у обширной пристани, громадный казенный пушечный завод на Мотовилихе, в трех верстах за городом на берегу Камы под высокой горой, и возвышающийся на самом берегу на пригорке, против пароходной пристани, вокзал Уральско-Горнозаводской дороги как бы напоминали нам

⁸²Симптоматично, что первые яркие образцы репортажного жанра, развитие которого самым непосредственным образом связано с ростом газет и появлением телеграфа как основных каналов оперативного распространения информации, напрямую отсылают к путешествиям. В качестве яркого примера такого взаимовлияния репортажа и травелога можно рассматривать описание знаменитого путешествия репортера Генри Мортон Стенли, организованного газетой «Нью-Йорк Герольд» в 1871 г. для поиска пропавшей научной экспедиции Давида Ливингстона.

при расставании с пароходом, что Пермь сама по себе хороший губернский город, но главное его значение то, что она преддверие Урала» (с. 25). Четкость конфигурации главных объектов прибрежного ландшафта позволяет сформировать выразительный образ города как преддверия горнозаводского Урала. Кельцев демонстрирует искусство словесной фотографии, где фактографичность, сочетаясь с правильно выстроенным ракурсом и композицией, создает необходимый эмоционально-когнитивный эффект.

Установки на актуальный журналистский контент и репортажность изображения выразительно проявились в описаниях железнодорожной части путешествия. Интерес к железной дороге как самостоятельному объекту описания Кельцев подчеркивает специально: «Уральская горнозаводская железная дорога, прорезающая местности замечательные как по живописности, так и по богатству горными заводами и драгоценными металлами, малоизвестна путешественникам Европейской России, и краткие заметки о ней Е.П. Янишевского, бывшего прежде профессором Казанского университета, а ныне занимающего должность председателя Пермской контрольной палаты, помещенные в его путевых впечатлениях о поездке, совершенной прошлым летом в Верхотурский край, являются единственным в литературе материалом об этой дороге. <...> Между тем вряд ли есть в России дорога ..., которая представляла бы столько интереса для любителя природы своими местными красотами и теми трудностями, которые нужно было преодолеть строителям при переходе чрез главный хребет Урала, говорит Е.П. Янишевский» (с. 39).

Репортажный прицел газетного путешественника, сосредоточенного на точной фиксации происходящего, позволяет внимательно описать новое состояние движения по железной дороге. Для сидящего в купе пассажира, не привыкшего к быстрой смене картинки за окном и поэтому теряющего немалую часть зрительных впечатлений, коммуникация с пространством путешествия концентрируется на кинестетических ощущениях. Травелог Кельцева можно считать одним из основополагающих текстов

железнодорожного дискурса уральского тревелога, пополнившегося впоследствии многочисленными описаниями железнодорожных путешествий. В описаниях этого журналиста начали складываться ведущие черты железнодорожного дискурса уральского тревелога: динамика горного ландшафта, теллуризм, промышленный уклад жизни.

В целом газетный тревелог С.А. Кельцева вошел в ряд путевых отчетов, отразивших новый этап литературного освоения Урала, когда произошло преодоление традиции его изображения в качестве преддверия Сибири, основное значение которого связано с древней историей. Безусловно, перелом совершали более крупные персоны – В.И. Немирович-Данченко и Д.Н. Мамин-Сибиряк. Однако массовый газетный тревелог следовал во многом параллельным курсом, что демонстрирует общность процессов, начавшихся в середине XIX в. и связанных с ростом влияния «журнальной литературы», о которой Гоголь еще в 1834 г. писал: «...эта живая, свежая, говорливая, чуткая литература также необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли» (О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году) [Гоголь 1952: 156]. Рост газет, появление телеграфа, отмена предварительной цензуры на ежедневную прессу способствовали быстрому развитию журналистики как специфической сферы деятельности по формированию и распространению актуальной информации. Литературные отделы массовой печати конца XIX – начала XX в. закономерно попадают под влияние журнализма. Одним из ярких проявлений этого процесса служит массовый газетный тревелог.

В путевых очерках С.А. Кельцева образ Урала приобретает качество фотографически точного изображения, основанного на репортажной установке газеты. Уральское пространство, как никогда раньше, наполняется образами текущей социально-экономической жизни, а также приобретает новую динамику, связанную с органичным соединением репортажной стилистики и новыми скоростями механических (пароход, поезд) видов транспорта, которые начали осваиваться на Урале во второй половине XIX в.

5.2. Средний Урал в травелогах уральских журналистов и писателей конца XIX – начала XX в.⁸³

Провинциальные газеты, так же как и крупные общероссийские газетные издания рубежа веков, создают собственные литературные отделы. Давая характеристику одной из ведущих газет Урала начала XX в., Л.П. Макашина замечает: «Даже при беглом просмотре “Голоса Приуралья” изумляешься, как много места эта провинциальная... газета отводит вопросам литературы и искусства. На ее страницах были опубликованы новейшие произведения зарубежных авторов: А. Барбюса, Р. Роллана, Б. Шоу и отечественных писателей Л. Андреева, А. Куприна, А. Толстого, В. Короленко, В. Вересаева, В. Каменского, М. Горького. Газета неизменно откликалась на памятные даты в жизни писателей: Н. Некрасова, А. Кольцова, А. Плещеева, В. Гаршина, В. Белинского, Г. Успенского» [Макашина 1988: 20–21].

Литературные отделы провинциальных изданий сыграли важную, а для многих регионов и определяющую роль в становлении региональной литературы. Наряду со столичными печатались местные авторы, которые пробовали себя в разных жанрах, как собственно литературных, так и публицистических. Уральские газеты сформировали целую плеяду даровитых авторов – прозаиков, поэтов, переводчиков и критиков. Эта среда выдвинула яркие литературные имена, получившие общероссийскую известность. Среди них – Михаил Осоргин, чья литературная судьба началась в «Пермских губернских ведомостях».

Объем литературных материалов в местных газетах нередко достигал половины выпуска. Так, в распоряжение литературного отдела «Пермских губернских ведомостей» (далее – ПГВ), которые послужили одним из основных источников нашего исследования, были отданы подвал разворота

⁸³ Содержание раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. «Мы склонны больше изучать чужие земли, чужие народы, а на свое родное мало обращаем внимания»: «дорожная» литература Перми начала XX века // По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX – начала XX века /отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2023. С. 3–10.

газеты, а также большая часть третьей и четвертой полос.

Аналогичные процессы формирования местного авторства зафиксированы в исследованиях сибирской, одесской, новгородской периодики тех лет [Гольдфарб 2003; Иванова 2004; Сырова 2006; Мандрика 2007].

Существенную часть нарождающейся газетной литературы составили многочисленные и разнообразные по жанровой специфике отчеты о путешествиях. Обилие путевых очерков, заметок, набросков, записок и этюдов на страницах газетной периодики конца XIX – начала XX в. заставило современников говорить о формировании целого литературного направления, которое один из уральских критиков не без иронии назвал «дорожная литература». Предметом иронии Черномора – так подписывал свои критические выступления этот автор – послужили «мелочность наблюдений» и «либерально-интеллигентский скептицизм» [Черномор 2014: 2], которые преобладали в большинстве путевых описаний. Несмотря на это, статья Черномора стала свидетельством того, что путевые публикации превратились в заметное явление газетной периодики, со своим кругом авторов, читателей и даже критиков.

Среди всех литературных жанров местной периодики конца XIX – начала XX в. путевые очерки оказали самое большое влияние на процессы местной самоидентификации. Путевые заметки и этнографические очерки были первыми художественно-публицистическими жанрами местной газетной периодики. Еще до появления неофициальной части «Пермские губернские ведомости», которые оставались самым крупным изданием Перми вплоть до 1917 г., с удовольствием размещали на своих страницах путевые материалы. Авторами этих очерков были добровольные корреспонденты газеты. Например, ПГВ в 1891 году публиковали цикл путевых очерков «Экскурсии по верхнекамским дебрям: из записной книжки горного техника».

После открытия неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» поток путевых публикаций начал заметно увеличиваться. И если на первых порах встречались перепечатки и публикации столичных авторов, то к концу 1890-х гг. ПГВ сформировали собственный путевой отдел. Для него писали ведущие пермские журналисты и литераторы: Н.П. Белдыцкий, В.Я. Кричевский, Ф.А. Мейер, Н. Прус, А.Н. Скугарев, С.С. Геммельман и др., что определило достаточно высокий литературный уровень этих материалов. К пореволюционному периоду регулярность публикаций увеличивается, жанровая палитра путешествий обогащается.

Постепенно в этих публикациях складывается своеобразная литературная карта устойчивых маршрутов. В рамках каждого направления формируется повторяющийся набор значений и образов пространства, которые закреплялись в представлении о Среднем Урале. Этот процесс взаимодействия пространства и повествования сродни тому, о котором говорила Е.К. Созина, размышляя о специфике формирования «лица автора» в уральской литературе конца XIX в.: «Тип пространства, претворяясь в геопоэтику текста, становится обязательным атрибутом авторского лица» [Созина 2007: 14]. В путевой литературе эта связь становится конструирующей. Ландшафт местности, определяя характер передвижения, влияет на способ восприятия окружающих реалий, что на уровне текста воплощается в приоритете тем, персонажей, жанровых форм, авторских амплуа. Остановимся на характеристике основных маршрутов, сложившихся в путевой очеркистике местных авторов конца XIX – начала XX в.

Северное, самое представительное, направление было связано с путешествиями по Колве и Вишере. Заметим, что эта часть Северного Прикамья, особенно вишерский вектор, раньше не так часто становилась предметом путевых описаний. Поэтому местные травелоги по большому счету послужили литературным открытием этих мест. Северные травелоги влились в русло классического этнографического и бытового очерка.

Мотивы этих путешествий были связаны с общим движением российских литераторов второй половины XIX в. вглубь России. «Не помню сейчас, – пишет автор, скрывшийся под инициалами С.А.Н., – за который год в одном из солидных наших ежемесячных журналов выдающийся писатель заметил, что мы, русские, склонны больше изучать чужие земли, чужие народы, а на свое родное почему-то мало обращаем внимания. Истина этого замечания справедлива: Азия, Африка, а про Америку и говорить нечего, действительно, каждому почти русскому интеллигентному человеку больше известны, чем не только одна из отдаленных от него губерний, но даже один из отдаленных от него уездов» (С.А.Н. По Чердынскому уезду: Наброски по личным впечатлениям) [С.А.Н. 1895: 2].

На волне этого интереса и успешного опыта Д.Н. Мамина-Сибиряка (имея в виду его путевые очерки «От Урала до Москвы» (1881–1882), «В камнях» (1882), «Бойцы» (1883), «Старая Пермь» (1889) и др.), на которого пермские авторы путевых очерков нередко ссылались, региональные литераторы как будто осознали, что локальный материал может стать предметом литературного творчества. Местный ландшафт, а именно малоисследованный уральский север, давал обильный материал для описания глухих уголков России.

Путешествие на север было связано с кибитками и санями, переправами, иногда с пешими переходами и сплавами на подручных средствах. Невысокая скорость передвижения определяла своего рода статичность рисуемого пейзажа: виды менялись нечасто, преобладало описание открывшейся за «стеной леса» панорамы, как правило, это были долина реки или вид на горы, а чаще то и другое вместе. Вот один из характерных фрагментов подобного путешествия: «Под несмолкаемый звон колокольчиков, на паре лошадей, в обычном здесь коробке, покати по земскому тракту в направлении к Верх-Язьве. Первая станция – село Губдор в 23 верстах от города. Дорога и погода чудные. Конец мая и мощная зелень берез и придорожных кустов развернулась во всей красе...

Снова раздвинулся лес и перед нами предстала деревенька Ябурова в 18 дворов. С этого пункта открывается дивный вид на Помяненный камень, отрог Урала. До этого камня от Ябуровой по прямой линии верст 20–25, и он виден весь со своими причудливыми вершинами, со сверкающим снегом в впадинах.

Гордо возносятся навстречу голубому небу эти прихотливые вершины и отдельные скалы, то в виде столбов, то пирамид, то острых пик, которые рельефно выделяются на голубом фоне. Вместе с горами и сам как бы приближаешься к небесам. Простым глазом видно, как зеленая полоса лесов кончается, начинается серая масса известняка, кое-где, в углублениях, покрытая пятнами сверкающего белого снега. От самой Ябуровой до подножия камня идет непроницаемая стена хвойного леса. Воздух чист и ароматичен.

Насилу отрываюсь от этой величественной картины и продолжаю дальнейший путь. Снова лес поглощает нас, и снова он расступается перед деревенькой Бычиной на берегу той же р. Язьвы» (Прус Н. В предгориях Урала: наброски карандашом) [Прус 1906: 2].

В группе северных путешествий представлено последовательное развитие авторской репрезентации – от традиционного амплуа исследователя-этнографа до более актуальной роли туриста. Николай Петрович Белдыцкий (1869–1928) демонстрировал установку на пытливого наблюдателя-исследователя. Ему интересны человеческие типажи и нравы, история, экономика и культура места. Он общается с местными, пытается включиться в жизнь тех людей, о которых пишет. Федор Андреевич Мейер (1851–1918), путешествующий к святым местам, тем не менее, предстает как абсолютно светский турист, осознающий свою дистанцированность от описываемого. Постоянный корреспондент ПГВ служащий из Чердыни Н. Прус, целью своего путешествия выбравший раскольническую Пудьву, в основу отчетов положил описание мощи окружающей природы и локальную мифологию. Автор предстает, как бы сказали сегодня,

экстремальным туристом, путешествующим в поисках приключений и острых ощущений.

Направление путешествия определяло не только специфику точки зрения и авторское амплуа, но и выбор персонажей. Ключевыми героями северных путешествий становятся необычные персонажи: представители коренного населения Урала – коми-пермяки и манси, а также раскольники.

Северные путевые отчеты закрепили в образе Пермского края темы красоты северной природы, связанные с описаниями пармы, скал и быстрых горных рек (Вишеры прежде всего); древности, восходящей к истории коренного населения края, язычества и раскольничества. Вот как эти мотивы переплелись в описании Н. Пруса: «Конечно, не эти фантастические рассказы служили для меня толчком к посещению Пудьвы, а желание увидеть еще мало тронутую нашей культурой девственную природу севера, непроходимые лесные дебри, вершины нашего милого Урала, убранные сверкающим чистым снегом, послушать журчание горных речек с холодной кристальной водой, помечтать под шепот смолистых сосен, и наконец, отдохнуть от лжи и условностей городской жизни среди простых и доверчивых обитателей лесных деревень» [Прус 1906: 2].

Другой крупный вектор путешествий был связан с Камой и пароходами. В описаниях камского путешествия, как уже отмечалось при характеристике пароходного дискурса, доминирует неторопливое, фланерское повествование, сродни кинематографической фиксации. При описании вида с парохода очеркисты пользуются глаголами со значением динамики действия и специфической терминологией, впоследствии ставшей кинематографической:

«Еще далее – лес стал отступать на второй план. На горизонте мелькали поля и поля. Взор с удовольствием тонул в необъятной дали плоского берега. Вот показалась Елабуга, показалась как-то сбоку. Город этот стоит в неглубокой ложине, слегка прикрытой с двух сторон возвышенностями.

Вид довольно приятный. Перед глазами открывается на первом плане три церкви, а затем целый ряд каменных строений и домов весьма внушительных размеров...

Далее, в глубине, видна еще церковь меньших размеров, а впереди ее длинное каменное строение, с чернеющими входами – “гостиный двор” несомненно» (Н. Б-ов. По Каме и по Волге: (Дорожные наброски и заметки) [Б-ов Н. 1898: 2].

Одним из существенных отличий внутренних пароходных очерков от камских травелогов, написанных приезжими авторами, становится обратный вектор движения. Пермские путешественники описывают поездку, которая начинается в их родном городе и заканчивается, как правило, в месте впадения Камы в Волгу. Этот разворот имеет принципиальное значение для формирования образа Урала. Отправной точкой для оценки увиденного становится общая для автора и читателя идентичность. Общая идентичность позволяет избежать постоянного сопоставления с внешним пространством – внимание сосредоточено на внутренних связях местной жизни. Так, в цикле путевых очерков пермского журналиста и писателя А.А. Городкова, опубликованном в столичном журнале «Светоч и дневник писателя», Кама становится главной магистралью Западного Урала, связывая ключевые символические пространства – от исторических Нырба и Чердыни до солеваренных Усолья и Березников, затем губернская Пермь и заводская Мотовилиха, Оса и башкирское Прикамье, хлебные пристани за Частыми и старинные города периода русской колонизации Казанского царства в нижнем течении Камы. Очерк выполнил роль собирателя прикамского пространства, представив Каму в качестве символической красной линии, связавшей ключевые вехи истории и культуры Урала.

Еще одним открытием местных пароходных травелогов становится описание пароходной прогулки – небольшого путешествия по Каме до ближайших от Перми окрестностей. Пароходные прогулки вошли в моду

благодаря развитию городского речного транспорта, послужив новым видом летнего развлечения пермяков. Под пером местных журналистов эти прогулки нередко превращались в злободневный репортаж, связанный с критикой местных проблем. Репортажностью отличаются, например, заметки о первой поездке на пароходе до Курьи (Наблюдатель. Первое путешествие в Курью. ПГВ. 1906. 23 апреля. С. 3) и прогулке по рецепту врача (Незаметный. Прогулка по рецепту врача. ПГВ. 1909. 20 сент. С. 2). Формула «На первом пароходе» стала обязательной для весенних выпусков пермской прессы. Под таким названием появлялись традиционные репортажи об открытии навигации.

Интересно, что традиция описания речных путешествий стала предметом ироничной рефлексии местных журналистов. В 1906 г. известный пермский журналист Александр Николаевич Скугарев (1870–1912) пишет веселую пародию на пароходное путешествие вниз по Каме:

«Постепенно становилось всё более и более далеким то “пермское”, которое таким неодолимым гнетом ложилось на мою душу и, как паутиною, облепляло меня пошлой суетой бесцветного, полусонного существования...

Прощай, проза, здравствуй, поэзия! Я вздохнул полной грудью и заплакал, заплакал жуткими и радостными слезами свободы, словно узник, выпущенный на волю.

На оханской пристани мое внимание привлекли четыре дамы в шляпках, судейский кульбик, два студента, дама в платке, но с изящным несессером, замечательно картинный унтер-офицер, поп, дрова и бараны. Больше ничего замечательного не удалось увидеть, если не считать оханских кренделей и лепешек, которые оказались отменно вкусными» [Скупой Гальба 1906: 2].

В этом фрагменте чувствуется авторская ирония и над мелкотемьем путевых заметок, и над характерными для путевого описания пейзажными клише, и над расхожими поэтическими образами, в которых смешались романтические и декадентские штампы. Между тем пародийное начало

этого травелога не помешало А.Н. Скугареву написать классический очерк, не лишенный точных наблюдений и выразительных оценок. Более того, очерк заканчивается искренним признанием в любви к покинутой Перми.

Ведущим авторским амплуа в речных путешествиях становится автор-турист, автор на отдыхе – летнем или воскресном. В репортажных прогулках, соответственно, актуализируются журналистские установки, связанные с критикой местных злоб.

Речные путешествия вводят в пермский литературный контекст представителей пароходного сообщества: пермских капитанов и моряков, грузчиков, а также пароходной публики – подгулявшего купца, бедного студента. Правда, нужно заметить, что последних не очень много: пароходный быт описан достаточно бегло. Главным героем этих отчетов становятся река и окружающий ландшафт. Темой для обязательного обсуждения, конечно же, служит волнительный для пермяков сюжет сопоставления Камы и Волги. Чаще всего подчеркиваются широта и мощь красновато-желтых вод Камы и поражающее на контрасте сложившегося представления и реальности мелководье зеленоватой Волги.

Речная тема уральских путешествий по-новому раскрывается в травелогах, посвященных поездкам на Белую гору по реке Сылве и сплаву по реке Чусовой. Эти травелоги задают восточную, горнозаводскую траекторию уральского пространства, но в отличие от железнодорожных путешествий в Зауралье сохраняют свою органичную связь с Камой. Впервые становится самостоятельным предметом описания Сылва – «лесная артерия» и младший двойник Чусовой. Путешествие по Сылве на пути к Белогорскому монастырю стало для известного тюменского предпринимателя и журналиста Николая Мартемьяновича Чукмалдина (1836–1901) неожиданно ярким знакомством с прикамским Уралом: это мощные скалы, темные густые леса, зажиточные деревни и заводы, богатый торговый Кунгур и Белая гора – «духовный приют» и природное «чудо Западного Урала».

Очерк В.М. «По реке Чусовой (Впечатления туриста)» примечателен развитием темы уральских сплавов, которая складывалась в путевых отчетах приезжих ученых и литераторов XVIII–XIX вв. и получила свое художественное воплощение в знаменитых очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка «В камнях» и «Бойцы». «Если бы река Чусовая находилась где-либо за границей или хотя бы около наших столичных центров, то, несомненно, нашлись бы такие предприимчивые люди, которые организовали бы по ней весенние сплавные рейсы для любознательных путников, любителей природы и сильных ощущений и вообще туристов, и несомненно также, что подобные весенние поездки по этой редкой по красоте и исключительной своими особенностями реке привлекали бы массу путешественников, как их ежегодно привлекает какая-нибудь сравнительно жалкая Иматра или известный Рейнский водопад (Райнфаль) в северной Швейцарии, близ города Шафгаузена», – так описывает туристическую привлекательность Чусовой автор записок этого путешествия [В.М. 1909: 1]. Сплав по реке Чусовой, тем самым, предстает в качестве не просто локальной, но мировой достопримечательности, отражая формирование самодостаточного геокультурного статуса уральского пространства.

Еще один устойчивый вектор пермских путешествий связан с поездкой по железной дороге на восток – от Перми до Нижнего Тагила, Невьянска, Екатеринбурга и Надеждинского завода.

Во внутренних железнодорожных травелогах проявляются те же особенности железнодорожного путешествия, которые были отмечены раньше. Для них характерны быстрая смена картинки, экспрессивные глаголы и синтаксические конструкции. Поезд заставляет экспериментировать авторов с еще более динамичной, чем в паровозных травелогах, стилистикой. Картинка меняется очень быстро, за окном мелькают уже не только пристани и заводы, но и целые населенные пункты: «Около нобелевской платформы мы потеряли, на время, Каму из виду, но дальше опять те же картины: Левшино – в воде, Ляды – в воде, Сылва – в

воде, и везде, где путь проходил вблизи Камы и Сылвы, вы видите громадный разлив: острова, кусты, стога, избы – всё затоплено, и вода несет свои жертвы, среди которых и дрова, и бревна, и вымытые с корнями деревья, и снесенные крыши и разный домашний скарб...» (Скупой Гальба. Из летних экскурсий: На разлив) [Скупой Гальба 1902: 2].

Персонажная структура железнодорожного путешествия включает не так много действующих лиц: это кондуктор и вокзальный сторож, которые функционально сближаются с образами камских капитанов и матросов из парходных отчетов. Однако, в отличие от последних, железнодорожники лишены героического ореола – нередко они предстают в сниженном, фельетонном описании.

Авторы железнодорожных путешествий чаще всего пишут от лица «журналиста на задании», поэтому здесь преобладают прагматические установки. Так, например, один из первых пермских «железнодорожных» журналистов-путешественников Сергей Сергеевич Геммельман (1877–1938), рассказывая о поездке по Богословской дороге, рассуждал о «достаточной балластированности», что приводило к «упругому приседанию вагонов на рессорах» и «неимоверному качанию» (По Богословской дороге) [С.Г-н 1906: 3].

Путевые рассказы о путешествиях по железной дороге акцентируют внимание на горнозаводских особенностях уральского ландшафта. За окнами поезда путешественники чаще всего наблюдают горный и заводской пейзаж: «Вся дорога идет по девственному лесу, местами выжженному постоянными лесными пожарами, местами дикому и запущенному. Но вот лес начинает редеть, всё больше и больше вырубленных пространств, и наконец открывается огромная ровная площадь, на которой не осталось ни одного дерева, а только торчат из земли голые пни и вдали виднеется громадный Надеждинский завод и широко раскинувшийся поселок. Большинство домиков чистенькие, похожие друг на друга, как родные братья. Громадные трубы с клубами черного дыма, высокие домны,

выбрасывающие снопы пламени, – всё это господствует над окружающей местностью» [Там же].

Местные зауральские очерки, таким образом, становятся частью многочисленных железнодорожных тревелогов, включаясь в процессы формирования железнодорожного дискурса уральской литературы.

Местные тревелоги расставляют новые акценты в изображении национальных регионов Урала. В описаниях жизни коренных народов начинает звучать тема внимательного отношения к Другому. Так, благодаря циклу путевых очерков «Пермская Башкирия» С.С. Геммельмана читатели «Пермских ведомостей» учились внимательному отношению к соседу и понимаю того, что за обобщенным представлением об «инородцах» стоит самобытная культура и богатые традиции.

В целом «дорожная литература» превратилась в достаточно обширную и разнообразную по своим темам и стилистике сферу газетной публицистики. Главной ее заслугой стало участие местных авторов в литературном освоении пространства Пермского края. До этого времени Пермь была описана в основном приезжими литераторами. Газетная публицистика не только закрепила специфические пространственные значения, сложившиеся в представлении местного сообщества, но и начала вырабатывать язык их литературного описания. В частности, пермская «дорожная литература» сформировала несколько крупных повествовательных типов, характер которых определялся природной и культурно-исторической спецификой прикамских и зауральских ландшафтов.

5.3. Образ Перми в жанре городских прогулок конца XIX – начала XX в.

Развитие ежедневной газетной периодики рубежа XIX–XX вв. было тесно связано с ростом городов. В.П. Семёнов-Тян-Шанский в своем исследовании «Город и деревня в европейской России: очерк по

экономической географии» отмечал, что во второй половине XIX в. заметно увеличивается городское население, особенно в промышленных регионах страны [Семёнов-Тян-Шанский 1910: 78]. Прогулка – это характерный для города тип проведения свободного времени, устойчивая практика, связанная с особенностями городского пространства и городским образом жизни.

Значение прогулки в качестве специфической для города практики впервые было осмыслено Вальтером Бенямином в его работах, посвященных Бодлеру и феномену фланерства⁸⁴ [Беньямин 2015]. Беньямин связывает явление фланерства с ростом городов и появлением городских пространств для неспешного блуждания и разглядывания. Смысл прогулки, по мнению Бенямина, восходит к попытке преодолеть отчуждение, свойственное жителю большого города, посредством эстетического присвоения.

Идеи Бенямина были подхвачены урбанистами конца XX в. Самым значительным исследованием прогулки как городской практики является работа Мишеля де Серто «По городу пешком»⁸⁵. Противопоставляя прогулку отношению к городу как концепту, Де Серто говорит о формировании новой спатальности, или «антропологического», поэтического и мифологического пространства [Де Серто 2008: 26]. Прогулка, по аналогии с речью, называет, связывает и означает пространство, тем самым создавая его.

Социальный эффект прогулки, как отмечает С.В. Соловьева, связан с «экзистенциальным опытом близости»: «прогулка делает предметы соразмерными человеку, его телу, его шагу, его физической силе» [Соловьева 2012: 90]. В ситуации быстрого роста городов этот опыт оказывается жизненно необходимым. Происходит формирование социального запроса на адаптацию горожан к изменениям городской среды:

⁸⁴ Работа над книгой о Бодлере велась В. Бенямином в 1937–1940 гг.

⁸⁵ Опубликовано в книге «Практика повседневной жизни» (1980).

повышению высотности зданий, увеличению плотности населения, усилению транспортного потока, внедрению механической техники. Городская периодика конца XIX – начала XX в. превращается в информационно-коммуникативную сферу, которая помогала городскому сообществу решать эти проблемы и формировать свою идентичность. Прогулка по городу становится одним из жанров новой журналистской сферы, соединяя в себе новостные установки ежедневной периодики с приемами путевого повествования.

Прогулка по городу была достаточно привычным типом описания в путевом очерке, начиная с «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина [Карамзин 1797–1801]. Повествование в форме прогулки опиралось на репортажность, активность комментариев по поводу маршрута движения (прошли, повернули, остановились), попадание в сферу внимания прогуливающегося автора примет повседневной жизни горожан. Однако выделение этого типа повествования в самостоятельный жанр происходит уже в конце XIX в. благодаря развитию массовой периодики, прежде всего городских газет.

Описание движения по городу оказывается органичной формой для рассказа о городских новостях. Главными жанровыми формами этого повествовательного типа становятся репортаж и репортажный очерк, законодателем которого принято считать В.А. Гиляровского. Для региональной периодики более характерными оказываются небольшие форматы городских репортажей, чаще всего юмористического свойства. Такие прогулки появлялись в традиционных для газет того времени фельетонных рубриках «Маленький фельетон», «На злобу дня», «На лету» и др.

Юмористический городской фельетон включился в обсуждение городских новостей, представляя собой живую иллюстрацию местной хроники. Он позволял легко и ненавязчиво рассказать о городских новостях и текущих городских проблемах. Необходимость постоянного наполнения

фельетонной рубрики заставляла журналистов искать новые формы повествования. Одной из таких форм стала прогулка по городу.

С точки зрения журналистской прагматики прогулка по городу позволяла журналистам разнообразить форму представления городских новостей. Прогулка органично включала читателя в тему: фельетонист становился одним из горожан, который на себе испытывал последствия насущных городских проблем. Прогулка воспроизводила привычную для жителей города ситуацию, и читатели охотно включались в предложенный сюжет. Так, фельетонист Гамма, отправившись на вечернюю прогулку по осенней Перми, потерял в грязи галошу и вынужден был возвратиться домой [Гамма 1903: 4]. В другом фельетоне *Little man* рассказал о своей прогулке по берегу Егошихинского оврага, разделяющего центр города и рабочий поселок Мотовилиха, где столкнулся с местными хулиганами [Little man 1901: 3].

Помимо рассказов от первого лица, встречаются фельетоны, в которых воспроизводится состояние прогулки. Так начинается стихотворный фельетон Гаммы о ледоходе на Каме:

Взглянуть на Каму всяк стремится:

С утра до вечера толпится

В загоне радостный народ

И смотрит, как проходит лед... [Гамма 1906: 3]

В этом фельетоне выразительно проявилась основная цель прогулки как специфической городской практики – наблюдение, которое становится самодостаточным развлечением. Отметим при этом, что стихотворная форма, которая часто использовалась фельетонистами, также способствовала превращению городской повседневности в «поэтическое пространство».

Устойчивым вариантом прогулочных фельетонов являлась прогулка во сне, которая оправдывала бесцельность фланирующего движения и позволяла соединить городские локации, которые были связаны с темами

фельетона. Мишель де Серто отмечал органическую близость прогулки по городу и прогулки во сне: «Теперь, очертив аналоги шагов пешехода в сфере лингвистики, мы можем сравнить их и с онейрическими фигурами, или, по крайней мере, увидеть, чем движение по городу схоже с прогулками во сне» [Де Серто 2008: 32]. Эта связь, по мнению Де Серто, подчеркивает поэтический, означающий характер прогулки. Прогулка не только отражает, но и воображает город, выделяя одни локации, стирая другие, а также выстраивая связность пространства.

Основными дискурсивными источниками фельетонного образа города оказываются городские номинации и нарративы: неофициальная топонимика, местные байки и легенды. Например, в сновидческом фельетоне В. Гукса [Гукс 1902: 3] прогулка проходит по центральным улицам предрождественской Перми: герой движется по Сибирской улице к Каме, оказывается в Биржевом сквере, заходит на городской бал и снова возвращается в Биржевой сквер. При этом рассказ наполнен неофициальной топонимикой и комментариями по поводу специфической репутации этих мест. Так, Сибирская называется улицей дам «фельетонного направления», дом пермского пароходчика Н.В. Мешкова именуется подъездом с кариатидами, Биржевой сквер – «Козьим Загоном». Фельетонная прогулка фиксирует неофициальную семиотику города, обращаясь к живой самоидентификации пермяков.

Фельетонные прогулки используют не только комические, но и лирические краски. Один из фельетонов Сирина, построенных в форме воображаемой прогулки, например, посвящен ностальгическому воспоминанию о старой Перми [Сирин 1916: 3]. Вспоминая былые времена, автор говорит о приятных сердцу приметах родного города: чистеньких домиках с цветущими растениями на окнах, острых на слово, но сговорчивых извозчиках, городских чудаках – преподавателях местной гимназии, одноэтажных пароходиках на Каме, постоянно попадающих на мель. В этом лиро-ироническом фельетоне выразительно проявляется

основной принцип прогулки как особого способа восприятия города: физическое пространство наполняется субъективными ощущениями и воспоминаниями, превращаясь в эстетически значимый образ. В образе, созданном автором этого фельетона, Пермь представляется провинциальным, но уютным городом, стоящим на большой реке. Лирические фельетоны заставляли горожан по-новому взглянуть на себя и на город. Эффект остранения, возникающий в процессе такого восприятия, запускает механизмы воображения и самоидентификации, важные для жизни городского сообщества.

В качестве одной из форм путешествия прогулка имеет точную маршрутизацию и, даже в своих онейрических формах, обращается к реальному городскому пространству. Выстраивая злободневные сюжеты по маршруту прогулки, фельетонисты создают картографически точный образ города. Однако эта картография имеет направленный и оценочный характер. Попадая в поле зрения фельетона, городское пространство становится предметом комического разыгрывания и образного осмысления. Симптоматичной в этом отношении кажется реплика о газетном фельетоне В. Бенямина в середине XIX в., который еще до появления физиологического очерка, сделавшего город одной из главных тем литературного творчества, активно использовал прием «превращения бульвара в интерьер» [Бенямин 2015: 39].

В отличие от других газетных жанров городские прогулки делают город не просто местом действия злободневных событий, а самостоятельным предметом описания. В фельетоне-прогулке происходит литературное освоение городского пространства, которое опирается на живую городскую речь и неофициальную семиотику. В целом можно рассматривать юмористические прогулки конца XIX – начала XX в. как разновидность травелога, сформировавшуюся в новой журналистской сфере – городской газете.

Выводы по пятой главе

1. Газетные тревелогии конца XIX – начала XX в. представили новые подходы к описанию уральского пространства, которые определялись характером функционирования массовых газет как источника оперативной социальной информации. Анализируя цикл уральских очерков С.А. Кельцева из «Московских ведомостей», мы показали, что акцент на текущих проблемах и репортажность газетных материалов способствовали повороту внимания путешественников к современной жизни Урала. Образы делового, промышленного Урала вновь вышли на первый план путевых описаний. Кроме того, газетная публицистика в значительной степени способствовала формированию железнодорожного дискурса уральских тревелогов: репортажный, быстрый ритм газетного повествования совпал с динамикой железнодорожного путешествия.

2. Благодаря развитию региональной газетной печати складываются постоянные рубрики, посвященные путешествиям местных авторов по внутренним областям Урала. Локальные тревелогии намечают новые маршруты на литературной карте Урала, проявляя ранее не освоенные пространства. Пермские тревелогии представляют выразительные образы вишерского Урала, Сылвы, Белой горы, Северного Зауралья, «пермской» Башкирии. Кроме того, местные тревелогии способствовали формированию новой аксиологии уральского пространства, поскольку не сравнивали его со столицей. В отличие от внешних авторов, местные журналисты и писатели представили не сопоставительный, а сосредоточенный на поиске собственной идентичности уральское пространство.

3. Городские газеты этого периода вводят в сферу отечественного тревелога еще одну устойчивую жанровую разновидность путевых текстов – прогулку по городу. Выстраивая злободневные сюжеты по маршруту прогулки, фельетонисты создают картографически точный образ города. Однако эта картография имеет направленный и оценочный характер. Попадая в поле зрения фельетона, городское пространство

становится предметом комического разыгрывания и образного осмысления. Городское пространство получает в фельетоне детализированное и связанное отражение, опирающееся на неформальную топонимику, эмоциональный опыт и живую речь горожан.

Глава 6. Образ Урала в путеводителях и на почтовых открытках конца XIX – начала XX в.

Развитие массового туризма на рубеже XIX–XX вв. сопровождалось выходом большого количества путеводителей, в том числе региональных. Путеводители, опираясь на литературную традицию представления территории, активно включают материалы путевых очерков и приемы описания пространства, представленные ими. Постепенно формируется новый тип травелога, в котором складываются свои подходы к представлению пространства, сориентированные на привлечение туристического внимания.

Другим влиятельным жанром в сфере массового туризма становятся почтовые открытки, выполняющие сходные с путеводителями функции по формированию аттрактивных туристических образов. Эти образы не только воспроизводят сложившиеся, в том числе в сфере литературных описаний, представления о регионе, но и влияют на них, расставляя свои акценты в конфигурации пространственных доминант.

Данная глава исследования посвящена характеристике образа Урала, который складывается в путеводителях и смежном с ними жанре туристической сферы – фотографических почтовых открытках.

6.1. Нарративы в уральских путеводителях конца XIX – начала XX в.⁸⁶

На Урале первые путеводители были изданы известным журналистом, краеведом, настоящим знатоком Урала Виктором Александровичем Весновским. Биография В.А. Весновского примечательна как история жизни яркого представителя передовой части провинциальной журналистики. В.А. Весновский (1873–1933) родился в Костромской

⁸⁶ Содержание данного раздела представлено в публикации: Власова Е.Г. Нарративизация пространства в первых путеводителях по Уралу // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 175–188.

губернии, учился в Костромской духовной семинарии, в 1893 г. окончил земскую школу лекарских помощников в Казани. В этом же году приехал на Урал, служил земским фельдшером в Талицком, Полевском, Верхне-Сергинском заводах Пермской губернии. С 1894 г. началось его сотрудничество с поволжскими и уральскими периодическими изданиями: он писал о тяжелых условиях труда и быта уральских мастеровых. Работая над корреспонденциями, много читал об Урале: знакомился с историей региона и горнозаводской промышленности [Алеврас 1993]. С 1897 по 1906 г. он живет в Екатеринбурге, работая сначала секретарем редакции «Урала», а затем соредактором прогрессивной газеты «Уральская жизнь». В 1906 г. Весновский переехал в Челябинск, где организовал первую общественно-политическую газету «Голос Приуралья». Газету не раз штрафовали и приостанавливали, а в 1910 г. Весновский был осужден на год лишения свободы за призывы к свержению власти. После освобождения он переезжает в Пермь и работает секретарем редакции «Пермских губернских ведомостей». В советские годы занимается краеведением: состоит членом Пермского общества краеведения, краеведческого музея, кружка по изучению Северного края при Пермском университете, работает на Пермской экскурсионной станции и продолжает сотрудничать с газетами и журналами.

В 1899 г. по инициативе Весновского и в основном по его материалам издается первый путеводитель по Уралу [Путеводитель по Уралу 1899]. Он открывает целую серию путеводителей, которые В.А. Весновский издавал в течение всей своей жизни. Всего им было написано и выпущено не менее десяти авторских путеводителей и справочников, посвященных как всему Уралу, так и отдельным его регионам [Весновский 1902а; 1902б; 1903; 1904; 1909; 1912; 1913, 1915; 1916; 1926а; 1926б; 1926в].

Появление жанра путеводителя в творческой биографии Весновского выглядит как органичное воплощение его личностных качеств и сложившихся жизненных обстоятельств: работая земским фельдшером, он

много путешествует; как заядлый путешественник, много наблюдает и подмечает; благодаря активному общественному темпераменту старается сделать увиденное полезным для местного сообщества и приходит в журналистику; обладая практической хваткой, умеет находить инвестиции для реализации своих издательских проектов. Путеводители, в отличие от краеведческих справочных изданий, которые регулярно публиковались во второй половине XIX в. благодаря деятельности губернских статистических комитетов, ориентировались на прикладные задачи по информационному сопровождению путешественника-туриста. Возникает принципиально иная коммуникативная ситуация, в которой акцент ставится на взаимодействие с читателем. В этом отношении как нельзя кстати оказываются журналистские приемы создания текста, которыми В.А. Весновский по роду своей второй профессии владел в совершенстве.

Подобное стечение обстоятельств отнюдь не было исключением на фоне общих процессов, происходивших в сфере литературного творчества рубежа веков. Интенсивное развитие массовой печати сопровождалось формированием нового литературного поля: складывался новый тип автора – «журналиста-практика» [Летенков 1988: 103] и новые прагматические функции литературного творчества, связанные с прикладным характером взаимодействия с читателем. Путеводители явились одним из прикладных жанров массовой литературы и призваны были обеспечить потребности развивающегося массового туризма.

В пространстве провинциальной культуры такие прикладные литературные жанры сыграли исключительно важную роль. Так, большие художественные формы пришли в уральскую литературу только с именем Д.Н. Мамина-Сибиряка, до этого она развивалась на основе малых жанров печатной периодики. Впрочем, периодическая печать и малая литература продолжали оставаться ведущей формой уральской и в целом провинциальной литературы еще долгое время. В очерченном контексте путеводитель может рассматриваться как один из жанров словесного

творчества, который органично влился в число распространенных форматов местной литературы и стал важной частью литературной самоидентификации региона. По мнению исследователя И.И. Руцинской, туристические достопримечательности, представленные в путеводителях, фиксируют, структурируют и визуализируют ключевые значения пространства, сложившиеся в данную культурно-историческую эпоху [Руцинская 2011а].

На наш взгляд, роль путеводителя не ограничивается констатацией значений, но простирается в сферу воображения. Для того чтобы некий потенциальный туристический объект стал достопримечательностью, он должен обладать качествами аттрактивности, и в этом отношении на помощь приходит динамично рассказанная история. История предполагает наличие героя и события, которое должно вовлечь в переживание и вызвать желание побывать на месте действия. Следовательно, путеводители закономерно начинают осваивать нарративные модели повествования, позволяющие превратить туристическую информацию в увлекательный рассказ. Подчеркнем, что в данном отношении мы исходим из понимания нарратива как «последовательности изложенных, рассказанных, явленных в определенном коммуникативном акте событий» [Силантьев, Созина 2013: 60].

Учитывая документальный характер путеводного жанра, при анализе мы будем опираться на общее понимание коммуникативной миссии нарратива, связанной с «двойным ландшафтом»: «ландшафтом действия», который включает хронотоп, действующих лиц, цель и средства их достижения, лежащие в основе события, а также «ландшафтом сознания», состоящим из мыслей, чувств и переживаний персонажей [Bruner 2004: 698]. Благодаря наложению этих ландшафтов нарратив обладает особой воздействующей способностью, которая направлена на вовлечение в переживание. В опоре на характеристику ландшафта действия можно достаточно четко выделить те предметно-тематические области

путеводителя, которые чаще всего представлены в виде нарративов, а затем определить устойчивые психологические приемы воздействия на читателя, использованные в этих повествованиях.

В принципе, любой мемориал, сопровождающий идентификацию достопримечательности, тяготеет к нарративной репрезентации. Говоря о механизмах формирования достопримечательностей, И.И. Рущинская заметила, что они «представляют собой смесь научных и обыденных, достоверных и вымышленных фактов, своеобразную компиляцию письменных и устных источников, которая со временем превращается в каноничную схему максимально сжатого рассказа, бытующего в территориальном (локальном) социуме и фиксирующего внимание на самых значимых сторонах того или иного артефакта» [Рущинская 2011б: 22]. Однако отметим, что нарративизация в путеводителе имеет более сложную природу, затрагивая разные уровни текста, в том числе его композиционную основу.

Направляя читателя по определенному маршруту, путеводитель не просто собирает основные значения пространства, но предлагает хронологическую и содержательную последовательность знакомства с ним. Маршрут, лежащий в основе композиционного построения путеводителя, связывает отдельные локусы и значения, придавая сюжетную целостность пространству. При этом путеводители демонстрируют высокую степень объективизации этого повествования, что заставляет воспринимать их как сложившуюся данность, обладающую некой законченностью.

В предисловии к первому путеводителю, изданному в 1899 г., В.А. Весновский так комментирует рекомендуемый маршрут знакомства с Уралом:

«Маршрут объезда и осмотра Урала принят в “Путеводителе” следующий. Начальным пунктом взято устье Камы. Описывая все города, заводы и сёла, лежащие по обеим берегам этой реки, “Путеводитель” доводит туриста до г. Перми. Отсюда “Путеводитель” направляет

путешественника по реке Сылве на г. Кунгур, а затем вверх по реке Каме на гг. Соликамск и Чердынь. Из Соликамска “Путеводитель” пересаживает туриста в вагон Луньевской ветви Пермь-Тюменской железной дороги и доводит его до станции “Чусовая” – конечного пункта этой ветви. Далее “Путеводитель” дает описание всех заводов, расположенных близ линии Пермь-Тюменской железной дороги, от г. Перми до станции Кушва. Здесь “Путеводитель” оставляет железную дорогу и делает поворот на север по так называемому Богословскому тракту и описывает г. Верхотурье, рудники и прииски, расположенные здесь, и, дойдя до крайнего северного селения Никито-Ивдельского, возвращает путешественника обратно на станцию Кушва. Отсюда идет описание всех заводов, лежащих по линии железной дороги до Екатеринбурга, а также следует описание и самого города. Из Екатеринбурга “Путеводитель” направляет туриста по Большому Сибирскому тракту на Красноуфимск и дает описание всех заводов, расположенных по тракту и близ его. Далее “Путеводитель” вновь садит путешественника в вагон железной дороги и дает описание городов, заводов и сёл, расположенных по линии Екатеринбург – Тюмень, причем попутно дает описание и города Ирбита, известного своею ярмаркой. Наконец, “Путеводитель” дает описание заводов, сёл и деревень, расположенных по линии Екатеринбург – Челябинск Пермь-Тюменской железной дороги, а затем дает также описание всего того, что заслуживает внимания путешественника и расположено по линии Челябинск – Златоуст – Уфа» [Путеводитель по Уралу 1899: III–IV].

На этом маршруте Каме отведена особая роль. Она служит не только воротами Урала, но и средоточием основных значений уральского пространства. Образ Камы осенял уральский ландшафт и направлял впечатление путешественника:

«Река Кама – естественный и самый старинный путь на Урал. Кроме того, Кама играла и продолжает играть весьма важную роль в жизни горнозаводского Урала. Поэтому, приступая к указанию пути по Уралу,

прежде всего мы дадим подробное описание Камы, ее главных притоков, лежащих на ней городов, сёл, заводов и деревень» [Там же: 1].

Иной подход к развертыванию пространства предлагается в путеводителе 1904 г. В этом бедекере Урал был представлен как регион, который сложился вокруг доминирующего центра – Екатеринбурга:

«Центром тяжести всех путешествий по Уралу является “столица Урала” – Екатеринбург. Поэтому город этот и принят в “Путеводителе” за средоточие, к которому как бы направляются все течения; остальные города и местности Урала описаны в порядке расположения их по линиям железных дорог, по судоходным рекам и почтовым трактам» [Весновский, 1904: Предисловие].

Назначая Екатеринбург центром уральской географии, Весновский не только предлагает новую центростремительную конфигурацию пространства, но и подчеркивает его горную и горнозаводскую семантику. В связи с этим изменяется лидерство среди природно-географических доминант уральского ландшафта. В противовес предыдущему путеводителю на первый план выходят не реки, а горы. Так, первой иллюстрацией в путеводителе 1904 г. оказывается фотография Таганая [Там же: 6] – одной из самых эффектных вершин Южного Урала. Эта фотография иллюстрирует географический очерк Уральских гор, который открывает издание. Живописность скалистого гребня Большого Таганая сделала его излюбленным объектом первых уральских фотографий и видовых почтовых открыток⁸⁷, ставших популярными в начале XX в. и превративших Таганай в настоящий визуальный символ горного Урала.

Сопоставление подходов к развертыванию уральского пространства, предложенных в бедекерах 1899 и 1904 гг., наглядно проявляет процесс

⁸⁷ Главным популяризатором уральских видов, в том числе Таганая, был В.Л. Метенков – знаменитый екатеринбургский фотограф, выпустивший в конце 1890-х – начале 1900-х гг. в разных столичных и европейских издательствах несколько серий почтовых открыток, посвященных Уралу. Одна из самых больших серий уральских видовых открыток была выпущена в 1900-е и 1910-е гг. московским издательством П.Н. Ефимова.

воображения пространства, который лежит в основе любого путеводителя, а также демонстрирует нарративные функции маршрута, определяющего макроструктурный уровень текста.

Не менее важным для характеристики пространственных описаний, представленных в путеводителе, является разговор о приемах описания достопримечательностей, которые составляют основу туристического пространства. Здесь нужно остановиться на двух положениях.

Во-первых, туристическая достопримечательность имеет особый характер. Главное ее отличие от внутренней достопримечательности, т. е. локально значимого места, заключается в особом вовлекающем характере коммуникации, заложенной в туристическом способе знакомства с территорией. Туристическая достопримечательность должна вызвать желание увидеть и почувствовать. В связи с намеченными коммуникативными особенностями путеводителя становится очевидной особая роль нарративизации в изложении туристической информации и соответственно тех нарративных приемов, которые помогают эту установку реализовать.

Во-вторых, основные приемы вовлечения, как нам представляется, были заимствованы из родственной путеводителям сферы путевой очеркистики. В истории уральской литературы травелоги занимают особое место. Первые литературные описания Урала в силу колониального характера его освоения были сделаны в путевых отчетах, сначала деловых и научных, потом литературных. Травелоги сформировали первый литературный образ Урала и многие ключевые значения уральского пространства [Власова 2013]. Собственно, те достопримечательности, которые были представлены в путеводителях В.А. Весновского, сложились прежде всего благодаря многочисленным уральским путешествиям. Конечно, общая конфигурация выстраиваемых в путеводителе маршрутов задается основными транспортными артериями региона. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что состав и разнообразие

маршрутов зависят не только от транспортных магистралей, но и от наличия сформированных и связанных друг с другом достопримечательностей. В этом отношении путеводители опираются на уже существующие локальные тексты. Сопоставление основных маршрутов путеводителя и карты уральских травелогов позволяет убедиться в том, что путевые очерки и заметки стали одним из основных источников первых путеводителей по Уралу [Власова, Ведерников 2019].

Структурная и стилистическая близость путевых отчетов и путеводителя как жанров путевой литературы делает путевую очеркистику не только одним из источников для выявления локаций и объектов, претендующих на статус достопримечательности, но и главным литературным ориентиром, который подсказывает способы и приемы изображения пространства.

В этой связи отметим особую роль репортажного описания, которое нередко включается в текст путеводителя для воссоздания эффекта присутствия. Так, описание работы плавильного цеха построено в стилистике эмоционального наблюдения за действием, в эпицентре которого находится рассказчик:

«В высшей степени эффектное зрелище представляет процесс отливки пушечных болванок из тигельной стали. Это положительно феерия. Действие происходит в верхнем этаже литейной башни. В переднем конце фабрики открывается круглое отверстие в полу ... Форма в вертикальном положении находится под полом. Она нагрета. Далее идут ряды печей. Видны только раскаленные заслонки. Но вот всё готово. К отверстию формы становится инженер, заведующий фабрикой и мастер. Далее около сотни рабочих парами одна за другой держат наготове железные носилки для тиглей. Одна за другой открываются заслонки печей, вынимаются добела раскаленные тигли. Носильщики ... пара за парой бегут с ними к отверстию формы, в которую и выливают огненно-жидкий металл. Из формы взвивается пламя: от печей, ослепительно блестящей расплавленной

стали и от раскаленных тиглей вся фабрика кажется в пламени. Кипучая огненная работа продолжается до тех пор, пока форма не будет налита доверху» [Весновский 1904: 82–83].

Подобного рода репортажные подходы к описанию пространства были неотъемлемой частью путевой очеркистики XIX в. Их появление в туристических путеводителях кажется закономерным жанровым взаимодействием, связанным с общностью коммуникативных задач, в частности с необходимостью привлечения и удержания внимания массовой аудитории. Репортажное описание представляет собой документальный нарратив, построенный на локализованном во времени и пространстве действии и развивающийся в перспективе наблюдаемого события, будь то выплавка металла или перемещение по маршруту от одной локации к другой.

Важно отметить, что репортажное описание вполне соответствует вовлекающим установкам туризма. Как показывают исследования, одним из востребованных направлений городского туризма начала XX в. становится вовлечение туриста в разнообразные практики городской жизни. Е.А. Захарова, изучавшая столичные путеводители начала XX в., писала, что для их авторов «было важно не только знакомство туристов с достопримечательностями города, но и приобщение их к практикам столичного жителя, происходившее через знакомство с различными аспектами городской повседневности» [Захарова 2017: 15]. В региональных путеводителях происходит нечто подобное: туристу предлагается погрузиться в повседневные практики жизни той или иной территории. Для Урала главной повседневной практикой оставалась жизнь горных заводов, она и позиционировалась как одна из главных достопримечательностей туристического пространства Урала. Погружение в актуальные практики предполагало вовлечение, действие и его эмоциональное переживание, что заставляло обращаться к динамическим речевым жанрам, в данном случае – к репортажу.

Погружающее репортажное наблюдение активно работало с технологиями видения. Путеводитель зафиксировал особую динамическую оптику описания горного рельефа Урала, который сам по себе объявлялся главной природной достопримечательностью:

«С трех сторон – юга, востока и севера, гора круто сползает вниз, образуя на глубине 80–1000 футов громадное плато перспективы, состоящее из разных гор, холмов и долин, замыкающихся вдали туманною синевою горизонта. Разные формы и очертания долин и возвышенностей, шахматы буро-красных полей, засеянных яровыми, нескончаемая вереница всяких оттенков зелени создают в общем такую чудную и необъятную картину перспективы, описать которую нет никакой возможности. Глядя на это чудо Западного Урала, долго стоишь в безмолвном удивлении и только мало-помалу начинаешь приходить в себя и ориентироваться в подробностях. Вон, между холмов синееет пруд и белеет церковь Юговского завода, а расстояние равно 12-ти верстам; вон, подальше еще видна церковь села Степановки, а расстояние уже 32 версты, а вон, вдали, поближе к горизонту, еще различается церковь и серые утесы – это берег р. Сылвы и церковь пригородного села Кунгура, на расстоянии уже 60 верст! В ясную погоду с монастырской колокольни видны церкви Перми и Осы, а это уже расстояние около 100 верст [Путеводитель по Уралу 1899: 146–147].

Примечательно, что это описание было взято из очерка тюменского писателя Н.М. Чукмалдина, посвященного поездке на Белую гору⁸⁸. Очерк был опубликован в 1896 г. сразу в трех изданиях: в газетах «Екатеринбургская неделя» и «Пермские епархиальные ведомости», а также отдельной книгой [Чукмалдин 1896]. Этот тревелог можно по праву считать литературным открытием новой достопримечательности, связанной с

⁸⁸ Белая гора – самая высокая вершина Тулвинской возвышенности (450). Она находится в Кунгурском районе около села Калинина – примерно в 100 км от Перми. В 1890 г. здесь был основан Белогорский монастырь, который называют Уральским Афоном. Это одна из самых посещаемых православных святынь Пермского края. Основание монастыря во многом было связано с противодействием старообрядчеству, распространенному в этих местах. Сохранились предания о староверческих скитах на Белой горе. Впрочем, местная память хранит и рассказы о древних капищах, следы которых находили на ее вершине.

православной историей Урала. Его использование в путеводителе В.А. Весновского лишь подтверждает этот факт. Таким образом, очерковые публикации активно цитировались первыми путеводителями, оказывая влияние на содержательные и стилистические особенности нового жанра.

Несложно заметить, что пейзажные описания Чукмалдина выстраиваются по принципу панорамы, который нередко используется для описания уральского пространства в путевой очеркистике XIX в. Природу этого изобразительного приема показал В.В. Абашев на материале уральских очерков В.И. Немировича-Данченко:

«Панорамность у Немировича – принцип повествования, действующий и на уровне структуры повествования, и на уровне отдельных его компонентов. Он проявляется, например, в ландшафтно-пейзажных описаниях. В.И. Немирович-Данченко любит именно панорамные описания окрестностей с вершин гор и холмов. Развертывая описание, Немирович всегда располагает детали видимого ландшафта относительно наблюдателя, фиксирует их ориентацию по сторонам света, меняет планы от общего до крупного: от мерещащихся далее до внезапно укрупненной, словно рассмотренной в бинокль, детали» [Абашев 2015: 71].

Появление панорамных описаний в путеводителе может свидетельствовать об их утверждении в качестве устойчивого приема уральской геопоэтики. Отметим, что дискурсивная реализация панорамы, в частности ее последовательная покадровая динамика, наличие направляющего взгляда наблюдателя, который является не только нарратором, но и чувствующим героем, опирается на конструкцию репортажного нарратива.

Еще одним устойчивым предметом нарративного изображения становятся факты и события, призванные подтвердить статус достопримечательности. Учитывая вовлекающие установки туристической коммуникации, рассказ о достопримечательностях обязан поразить воображение. Одним из самых эффективных приемов привлечения

внимания оказывается эмоциональное воздействие на читателя. Путеводители В.А. Весновского этот прием активно осваивают. Так, представляя сварочный аппарат Славянова в качестве туристической достопримечательности, авторы путеводителя опираются на рассказ о спасении разбитых колоколов:

«Электрический цех – здесь производится электрическая сплавка металлов по способу Н.Г. Славянова. Спаиваются сломанные части, заливаются трещины, приливаются утолщения и проч. Исправлению подвергаются самые разнообразные предметы: паровые машины, маховики, зубчатые колеса, типографские станки, фортепианные рамы, церковные колокола и проч. Особенную популярность изобретение Славянова произвело в отношении открывшейся возможности исправлять разбитые колокола. Первый колокол был исправлен 18 марта 1893 г. Благодаря способу Славянова почти все церкви Пермской епархии восстановили свои разбитые колокола» [Весновский 1904: 84].

Таким образом описание технического изобретения приобретает необходимый эмоциональный заряд, который связан с апелляцией к личным, в данном случае религиозным, переживаниям читателя.

Похожее эмоциональное расцвечивание документального повествования происходит при изложении исторических фактов. Помимо многочисленных легенд и преданий, которые сопутствовали историческим героям и событиям, авторы путеводителя охотно пересказывают драматические фрагменты летописных повествований. Так, например, информация о закамском серебре, которое считается одной из самых важных археологических достопримечательностей Урала, оживает в коротком, но выразительном рассказе о кровавой борьбе за пермские богатства:

«Всё это жалкие остатки того “закамского серебра”, до которого так падки были новгородцы и из-за которого пролито было много новгородской крови. Подбирался к нему и великий московский кн. Иван Калита, о котором

новгородский летописец под 1332 г. говорит: “Великий князь Иван приде из Орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамского”» [Там же: 115].

В этом небольшом фрагменте проявились основные элементы ландшафта действия: появляются герои (новгородцы, Иван Калита); мотив («до которого падки были новгородцы, прося у них серебра закамского»); конфликт, связанный с борьбой за богатство и власть (гнев на Новгород); анонсированная кровавая развязка («пролито было много новгородской крови»). Ландшафт сознания при этом надстраивается за счет экспрессивных речевых форм: «жалкие остатки», «падки», «возверже гнев», «пролито много крови», которые должны зацепить эмоции читателя. Происходит своего рода драматизация пространства: оно обретает образное воплощение с ярко выраженным драматургическим сюжетом.

Путеводители В.А. Весновского – это опыт первой целостной самопрезентации уральского пространства. Как и положено травелогу, путеводители связывали пространство маршрутами, задавая тем самым логику его прочтения. Основным способом пространственного структурирования при этом оказывались достопримечательности, которые фиксировали ключевые значения сложившейся на тот момент территориальной идентичности. Важно отметить, что путеводители, в отличие от справочных изданий, начали активно использовать приемы вовлекающего нарратива. Верификация достопримечательности фиксирует в уральском пространстве не только разрозненные значения, но и нарративы – истории, связанные с эмоциональным переживанием исторических и современных событий. Именно эти жанрово-стилистические характеристики определяют дальнейшее развитие путеводителя как особого рода травелога. Сочетание справочно-краеведческой информации с нарративным подходом, который опирается на приемы репортажного включения и драматизации, лежит в основе современного путеводителя.

6.2. Визуальные доминанты Урала в путеводителях и на почтовых открытках конца XIX – начала XX в.⁸⁹

Обращение к фотографическим изображениям Урала конца XIX – начала XX в. связано с обоснованием особой роли фотографии в процессе формирования образа уральского пространства. Благодаря массовому развитию фотографического производства и новым способам распространения фотографии на рубеже веков происходит настоящее визуальное открытие российских территорий. Агентами этого открытия становятся видовые почтовые открытки и путеводители. Фотографии, представленные ими, меняют восприятие пространства. До этого времени главным источником формирования пространственных представлений о большинстве российских регионов являлись вербальные тексты – научные, публицистические и литературные. Фотография впервые совместила существующие представления с реальными географическими видами. В этом процессе происходит смещение и уточнение пространственных значений, что, в силу масштабности явления, не могло не сказаться на дальнейшем развитии геокультурных образов российских территорий.

Исследования визуального образа пространства представлены сегодня в разных областях знания и формируют несколько актуальных направлений. Социологи городского пространства изучают визуальные репрезентации города как культурного конструкта [Головнева, Мартишина 2021]. Представительная группа исследований в социологии и теории архитектуры связана с изучением визуальной среды города и ее влияния на жизнь горожан [Филоненко, Штомпель, Штомпель 2020]. С социологическими исследованиями пространственных представлений пересекаются работы психологов, которые рассматривают визуальные образы в качестве когнитивно-аффективного компонента городской

⁸⁹ Содержание данного раздела представлено в публикации: Власова Е.Г., Абашев В.В. Визуальные доминанты Урала в путеводителях и почтовых открытках конца XIX – начала XX в. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 16, № 3. С. 84–95.

идентичности [Голубь, Тимофеева, Озерина 2019]. Основным методологическим ориентиром для социологов и психологов при этом становятся ментальные карты К. Линча [Линч 1982]. Гуманитарные географы изучают визуальные элементы пространства в структуре геокультурного бренда [Замятин 2020]. Культурологи и историки искусства сочетают изучение перцептивных и творческих аспектов визуального образа [Горелова 2019]. Визуальные элементы локальных текстов культуры исследуются в работах филологов [Павлова, Романова 2022]. Можно выделить целую группу исследований, которые связаны с изучением образа города на презентационных фотографиях и почтовых открытках. Многие из них поднимают проблемы конструирования образа пространства [Бушмаков, Бушмакова 2016; Грибер, 2011]. Отмечая обширность феномена «визуальный образ территории» и подходов, которые сформировались в сфере его изучения, сосредоточимся на историко-культурных и коммуникативных аспектах функционирования визуальных репрезентаций пространства: благодаря каким культурным феноменам территория обрела свой визуальный образ и какие значения этих репрезентаций легли в основу ее геокультурного кода.

В этом отношении наше исследование опирается на теорию локального текста, которая «обучает умению видеть за разными текстами ... некий единый текст, ориентирует на анализ под углом зрения единства» [Топоров 2003: 84]. Под визуальными доминантами пространства понимаются повторяющиеся в разных изобразительных жанрах, будь то рисунок, картина, фотография, открытка, фильм и т. д., географические образы, которые фиксируют основные символические значения территории. Визуальные доминанты направляют внимание аудитории, выполняя роль кодировщиков пространства. Опираясь на бартовское понимание культурного кода, можно сказать, что визуальные доминанты отсылают к «сверхтекстовой организации значений, которая навязывает представление об определенной структуре», «подспудно объединяющей внешне

разрозненные поверхностные элементы текста и позволяющей фокусировать их смысл» [Барт 1989: 455, 457]. В качестве такой «сверхтекстовой организации» выступает образ Урала, который складывался в культурном сознании благодаря фотографии как новому изобразительному жанру и влиятельному средству коммуникации. Представленные в путеводителях и почтовых открытках фотографические изображения рассматриваются в качестве «визуальных нарративов» регионального текста, которые, с одной стороны, фиксируют устойчивые сюжеты и символические коды территориальной идентичности [Головнева 2018: 241], с другой – в силу своего массового распространения оказывают большое влияние на их формирование.

Другим базовым основанием исследования служит представление о внутренних связях между средством коммуникации, понимаемым вслед за М. Маклюэном как медиа [Маклюэн 2003], и образом созданного им пространства. Эта связь проявляется в конфигурации пространственных образов: их семантике и поэтике. При этом будут учитываться не только структурные особенности фотографического изображения, но и характер бытования фотографий. Туристические установки, определяющие функционирование путеводителей и почтовых открыток, задают основные содержательные и стилистические координаты представленного в них образа Урала.

До появления фотографии визуальные репрезентации Урала носили несистемный и достаточно ограниченный характер: это были рисунки в отдельных путевых отчетах⁹⁰ и редкие показы уральских видов на академических выставках Москвы и Санкт-Петербурга⁹¹.

⁹⁰ Так, в «Живописном путешествии от Москвы до китайской границы» А. Мартынова (СПб.: Типография Александра Плюшара, 1819) было представлено только два уральских вида в жанре офорта. Более развернутая серия зарисовок Урала появилась в «Путешествии по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии, по описаниям Т.У. Аткинсона, А.Т. фон-Миддендорфа, Г. Радде и др.», вышедшей в 1865 г. Уральские дневники В.А. Жуковского, сопровождавшиеся авторскими карандашными рисунками, были опубликованы только в начале XX в.

⁹¹ Выставка В.Е. Раева в Академии художеств в 1838 г. включила несколько картин, созданных во время поездки на Урал. Первая большая серия уральских пейзажей, выполненная П.П. Верещагиным по заказу

Первый серьезный выход уральской темы в общероссийский художественный контекст был связан с творчеством А.К. Денисова-Уральского и совпал с массовым распространением видовой фотографии. В конце 1890-х гг. художник активно участвовал в столичных выставках, представляя свои акварельные и живописные работы по уральским сюжетам. Картины и камнерезные изделия уральского художника были с успехом представлены на всемирных выставках в Сент-Луисе (1897) и Париже (1900). Следом состоялась череда персональных выставок на Урале и в обеих столицах. Поселившись в Петербурге и открыв здесь художественную камнерезную мастерскую, Денисов-Уральский сделал Урал главной темой своего творчества, оказав большое влияние на формирование образа уральского пространства в художественном сознании этого времени.

Однако влияние фотографий, в силу их массового распространения в разных сферах деятельности, носило по-настоящему революционный характер. Чтобы понять масштаб этого влияния, посмотрим, каким образом проходило распространение фотографических видов Урала на рубеже XIX – XX вв.

Самым влиятельным каналом распространения фотографических видов Урала становятся документальные, т. е. созданные на основе фотографических изображений, почтовые открытки, получившие массовое распространение начиная с 90-х гг. XIX в. Печать и продажа открыток оказывается прибыльным бизнесом. В рекламном объявлении киевского издательства «Новь» в 1916 г. говорилось: «Если Вы до сего времени не практиковали в своем магазине продажи художественных открытых писем, то не упустите настоящего благоприятного момента для использования этой отрасли оборота» [Ярцева]. Изданием и продажей открыток занимались не

УГЖД, была представлена в Петербурге в 1870-х гг. Пейзажи Михайловского завода под Осой представлены на картинах А.А. Сведомского, выставившихся в 1880-1890-хх гг.

только фотоателье и типографии, но и магазины и предприниматели, которые были связаны с книжной, музыкальной и сувенирной торговлей, в том числе крупные пароходства. В Перми, например, самыми крупными издателями открыток были фотограф-любитель Н.И. Аммосов (с 1910 по 1916 г. – 16 серий), сын владельца книжного магазина И.Ю. Пиотровского, музыкальный магазин А.В. Синакевича, типографии П.Ф. Каменского и Е.И. Заозерского, аптекарский магазин Д.Г. Сандлер, провизор Т.И. Овчинников, писчебумажный магазин Г.М. Никитина.

Пионером и бесспорным лидером уральской видовой фотографии считается екатеринбургский фотограф В.Л. Метенков, организовавший выпуск нескольких общих серий с названиями «Урал», «На Урале», а также серии, посвященные отдельным регионам и городам Урала, например серия «Южный Урал». Точное количество изданий и открыток В.Л. Метенкова до сих пор не установлено. Известный коллекционер открыток С.Н. Тагрин писал, что последним известным номером считается 725-й – это открытка «Южный Урал. Гора Кыртаж (Курташ – прим. Е. В.) в 12 верстах от Белорецка» [Тагрин 1978].

Если фотоальбомы с видами городов оставались достаточно дорогостоящим и штучным товаром (такие фотоальбомы собирались в московских фотоателье еще с 1860-х гг.), то почтовые открытки оказались удобным и демократичным по стоимости форматом распространения видовых фотографий. Благодаря им произошла целая географическая революция – впервые массовому зрителю оказались доступны изображения самых отдаленных уголков страны. Продажи открыток сосредоточились в транспортных узлах и туристических центрах регионов, поддерживая развитие массового туризма в России. Например, только о Перми «Контрагентством Суворина и Ко», монополизировавшим торговлю в книжных и газетных киосках на железнодорожных станциях, в течение 1913–1917 гг. было издано семь больших серий.

Другим влиятельным каналом распространения уральских фотографий служили региональные путеводители. Путеводители – это еще один жанр массовой культуры, который испытал подъем на рубеже столетий. На Урале одним только журналистом В.А. Весновским с 1899 по 1926 г. было подготовлено к изданию более десяти разных путеводителей: «Путеводитель по Уралу», 1899; «Спутник туриста по Уралу. Путеводитель по курортам Урала», 1902; «Иллюстрированный путеводитель по Уралу», 1904; «Весь Екатеринбург: справочник-ежегодник: с планом города Екатеринбурга», 1903; «Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник», 1909; «Путеводитель по Западно-Уральской железной дороге», 1912; «Минеральные источники в Пермской губернии. Пермь», 1913 и др. Начиная с самого первого издания фотография служила обязательной принадлежностью уральских путеводителей.

Известный исследователь российских бедекеров этого времени И.И. Руцинская отмечает, что путеводители, «написанные местными авторами и изданные местными издателями, можно рассматривать как яркую форму региональной самопрезентации» [Руцинская 2018: 133]. В этом контексте иллюстративный ряд бедекера, чаще всего представленный видовыми фотографиями, вносил свои акценты в создаваемый образ уральского пространства, выделяя изображенные локусы как доминирующие.

Говоря о роли видовых фотографий в процессе формирования образа регионального пространства, нельзя не сказать об издательских проектах Русского географического общества, связанных с популяризацией систематических сведений о регионах Российской империи. Это прежде всего издание «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», подготовленное в 1870-х гг. и выходившее отдельными томами с 1881 по 1901 г. Издание состоит из 19 книг, которые содержат 220 отдельных очерков и около 4000 иллюстраций, в том числе фотографий. Урал

представлен во второй части восьмого тома, который включает более 300 страниц и 161 рисунок. Идея проекта была связана с совмещением научных и презентационных задач, поэтому описание российских регионов строится в опоре на живые очерковые жанры, в том числе путевые очерки, что позволяет создать эмоционально насыщенный образ пространства. «От души желаем, чтобы наш труд и других русских людей побудил поближе ознакомиться с Россией и потрудиться на ее пользу, благо и процветание в будущем», – так определяет практическую цель издания его главный вдохновитель М.О. Вольф [Живописная Россия 1878: VII].

Второй подобного рода обобщающий проект – «Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей» – выходил с 1899 по 1914 г. под общим руководством П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Все книги этого издания были богато иллюстрированы, при этом основой визуального ряда послужили фотографии. Уралу посвящен 5-й том издания, который вышел в 1914 г.

Обобщающим этапом формирования фотографического образа дореволюционного Урала можно считать уральский цикл фотографий С.М. Прокудина-Горского, сделанных им в ходе специальных фотоэкспедиций на Урал в 1909, 1910 и 1912 гг., – всего 450 черно-белых и цветных фотографий. Многие из них послужили основой для почтовых открыток. Кроме того, С.М. Прокудин-Горский вел большую просветительскую деятельность, представляя свои фотографии на публичных выступлениях. Профессиональный взгляд и просветительская установка Прокудина-Горского позволили соединить в этом цикле планомерный отбор локаций для съемки с пониманием визуальной аттрактивности объектов, что способствовало созданию целостного и эстетически выверенного образа уральского пространства.

Перечисленные источники – почтовая открытка, фотографические иллюстрации в путеводителях и географических очерках, а также авторский цикл С.М. Прокудина-Горского, на наш взгляд, репрезентативно отражают

те процессы визуального кодирования уральского пространства, которые происходят в массовом сознании благодаря фотографии.

Учитывая ярко выраженную презентационную направленность путеводителей и видовых открыток, можно сказать, что главным механизмом формирования образа Урала служит конструирование достопримечательностей. В процессе фотографирования и распространения фотоизображений с туристическими и сувенирными целями происходит направленный отбор пространственных доминант, соответствующих статусу достопримечательности: они обязаны поразить воображение, оказать эмоциональное воздействие, сформировать желание увидеть своими глазами.

При этом визуальная кодировка пространства происходит на основе сложившихся в общекультурном сознании символических представлений об Урале. В ходе анализа визуальные доминанты фотографического образа Урала будут проанализированы с учетом их взаимодействия с теми значениями, которые сформировались в предыдущей культурной традиции, прежде всего в уральской путевой очеркистике [История литературы Урала 2020] и художественной прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка [Абашев 2009].

Для группировки полученных результатов воспользуемся классификацией видовых фотографий, которую применяют для анализа туристических фотоизображений: природные пейзажи и антропогенные ландшафты; люди, занятые повседневными делами; мемориалы и архитектурные сооружения (здания, инфраструктурные сооружения и т. д.) [Olson, McAlexander, Roberts 1986]. Во всех намеченных группах можно выделить повторяющиеся визуальные образы, или визуальные доминанты.

В группе природных ландшафтов повторяется сочетание горной и речной стихии. При этом заметен акцент на скалистых берегах уральских рек, это позволяет создать эффектный визуальный образ (рис. 1).

Рисунок 1 – С.М. Прокудин-Горский. Камень «Красный». Река Чусовая. 1912 г.⁹²

Среди изображений скально-речного сюжета заметна активность чусовских фотографий. Камни на реке Чусовой становятся постоянным объектом съемки. Фотография реализует ожидание Д.Н. Мамина-Сибиряка, который, критикуя уральские картины П.П. Верещагина за отсутствие в них подлинного Урала⁹³, писал: «Впрочем профессор не затруднил бы себя поездкою в горы; а в лучшем месте реки Чусовой, где она течет среди великолепных скал и утесов, именно между Межевой Уткой и Кыновским заводом он и совсем не был. Таким образом, Урал еще ждет своего художника, который воспроизведет на полотне его оригинальные, полные своеобразной прелести и суровой поэзии красоты...» (очерк «От Урала до Москвы», Русские ведомости, 1881–1882 гг.) [Мамин-Сибиряк 1955: 267–286]. Благодаря фотографии река Чусовая заняла прочное место в уральском пейзаже. С уверенностью можно сказать, что видовая фотография

⁹² Фотографии С.М. Прокудина-Горского здесь и далее воспроизводятся по материалам сайта «Открытый исследовательский проект “Наследие С.М. Прокудина-Горского”». URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/>.

⁹³ На самом деле, П.П. Верещагин создал в конце 1870-х целую серию картин, посвященных чусовским камням: Камень Писаный, Камень Мултык, Камень Красный, Камень Высокий и др. Правда, уральские виды оказались под сильным влиянием общих канонов, которых придерживался художник, поэтому потеряли свою специфику.

послужила решающим фактором в процессе развития массового туризма на Чусовой.

Речные пейзажи часто дополняются видами парходов, что подчеркивает деловой и динамичный характер пространства (рис. 2).

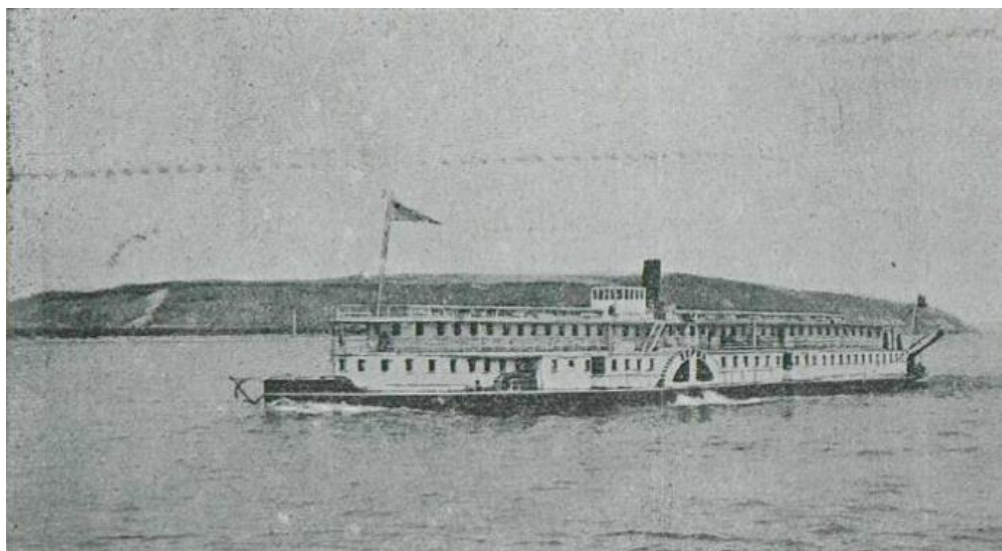

Рисунок 2 – Камский пароход. Фотография в путеводителе В.А. Весновского «Иллюстрированный путеводитель по Уралу». 1904 [Весновский 1904: 68]

В горных видах преобладает установка на скалистые острые вершины, которые раньше не могли считаться репрезентативным символом Урала. Средний Урал, который представлял уральское пространство в силу сложившейся литературной традиции⁹⁴, не мог похвастаться высокими горами. На рубеже веков в связи с развитием транспортного сообщения и туризма Южный Урал, где располагаются самые крутые вершины Уральского хребта, попадает в фокус внимания. В горном уральском пейзаже на первый план выдвигается гора Таганай, расположенная около Златоуста. У В.Л. Метенкова, например, в серии

⁹⁴ Образ уральского пространства, как и большинства других отдаленных регионов страны, складывался в многочисленных путевых очерках. В связи с этим пространство описания напрямую зависело от транспортных магистралей. Сибирский тракт и первые железнодорожные ветки, связавшие Урал с Центральной Россией и Сибирью, проходили по Среднему Уралу. Заметим, что и первый художественный образ Урала был создан преданным екатеринбургскому Зауралью Д.Н. Маминым-Сибиряком.

«Южный Урал» Таганая посвящено не менее 10 разных кадров (рис. 3). Иллюстрированный путеводитель В.А. Весновского открывается фотографией Таганая, привлекая туристов красотой и масштабностью горных видов Урала. До этого времени Таганайский хребет, не связанный с горными уральскими промыслами, не входил в число обязательных для знакомства с уральским пространством мест. Развитие массового туризма, нацеленного на яркие визуальные впечатления, сделало Таганай одной из главных природных достопримечательностей Урала.

При выборе природных видов ставка делается не только на красоту, но и на экзотику и таинственность места. Путеводитель В.А. Весновского, например, включает фотографию Чёртова городища, овеянного легендами о языческих капищах. Многочисленные фотографии Чёртова городища, как одной из самых популярных уральских достопримечательностей, представлены в почтовых открытках начала XX в. Не смог обойти своим вниманием это легендарное урочище и С.М. Прокудин-Горский.

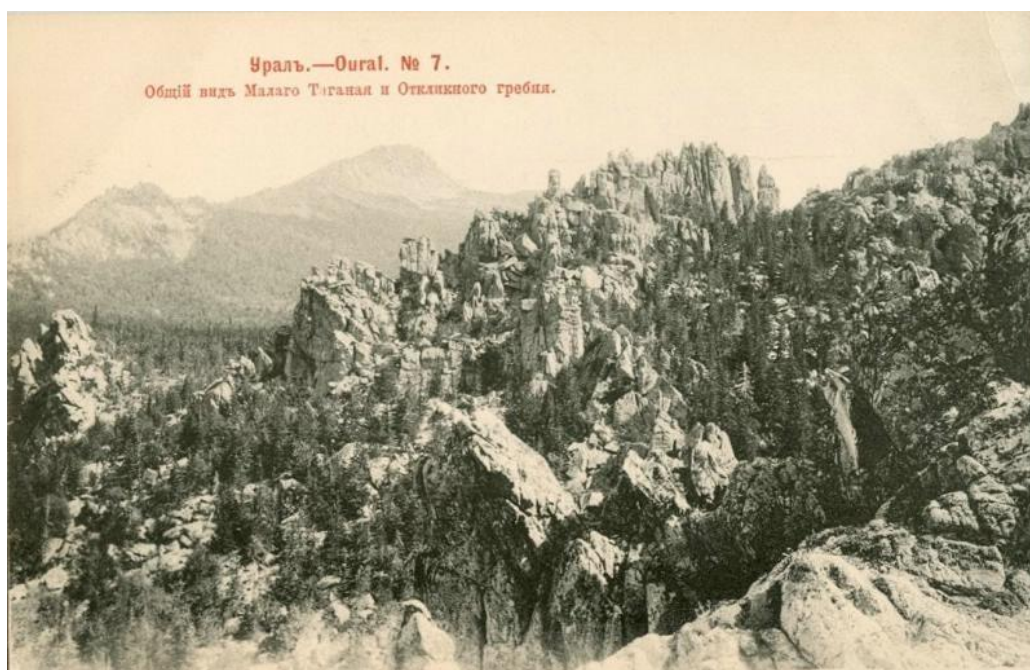

Рисунок 3 – В.Л. Метенков. Общий вид Малаго Таганая и Откликного гребня. Почтовая открытка. 1903⁹⁵

⁹⁵ Изображения почтовых карточек воспроизводятся по открытым источникам.

Среди антропогенных ландшафтов преобладают горнозаводские и железнодорожные виды. Характерные для документальной фотографии общие виды города нередко включают заводские сооружения. При этом завод оказывается на переднем плане, что подчеркивает его значимость в уральском пространстве (рис. 4).

Примечательно, что формирование устойчивого ракурса было зафиксировано в подписи к златоустовской панораме С.М. Прокудина-Горского: «Часть Златоуста. На первом плане завод» (рис. 5).

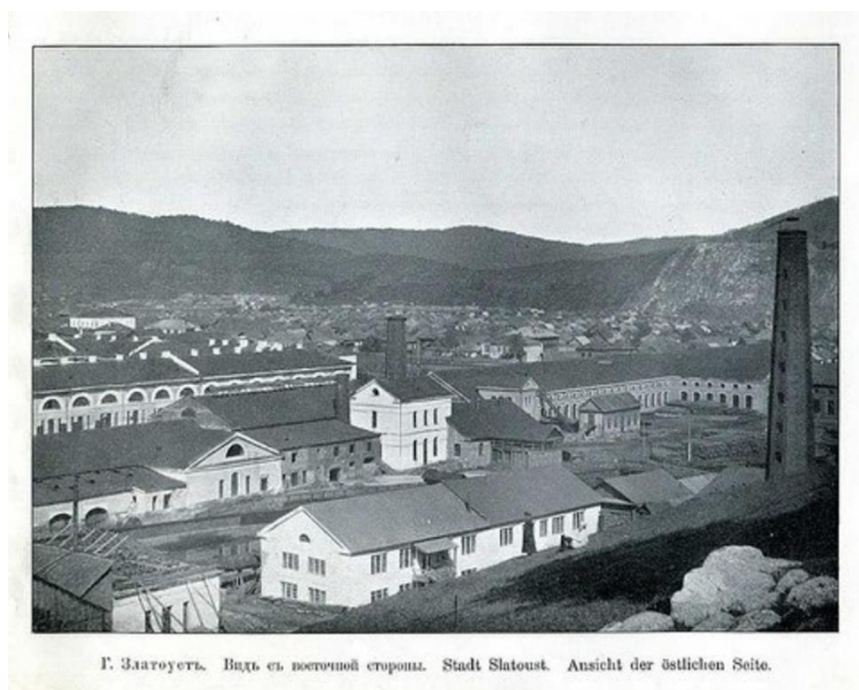

Рисунок 4 – Златоуст. Вид с восточной стороны. Почтовая открытка начала XX в.

Рисунок – 5. С.М. Прокудин-Горский. Часть Златоуста. На первом плане завод. Осень 1909 г.

Распространенным ракурсом в уральских видах, как антропогенных, так и природных, становится вид сверху, что связано с горным характером уральского рельефа (рис. 6). Этот ракурс закрепляет в представлениях об уральском пространстве значения масштабности и глубины пространства. Представляется, что формирование этого ракурса во многом обусловлено общими особенностями туристической презентации места, в частности, популярностью такого элемента экскурсионного маршрута, как видовая площадка.

Рисунок 6 – Урал. Скала близъ станции Миньяр. 1914 г.
Почтовая открытка

Другим распространенным сюжетом уральских видовых фотографий становится изображение открытых горных выработок (рис. 7). За счет высокого ракурса и панорамного охвата эти фотографии выразительно передают масштаб работ, а ступени карьера рождают ассоциации с античным амфитеатром – приглашающим к театральному зрелищу, центром которого становится горнодобывающее производство.

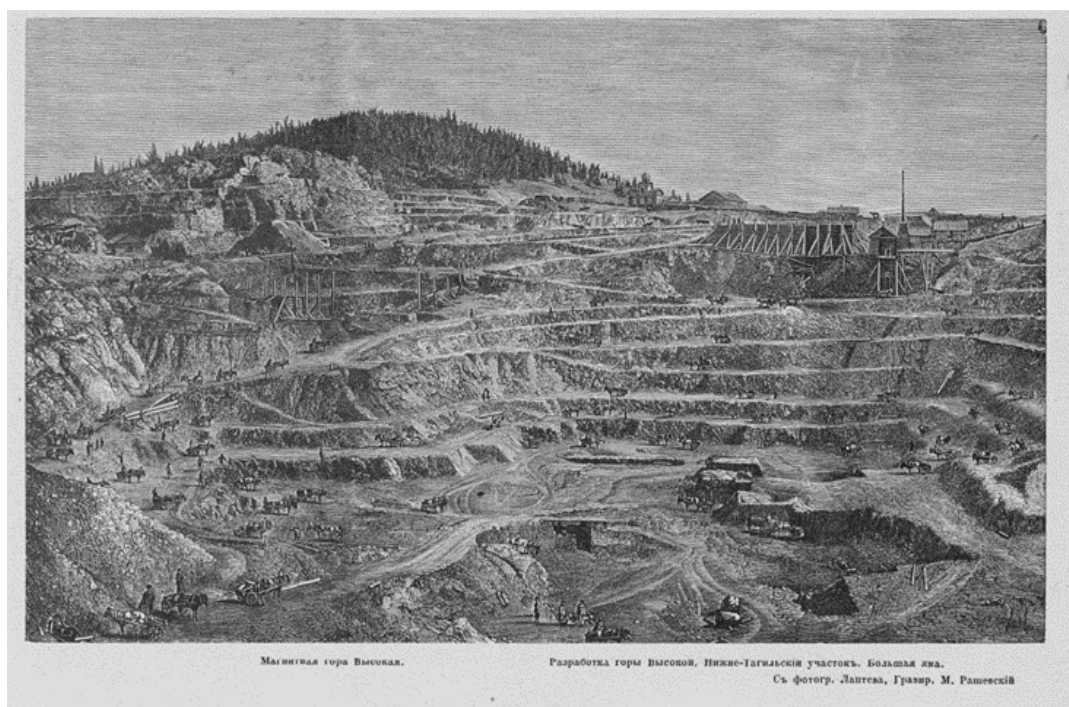

Рисунок 7 – Магнитная гора Высокая. Разработка горы Высокой, Нижне-Тагильский участок. Большая яма. Гравюра с фотографии в уральском томе «Живописной России» [Живописная Россия 1901: 193]

Ассоциативный ряд, связанный с театральными мотивами, способствует символизации пространства, подчеркивая значимость горнозаводских локусов в геопоэтическом ландшафте Урала.

Представляя устойчивые сюжеты антропогенного ландшафта, нельзя не назвать динамичные фотоизображения железнодорожных выемок (рис. 8). Эти фотографии подчеркивают глубину и искривленность уральского пространства, а также поддерживают образ делового, горнозаводского Урала. Для туриста эти виды выполняют своего рода рекламную роль – потенциальный путешественник понимает, что впечатления начнутся уже во время пути к месту назначения.

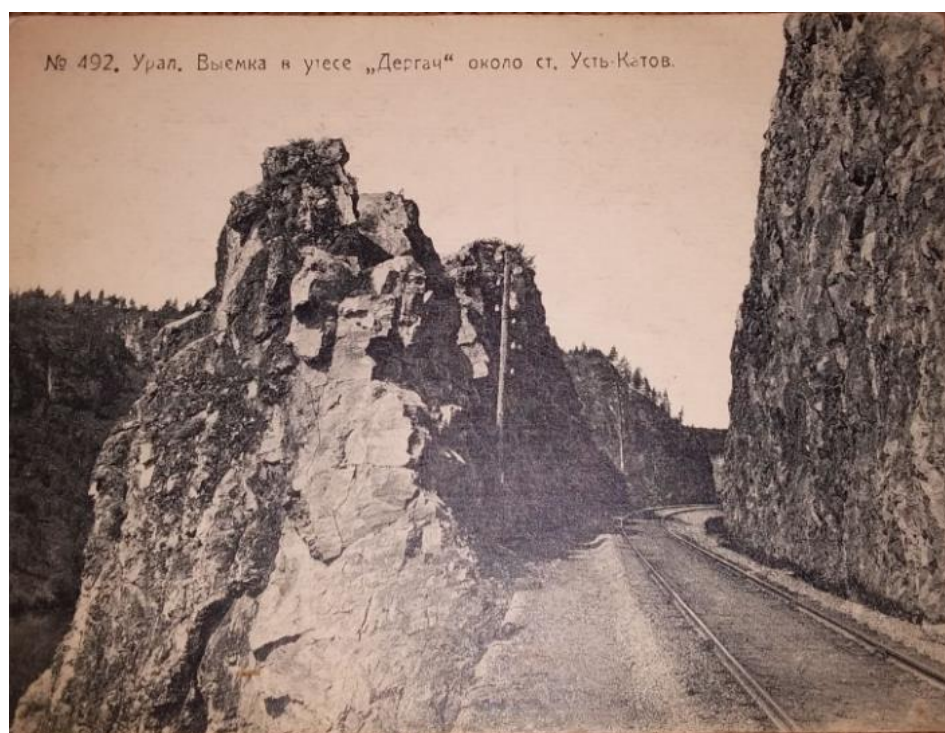

Рисунок 8 – Урал. Выемка в утесе Дергач около станции Усть-Катов.
Почтовая открытка начала XX в.

Композиционные возможности фотографии и правильно выбранный ракурс позволяют объединить ключевые значения уральского пространства в одном кадре. На фотографии В.Л. Метенкова «Доменная печь. Заводская платформа» соединяются ведущие доминанты природного и антропогенного ландшафтов: гора, покрытая сосновым лесом; река, которая необходима для производственных процессов; завод, возносящийся трубами выше окрестных гор, а благодаря своему отражению в воде как будто уходящий в земные недра (рис. 9).

Подобные кадры нередко встречаются в уральском цикле С.М. Прокудина-Горского. В качестве выразительного примера можно вспомнить об одном из самых известных уральских кадров фотографа – «Общий вид на г. Пермь с Городских горок» (1909).

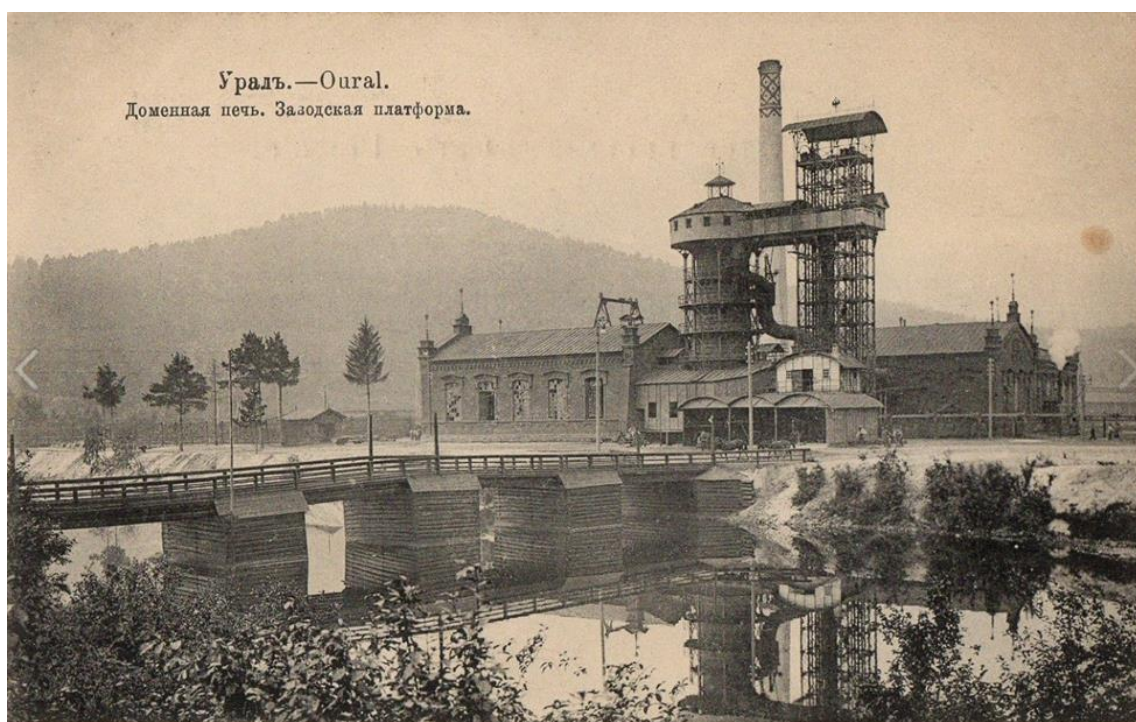

Рисунок 9 – В. Л. Метенков. Доменная печь. Заводская платформа.
1904. Почтовая открытка

Люди на уральских фотографиях чаще всего представлены в процессе производства, характерного для местной жизни. Это портретные и репортажные фотографии рабочих на металлоделательных заводах, соляных и горных работах, золотых приисках, в камнерезных мастерских. Фотография пытается передать особенности этой необычной для центральных российских регионов деятельности, и здесь этнографический интерес подчас соседствует с экзотическим впечатлением.

Экзотика как эффективный инструмент привлечения внимания туриста активно используется в фотографических иллюстрациях. Живописная Россия, например, не упустила случая показать верблюдов во время весенней пахоты (рис. 10).

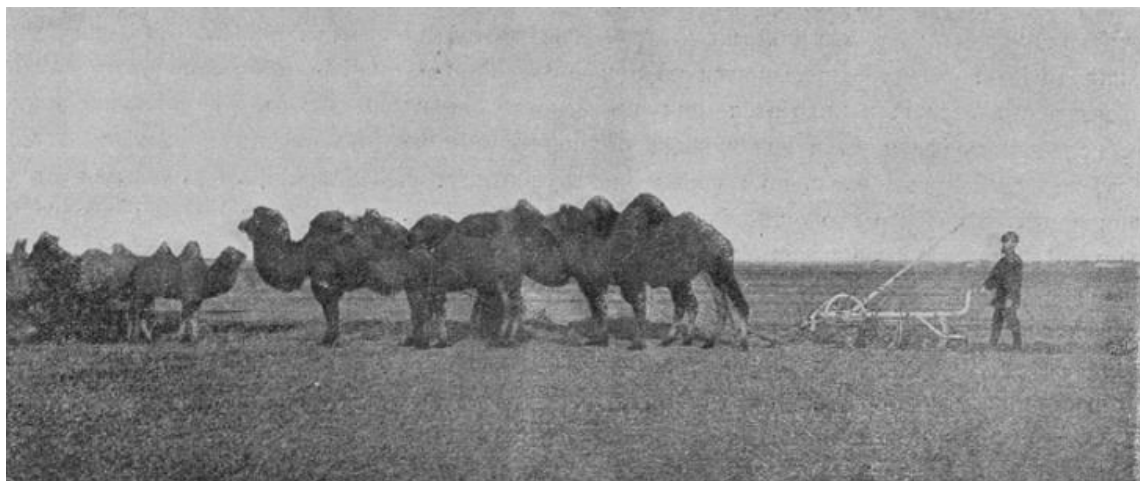

Рисунок 10 – Пахота на верблюдах в Оренбургской губернии
[Живописная Россия 1901: 139]

Среди многочисленных изображений мемориалов выделим те, которые чаще других повторяются при тиражировании. Это прежде всего пограничные знаки Европа–Азия, вошедшие в число самых узнаваемых уральских достопримечательностей. Подчеркивая пограничный характер Урала, туристические фотографии снимают при этом негативные коннотации соседства с «диким полем», которые раньше присутствовали в образе уральского пространства. Сейчас пограничность репрезентирована в качестве яркого впечатления, аттракциона, места для фотосессии.

Среди уральских мемориалов особым вниманием пользовался памятник вогулу Чумпину на горе Благодать. Памятник оказался фокусной точкой, вокруг которой выстраивался нарратив о русской колонизации Урала. Легенда о вогуле, показавшем русским богатства горы и убитым за это своими соплеменниками, служила эмоциональному включению зрителя в историю и одновременно расставляла правильные с политической точки зрения смысловые акценты.

В группе фотографических изображений уральской архитектуры, помимо традиционных для видовых фотографий рубежа веков церквей, присутственных учреждений, зданий театров, заметна активность горнозаводской и железнодорожной тем. Если одни заводские виды

обусловлены впечатлениями масштабности и визуальной значимости, другие отсылают к истории и мифологии Урала, поддерживая общую установку видовых фотографий на привлечение туристического внимания. Так, массовая фотография начала века завершает формирование образа-символа Невьянской башни, которая связана с легендой о том, как Акинфий Демидов организовал в ее подвалах чеканку фальшивых серебряных монет. Наклонный силуэт усилил визуальную привлекательность башни, что способствовало активному тиражированию ее изображений.

Железная дорога на Урале выполняла роль стратегической транспортной артерии, связывающей его с Центральной Россией и Сибирью. Транзитные значения уральского пространства нашли свое воплощение не только в динамичных образах крутых поворотов и туннелей в горах, но и в изящной архитектуре уральских вокзалов и станций, ставших яркими акцентами в суровом уральском ландшафте (рис. 11).

Рисунок 11 – Екатеринбург. Вокзал железной дороги. Почтовая открытка начала XX в.

Ажурную легкость железнодорожной архитектуры поддерживают изображения многочисленных уральских мостов. Мосты на Урале

отличались своей высотой и сложными конструкциями, поскольку возводились нередко в горной местности над быстрыми реками с обрывистыми берегами (рис. 12).

Рисунок 12 – Мост через р. Косью около ст. Губаха Пермской ж.д.

Почтовая открытка начала XX в.

Железнодорожные видовые фотографии представляют Урал современным деловым пространством, акцентируя внимание не на проблемах, с которыми столкнулась горнозаводская промышленность Урала во второй половине XIX в. [Фомина 2008], а на технологических достижениях. Отмечая парадный характер туристических фотографий и выборочность взгляда, нельзя не признать, что они зафиксировали важные для уральского индустриального ландшафта образы. Неслучайно железная дорога заслужила редкую для уральских впечатлений похвалу А.П. Чехова [Чехов 1976: 71].

Первые фотографические изображения Урала во многом становятся визуализацией устойчивых представлений об уральском пространстве, которые сложились в русской культуре благодаря литературным и публицистическим произведениям. Урал предстает как самобытный горнозаводский край, славный своими большими заводами, сильными

реками, текущими среди густых лесов и скалистых берегов, живописными горами, которые резко отличают уральский ландшафт от привычного среднерусского пейзажа.

Однако необходимо отметить, что фотографический образ не только воспроизводит устоявшиеся образы и смыслы. Природа фотографического кадра, а также туристическая направленность видовых фотографий по-новому выстраивают символические локусы и сюжеты, меняя акценты в общей палитре смыслов. Благодаря масштабности влияния фотографические изображения Урала закрепляют эти изменения в образе уральского пространства.

Установка на туристический интерес делает уральское пространство не только более выразительным в визуальном и эмоциональном отношении. Важной миссией фотографических изображений становится более широкий и подробный, чем в прежних вербальных репрезентациях, охват уральского пространства. Усиливая друг друга, эти процессы приводят к изменению символических значений отдельных районов и региона в целом. Фотография завершает начатое в путевой очеркестике Д.Н. Мамина-Сибиряка утверждение Чусовой в качестве главной реки Урала. Заметно смещение интереса в сторону Южного Урала – здесь располагаются самые эффектные горные пейзажи. Фотография вновь подогревает интерес к уральской горной промышленности, которая переживает в конце XIX в. глубокий кризис. Фотография делает горную промышленность предметом туристической этнографии. Выделяются разного рода странные и экзотические локусы, овеянные местными легендами и преданиями вроде Чёртова городища, памятника вогулу или Невьянской башни, что усиливает значения загадочности и необычности пространства. Использование съемки с высокой точки, связанное с феноменом видовых площадок, поднимает взгляд наблюдателя и заставляет воспринимать окружающий ландшафт как масштабное и динамичное пространство. Фотография не только иллюстрировала, но и оценивала пространство изображения, предлагая

увидеть его сквозь призму визуально эффектных и символически значимых образов.

6.3. Образы Урала в репортажных фотографиях конца XIX – начала XX в.

С развитием фотографической техники репортажная съемка начинает превращаться в самостоятельный вид фотографического искусства. Репортажные фотографии активно используются и в сфере туризма – путеводителях и видовых открытках. Репортажные образы, представленные в путеводителях и на туристических открытках, отражали более динамичное и эмоциональное видение пространства. В данном параграфе мы покажем, как повлияли туристические репортажные фотографии конца XIX – начала XX в. на становление визуальных образов уральского пространства.

Следом за фотографом А.А. Колосовым определим репортажность как особый вид съемки, «который выходит за рамки репортажа-жанра и подразумевает, прежде всего, неприятие постановочной фотографии, вмешательства фотожурналиста в происходящие и фиксируемые события» [Колосов 2006: 24]. Репортажная фотография, в силу того что для ее производства требовались особые технические условия – мобильность камеры, короткая экспозиция, легкие фоточувствительные материалы (бумага и пленка вместо стекол), появилась в числе фотографических жанров далеко не сразу. Первые репортажные фотографии относятся к периоду Крымской войны (1853–1856) и Гражданской войны в США (1861–1865). Их авторами стали Роджер Фентон, Джорж Бернанд, Александр Гарднер, Дж. Робертсон, Тимоти О’Саливан. Поворотным этапом формирования репортажного фотографического жанра считается цикл лондонских уличных фотографий Джона Томсона и журналиста Адольфа Смита, которые показали эмоциональные и эстетические возможности внестудийной съемки. Конечно, эти фотографии не могли быть полностью непостановочными, но сам факт переноса камеры на улицы города,

активное взаимодействие с героями съемки во время их повседневных занятий навсегда изменили развитие фотографии.

В России фоторепортаж развивается не менее динамично, формируя свою плеяду ярких фотографов и осваивая разные сферы текущей жизни. В историю российской репортажной фотографии вошли имена Ивана Болдырева, первым применившего репортажные методы при съемке казачьих станиц; Максима Дмитриева, сделавшего удивительный по своему эмоциональному воздействию цикл фотографий «Неурожайные 1891–1892 годы в Нижегородской губернии»; Петра Павлова, который снимал повседневную жизнь Москвы в конце 1890-х.

Заметим, что съемки городов начинают формировать отдельное направление репортажной фотографии. Городская фотография оказывается востребованной в туристических странах, например в Италии, но постепенно распространяется повсеместно, обнаруживая свою привлекательность как важный инструмент для развития массового туризма, в том числе внутреннего. В России в этой сфере, помимо уже названного Павлова, работают фотографы И. Бианки, И. Ностиц и многие др. В силу массового увлечения фотографией в каждом российском городе открываются свои фотоателье, при которых работают штатные фотографы. При этом они не ограничиваются портретной фотографией, осваивая другие фотографические жанры, в том числе пейзажные и бытовые.

На Урале самым известным фотографом, который активно применял новые подходы в фотографии, в том числе репортажную съемку, был екатеринбургский фотограф, издатель Вениамин Леонтьевич Метенков, видовые фотографии которого уже были представлены нами выше. Материалами этого раздела служат репортажные фотографии автора.

Главной особенностью репортажного изображения считается его эмоциональное воздействие на зрителя. Природа этой эмоциональности связана с динамическим характером изображаемого: зритель попадает в ситуацию наблюдения за событиями реальной жизни во всём ее

многообразии и подробностях. Сочетание динамики и документальности становится залогом особого доверия и эмоционального отклика. Репортаж не просто фиксирует, он рассказывает историю из жизни, начало и конец которой могут находиться за кадром, но легко реконструируются воображением на основе плотности и подробности представленных образов, будь то люди, здания или природные объекты. Это повествовательное качество первых репортажных фотографий отметила искусствовед, историк фотографии Ирина Толкачева: «Фотографии Фентона не показывали трупов или других печальных последствий битвы, как фотографии американской Гражданской войны, но, если дать себе труд вчитаться, они рассказывают содержательную историю. Портреты офицеров и солдат не содержат драмы или риторики, они не позируют тщательно, не сняты с возвеличивающей точки зрения. Группы ясно выражают в основном идею “сцен жизни в лагере”, но внутри традиционных композиционно-содержательных моделей – потертость солдат, запустение окрестностей, скудость снаряжения и разнородность одежды рассказывают свою собственную историю» [Толкачева 2007].

Подобная повествовательность может быть обнаружена и в репортажном изображении пространства. Выделим несколько кейсов, которые проявляют механизмы репортажной нарративизации в фотографических открытках рубежа XIX–XX вв. В этом отношении мы будем исходить из понимания визуального нарратива как изображения изменений в состоянии объекта. Определяя характер визуального нарратива в сравнении с нарративом вербальным, Н.В. Злыднева отмечает: «Если опираться не на различия, а на общее между вербальным и визуальным повествованием, следует признать, что их объединяет наличие признака времени. Повествование в изобразительном искусстве справедливо усматривается там, где есть компонент времени, т. е. темпоральность [Sonesson 1997]» [Злыднева 2013: 19]. Темпоральность, продолжает автор, может быть выражена не только суммой эпизодов (как в житийной иконе

или лубке), но и в форме изображения действия, движения. Следуя этому важному для нас утверждению, попробуем зафиксировать те особенности видовой репортажной фотографии, которые направлены на воссоздание движения и связанного с ним изменения в состоянии героя или ситуации, а также в состоянии зрителя.

Самым распространенным жанром видовой фотографии является пейзаж – городской и природный. С ростом популярности почтовых открыток фотографы начинают искать идеи для разнообразия видов и обращаются к живописному приему стаффажа, т. е. включения элементов, которые служат для оживления пейзажа. Чаще всего в качестве стаффажа в живописи выступали животные и люди. Вот и на фотографических пейзажах начинают появляться люди и животные, однако в отличие от живописного пространства их роль заметно возрастает. Особенно это бросается в глаза на фотографиях с природными пейзажами. Так, например, на уральских открытках повторяется прием включения человека или группы людей в традиционные горные пейзажи (рис. 13).

На наш взгляд, этот прием активизирует внимание зрителя, заставляя его всматриваться в неожиданную подробность. Исходя из специфики коммуникативной ситуации, связанной с туристической сферой бытования почтовых открыток, возникающий при этом эффект разглядывания запускает познавательно-нарративный механизм: что это за люди, как они дошли до вершины, можно ли добраться до этого места самостоятельно. Таким образом, в статичном пейзаже появляется герой, его история покорения вершины, которая интересна зрителю в качестве потенциального туристического опыта. Благодаря этим героям зритель примеряет на себя представленный сюжет, а значит, включается в него эмоционально.

Рисунок 13 – В.Л. Метенков. Скала на вершине горы Уреньги, близ г. Златоуста

Отметим еще один повторяющийся в уральских фотографических пейзажах оживляющий элемент, который самым непосредственным образом связан с движением и воссозданием эффекта длительности времени. Это дым – одна из ключевых и постоянных визуальных доминант уральского пространства как индустриального, горнозаводского края (рис. 14).

Попытка фотографов запечатлеть мерцающую фактуру заводского дыма заставляет разглядывать его нечеткое изображение и чувствовать силу ветра, запах, затуманенность зрения. За счет своей размытости он срабатывает как катализатор ощущений. Дым, особенно черный, обладает напряженной символической аурой, это тревожный образ, он нередко связан с опасными событиями жизни, поэтому его появление в кадре запускает ассоциативные механизмы и заставляет оценивать изображение сквозь призму этих ассоциаций. Из стаффажа, таким образом, дым превращается в символическую и эмоциональную деталь, которая маркирует уральский заводской пейзаж, а статический пейзаж оживает, превращаясь в динамичный микросюжет уральского пространства.

Рисунок 14 – В.Л. Метенков. Березовский завод. 1890-е гг.

Другим вызовом репортажной фотографии рубежа веков становится современный механический транспорт. Желание запечатлеть его скорость подталкивает фотографов к поиску новых выразительных возможностей. Почтовые открытки с удовольствием тиражируют изображение поездов, идущих на всех парах, а также пароходов, рассекающих речные волны. Присутствие в кадре движущихся объектов заставляет фотографа искать такой ракурс, который позволит это движение передать. Так, чтобы получить динамичный кадр в окрестностях Косотурихи, Метенкову нужно было найти точку съемки, которая позволила бы не просто запечатлеть глубину и кривизну железнодорожной выемки, но и воссоздать скорость поезда, по ней идущего. Поэтому был выбран ракурс сверху и чуть сбоку, который подчеркивал глубину пространства, но в то же время не отрезал его перспективу: повторяющиеся изгибы выемки, длина поезда, показавшегося под мостом, густые клубы дыма, в которых утопает мост и стоящие на нем люди, ощущение приближения поезда к точке съемки – всё это создает эффект движения, скорости (рис. 15).

Рисунок 15 – В.Л. Метенков. Выемка в горе Косотур близ станции Златоуст. Почтовая открытка начала XX в.

Масштабы пространства и высокая скорость движения ощущаются также благодаря наличию в кадре людей, развернувшихся навстречу паровозу. Кадр объединяет несколько динамичных сюжетов, которые собираются вокруг быстро движущегося поезда. Выстраиваясь в повествование, они помогают подчеркнуть особенности местного ландшафта – в данном случае кривизну и динамику уральских гор.

Еще одной находкой фотографических открыток можно назвать поиск ракурса, который мог бы создать иллюзию съемки в движении. Например, из окна вагона или с палубы парохода. Эта визуальность уже начала складываться в современных очерковых путешествиях: новые средства передвижения заставили путешественников по-новому увидеть пространство – более дискретным, но в то же время более динамичным. Например, среди самых распространенных кадров почтовых открыток с изображением железнодорожных вокзалов – фотографии, снятые со стороны привокзальной площади (рис. 16).

Рисунок 16 – В.Л. Метенков. Вокзал. Челябинск. Почтовая открытка начала XX в.

На этих снимках появляется органичная динамика, связанная с ощущением прибывающего поезда. Нечто подобное происходит при съемке берега со стороны реки: появляется чувство реального движения вдоль берега и пространство начинает двигаться по отношению к наблюдателю (рис. 17).

Закончим наш обзор репортажных приемов, обратившись к жанровым фотографиям, которые изображают сцены из повседневной жизни. Снимая Урал и уральцев, Метенков считал необходимым запечатлеть повседневные занятия местных жителей. Он снимал массовые гуляния, заводские мастерские, работу золотоискателей, стараясь не использовать постановочные кадры (рис. 18).

Рисунок 17 – Торговый дом «Бр.Каменские». Пароход «Алексей».
Почтовая открытка начала XX в.

Рисунок 18 – Группа сапожников за работой в мастерской. Конец
XIX – начало XX в.

Естественные позы и обстановка, повседневное выражение лиц и то, что герои съемки мало обращают внимание на фотографа, создают эффект включения в ситуацию, нахождения зрителя внутри кадра. Естественная подробность кадра дает возможность для рассматривания и соединения наблюдений, а заданная диагональная композиция – с акцентом на одном из

рабочих, который удивленно смотрит в объектив, предлагает движение взгляда, который собирает повествовательную линию фотографии.

Активизация восприятия за счет иллюзии погружения в ситуацию, выбор необычных ракурсов съемки, которые заставляют пространство двигаться, оживление пространства за счет использования эмоциональных кинетических деталей способствуют формированию нового пространственного восприятия, в основу которого ложится эмоциональное переживание. Движение, переданное в кадре, активизирует процессы воображения, заставляет зрителя переживать и одновременно искать объяснение. Фотография превращается в визуальный нарратив, динамика которого связана с погружением в процесс эмоционального взаимодействия с пространством.

Репортажные фотографические элементы и сюжеты, которые активно использовались в путеводителях и почтовых открытках, снимали статичность видовых фотографий, делая пейзаж более аттрактивным и динамичным. Репортажные фотографии подчеркнули глубину и скалистость уральского ландшафта, поддержав развитие теллурической семантики. В то же время репортажная фотография акцентировала внимание на особенностях горнозаводских занятий уральцев.

Выводы по шестой главе

1. Развитие массового туризма в конце XIX в. привело к формированию самостоятельной информационной сферы, одним из основных жанров которой становятся массовые туристические путеводители. Предметом описания в путеводителях являются туристические маршруты, что позволяет рассматривать их в качестве травелогов. Кроме того, региональные путеводители активно включали в свое содержание материалы путевых очерков, которые являлись основным источником литературного описания большинства российских регионов. В нашем исследовании были проанализированы уральские путеводители

В.А. Весновского, ставшие первой попыткой целостного описания региона как предмета туристического внимания. Представление пространства в путеводителях, в связи с вовлекающими установками туристической сферы, опирается на приемы нарративизации: на уровне макроструктуры она реализуется в маршруте путешествия, на уровне содержания – в описании достопримечательностей. Дискурсивными приемами нарративизации служат приемы эмоционального вовлечения читателя: репортажное описание, заимствованное из путевой очеркистики, обращение к личному опыту читателя, а также драматизация повествования, связанная с установкой на действующего и чувствующего героя. В результате сделан вывод о том, что первые уральские путеводители активно включились в процессы объединения геокультурных значений уральского пространства, предложив сюжеты для его целостного прочтения и множество вовлекающих нарративов, посвященных отдельным локусам.

2. Важные изменения образа уральского пространства произошли в другой сфере, связанной с развитием массового туризма, – туристических фотографиях, которые были представлены в путеводителях и особенно ярко на почтовых открытках. Почтовые открытки и путеводители сыграли роль влиятельных кодировщиков пространства, которые представляют образ Урала в соответствии со своими коммуникативными установками. Туристическая направленность видовых фотографий приводит к отбору пространственных доминант, соответствующих статусу достопримечательности. Завершается утверждение Чусовой в качестве главной реки Урала. Происходит смещение интереса в сторону Южного Урала, поскольку здесь располагаются самые эффектные горные пейзажи. Доминантой Уральских гор становится гора Таганай, которая венчает группу высоких хребтов в районе Златоуста. Горнозаводское производство представлено в качестве предмета туристической этнографии. Особый интерес связан с мифами и легендами региона, а также историческими сюжетами, которые обладают качествами драматического повествования.

Постоянным ракурсом изображения становится вид сверху, что подчеркивает глубину и масштабность пространства.

3. Репортажные фотографии, которые с ростом технических возможностей и мастерства фотографов начинают всё активнее использоваться в туристической сфере, вносят свои изменения в представления об уральском пространстве. Репортажная нарративизация дает дополнительные возможности для вовлекающего представления пространства. Появление людей в кадре, попытка запечатлеть динамические явления, вроде вырывающегося из трубы дыма или движущегося поезда, способствуют формированию нового пространственного восприятия, в основе которого лежит эмоциональное переживание. Вместе с тем репортажная фотография акцентирует в образе Урала те динамические сюжеты, которые связаны с особенностями ландшафта и уклада жизни. Репортажная фотография закрепляла в представлениях об Урале горнозаводскую семантику, продолжая формирование образа горной страны, созданного в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе представлена эволюция образа Урала на этапе его первоначального литературного освоения, которое состоялось в путевой очеркистике конца XVIII – начала XX в. Последовательно решая задачи исследования, мы подтвердили наши гипотезы: травелоги послужили тем жанром словесности, в котором началось формирование литературного образа Урала; жанрово-тематические особенности травелога, прежде всего его способность связывать пространство, привели к формированию целостного образа региона; характер созданного образа во многом определялся социокультурными факторами производства и бытования путевых текстов, такими как способ передвижения и коммуникативные установки сферы распространения травелогов .

Интерпретация ключевого понятия исследования – травелога – опирается на определение, данное Е.Р. Пономаревым, который предложил рассматривать травелог как метажанр, объединяющий множество разновидностей путевых текстов, связанных с описанием реального путешествия.

Концептуальной основой исследования послужила теория локального текста культуры, разработанная в рамках структурно-семиотического подхода к изучению пространства. В то же время для характеристики образа уральского пространства нами были использованы дискурсивный подход и метод литературного картирования, позволившие показать взаимосвязь между экстралитературными факторами травелога и восприятием пространства. Необходимость изучения этой взаимосвязи объясняется документальной природой и функциональной спецификой травелога, который является дискурсивным воплощением конкретной социокультурной деятельности – путешествия.

Исследование было выполнено на обширном материале, который охватывает путевые публикации разных путевых жанров начиная с конца XVIII в., когда началось систематическое описание уральского региона.

Финальная отметка периода исследования связана с общекультурным сдвигом в жизни страны, который произошел после 1917 г. Всего было изучено более 140 произведений, общий объем которых превышает 12 000 страниц. Это путевые дневники академиков И.И. Лепехина, П.-С. Палласа, Н. Рычкова и И.-П. Фалька, написанные в ходе уральских экспедиций конца XVIII в.; путевые очерки и письма писателей и журналистов XIX в. Ф.Ф. Вигеля, А.И. Герцена, П.И. Мельникова-Печерского, П.И. Небольсина, В.Е. Вердеревского, Ф.М. Достоевского, П.А. Кропоткина, В.И. Немировича-Данченко, Д.Н. Мамина-Сибиряка, И.С. Левитова, К.М. Станюковича, С.А. Кельцева, Е.Ф. Шмурло, Н.Д. Телешева, А.П. Чехова, В.А. Поссе; путевые очерки и заметки уральских журналистов и писателей рубежа XIX – XX вв. Н.П. Белдыцкого, Н.М. Чукмалдина, В.Я. Кричевского, Ф.А. Мейера, А.Н. Скугарева, С.С. Геммельмана, Н. Пруса, А.А. Городкова; уральские путеводители В.А. Весновского, уральские выпуски изданий «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (1901 г.) и «Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей» (1914 г.); почтовые открытки с фотографическими изображениями Урала, сделанными В.Л. Метенковым и С.М. Прокудиным-Горским. Большинство из перечисленных источников впервые вводятся в научный оборот или становятся предметом целостного рассмотрения.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим основным выводам:

1. Уральские травелоги XVIII – начала XX в. послужили теми источниками, в которых произошло литературное открытие уральского пространства. Благодаря особому связующему характеру повествования, построенного на описании путешествия, травелоги отражают пространство в виде динамических нарративов, в основу которых ложится маршрут путешествия. В результате наложения путевых текстов, связанных с

локализацией основных путей сообщения по Уралу, формируется устойчивая карта маршрутов-нарративов, включающих повторяющиеся значения, образы и сюжеты. Всё это позволяет говорить о конструирующих по отношению к образу уральского пространства функциях травелога.

2. Отчеты уральских академических экспедиций конца XVIII в. представили первые литературные описания Урала. Следуя традиции объединения научной и художественной рефлексии, характерной для научных произведений XVIII в., путевые отчеты способствовали формированию семантических презумпций – ассоциированных с регионом константных значений. Основные из них сгруппировались вокруг представления о древности уральской земли: палеонтологические находки и чудские древности (чудские копи, древние городища и вогульские капища). Также были сформированы значения культурно-исторической общности Урала и Сибири, родства чудского и русского народов, языческой природы автохтонной культуры региона.

3. В писательском травелоге первой половины XIX в. складывается образ уральского фронта, пограничной полосы между центральной Россией и Сибирью. Ландшафтообразующим локусом оказывается Сибирский тракт, с которым связано большинство травелогов этого периода. Сибирский тракт соединяет такие элементы уральского пространства, как перевал через Уральский хребет, пересечение евро-азиатской границы, арестантские обозы, татарские и башкирские поселения, исторически сложившиеся вдоль линии основного соприкосновения с русской колонизацией. Благодаря этим элементам в образе Урала закрепляются значения экзотической окраины, преддверия Сибири, евро-азиатского рубежа. Горнозаводская тема уральского пространства, заявленная в путевых отчетах академических экспедиций конца XVIII в., в писательских травелогах начала XIX в. звучит приглушенно. Негативное восприятие современной жизни Урала объясняется обстоятельствами путешествия, которые носили транзитный характер.

4. В 1870–1880-х гг. начинается новый этап литературного освоения Урала, который связан с формированием самобытного образа горной страны. В путевых очерках В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка происходит первое художественное обобщение пространственных значений уральского региона и формирование первых геопоэтических образов. В.И. Немирович-Данченко создал мифологически емкий образ уральского мира, центром которого являлся тяжелый горнозаводской труд. Маршрут путешествия Немировича-Данченко позволил значительно расширить уральское пространство, в предыдущих путевых описаниях сосредоточенное вдоль линии Сибирского тракта. Кроме того, писатель целенаправленно объединил западную пермскую и восточную екатеринбургскую части Урала, подчеркнув их геокультурное единство. Путевые очерки Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880–1890-х гг. представили уральское пространство как единство уникальных уральских регионов. Вместе с тем во всём многообразии маминский Урал – это прежде всего горные заводы, горные богатства и промышленный класс. Формирование в русской литературе узнаваемого образа Урала подтверждается в путевых письмах А.П. Чехова, который иронично обыграл сложившиеся в представлениях о регионе стереотипы.

5. Характеристика колористических маркеров уральского пространства в травелогах XIX в. позволила показать столкновение самобытного уральского и провинциального текстов культуры. Оригинальные геопоэтические значения уральского пространства закрепляются в описаниях природного пейзажа. Темная гамма уральского пейзажа объясняется активностью теллурических значений пространства. Другая устойчивая колористическая линия пейзажных описаний связана с «оссиановской» традицией изображения русского севера. Холодная и полупрозрачная палитра местных пейзажей усиливает ощущение загадочности и тревожности уральского пространства. При этом колористика уральских городов оказывается под влиянием

провинциального текста русской культуры. В образе Перми, ставшей выразительным примером «камских городов», ведущими оказываются черный и железисто-красный цвета заводской гари, желтый цвет воды, тусклое и грязное пространство жилых кварталов. Эта колористика отчетливо перекликается с серыми и желтыми цветообозначениями провинциального города, закрепившимися в русской литературе под влиянием Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

6. На формирование образа уральского пространства оказывают влияние экстралитературные факторы травелога. Образ пространства зависит от способа передвижения, который, в свою очередь, определяется характером путей и средств сообщения. В истории уральских травелогов XIX – начала XX в. сложились четыре устойчивых дорожных дискурса, соответствующие основным видам транспорта: поездка на повозках по проложенным трактам, сплав по горным рекам, пароход и железная дорога. Каждый из них акцентировал те значения уральского пространства, которые соответствовали особенностям чувственных впечатлений путешественника и маршрута передвижения. Соотношение чувств выстраивается в каждом виде путешествия по-разному, заставляя путешественника особым образом воспринимать окружающее. Поездка в повозке, например, позволяет сохранить основные ощущения человека, непосредственно включенного в пространство: объемное видение, слуховые и тактильные ощущения, связанные с переменной погоды, дорожного покрытия, звукового фона. Для путешествия на пароходе характерна плавность движения, при которой тактильные ощущения редуцируются, а роль наблюдения, наоборот, усиливается. Особенность этого наблюдения определяется достаточно распространенным сравнением пароходных видов с картиной в раме или сеансом синематографа. Пароходное путешествие было сфокусировано на покадровом отражении уральского пространства и обогатило уральский пейзаж поэтическими речными видами. Железнодорожный образ Урала связан с ощущением скорости и неровности движения, что подчеркивало

горный характер уральского пространства. Дорожные дискурсы по-разному представляли географию Урала. Гужевое путешествие акцентировало внимание на той части уральского пространства, где были проложены тракты, связывающие основные населенные пункты. Предметом описания становились крупные города и заводские поселения. Особую роль играли перевалы через Уральские горы. В этот период формируется образ Сибирского тракта. Сплав перенес внимание на внутренние реки Среднего Урала – Чусовую и Косьву, представив их в качестве ключевых ландшафтов горнозаводского Урала. Пароходное путешествие проявило связи Урала с Поволжьем. Река Кама становится главными воротами Урала. Железнодорожное путешествие возвращает внимание к горнозаводским локациям Урала: заводам, горным массивам и перевалам.

7. Среди экстралитературных факторов, оказывающих влияние на образы географического пространства в травелоге, важное место занимают коммуникативные установки авторов. Эти интенции складываются в том числе под влиянием характера изданий, для которых создается травелог. Газетные травелоги конца XIX – начала XX в. демонстрируют свойственные ежедневной прессе черты оперативности и злободневности и актуализируют в образе уральского пространства значения, связанные с текущей современностью. Газетная публицистика в значительной степени повлияла на формирование железнодорожного дискурса уральских травелогов: репортажный, быстрый ритм газетного повествования совпал с динамикой железнодорожного путешествия. Газетные очерки способствуют утверждению динамичного делового образа Урала, обновляя и усиливая горнозаводские значения локального текста. Благодаря развитию региональной газетной печати складываются постоянные рубрики, посвященные путешествиям местных авторов по внутренним областям Урала. Местные травелоги намечают новые маршруты на литературной карте Урала, проявляя ранее не освоенные пространства. Пермские газетные травелоги представляют выразительные образы

вишерского Урала, Сылвы, Белой горы, Северного Зауралья, «пермской» Башкирии. Кроме того, местные травелоги способствовали формированию новой аксиологии уральского пространства, которая была основана на утверждении самодостаточности и уникальности региона. Городские газеты этого периода вводят в сферу отечественного травелога еще одну жанровую разновидность путевых текстов – прогулку по городу. Городское пространство получает в этих путевых текстах детализированное и связное отражение, опирающееся на неформальную топонимику, эмоциональный опыт и живую речь горожан.

8. Массовые путеводители, ставшие популярными в конце XIX – начале XX в., наметили новый этап в развитии литературного образа Урала. Благодаря установке на вовлечение туристов они усиливали процессы семиотизации пространства: фокусировали внимание на выразительных достопримечательностях и эмоциональных нарративах, которые закреплялись в представлениях о регионе. Дискурсивными приемами нарративизации служат репортажное описание, заимствованное из путевой очеркистики, обращение к личному опыту читателя, а также драматизация повествования, связанная с установкой на действующего и чувствующего героя. Выстраивая достопримечательности в форме туристического маршрута, путеводители по-своему связывали и формировали уральское пространство. Важные изменения образа уральского пространства произошли в сфере туристической фотографии, которая была представлена в путеводителях и на почтовых открытках. Видовые и репортажные фотографии, выбирая в качестве предмета изображения наиболее эффектные или необычные объекты, выполняли роль влиятельных кодировщиков пространства. Благодаря своему массовому распространению они формировали визуальные доминанты, которые, с одной стороны, опирались на сложившуюся к этому времени литературную традицию описания Урала, с другой – расставляли новые акценты, меняя его символические доминанты. Завершается утверждение Чусовой в качестве

главной реки Урала. Происходит смещение интереса в сторону Южного Урала, поскольку здесь располагаются самые эффектные горные пейзажи. Доминантой Уральских гор становится гора Таганай, которая венчает группу высоких хребтов в районе Златоуста. Горнозаводское производство представлено в качестве предмета туристической этнографии. Особый интерес связан с мифами и легендами региона, а также историческими сюжетами, которые обладают качествами вовлекающего повествования. Постоянным ракурсом изображения становится вид сверху, что подчеркивает глубину и масштабность пространства. Репортажная фотография дает дополнительные возможности для вовлекающего представления пространства. Появление людей в кадре, попытка запечатлеть динамические явления, вроде вырывающегося из трубы дыма или движущегося поезда, способствуют формированию нового пространственного восприятия, в основу которого ложится эмоциональное переживание. Вместе с тем репортажная фотография акцентирует в образе Урала те динамические сюжеты, которые связаны с особенностями ландшафта и уклада жизни. Видовые и репортажные фотографии способствовали развитию представлений об Урале как особом горнозаводском мире, образ которого был создан в путевых очерках В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка.

В целом сформировавшиеся в уральских травелогах конца XVIII – начала XX в. значения, сюжеты и образы – это и есть основа уральской матрицы, которая продолжает управлять работой локальной памяти до сих пор. Кажется, что исторические романы Алексея Иванова – это беллетристическая реализация чердынских и чусовских сюжетов уральских путешествий XIX в., а «Город на Стиксе» Натальи Земсковой прочно связан с каторжно-транзитной семантикой «сибирского» маршрута уральского травелога XIX в., экспликации которой ярко проявлены в образах Перми как «мрачного и угрюмого» «просцениума Сибири» (А.И. Герцен) и «мертвенной пустоты» (П.И. Мельникова-Печерского). Конечно, самый

устойчивый геопозитический пласт уральского пространства восходит к образу горной страны, созданной в уральских очерках В.И. Немировича-Данченко и прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка. Одна из последних ярких литературных репрезентаций этой темы представлена в романе Леонида Юзефовича «Филэллин». Таким образом, обращение к уральским травелогам как первоисточнику геокультурных значений уральского пространства является важным с точки зрения литературной преемственности, а также актуальной региональной идентичности и обсуждения образно-символических ресурсов региона.

Исследование образа Урала в путевых описаниях может быть продолжено в перспективе дальнейшей литературной истории региона на материале других жанров. Интересным представляется изучение последующей эволюции образа Урала с учетом полученных в нашем исследовании результатов: тех значений и образов уральского пространства, которые сложились на первоначальном этапе его литературного освоения.

Теоретические перспективы исследования связаны с использованием предложенных в нём подходов в изучении локальных образов других регионов, чья литературная история тесно связана с путевыми описаниями. Заметим при этом, что большая часть нестоличных регионов нашей страны получили свою литературную историю благодаря путевым очеркам и заметкам. Плодотворной для исследователей локальных текстов культуры может стать идея о направляющей роли жанров в истории формирования локального образа. Обещает быть перспективным развитие дискурсивного анализа литературных образов географического пространства и, в частности, использование понятия дорожного дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Б-ов Н. По Каме и по Волге: (Дорожные наброски и заметки) // Пермские губернские ведомости (Далее – ПГВ). 1898. 3 июня. С. 2.
2. Белдыцкий Н.П. Очерки Вишерского края. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., 1899. 54 с.
3. Белдыцкий Н.П. В низовьях Печоры: (Из дорожного альбома) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 4. С. 266–274; № 5. С. 369–378; № 8/9. С. 651–659; № 11. С. 868–875.
4. Белдыцкий Н.П. Несколько дней среди ижемских зырян // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 23. С. 3–16; № 24. С. 29–37.
5. Белдыцкий Н.П. В Парме: Очерки сев. части Чердынского уезда. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., 1901. 128 с.
6. Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М.: Тип. А. Семена, 1852. 107 с.
7. Берх В.П. Путешествие в города Чердынь и Соликамск: для изыскания исторических древностей. СПб.: Печатано в военной типографии Главного Штаба его императорского величества, 1821. 234 с.
8. В. М. По реке Чусовой (Впечатления туриста) // ПГВ. 1909. 22 апреля. С. 1–2.
9. Вердеревский Е. От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги. М., 1857. 247 с.
10. Весновский В.А. Весь Екатеринбург: справочник-ежегодник: с планом города Екатеринбурга. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1903. 408 с.
11. Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник. Челябинск: Типография Л.Б. Бреслиной, 1909. 138 с.

12. Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1904. 598 с.
13. Весновский В.А. Исторические памятники в Пермской губернии: извлечено из Адрес-календаря Перм. губ. за 1915 г. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., 1915. 41 с.
14. Весновский В.А. Кунгурская ледяная пещера. Пермь: 1-я типография «Пермполиграф», 1926. 3 с., 1 л. пл.
15. Весновский В.А. Минеральные источники в Пермской губернии. Пермь: Типо-лит. Губ. правл., 1913. 27 с.
16. Весновский В.А. Путеводитель по Западно-Уральской железной дороге. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1912. 39 с.
17. Весновский В.А. Спутник туриста по Уралу. Путеводитель по курортам Урала. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1902а. 117 с.
18. Весновский В.А. Путеводитель по Уралу. Издание первое. Екатеринбург: Типография ежедневной газеты «Урал», 1899. 576 с.
19. Весновский В.А. Спутник туриста по Уралу. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1902. 96 с.
20. Весновский В.А. Целебные силы Урала. Пермь: Электро-тип. Губ. земства, 1916. 20 с.
21. Весновский В.А. Экскурсии по окрестностям Перми. На пароходе вниз по реке Каме. Вып. 1. Пермь, 1926б. 8 с.
22. Весновский В.А. Экскурсии по окрестностям Перми. На пароходе вверх по Каме: Пермь-Добрянка. Вып. 2. Пермь, 1926в. 7 с.
23. Вигель Ф.Ф. Записки [1805–1806 гг.] // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв.: сб. / Объединение муницип. б-к г. Перми, Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева); сост.: Д.А. Красноперов; ред. Т.И. Быстрых; вступ. ст. Е.Г. Власова. Пермь, 2011. С. 20–32.

24. Вышеславцев В.И. Очерк из путешествия к Уралу по реке Вишере // ПГВ. 1895. 1 декабря. С. 1–2.
25. Гамма. На лету // ПГВ. 1906. 11 апреля. С. 3.
26. Гамма. Письма в Москву // ПГВ. 1903. 12 октября. С. 4.
27. Герберштейн С. Записки о Московских делах. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1908. 383 с.
28. Герцен А.И. Вторая встреча (Посвящено барону Упсальскому) // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 1. Произведения 1829–1841 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 123–130.
29. Герцен А.И. Н. И. Сазонову и Н.Х. Кетчеру // Собр. соч.: в 30 т. Т. 21. Письма 1832–1838 гг. М., 1961. С. 43–46.
30. Герцен А.И. Захарьиной Н.А., 6–12 июня 1835 г., Вятка // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 21. Письма 1832–1838 гг. М., 1961. С. 42.
31. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 1. М.: Наука, 1954. С. 139–170.
32. Гукс В. Маленький фельетон // ПГВ. 1902. 25 декабря. С. 3.
33. Дмитриев В. И мое путешествие в дикие страны отечества // Ореады. 1809. № 1. С. 25–64.
34. Достоевский Ф.М. М.М. Достоевскому от 30 янв. – 22 февр., Омск // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. М.: Наука, 1985. С. 168.
35. Достоевский Ф.М. А.И. Гейбовичу от 23 окт. 1859, Тверь // Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 1. М.: Наука, 1985. С. 361–362.
36. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972. 543 с.
37. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П.П. Семенова. М., СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1881. Т. 1, ч. 1. Северная Россия. 492 с.; М., СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1901. Т. 8, ч. 2. Приуральский край. 311 с.

38. Зарубин И.И. Вокруг Азии. Путевые заметки // Русский вестник. 1881. № 1. С. 273–310; № 3. С. 102–153; № 5. С. 305–358; № 8. С. 581–646.
39. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Издание «Русского архива» с подлинной рукописи. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. 240 с.
40. Зеленин Д. Месяц в Башкирской деревне // Природа и люди. 1909. № 37. С. 581–583; № 38. С. 606–608.
41. Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. СПб., 1910. 199 с.
42. Кельцев С.А. От Москвы до Екатеринбурга (Из путевых заметок) // Кельцев С.А. Из поездки на Урал. М., 1888. С. 1–72.
43. Кичеева В. В страну золота и печали (Путевые наброски) // Колосья. 1890. № 9. С. 88–115.
44. Кропоткин П.А. Дневник П.А. Кропоткина. Документы по истории литературы и общественности. Вып. 4. М.-Петроград: Гос. изд-во, 1923. 292 с.
45. Кропоткин П.А. Дневники // По Каме и Уралу: Путевые записки XIX – начала XX вв. / Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина. Пермь, 2011. С. 97–109.
46. Круковский М.А. В степях Башкирии вольной // Вокруг света. 1914. № 12. С. 181–186.
47. Круковский М.А. На исчезающей реке и в таинственных пещерах Урала: Из летних экскурсий этнографа // Вокруг Света. 1909. № 2. С. 26–31; № 3. С. 43–45.
48. Латкин В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 гг. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1853. Ч.1. 154 с., Ч.2. 143 с.
49. Левитов И.С. От Москвы до Томска // Русская мысль. 1883. № 7. С. 1–30.
50. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского

- Государства. Ч. 1–4. СПб.: при Имп. акад. наук, 1771–1805. Ч. 2. 1772. 338 с.; Ч. 3. 1780. 376 с.
- 51.Макк А. В вагоне // ПГВ. 1907. 1 июля. С. 3.
- 52.Макк А.А. (Городков А.А.) Кама: (От Чердыни до Перми). Путевые впечатления // Светоч и дневник писателя. 1913. № 3. С. 55–77; № 5/6. С. 3–25; № 7/9. С. 38–55; По Каме // Светоч и дневник писателя. 1913. № 11. С. 5–19; № 12. С. 18–34.
- 53.М. Ф. В глуши (Из путевых заметок) // ПГВ. 1895. 21 марта. С. 2–3.
- 54.М-р Ф. До Тулпана (Из путевых набросков) // ПГВ. 1898. 2 августа. С. 2–3
- 55.М-р Ф. До Верхотурья (Из путевых заметок) // ПГВ. 1898. 27 октября. С. 2.
- 56.М-р Ф. Кама // ПГВ. 1899. 6 июня. С. 2.
- 57.М-р Ф. По Вишере (Из путевых набросков) ПГВ. 1898. 8, 9, 10 января. С. 2.
- 58.Мамин-Сибиряк Д.Н. Бойцы: Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит., 1953. Т. 1. С. 449–593.
- 59.Мамин-Сибиряк Д.Н. В камнях. Из путешествия по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр.соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Правда, 1958. С. 137–168.
- 60.Мамин-Сибиряк Д.Н. В камнях: Из путешествия по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 446–478.
- 61.Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург: исторический очерк // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Екатеринбург: Свердловгиз, 1951. С. 238–290.
- 62.Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худ. лит., 1981. Т. 4. С. 7–272.

63. Мамин-Сибиряк Д.Н. На кумысе. Из летних экскурсий // Мамин-Сибиряк Д.Н. Повесть и рассказы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. С. 270–316.
64. Мамин-Сибиряк Д.Н. Мертвое озеро. Из летних экскурсий // Мамин-Сибиряк Д.Н. Повесть и рассказы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. С. 86–104.
65. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Зауралья до Волги. Путевые картинки // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 370–400.
66. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Худ. лит., 1955. С. 249–402.
67. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // В Парме. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. С. 162–298.
68. Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью // Южный Урал. 1952. №№ 8–9. С. 17–87.
69. Мамин-Сибиряк Д.Н. Поездка на гору Ирмель. Из летних экскурсий // Южный Урал. 1955. №№ 13–14. С. 173–187.
70. Мамин-Сибиряк Д.Н. Самоцветы // Статьи и очерки. Свердловск: ОГИЗ, 1947. С. 247–331.
71. Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1951. С. 291–338.
72. Мартынов А.Е. Живописное путешествие из Москвы до Китайской границы. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1819. 67 с.
73. Мельников П. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. Статья десятая // Отечественные записки. 1839–1842. Статья первая. 1839. Т. VI. Отд. VIII. С. 55–75; Статья вторая. 1839. Т. VII. Отд. VIII. С. 1–26; Статья третья. 1840. Т. IX. Отд. VII. С. 1–12; Статья третья. 1840. Т. IX. Отд. VII. С. 41–49; Статья четвертая. 1840. Т. XI. Отд. VII. С. 35–49; Статья четвертая. Окончание. 1840. Т. XII. Отд.

VII. С. 1–9; Статья пятая. 1840. Т. XII. Отд. VII. С. 47–63; Статья шестая. 1840. Т. XIII. Отд. VII. С. 85–95; Статья седьмая. 1841. Т. XV. Отд. VII. С. 1–9; Статья седьмая. Окончание. 1841. Т. XV. Отд. VII. С. 69–78; Статья восьмая. 1841. Т. XVIII. Отд. VII. С. 1–10; Статья восьмая (Окончание). 1841. Т. XVIII. Отд. VII. С. 61–66; Статья девятая. 1842. Т. XX. Отд. VIII. С. 53–65; Статья десятая. 1842. Т. XXI. Отд. VIII. С. 1–15.

74. Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб., 2017. 232 с.
75. Мельников П. Поездка в Кунгур // Москвитянин. 1841. Ч. 3. № 5. С. 261–275.
76. Н.Л. Вниз по Каме // ПГВ. 1912. 28 июля. С. 3.
77. Наблюдатель. Первое путешествие в Курью // ПГВ. 1906. 23 апр. С. 3.
78. Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. 248 с.
79. Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и прим. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. 83–93.
80. Незаметный. Прогулка по рецепту врача // ПГВ. 1909. 20 сентября. С. 2.
81. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: Очерки и впечатления. СПб., 1890. 750 с.
82. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: очерки и впечатления [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб., 2021. 456 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalistiki/nemirovich-danchenko-kaма-i-ural.pdf (дата обращения: 30.04.2024).

- 83.Немирович-Данченко В.И. Река былых лесов (летняя поездка по Каме] // Дело. 1877. № 2, февраль. С. 107–138;
- 84.Немирович-Данченко В.И. Урал (очерки и впечатления летней поездки] // Русская речь. 1881. № 9. С. 1–48; № 10. С. 1–50; № 11. С. 1–49; № 12. С. 1–58.
- 85.Немирович-Данченко В.И. Река лесных пустынь (из поездки по Уралу] // Исторический вестник. 1882. Т. X, ноябрь. С. 241–274; Т. XI, декабрь. С. 501–541 (главки с 33 по 42).
- 86.Немирович-Данченко В.И. Колыбель миллионов // Исторический вестник. 1884. Т. XVI, июнь. С. 465–486; Т. XVII, июль. С. 98–111.
- 87.Никольский Д.П. Из поездки к лесным башкирам. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1895. 18 с.
- 88.Оглоблин Н. На р. Белой (Из путевых заметок) // Русское судоходство. 1906. № 12. С. 51–75.
89. Ончуков Н.Е. На горной Вишере // Новое дело. 1902. № 10. С. 60–62; № 11. С. 69–89.
90. Ончуков Н.Е. По Чердынскому уезду: Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. 1901. Вып. 1/4. С. 37–74.
- 91.Открытый исследовательский проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского»: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=1176> (дата обращения: 30.04.2024).
- 92.Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. [Пер. с нем.]. В 2 ч. (6 кн.). СПб.: Имп. акад. наук, 1773–1788. Ч. 2. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 г. Кн. 1. 1786. 571 с.
- 93.Пешков Д.Н. Путевые записки (дневник) от Благовещенска до Петербурга изо дня в день с 7 ноября 1889 г. по 19 мая 1890 г. во время переезда верхом на Сером. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 104 с.
- 94.По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед.

ун-т. СПб.: Маматов, 2023. 260 с. URL:
<https://mk.permkrai.ru/dokumenty/312920/> (дата обращения:
30.04.2024).

95. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академиею наук, по предложению ее президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. СПб.: при Имп. акад. наук, 1818–1825. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. 1824. 546 с.
96. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академиею наук, по предложению ее президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. СПб.: при Имп. акад. наук, 1818–1825. Т. 7. Заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам путешествия академика Фалька. 1825. 224 с.
97. Поссе В.А. В даль и глубь России // По Европе и России. Наблюдения и настроения. СПб., 1909. С. 370–409.
98. Поссе В.А. По Европе и России // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и прим. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. 240–256.
99. Прус Н. В предгорьях Урала (Наброски карандашом) // ПГВ. 1906. 2 июля, 6 июля, 9 июля. С. 2–3.
100. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т.У. Аткинсона, А.Т. фон-Миддендорфа, Г. Радде и др. / сост. А. фон-Этцель, Г. Вагнер; пер. с нем. Н. Делпиша. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1865. 518 с.
101. Р. Ф. Уголок Родины: Путевые очерки и заметки // Вестник Европы. 1908. Кн. 11. С. 263–276.
102. Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л.: Из-во Академии наук СССР, 1954. С. 253–266.

103. Рейхельт Н.Н. По северу и югу (Картинки России) // Исторический вестник. 1909. Т. 115, № 2. С. 725–733.
104. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 5. Урал и Приуралье. / под ред. В.П. Семенова. СПб.: А.Ф. Девриен, 1914. 669 с.
105. Рыбаков С.Г. По Уралу, среди башкир. Путевые очерки // Наблюдатель. 1899. № 9. С. 62–88; № 12. С. 223–248.
106. Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг. СПб.: при Имп. акад. наук, 1770–1772. Т. 1. 1770. 190 с. Т. 2. 1772. 133 с.
107. С.А.Н. По Чердынскому уезду: наброски по личным впечатлениям // ПГВ. 1895. 17 декабря. С. 2–3.
108. С. Г-н. На Богословской дороге // ПГВ. 1906. 20 июля. С. 5.
109. С. Г-н. По узкоколейке // ПГВ. 1906. 20 июля. С. 5.
110. С. Г-н. По Тобольскому тракту // ПГВ. 1906. 28 июля. С. 3–4.
111. С. Г-н. На север // ПГВ. 1906. 25 июня. С. 2.
112. С. Г-н. В пути // ПГВ. 1906. 25 июня. С. 2.
113. С. Г-н. С «девятой пятницы» (в Соликамск) // 1906. 25 июня. С. 2.
114. С. Г-н. Самородок // ПГВ. 1907. 14 октября. С. 4.
115. С. Г-н. Торжество // ПГВ. 1907. 12 октября. С. 3.
116. Ск-в А. Путевые впечатления (От Перми до Тагила и от Тагила до Алапаевска) // ПГВ. 1901. 17 апреля. С. 2.
117. Сибиряк Д. Старая Пермь // Вестник Европы. 1889. Кн. 7. С. 44–104.
118. Сидоренко М.Д. Николае-Павдинская лесная дача на восточном склоне Урала // Записки Крымского горного клуба. 1902. № 2/3. С. 41–51.
119. Сирин. Маленький фельетон // ПГВ. 1916. 4 сентября. С. 3.

120. Скандовский Н.А. Поездка на Урал в 1842 г. // Ученые записки Казанского университета. 1844. Кн. 1. С. 33–45.
121. Скупой Гальба. Мое путешествие // ПГВ. 1906. 4 июля. С. 2.
122. Скупой Гальба. Из летних экскурсий: На разлив // ПГВ. 1902. 3 ноября. С. 2.
123. Станюкович К.М. В далекие края // Станюкович К.М. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1907. С. 387–476.
124. Станюкович К.М. В далекие края // Русская мысль. 1886. № 1. С. 185–210
125. Телешов Н.Д. За Урал: Из скитаний по Зап. Сибири: Очерки. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1897. 214 с.
126. Хребтов А.К. Село Ныроб // Исторический вестник. 1906. № 7. С. 241–249.
127. Чехов А.П. Из Сибири // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 14/15. М.: Наука, 1978. С. 5–38.
128. Чехов А.П. Письмо Чеховым, 29 апреля 1890 г. // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892 / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1976. С. 70–73.
129. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1976. 656 с.
130. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 13. Пьесы 1895–1904. / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1978. 527 с.
131. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 9. Письма, 1900 – март 1901 / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1980. 616 с.

132. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902 / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1981. 600 с.
133. Чехов А.П. Случай из практики // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898–1903 / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1977. С. 75–85.
134. Чукмалдин Н.М. Поездка на Белую гору // Екатеринбургская неделя. № 25. С. 520–522; № 26. С. 539–540; Пермские епархиальные ведомости. № 16. С. 355–363.
135. Чукмалдин Н.М. Поездка на Белую гору. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1896. 16 с.
136. Фирсов А.И. По Каме // Исторический вестник. 1910. Т. 122, № 11. С. 709–732; № 12. С. 1107–1131.
137. Шестаков Я.В. Кутимский завод. (Путевые заметки) // Пермские Епархиальные Ведомости. 1893. № 11. С. 222–228.
138. Шмурло Е.Ф. Волгой и Камой // Русское богатство. 1889. № 10. С. 87–118.
139. Шмурло Е.Ф. Волгой и Камой (Путевые впечатления) // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и прим. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. 211–222.
140. Я-ский К. (Колычев А.А.) От Томска до Яренска: Дорожные наблюдения и встречи // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1901. № 1. С. 9–15; № 2. С. 30–35; № 3. С. 7–20; № 4. С. 7–6; Сибирский Наблюдатель. 1901. Кн. 5. С. 67–74.
141. Янышевский Э.П. Уральская горнозаводская железная дорога и Верхотурский край: путевые впечатления. Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1887. 47 с.

142. Little man. Мотовилихинский клуб // ПГВ. 1901. 10 октября. С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев В.В. Биармия и Пермь [Электронный ресурс] // Сайт Пермской региональной общественной организации по продвижению культурных и молодежных проектов «КАМВА». 22 июля 2012. URL: <http://www.kamwa.ru> (дата обращения: 3.04.2024)
2. Абашев В.В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в истории русской культуры и литературы XX века. Пермь, 2008. С. 473–493.
3. Абашев В.В. «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках Вас.И. Немировича-Данченко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 67–78.
4. Абашев В.В. К истории геопэтики Урала: очерки Вас.Ив. Немировича-Данченко // Литература Урала: история и современность: сб. ст. V Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 08–09 октября 2009 г. / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2010. Вып. 5. С. 192–200.
5. Абашев В.В. Мамин-Сибиряк: у истоков геопэтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 51–59.
6. Абашев В.В. В.И. Немирович-Данченко // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / В.В. Абашев, И.А. Айзикова, К.В. Анисимов [и др.]; гл. ред. Е.К. Созина; УрО РАН, Ин-т истории и археологии. М.: ЯСК, 2020. Кн. 1. С. 561–572.
7. Абашев В.В. Неосвязаемое тело города. Опыт работы со смыслом // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 10–16.
8. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2000. 404 с.

9. Абашев В.В. Путешествие с доктором Живаго: Борис Пастернак в Пермском крае. СПб., 2010. 98 с.
10. Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики: учеб. пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. 140 с.
11. Абашев В.В. Увидеть Урал: ландшафтные описания Вас.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 25–31.
12. Абашев В.В. Урал в монументальной геопанораме (очерк М.В. Малахова в «Живописной России») // Уральский исторический вестник. 2018. № 2. С. 59–67.
13. Абашев В.В., Абашева М.П. Литература и география: Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2 (19). С. 143–151.
14. Абашев В.В., Абашева М.П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 81–90.
15. Абашев В.В., Власова Е.Г. Цифровая картография в исследованиях литературы: опыт интерактивной карты по книге «Кама и Урал» В.И. Немировича-Данченко // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. Ч. 2. С. 7–10.
16. Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4. С. 98–104.
17. Абдуллина Л.И. Творческая мастерская: индивидуальный почерк и территориальное самосознание // Геопозитика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст. / отв. ред. А.И. Куляпин; АлтГПУ. Барнаул, 2016. С. 5–15.
18. Абиева Н.А. Межсемиотический перевод в основе экфрастического текста // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения

- / Ин-т регион. культуры и литературовед. исслед. им. Францишка Карпиньского. Siedlce, 2018. С. 191–209.
19. Автухович Т. И снова об экфрасисе // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / Ин-т регион. культуры и литературовед. исслед. им. Францишка Карпиньского. Siedlce, 2018. С. 7–13.
20. Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 266 с.
21. Алеврас Н.Н. Карьера русского публициста (В.А. Весновский в газете «Урал») // Вестник ЧелГУ. 1993. № 2. С. 79–86.
22. Александрова-Осокина О.Н. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241.
23. Александрова-Осокина О.Н. Поэтика дальневосточного пейзажа в книге Н.М. Пржевальского «Путешествие в уссурийском крае» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 71–82. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-3-71-82>
24. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. Иркутск: ОГИЗ, 1941. 609 с.
25. Амелин Г., Мордерер В. Письма о русской поэзии. М.: Знак, 2009. 424 с.
26. Анисимов К. Ермак в истории и литературе [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2003. 19 февраля. URL: http://old.russ.ru/krug/20030219_anis-pr.html (дата обращения: 30.04.2024).
27. Анисимов К.В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «Воображение» имперских окраин и поэтика повествования

- (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 5–21.
28. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореф. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 48 с.
29. Анисимов К.В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография (раздел в коллективной монографии) // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. С. 21–51.
30. Анисимов К.В., Созина Е.К. История литературы Урала в контексте региональных исследований // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 272–284.
31. Аннинский Л.А. Три еретика. Повести о А.Ф. Писемском, П.И. Мельникове-Печерском, Н.С. Лескове. М., 1988. 352 с.
32. Анциферов Н.П. «Непостижимый город...»: сб. СПб.: Лениздат, 1991. 333 с.
33. Архипова Н. В.Н.Татищев – первопроходец уральской географии [Электронный ресурс] // Уральская старина. 2003. Вып. 5. URL: <https://urbibl.ru/Knigi/uralskaya-starina/vip-5-5.html> (дата обращения: 30.04.2024).
34. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Сторителлинг дестинаций как современная технология туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11, № 3. С. 7–24. <https://doi.org/10.22412/1995-0411-2017-11-3-7-24>
35. Балла О. Наука странствий: корни и перспективы [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2013. 23 апреля. URL:

<https://gertman.livejournal.com/143565.html> (дата обращения: 30.04.2024).

36. Баньковский Л. Пермистика // Пермистика. Пермь, 2009. С. 7–190.
37. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. 1989. 616 с.
38. Батюшков К.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. 511 с.
39. Беженару Л.Е. Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопэтики // *Historia Provinciae*. Журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 3. С. 975–1026.
40. Беньямин В. Бодлер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 224 с.
41. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001. С. 269.
42. Бердичевская А. Город трех сестер // *Вечерняя Пермь*. 1971. 3 декабря. С. 2.
43. Блажес В.В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке (исследования и тексты). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 186 с.
44. Богословский П.С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // *Пермский краеведческий сборник*. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 16–29.
45. Богословский П.С. Пермский край в историко-литературном отношении // *Экономика*. 1925. № 3. С. 54–59.
46. Богословский П.С. Сибирские путевые записки Радищева. Их историко-культурное и литературное значение // *Пермский краеведческий сборник*. Вып. 1. Пермь, 1924. С. 1–28.
47. Богумил Т.А., Куляпин А.И., Худенко Е.А. Геопэтика В.М. Шукшина: коллективная монография / науч. ред. А.И. Куляпин; АлтГПУ. Барнаул, 2017. 176 с.
48. Бушмаков А.В., Бушмакова Ю.В. Презентация города на почтовых открытках на примере Перми XX в. // *Вестник Пермского*

- национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2016. № 3 (23). С. 192–208.
49. В Парме: Путевые очерки рус. писателей о Перми и Прикамье / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н.Ф. Аверина. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 398 с.
50. Ваенская Е.Ю. Начальные этапы формирования соловецкого текста // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 308–326.
51. Венцлова Т. К сопоставлению вильнюсского и таллиннского текста // Семиотика города: материалы Третьих Лотмановских дней в Таллиннском университете. Таллин: Изд-во ТЛУ, 2014. С. 29–55.
52. Власов И. Дом с мезонином // Молодая гвардия. 1971. 18 июля. С. 2.
53. Власова Е.Г. В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX века // Литературное краеведение в школе: сб. науч.-метод. материалов / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 178–193.
54. Власова Е.Г. В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX в. // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и прим. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. VIII–XIX
55. Власова Е.Г. Е.А. Вердеревский (гл. 6.2.5) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 552–555.
56. Власова Е.Г. Визуальность в газетном травелоге конца XIX – начала XX в. (по материалам уральской периодики) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 1. С. 112–116.

57. Власова Е.Г. Газетная литература конца XIX – начала XX в. в провинции: по материалам пермской периодики // I-формат. Журналистика провинции: науч.-публ. альманах. Ставрополь, 2008. Вып. 4. С. 134–139.
58. Власова Е. Г. «Газетная» литература конца XIX – начала XX века (по материалам «Пермских губернских ведомостей») // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. С. 54–63.
59. Власова Е.Г. «Географически в Азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелоге XIX века // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 4 (21). С. 85–96.
60. Власова Е.Г. Географические параметры путешествия и образ пространства: на материале уральского травелога XVIII – начала XX века // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. С. 207–214.
61. Власова Е.Г. «Дорожная литература» Перми начала XX века: место и стратегии повествования // Литература Урала: история и современность. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2008. С. 306–312.
62. Власова Е.Г. «Дорожная литература» Перми начала XX в.: стратегии повествования // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. С. 153–163.

63. Власова Е.Г. «Дорожные дискурсы» уральского травелога XVIII – начала XX вв. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 115–121.
64. Власова Е.Г. Ермак как произведение уральского ландшафта (на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о Ермаке // География и туризм. 2018. № 1. С. 113–117.
65. Власова Е.Г. К северным рекам: А.П. Чехов во Всеволодо-Вильве // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры. Книга очерков. СПб., 2008. С. 158–169.
66. Власова Е.Г. Кама на литературной карте Урала (по материалам уральских травелогов XIX – начала XX века) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2023. Т. 33, № 4. С. 858–866.
67. Власова Е.Г. С.А. Кельцев (гл. 6.2.9) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 577–581.
68. Власова Е.Г. Книга как часть кроссмедийного научно-популярного проекта: современное переиздание «Дорожных записок на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П.И. Мельникова-Печерского // Филология в XXI веке. 2018. № 1. С. 289–293.
69. Власова Е.Г. Колористические маркеры природных и городских ландшафтов Урала в травелогах XIX века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. № 2 (41). С. 7–18.
70. Власова Е.Г. Коми-пермяцкий дискурс в российской периодике XIX – начала XX вв. // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография. 2-е изд., доп. / Урал. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина Екатеринбург, 2016. С. 68–84.
71. Власова Е.Г. Коми-пермяцкий дискурс в российской периодике XIX – начала XX вв. // Пермские литературы в контексте финно-угорской

- культуры и русской словесности: коллективная монография / Т.Г. Владыкина, В.М. Ванюшев, А.Е. Загребин [и др.]; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Удмурт. Ин-т истории, языка и литературы УрО РАН; Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 68–84.
72. Власова Е.Г. Литературная карта Урала в путевой очеркистике Д.Н. Мамина-Сибиряка // Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка и современный мир: монография. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2024. С. 27–40.
73. Власова Е.Г. Литературное картирование в исследованиях травелогов // Медиалингвистика: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 года / отв. ред. А.А. Малышев; Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербург. гос. ун-та. СПб., 2017. Вып. 6. С. 148–150.
74. Власова Е.Г. Д.Н. Мамин-Сибиряк (гл. 6.2.6) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 555–561.
75. Власова Е.Г. Маршруты путешествий и особенности формирования образа пространства в уральском травелогге конца XVIII – начала XX в. // Лабиринт. 2015. № 1. С. 57–65.
76. Власова Е.Г. П.И. Мельников-Печерский (гл. 6.2.3) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 538–545.
77. Власова Е.Г. «Мы склонны больше изучать чужие земли, чужие народы, а на свое родное мало обращаем внимания»: «дорожная» литература Перми начала XX века // По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX – начала XX века / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2023. С. 3–10.

78. Власова Е.Г. Нарративизация пространства в первых путеводителях по Уралу // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 175–188.
79. Власова Е.Г. Образ Урала в путевых записках, дневниках, письмах, воспоминаниях русских писателей (гл. 6.1) / Е.Г. Власова, К.В. Анисимов // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 515–520.
80. Власова Е.Г. Пермь о пермяках: коми-пермяки в изображении русской периодики Перми XIX – начала XX в. // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 5. Национальные образы мира в региональной проекции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 81–90.
81. Власова Е.Г. Патерналистское и центробежное в национальной самоидентификации русских на Урале (по материалам российской периодики XIX в.) // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов Междунар. науч. конф. в Риге (21.02–22.02.2013) и Пскове (05.12–07.12.2013), посвященных проблемам пограничья, Рига–Псков, 21–22 февраля 2013 года / Псков. гос. ун-т. Рига; Псков, 2015. С. 198–206.
82. Власова Е.Г. «Представлялись глазам нашим чудные картины...»: открытие Урала в путевых очерках П.И. Мельникова-Печерского // Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь; отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2017. С. 4–13.
83. Власова Е.Г. Путешествие в истории уральской геопоэтики // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 08 апреля 2013 года / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 134–142.
84. Власова Е.Г. Река и Гора в репрезентациях Урала XIX – начала XX в. (по материалам путевой очеркистики) // Река и Гора: локальные

- дискурсы: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» (Пермь, 29–30 октября 2009 г.) / отв. ред. В.В. Абашев, сост. Е.Г. Власова; Пермский гос. ун-т; Лаб. политики культурного наследия. Пермь, 2009. С. 59–69.
85. Власова Е.Г. Сибирский тракт на литературной карте Урала: по материалам уральских травелогов XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 2/2. С. 147–151.
86. Власова Е.Г. Создание литературной карты Урала в путевой очеркистике Д. Н. Мамина-Сибиряка // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1821–1835.
87. Власова Е.Г. Сплав по реке в структуре дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII–XIX веков // Труды Русской антропологической школы. Вып. 13. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 101–111.
88. Власова Е.Г. Средства коммуникации и травелог: на материале уральского травелога XVIII – начала XX в // Медиалингвистика: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., Варна, Болгария, 06–09 сентября 2016 года. Вып. 5 / Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербург. гос. ун-та. Варна, 2016. С. 237–238.
89. Власова Е.Г. Травелог как тип медиатекста («Язык в координатах массмедиа»: итоги конференции) // Медиалингвистика. 2016. № 4(14). С. 147–148.
90. Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. [Электронный ресурс] // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 2. С. 159–171. URL: <https://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73> (дата обращения: 30.04.2024).

91. Власова Е.Г. Урал в газетном травелоге С.А. Кельцева // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 32–39.
92. Власова Е.Г. Урал в путевых очерках П.И. Мельникова-Печерского и Д.Н. Мамина-Сибиряка: взгляд извне и изнутри // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 108–113.
93. Власова Е.Г. Урал в путевых письмах А.П. Чехова: впечатления и творческие проекции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). С. 118–130.
94. Власова Е.Г. Урал в репортажных почтовых открытках конца XIX – начала XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 6-2. С. 165–168.
95. Власова Е.Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, № 2. С. 64–71.
96. Власова Е.Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Культура путешествий в Серебряном веке: исследования и рецепции: коллективная монография. Екатеринбург; М.: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2020. С. 249–258.
97. Власова Е.Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX – начала XX в. // Эволюция жанров в литературе Урала XVII – XX вв. в контексте общероссийских процессов / отв. ред. акад. В.В. Алексеев; УрО РАН. Екатеринбург, 2010. С. 287–307.
98. Власова Е.Г. Цифровое картирование в исследовании и преподавании журналистики // Журналистика и массовая коммуникация в XXI веке: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. К 20-летию журналистского образования в Пермском крае, 100-летию пермской краевой газеты «Звезда» и 60-летию Пермской организации Союза журналистов России / под ред. Г.В. Куличкиной. 2017. С. 169–179.

99. Власова Е.Г. А.П. Чехов (гл. 6.2.8) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 572–577.
100. Власова Е.Г. Чудь в «ученых» путешествиях по Уралу конца XVIII в. // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 2. Пермь, 2010. С. 58–64.
101. Власова Е.Г. Экфрасис как прием создания образа пространства (на материале уральских травелогов XIX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 8. С. 133–137.
102. Власова Е.Г. Юмористические прогулки по городу как жанр городской газеты конца XIX – начала XX в. (на материале пермской периодики) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 7. С. 154–156.
103. Власова Е.Г. Little man: С.А. Ильин на «посту» городского поэта конца XIX – начала XX века // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография / под общ. ред. Е.К. Созиной, Т.А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 353–362.
104. Власова Е.Г., Абашев В.В. Визуальные доминанты Урала в путеводителях и почтовых открытках конца XIX – начала XX в. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 16, № 3. С. 84–95.
105. Власова Е.Г., Ведерников А.П. Травелог в истории литературного открытия урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 143–149.
106. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 560 с.

107. Гаврилина Л.М. Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 104–111.
108. Гаврилина Л.М. Топофилия современной культуры и пространственный поворот в социально-гуманитарном знании // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 28–34.
109. Галимова Е.Ш. Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы. Архангельск: КИРА, 2013. 128 с.
110. Галимова Е.Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129.
111. Галимова Е.Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: в 2 т. / Моск. гум. ин-т. М., 2012. Т. 1. С. 186–193.
112. Гейне Г. Лютеция: Статьи о политике, искусстве и народной жизни / пер. А.В. Федорова, под ред. А.И. Дейча // Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1958. 394 с.
113. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: тр. Лозан. симп. / Université de Lausanne; под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5–22.
114. Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты / сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 673 с.
115. Гладышев В.Ф. Чехов и Пермь: Легенда о трех сестрах. Пермь: Книжный мир, 2008. 176 с.

116. Гоголь Н.В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8. М.; Л., 1952. С. 156–176.
117. Гоголь Н.В. Мертвые души. Том первый // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 6. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 923 с.
118. Голованов В. Литературный ландшафт России [Электронный ресурс] // РУССКИЙ МИР.RU. 1 февраля 2014. URL: <https://m.rusmir.media/2014/02/01/landshaft> (дата обращения: 30.04.2024).
119. Головнёва Е.В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре: на материале Сибирского региона: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2018. 340 с.
120. Головнёва Е.В., Мартишина Н.И. Владивосток в видовых открытках из коллекции Б.В. Августовского // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2021. № 1. С. 91–105. doi: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-91-105>
121. Голубь О.С., Тимофеева Т.С., Озерина А.А. Визуальный образ города как когнитивно-аффективный городской идентичности // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2019. № 1 (18). С. 99–103.
122. Горелова Ю.Р. Образ города в восприятии горожа / Рос. Науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. М., 2019. 154 с.
123. Гольдфарб С.И. Газетное дело Сибири: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003. 77 с.
124. Грибер Ю.А. Многоцветная открытка как источник изучения колористики города начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (3). С. 68–72.

125. Гревс И.М. Очередные задачи краевого культуроведения // Краеведение. 1928. Т. V, № 6. С. 368–376.
126. Груздева А. Йен Фрейзер: «Травелог работает в масштабе человека» [Электронный ресурс] // Siburbia. 2013. 13 ноября. URL: <http://siburbia.ru/geo/yen-freyzer-travelog-rabotaet-v-masshtabe-cheloveka> (дата обращения: 30.04.2024).
127. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
128. Гуминский В.М. Проблемы генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 184 с.
129. Данилкин Л. Капитанский сынок [Электронный ресурс] // Афиша. 2005. 23 августа. URL: <https://ivanproduction.ru/recenzii/zoloto-bunta/kapitanskij-syinok.html> (дата обращения: 30.04.2024).
130. Дворянова О. Три сестры из Перми // Личный интерес. 2000. № 4. С. 2–3.
131. Де Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 24–38.
132. Девятайкина Г.Л. Поэтика пространства и топонимический код в уральской прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.
133. Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <https://strana-oz.ru/2002/6/prostranstvennye-kody-russkosti-v-iskusstve-xix-veka> (дата обращения: 30.04.2024).
134. Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 310 с.
135. Десяткова О.В. Геопоэтический образ российской провинции в произведениях вятских ссыльных // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4. С. 132–136.

136. Дергачев И.А. Книги и судьбы: Страницы литературной жизни Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 207 с.
137. Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк: личность, творчество. 2-е изд. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 333 с.
138. Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 221 с.
139. Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х годов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 282 с.
140. Дергачев И.А. Пейзаж Д.Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Модификации художественных форм в литературном процессе: Д.Н. Мамин-Сибиряк – художник: сб. науч. тр. / отв. ред. Г.К. Щенников; Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1989. С. 38–56.
141. Добролюбов Н.А. Стихотворения первой молодости. От Зауралья до Закавказья Е. Вердеревского // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. Статьи и рецензии. Август 1857 – май 1858. М., 1962. С. 92.
142. Дюше К. Текст и внетекст // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 132.
143. Елепова М.Ю. Северный вектор в русской литературе первой трети XIX века // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 128–136.
144. Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг.: краткий очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 88 с.
145. Ерофеева Е.В., Кудлаева А.Н. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. Вып. 3 / отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. ун-т. Пермь, 2003. С. 28–36.

146. Зайонц Л.О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // *Russian Literature*. 2003. Vol. 53, iss. 2-3. P. 307–330. [https://doi.org/10.1016/S0304-3479\(03\)00018-8](https://doi.org/10.1016/S0304-3479(03)00018-8)
147. Замятин Д.Н. Гений и место: в поисках сокровенных пространств // *Проблемы теоретической и гуманитарной географии: сб. науч. ст., посвященный 80-летию Б.Б. Родомана*. М.: Ин-т Наследия, 2013. С. 308–332.
148. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике: книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. СПб.: Алетейя, 2020. 668 с.
149. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // *Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–50.
150. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // *Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / сост., отв. ред. Д.Н. Замятин*. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005. С. 276–322.
151. Замятин Д.Н. Метагеография и геопозтика // *Введение в геопозтику. Антология / сост. И. Сид; науч. ред. Е. Дайс*. М.: АртХаус медиа; Крымский клуб, 2013. С. 154–157.
152. Замятин Д.Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства // *Социологические исследования*. 2002. № 2. С. 12–22.
153. Замятин Д.Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации // *Социологический журнал*. 2002. № 2. С. 5
154. Заусаев А.А. Феномен пространства в путевых очерках П.В. Анненкова и В.П. Боткина: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2016. 166 с.
155. Захарова Е.А. Повседневные практики провинциальных туристов в Санкт-Петербурге и Москве на рубеже XIX–XX веков //

- Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 3. С. 14–23.
<https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.3.22993>
156. Злыднева Н.В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М.: Индрик, 2013. 360 с.
157. Золотарев С.А. Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы и историко-литературная карта России: (1661–1904). Петроград: Кн-во б. М.В. Попова, ценз. 1916. 8 с.
158. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе: литература и музыка. Н. Новгород: Деком, 2001. 167 с.
159. Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Вагриус, 2003. 365 с.
160. Иванов А. Ёбург / ред. Е. Шубина. М.: АСТ, 2014. 560 с.
161. Иванов Вяч.Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. Вып. XIX. Тарту, 1986. С. 7–24.
162. Иванова Н.В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: тематика, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 270 с.
163. Иванова Е.В. Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 16 с.
164. Иванова И.Н. Геопоэтика новейшей отечественной литературы: опыты художественного освоения городского пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2015. № 8. Ч. 2. С. 80–85.
165. Иванова Н.В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 271 с.
166. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / науч. руководство, ред П. А. Зайончковского. Т. 1. XV–XVIII века. М.: Книга, 1976. 303 с.

167. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / науч. руководство, ред. П.А. Зайончковского. Т. 2. Ч. 2. 1801–1856. М.: Книга, 1978. 343 с.
168. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / науч. руководство, ред. П.А. Зайончковского. Т. 3. Ч. 1. 1857–1894. М.: Книга, 1979. 383 с.
169. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / науч. руководство, ред. П.А. Зайончковского. Т. 4. Ч. 1. 1895–1917. М.: Книга, 1983. 369 с.
170. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / гл. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
171. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. Кн. 1. 664 с.: ил.; Кн. 2. 768 с.
172. История отечественной журналистики: проблемы региональной идентичности и периодическая печать XIX – начала XX века [Электронный ресурс]: учеб. пособие / сост.Е.Г. Власова, З.С. Антипина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Лаб. политики культурного наследия Перм. гос. нац. исслед.ун-та. Пермь, 2013. 340 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalistiki/istoriya_otech_zhurn.pdf (дата обращения: 30.04.2024).
173. История Урала до конца XIX века: учеб. пособие / Г.П. Головчанский, П.А. Корчагин, А.Ф. Мельничук [и др.].; науч. ред. Г.Н. Чагин; Перм. ун-т. Пермь, 2007. 153 с.
174. Итальяно Ф. Определение геопоэтики [Электронный ресурс] // TRANS. 2008. № 6. URL: <http://journals.openedition.org/trans/299> (дата обращения: 30.04.2024). <https://doi.org/10.4000/trans.299>

175. Каганский В.Л. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 2. М., 2001. С. 3–18.
176. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 574 с.
177. Калущков В.Н. Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // Географический вестник. 2021. № 3 (58). С. 74–91. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2021-3-74-91>
178. Камедина Л.В. Забайкальский текст в русской культуре // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2014. № 4. С. 139–145.
179. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 879 с.
180. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Ч. 1–6. М.: Университетская типография, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797–1801. Ч. 1. 1797. 294 с. Ч. 2. 1797. 309 с. Ч. 3. 1797. 299 с. Ч. 4. 1797. 309 с. Ч.5. 1801. 432 с. Ч. 6. 1801. 389 с. Ч. 6. 1801. 389 с.
181. Карасик В.И., Бейлинсон Л.С. Речевой жанр и речевое воздействие // Ученые записки. 2010. № 1. С. 123–126.
182. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв.: монография / под ред. д-ра ист. наук, проф. Е.И. Соловьёвой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. 372 с.
183. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
184. Клочкова Ю.В. Образ Екатеринбурга/Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.

185. Книппер-Чехова О.Л. О А.П. Чехове // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. С. 612–632.
186. Ковалева Е.А. Элементы «железнодорожного дискурса» в поэзии серебряного века: лексический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.
187. Колодий В.В. Визуальность как феномен и ее влияние на социальное познание и социальные практики: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2011. 27 с.
188. Колосов А.А. Уточнение критериев фотожурналистики как способ оптимизации визуальной коммуникации // Акценты. 2006. № 1-2. С. 17–27; 24
189. Кораблев А.А. К вопросу о движении и продвижении понятия «геопэтика» // Филологические исследования: сб. науч. работ. Вып. 14. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. С. 297–304.
190. Корепанова С.А. У истоков традиции. К 120-летию Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки // Наука. Общество. Человек: Вестник Урал. отд-ния РАН. 2007. № 3 (21). С. 3–9
191. Красноперов Д.А. Правда и вымысел некоторых пермских мифов // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Вып. 3 / Перм. обл. универс. б-ка им. А.М. Горького. Пермь, 2001. С. 144–146.
192. Кругляшова В.П. Жанры сказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора: учеб. пособие по спецкурсу для студ. филол. фак-та / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1974. 166 с.
193. Крэри Д. Техники наблюдателя. Видение и современность в XIX веке. М.: V-A-C press, 2014. 249 с.
194. Кубасов А.Я. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. 399 с.
195. Культура путешествий в Серебряном веке: исследования и рецепции: коллективная монография / Ин-т истории и археологии

- УрО РАН. Екатеринбург; М.: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2020. 300 с.
196. Кунгурцева Н.А. Типология пространства в раннем творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка (1875–1882): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.
197. Кунгурцева Н.А. Этнокультурный образ реки Чусовой в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3 (65). Гуманитарные науки. Сер. 5. С. 137–143.
198. Лагунова О.К. Память как скрепа топики в онтологической прозе народов Северной Азии последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) // Геопозитика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст. / отв. ред. А.И. Куляпин / АлтГПУ. Барнаул, 2016. С. 66–80
199. Лебедева А.В. Телесность как основание и феномен культуры: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2006. 198 с.
200. Летенков Э.В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.
201. Летопись Сибирская краткая Кунгурская // Летописи сибирские / сост. Е.И. Дергачева-Скоп. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. С. 249–265.
202. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. М., 1982. 328 с.
203. Литературная география России: атлас-справочник / науч. ред. Ю.А. Веденин, В.Н. Калущков. М: Изд-во Моск. ун-та, 2022. 295 с.
204. Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв.: коллективная монография / УрО РАН. Екатеринбург: Издательский дом «Союз писателей», 2006. 334 с.

205. Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография / под общ. ред. Е.К. Созиной, Т.А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 424 с.
206. Литовская М.А. Проблемы формирования региональной мифологии: проект Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь, 2006. С. 188–196.
207. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам 2. Ученые записки ТГУ. Вып. 181. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1965. С. 210–216
208. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С.30–45.
209. Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. СПб., 1993. С.84–94.
210. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб., 2000. 704 с.
211. Люсый А.П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2003. 20 с.
212. Люсый А.П. Русская литература как система локальных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Вологда, 2017. 27 с.
213. Макашина Л.П. Легальная печать и публицистика Урала в 1907–1917 гг.: Текст лекций. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 52 с.
214. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2003. 464 с.
215. Малевич о себе. Современники о Малевиче: письма. документы. воспоминания. критика: в 2 т. Т. 2 / авт.-сост.: И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. М.: РА, 2004. 679 с.

216. Мандельштам О. Читая Палласа // Мандельштам О. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 464.
217. Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2007. 104 с.
218. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. 392 с.
219. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: учеб. пособие / НГПУ. Новосибирск, 2003. 170 с.
220. Мельников-Печерский П.И. Автобиография П.И. Мельникова // Мельников-Печерский П.И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1963. С. 318–327.
221. Мельникова А.В. Уральский ландшафт в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка первой половины 1880-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1–2. С. 190–193.
222. Менделеев Д.И. К познанию России. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. 156 с.
223. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. М.: Ювента: Наука, 1999. 608 с.
224. Метелев П. Как я фотографировал писателя // Березниковский рабочий. 1960. 29 января. С. 3.
225. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Путешествия по российским рекам: травелог нового времени // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 106–116. DOI 10.15826/qr.2015.2.098
226. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2013. 176 с.
227. Милюкова Е.В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 347–361.

228. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX веков: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 199 с.
229. Михайлюк В.М. Пермская шкатулка: Пермь и Пермский край в судьбе России. Пермь: Пермские новости, 2007. 320 с.
230. Мозжегоров С.В. Методологические основания сторителлинга в контексте исследования личностных нарративов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2016. № 37. С. 104–125.
231. Морозова М.М. Зарубежная литературная география: основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 150–156.
232. Морозова М.М. Литературная география в XXI веке: новые подходы и возможности // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 3А. С. 163–171. DOI: 10.34670/AR.2021.87.50.022
233. Морозова М.М. О литературных картах США // Псковский регионологический журнал. 2018. № 2 (34). С. 117–132.
234. Морозова Н.Г. Экфрасис в прозе русского романтизма: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 210 с.
235. Новые книги // Отечественные записки. 1877. № 3. С. 96–99.
236. Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 335 с.
237. О.Т.В. Из литературных наблюдений // Русская мысль. 1897. № 1. С. 171–175.
238. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии / П. Бурдые, Л. Болтански, Р. Кастель, Ж.-К. Шамборедон; пер. с фр. Б.М. Скуратова; послесл. А.Т. Бикбова. М.: Праксис, 2014. 456 с.

239. Ожгибесова К. Большой души человек // Березниковский рабочий. 1960. 29 января. С. 3.
240. Осипова Н.В. Вятский текст в культурном контексте [Электронный ресурс] // Бинокль. – Вятский культурный журнал. 2002. № 16. URL: <https://binokl-vyatka.narod.ru/B16/osip.htm> (дата обращения: 30.04.2024).
241. Останин С. Тропа Ермака [Электронный ресурс] // Проза.ру. 2011. 16 июня. URL: <https://www.proza.ru/2011/06/16/729> (дата обращения: 30.04.2024).
242. П.П. Бажов в меняющемся мире: монография / М.А. Литовская, Е.К. Созина, Е.Е. Приказчикова [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 261 с.
243. Павлова Л.В., Романова И.В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» [Электронный ресурс] // Litera. 2022. № 12. С. 20–32. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39276 (дата обращения: 6.03.2023). DOI: 10.25136/2409-8698.2022.12.39276
244. Пастернак Б. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. Повести; Статьи; Очерки. М.: Худ. лит., 1991. 910 с.
245. Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / науч. ред. Т.А. Снигирева, Е.К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 556 с.
246. Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности : коллективная монография / В.М. Ванюшев, В.А. Лимерова, Т.А. Снигирева [и др.]. 2-е изд., доп. / Урал. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016. 630 с.
247. Пиксанов Н. К. Областные литературы, литературное областничество: Историко-краеведный семинар. М.; Л., 1928. 148 с.

248. Пиксанов Н.К. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. СПб.: Тип. им. М.А. Александрова, 1913. 47 с.
249. Пиксанов Н.К. Два века русской литературы. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923. 208 с.
250. По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и прим. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. 296 с.
251. Подлубнова Ю.С. Газетный литератор в провинциальной прессе конца XIX – первой трети XX в. (на материале уральской печати) // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография / под общ. ред. Е.К. Созиной, Т.А. Снигиревой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 331–352.
252. Пономарёв Е.Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. 577 с.
253. Пономарёв Е.Р. Травелог vs путевой очерк: постколониализм российского извода [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 562–580. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (дата обращения: 30.03.2024).
254. Попова Е.А. Динамика Провинциального (Липецкого) сверхтекста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 1. С. 68–70.
255. Потапенко И.Н. Несколько лет с А.П. Чеховым (К 10-летию со дня его кончины) // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. С. 295–349.

256. Путеводитель по Свердловской области [Электронный ресурс].
URL: https://crt.gotoural.com/tourist_attractions/275?ysclid=lv54415111820010487 (дата обращения: 30.04.2024).
257. Пушкин А.С. Письмо В.Д. Вольховскому от 22 июля 1835 г. из Петербурга в Тифлис // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 10. Л., 1979. С. 442.
258. Пьянков И.В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон. 2005. Т. III. С. 15–35.
259. Разумова И.А. «...Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 324–334.
260. Ребель Г.В. Уроки географа [Электронный ресурс] // Литература. 2006. № 12. URL: https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200601218_ (дата обращения: 30.04.2024).
261. Решетова А.А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII вв. (история развития и жанровое своеобразие): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 480 с.
262. Трэвел-медиа-текст: способы и приемы речепорождения: учеб.-метод. пособие / С.-Петерб. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и масс. Коммуникаций. СПб., 2013. 74 с.
263. Река и Гора: локальные дискурсы: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» (Пермь, 29–30 октября 2009 г.) / отв. ред. В.В. Абашев, сост. Е.Г. Власова; Пермский гос. ун-т; Лаб. политики культурного наследия. Пермь, 2009. 176 с.
264. Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 223–242.

265. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Травелог: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2021. 266 с.
266. Руцинская И.И. Путеводитель как феномен массовой культуры: Образы рос. регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX в. М.: ЛЕНАНД, 2014. 285 с.
267. Руцинская И.И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011а. Вып. 1. С. 74–93.
268. Руцинская И.И. Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX – начала XX вв.: региональный масштаб // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество, и культура. Кн. 4 / отв. ред. Я.А. Максимов; Научно-инновационный центр. Красноярск, 2011б. С. 16–42.
269. Руцинская И.И. Урал в региональных путеводителях второй половины XIX – начала XX века // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. Вып. 2. М.: КДУ, Университетская книга, 2018. С. 133–135.
270. Савочкина Е.А. Полевое моделирование речевого жанра (на материале рекламы товаров элитных брендов в приложении INSTAGRAM) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. № 5. С. 997–1004.
271. Савченко Т.Д. Литература путешествий о Кавказе второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 202 с.
272. Сакулин П.Н. Синтетическое построение литературы. М.: Мир, 1925. 118 с.

273. Сальникова Е.В. Феномен визуальности и эволюция визуальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2012. 52 с.
274. Сарбаш Л.Н. Концепт «Волга» в волжском травелоге XIX века // Горизонты цивилизации. 2018. № 9. С. 282–293.
275. Семенов В.Л. Пермские страницы биографии и творчества А.П. Чехова / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2005. 135 с.
276. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов; СФУ. Красноярск, 2010. 234 с.
277. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. 212 с. (Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. 10, вып. 2).
278. Серебров (Тихонов) А. О Чехове // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры: Книга очерков. СПб.: Маматов. С. 170–180.
279. Сид И. История понятия «геопэтика» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 11 (722). С. 153–170.
280. Сид И. «Власть Маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феноме // Институт «Русская антропологическая школа». Труды. Вып. 13 / РГГУ. М., 2013. С. 27–35; 27.
281. Силантьев И.В., Созина Е.К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–68.
282. Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л.: Знание, 1982. 32 с.
283. Созина Е.К. «Лицо» и «образ» автора в произведениях писателей Урала конца XIX – начала XX века // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 3: материалы III Всерос. науч.

- конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)»: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2007. С. 9–34.
284. Созина Е.К. Локальные тексты Урала // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А.Х. Гольденберга / отв. ред. Н.Е. Тропкина. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. С. 124–130.
285. Созина Е.К. Провинция в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова: топология судьбы // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 15–26.
286. Созина Е.К. Историко-культурный ландшафт Урала: к методологии исследования // Литература Урала: история и современность: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Вып. 6. Екатеринбург, 2011. С. 7–15.
287. Соловьева С.В. Прогулка как феномен легкости бытия // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 2 (12). С. 85–93.
288. Стасов В.В. Две художественные выставки // Стасов В.В. Статьи и заметки: в 2 т. Т. I. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1952. С. 38–48.
289. Степанов Н.Л. Письма Пушкина как литературный жанр // Проблемы современной филологии: сб. ст. к семидесятилетию академика В.В. Виноградова. М.: Наука, 1965. С. 450–456.
290. Строкин А. А.П.Чехов во Всеволодо-Вильве (Из истории) // Уральский кочегар. 1972. 27 мая. С. 2.

291. Сырова Ю.Н. А.М. Федоров: жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 16 с.
292. Тагрин Н.С. Мир в открытке. М.: Изобразительное искусство, 1978. 128 с.
293. Татищев В.Н. 1736. Общее географическое описание всея Сибири // Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 36–76.
294. Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка и современный мир: монография. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2024. 406 с.
295. Текст и карта: Урал в травелогах конца XVIII – начала XX в. [Электронный ресурс]: сб. ст. / сост. Е.Г. Власова, В.В. Абашев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Лаб. политики культурного наследия. Пермь, 2016. 185 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalistiki/textandmap2016.pdf (дата обращения: 30.04.2024).
296. Теленков А.В. Национальное самосознание русских во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Среднего Урала): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. 247 с.
297. Телешов Н.Д. А.П. Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1960. С. 473–492.
298. Территория как образ, который можно искусственно сконструировать в геокультуре: Беседа А. Ваганова с Д. Замятиным [Электронный ресурс] // Информационный выпуск РАН. 2012. № 46. 23 ноября – 30 ноября. URL: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=d55c952a-d31e-46a9-9aa4-3046729e50c4&ysclid=lvqx1fbwlk282346230> (дата обращения: 30.04.2024).
299. Толкачева И. Фоторепортаж XIX века: две войны [Электронный ресурс] // Photographer.ru. 2007. 17 июня. URL:

<https://www.photographer.ru/cult/history/750.htm?ysclid=lt74tglcuo703893197> (дата обращения: 29.02.2024).

300. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С.4–29.
301. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб.: Искусство – СПб., 2003. 616 с.
302. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. Москва: Наука, 1983. С. 227–285.
303. Троицки Н. Экфрасис – хамелеон литературоведения: Рецензия на книгу «Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения» (Седльце, 2018) // Slavica. 2020. Т. 1/49. С. 144–152.
304. Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: в 28 т. Письма: в 13 т. Т. X. М.; Л., 1965. С. 311.
305. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
306. Уайт К. Альбатросова скала: Введение в геопэотику / пер. с французского Василия Голованова. Paris: Grasset, 1994. 363 p.
307. Уваров М.С. Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор) // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 6–18.
308. Удалов С.В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: Пропаганда и реализация: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 236 с.
309. Федотова Н.Г. Культурный код города // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. № 4 (13). С. 10–24. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-1>
310. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

311. Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Оценка городской визуальной среды жителями южно-российских городов [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 155–159 URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250010022-7-1> (дата обращения: 31.03.2023). doi: 10.31857/S013216250010022-7
312. Флакер А. Освоение пространства поездом (заметки о железнодорожной прозе Б. Пастернака) // Slavica Tergestina. 2001. № 8. С. 219–225.
313. Фомичева Т.С. Проблемы состояния казенной горнозаводской промышленности Урала в конце XIX века в оценках современников // Вестник ЧелГУ. 2008. № 24. С. 41–52.
314. Фрейденберг О. Происхождение литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / Ин-т регион. культуры и литературовед. исслед. им. Францишка Карпиньского. Siedlce, 2018. С. 28–76.
315. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 402 с.
316. Цветаева М.И. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
317. Цивьян Т.В. Модель мира и ее роль в создании (аван)текста. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/tcivian2.htm> (дата обращения: 30.04.2024).
318. Чайкин А.И. Неожиданный спутник: Из воспоминаний старого пермяка // Календарь-справочник Пермской области за 1970 г. Пермь: Кн. изд-во, 1969. С. 55–56.
319. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / под ред. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.

320. Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры: автореф. ... канд. филос. наук. Томск, 2006. 20 с.
321. Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 гг. М., 2008. С. 247.
322. Черномор. «Дорожная» литература // ПГВ. 1914. 4 июля. С. 2.
323. Чернышева М.А. «Эта дорога должна вести в Сибирь»: международный дебют русского национального пейзажа // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 3 (32). С. 146–149.
324. Чибилев А.А. Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления [Электронный ресурс] // Сайт РГО. URL: <http://www.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya/> (дата обращения: 30.04.2024).
325. Шапинская Е.Н. К методологии исследований культуры: дискурсивный анализ [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2017. № 2. С. 88–97. URL: <http://www.cult-cult.ru/to-the-methodology-of-cultural-studies-discourse-analysis/?ysclid=lvqk6d90kf50794443> (дата обращения: 30.04.2024).
326. Шарц А. Чехов на Урале // Прикамье. Альманах Перм. отд. Союза писателей. № 28. Пермь, 1960. С. 50–55.
327. Ширина В.И. Геопозитика и ее понимание в филологии // Лингвистика. Семиотика. Метапозитика: науч. сб. Вып. 1 (14) / СКФУ. Ставрополь: Дизайн-студия Б., 2014. С. 374–380.
328. Шкерин В. Золотая лодка на берегах Сылвы: Неизвестный поход Ермакова воинства // Родина. 2001. № 11. С. 34–36.
329. Щеглов Д.А. Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации // Аристей. Классическая филология и античная история. 2010. Т.1. С. 9–34.
330. Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / отв. ред. акад. В.В. Алексеев; УрО РАН. Екатеринбург, 2010. 552 с.

331. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с..
332. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. 212 с.
333. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.
334. Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad Marginem, 2000. 288 с.
335. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы Междунар. науч. конф., Иркутск, 24–26 сентября 2004 г. / Иркутск. гос. ун-т. Иркутск, 2004. С. 227–235.
336. Я увез из Перми воспоминание...: Письма, дневники, воспоминания рус. писателей, связ. с Перм. Прикамьем / сост. Д. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. 286 с.
337. Ярцева А.В. Открытое письмо в России. Художественные открытки конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека: сайт. URL: <https://expositions.nlr.ru/ve/RA5507/otkrytoe-pismo> (дата обращения: 30.04.2024).
338. Ястребов Е. Древние дороги Урала // Уральский следопыт. 1990. № 12. С. 76–77.
339. Armstrong D. Managing by Storying Around: A New Method of Leadership. New York : Currency/Doubleday, 1992.
340. Bruner J. Life as Narrative // Social Research: An International Quarterly. 2004. № 71 (3). P. 691–710.
341. Durgan J.M. Color, the Visual Arts, and Representations of Otherness in the Victorian Novel: PhD diss. Texas A&M University, 2012. 347 p.

342. Editorial / A. Neal, D. Cooper, S. Hones [et al.] // *Literary Geographies*. 2015. № I. P. 1. URL: <http://www.literarygeographies.net/index.php/LitGeogs>.
343. Hones Sh. *Literary Geography*. New York: Routledge, 2022. 200 p.
344. Kalinowska I. *Between East and West: Polish and Russian Nineteenth-Century Travel to the Orient*. Rochester, 2004. 200 p.
345. Lefebvre H. *Production of space*. Oxford: Blackwell, 1991. 450 p.
346. Harvey D. *Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development*. London: Verso, 2006. 154 p.
347. *Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction* / B. Piatti, H.R. Bär, A.K. Reuschel [et al.] // *Literary mapping in the digital age*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2016. P. 179–194.
348. Moretti F. *The Atlas of European Novel. 1800–1900*. London-New-York: Verso, 1998. 206 p.
349. Olson J., McAlexander J., Roberts S. The impact of the visual content of advertisements upon the perceived vacation experience // *Tourism Services Marketing: Advances in Theory and Practice. Proceedings of the Special Conference on Tourism Services Marketing* / By ed. Benoy W. J., Moutinho L., Vernon I. Cleveland, OH: Cleveland State University, 1986. P. 260–269.
350. Plumwood V. *Feminism and the Mastery of Nature*. London: Routledge, 1993. 250 p.
351. Ridanpää J. *Imaginative Regions* // *The Routledge Handbook of Literature and Space*. London: Routledge, 2017. P. 187–194.
352. Soja E. W. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Malden, MA, Oxford, Melbourne, Berlin: Blackwell Publishing, 2000. 440 p.
353. Soja E. W. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places*. Oxford: Basil Blackwell, 1996. 334 p.

354. Strahlenberg Ph.J. *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Rußische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellet, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreißigerley Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario.* Stockholm: in Verlegung des Autoris, 1730. 438 p.
355. Tuan Yi-Fu. *Topophilia.* Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1974. 260 p.
356. Tuan Yi-Fu. *Space and Place: the Perspective of Experience.* Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, 1977. 235 p.
357. Urry J., Larsen J. *The Tourist Gaze 3.0.* Los Angeles; London: Sage, 2011. 282 p.
358. Sharp W. *Literary geography.* London: Offices of the Pall Mall Publications, 1907. 248 p.
359. Schimmelpennick van der Oye D. *Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration.* Yale, 2010. 298 p.
360. Schivelbusch W. *The Railway Journey: The Industrialization of Time and Space in the 19-th century.* Berkeley, 1986. 203 p.
361. Smith S. *Moving Lives. Twentieth-Century Women's Travel Writing.* Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2001. 240 p.
362. Van Dijk T.A. *Some aspects of text grammars.* The Hague: Mouton, 1972. 377 p.
363. Van Dijk T.A. ed. *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction.* Vol. 1, 2. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1997. P. 1–34.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ОТРАЖЕНЫ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Власова Е.Г. Визуальность в газетном травелоге конца XIX – начала XX в. (по материалам уральской периодики) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 1. С. 112–116.
2. Власова Е.Г. Визуальные доминанты Урала в путеводителях и почтовых открытках конца XIX – начала XX в. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 16, № 3. С. 84–95.
3. Власова Е.Г. «Географически в азии»: десемiotизация евро-азиатской границы в уральском травелоге XIX века // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 4 (21). С. 85–96.
4. Власова Е.Г. «Дорожные дискурсы» уральского травелога XVIII – начала XX вв. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 115–121.
5. Власова Е.Г. Кама на литературной карте Урала (по материалам уральских травелогов XIX – начала XX века) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2023. Т. 33, № 4. С. 858–866.
6. Власова Е.Г. Колористические маркеры природных и городских ландшафтов Урала в травелогах XIX века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. № 2 (41). С. 7–18.

7. Власова Е.Г. Нарративизация пространства в первых путеводителях по Уралу // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 175–188.
8. Власова Е.Г. Сибирский тракт на литературной карте Урала: по материалам уральских травелогов XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 2/2. С. 147–151.
9. Власова Е.Г. Создание литературной карты Урала в путевой очеркестике Д.Н. Мамина-Сибиряка // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1821–1835.
10. Власова Е.Г., Ведерников А.П. Травелог в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 143–149.
11. Власова Е.Г. Урал в газетном травелогe С.А. Кельцева // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 32–39.
12. Власова Е.Г. Урал в путевых очерках П.И. Мельникова-Печерского и Д.Н. Мамина-Сибиряка: взгляд извне и изнутри // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 108–113.
13. Власова Е.Г. Урал в путевых письмах А.П. Чехова: впечатления и творческие проекции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). С. 118–130.
14. Власова Е.Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 2. С. 64–71.
15. Власова Е.Г. Урал в репортажных почтовых открытках конца XIX – начала XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2024. №6-2. С.165–168.
16. Власова Е.Г. Экфрасис как прием создания образа пространства (на материале уральских травелогов XIX в.) // Современная наука:

актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 8. С. 133–137.

17. Власова Е.Г. Юмористические прогулки по городу как жанр городской газеты конца XIX – начала XX в. (на материале пермской периодики) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2024. № 7. С. 154–156.

Коллективные монографии:

18. Власова Е.Г. «Газетная» литература конца XIX – начала XX века (по материалам «Пермских губернских ведомостей») // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. С. 54–63.
19. Власова Е.Г. «Дорожная литература» Перми начала XX в.: стратегии повествования // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. С. 153–163.
20. Власова Е.Г. Образ Урала в путевых записках, дневниках, письмах, воспоминаниях русских писателей (гл. 6.1) / Е.Г. Власова, К.В. Анисимов // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 515–520.
21. Власова Е.Г. П.И. Мельников-Печерский (гл. 6.2.3) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 538–545.
22. Власова Е.Г. Е.А. Вердеревский (гл. 6.2.5) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 552–555.

23. Власова Е.Г. Д.Н. Мамин-Сибиряк (гл. 6.2.6) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 555–561.
24. Власова Е.Г. А.П. Чехов (гл. 6.2.8) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 572–577.
25. Власова Е.Г. С.А. Кельцев (гл. 6.2.9) // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 577–581.
26. Власова Е.Г. Коми-пермяцкий дискурс в российской периодике XIX – начала XX вв. // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография. 2-е изд., доп. / Урал. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016. С. 68–84.
27. Власова Е.Г. Коми-пермяцкий дискурс в российской периодике XIX – начала XX вв. // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / Т.Г. Владыкина, В.М. Ванюшев, А.Е. Загребин [и др.]; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Удмурт. Ин-т истории, языка и литературы УрО РАН; Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 68–84.
28. Власова Е.Г. Литературная карта Урала в путевой очеркистике Д.Н. Мамина-Сибиряка // Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка и современный мир: монография. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2024. С. 27–40.
29. Власова Е.Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и тревелог // Культура путешествий в Серебряном веке: исследования и рецепции: коллективная монография. М.: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2020. С. 249–258.
30. Власова Е.Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX – начала XX в. // Эволюция жанров в литературе Урала XVII – XX вв. в

контексте общероссийских процессов / отв. ред. акад. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2010. С. 287–307.

31. Власова Е.Г. Little man: С.А. Ильин на «посту» городского поэта конца XIX – начала XX в. // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. С. 353–362.

Учебные пособия:

32. История отечественной журналистики. Проблемы региональной идентичности и периодическая печать XIX – XX века: учеб. пособие / сост. Е.Г. Власова, З.С. Антипина. Пермь, 2013. 340 с.

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций (РИНЦ):

33. Власова Е.Г. В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX века // Литературное краеведение в школе: сб. науч.-метод. материалов / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 178–193.
34. Власова Е.Г. Газетная литература конца XIX – начала XX в. в провинции: по материалам пермской периодики // I-формат. Журналистика провинции: науч.-публ. альманах. Ставрополь, 2008. Вып. 4. С. 134–139.
35. Власова Е.Г. Географические параметры путешествия и образ пространства: на материале уральского травелога XVIII – начала XX в. // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. Пермь, 2014. С. 207–214.
36. Власова Е.Г. «Дорожная литература» Перми начала XX века: место и стратегии повествования // Литература Урала: история и

- современность. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2008. С. 306–312.
37. Власова Е.Г. Ермак как произведение уральского ландшафта (на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о Ермаке) // География и туризм. 2018. № 1. С. 113–117.
38. Власова Е.Г. К северным рекам: А.П. Чехов во Всеволодо-Вильве // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры. Книга очерков. СПб., 2008. С. 158–169.
39. Власова Е.Г. Книга как часть кроссмедийного научно-популярного проекта: современное переиздание «Дорожных записок на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П.И. Мельникова-Печерского // Филология в XXI веке. 2018. № 1. С. 289–293.
40. Власова Е.Г. Литературное картирование в исследованиях травелогов // Медиалингвистика: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 года / отв. ред. А.А. Малышев; Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербург. гос. ун-та. СПб., 2017. Вып. 6. С. 148–150.
41. Власова Е.Г. Маршруты путешествий и особенности формирования образа пространства в уральском травелоге конца XVIII – начала XX в. // Лабиринт. 2015. № 1. С. 57–65.
42. Власова Е.Г. Патерналистское и центробежное в национальной самоидентификации русских на Урале (по материалам российской периодики XIX в.) // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов Междунар. науч. конф. в Риге (21.02–22.02.2013) и Пскове (05.12–07.12.2013), посвященных проблемам пограничья, Рига–Псков, 21–22 февраля 2013 г. / Псков. гос. ун-т. Рига; Псков, 2015. С. 198–206.
43. Власова Е.Г. Путешествие в истории уральской геопоэтики // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос.

- науч. конф., Пермь, 08 апреля 2013 года / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 134–142.
44. Власова Е.Г. Пермь о пермяках: коми-пермяки в изображении русской периодики Перми XIX – начала XX в. // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 81–90.
45. Власова Е.Г. Река и Гора в репрезентациях Урала XIX – начала XX в. (по материалам путевой очеркистики) // Река и Гора: локальные дискурсы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» (Пермь, 29–30 октября 2009 г.) / отв. ред. В.В. Абашев, сост. Е.Г. Власова; Пермский гос. ун-т; Лаб. политики культурного наследия. Пермь, 2009. С. 59–69.
46. Власова Е.Г. Сплав по реке в структуре дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII–XIX веков // Труды Русской антропологической школы. Вып. 13. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 101–111.
47. Власова Е.Г. Средства коммуникации и травелог: на материале уральского травелога XVIII – начала XX в // Медиалингвистика: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., Варна, Болгария, 06–09 сентября 2016 года. Вып. 5. / Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербург. гос. ун-та. Варна, 2016. С. 237–238.
48. Власова Е.Г. Травелог как тип медиатекста («Язык в координатах массмедиа»: итоги конференции) // Медиалингвистика. 2016. № 4 (14). С. 147–148.
49. Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. [Электронный ресурс] // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 2. С. 159–171. URL:

<http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73> (дата обращения: 30.04.2024).

50. Абашев В.В., Власова Е.Г. Цифровая картография в исследованиях литературы: опыт интерактивной карты по книге «Кама и Урал» В.И. Немировича-Данченко // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. Ч. 2. С. 7–10.
51. Власова Е.Г. Цифровое картирование в исследовании и преподавании журналистики // Журналистика и массовая коммуникация в XXI веке: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. К 20-летию журналистского образования в Пермском крае, 100-летию пермской краевой газеты «Звезда» и 60-летию Пермской организации Союза журналистов России / под ред. Г.В. Куличкиной. 2017. С. 169–179.
52. Власова Е.Г. Чудь в «ученых» путешествиях по Уралу конца XVIII в. // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Пермь, 2010. Вып. 2. С. 58–64.

Статьи в изданиях уральских травелогов:

53. Власова Е.Г. «Представлялись глазам нашим чудные картины...»: открытие Урала в путевых очерках П.И. Мельникова-Печерского // Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2017. С. 4–13.
54. Власова Е.Г. «Мы склонны больше изучать чужие земли, чужие народы, а на свое родное мало обращаем внимания»: «дорожная» литература Перми начала XX века // По предгорьям Урала: путевые очерки конца XIX – начала XX века / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2023. С. 3–10.

55. Власова Е.Г. В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX в. // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и прим. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. VIII–XIX.